В.И.РАССАДИН

МОРФОЛОГИЯ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
Бурятский институт общественных наук

В. И. РАССАДИН

МОРФОЛОГИЯ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1978

Монография представляет собой научную грамматику (морфологию) современного тофаларского языка – языка одного из малочисленных тюркоязычных народов – тофов. В книге приводятся сравнения с другими тюркскими языками и определяется место тофаларского языка среди тюркской семьи.

Ответственный редактор

доктор филологических наук
Л.Г. Шагдаров

Р 70103–323 / 042 (02) –78 452–78

© Издательство "Наука", 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа представляет собой первую в истории тюркологии попытку систематического синхронного монографического описания и сравнительного исследования одного из самых малочисленных и малоизученных тюркоязычных народов – тофаларов (тофов) и является продолжением изучения строя тофаларского языка, начатого нами в предыдущей работе[1].

Тофаларский язык не имеет своей письменности. На нем нет печатной литературы и письменных памятников, что существенно затрудняло его изучение. Для исследования языка нужно было прежде всего на месте записать со слов самих носителей необходимый лингвистический материал. До сих пор специально этим никто не занимался. В научной литературе имеются лишь единичные фрагментарные исследования по отдельным вопросам грамматики тофаларского языка – результат попутных сборов языковых данных, совершенных в прошлом столетии М.А. Кастреном и Н.Ф. Катановым. По современному тофаларскому языку тоже нет исследований, за исключением небольшой статьи П.Н. Дыренковой[2]. Предлагаемая работа ставит своей целью в какой-то мере восполнить этот пробел в тюркологии.

В основу работы лег языковой материал наших полевых записей тофаларского языка, собранный в ежегодных экспедициях за период с 1964 по 1976 гг. в местах расселения тофов: в поселках Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара Нижнеудинского р-на Иркутской области. Учитывались также материалы М.А. Кастрена, Н.Ф. Катанова и Н.П. Дыренковой, которые были проверены нами у носителей языка.

Задача исследования – дать в плане сопоставительной и ареальной лингвистики научную грамматику современного тофаларского языка, ввести в научный оборот тюркологии и алтаистики совершенно новые языковые факты и результаты их сравнительного анализа, имеющие немаловажное теоретическое значение, так как тофаларский язык сохранил ряд архаичных черт и промежуточных форм некоторых общетюркских грамматических категорий.

В данной работе в синхронном плане исследованы все знаменательные и служебные части речи тофаларского языка, их формо-

[1] *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
Дыренкова Н.П. Тофаларский язык. – В кн.: Тюркологические исследования. М.-Л., 1963.

образование, словообразование и словоизменение. Проведенное одновременно сравнительное исследование позволило выявить и в морфологии тофаларского языка общетюркский пласт, региональный саяно-алтайский пласт, архаичные черты, специфические особенности и иноязычное влияние.

При сборе данных по тофаларскому языку большую помощь оказали тофы С.Д. Кангараев, О.А. Кангараева, М.И. Холямоев, но главным образом Н.С. Баканаев, у которого был записан основной материал. Пользуясь случаем, приношу им свою глубокую благодарность.

Искреннюю признательность выражаю также рецензентам Д.М. Насилову, Н.И. Летягиной и С.Б. Будаеву за ценные советы и критические замечания при обсуждении рукописи и подготовке ее к печати.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Впервые описание морфологической структуры тофаларского языка было дано известным ученым XIX в., труды которого до сего времени не утратили своего научного значения, исследователем народов Сибири, лингвистом и этнологом М.А.Кастреном. Предприняв свое знаменитое путешествие по Сибири с целью изучения языков местных народов и племен, он посетил в 1849 г. и карагасов (дореволюционное название тофаларов. - *В.Р.*).

Весь собранный Кастреном карагасский языковой материал уже после кончины ученого был обобщен и издан акад. А. Шифнером, который, следуя гипотезе Кастрена, что языки карагасов и койбалов имеют одно происхождение, их описание дал в одной книге[1]. Основное внимание уделено койбальскому языку, описание фонетики и морфологии которого подробнее и иллюстративнее, чем карагасского языка. Материалы по карагасской грамматике даны более сжато и схематично. Объясняется это, видимо, меньшим количеством собранного материала по карагасскому языку. Образцы текстов ограничены лишь койбальским языком. В тюркско-немецком и немецко-тюркском словариках, приложенных к данной работе, находим свыше 1000 карагасских слов, приведенных вместе с койбальскими, качинскими и сойотскими, что позволяет читателю самому сравнить лексику этих языков.

Грамматика койбальского и карагасского языков дана по стереотипной схеме, применяемой в работах Кастрена, посвященных описанию других языков народов Сибири: енисейских остяков (кетов. - *В.Р.*), тунгусов (эвенков. - *В.Р.*) и бурят. После обширного введения издателя (в данном случае акад. А. Шифнера) дается фонетика - описание гласных и согласных звуков, идентификация их произношения с произношением звуков известных европейских языков, чередование звуков, ударение.

При описании морфологии койбальского и карагасского языков Кастрен придерживается схемы, применяемой для грамматик западных языков. Он описывает главным образом системы склонения и спряжения, части речи, которые принято выделять в европейских языках. Кроме того, приводится довольно боль-

[1] *Castrén M.A.* Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. Hrsg. von A. Schiefner. S.-Pb., 1857.

шой список постпозитивов и наречий обоих языков. Его карагасский материал в общем совпадает с современным тофаларским. Лишь несколько форм отсутствует в современном языке, это: вариант аффикса родительного падежа *-лиң*, дефектив на *-галак*, деепричастие на *-чжыкта*, деепричастие на *-ганша* (сейчас *-гыша*), причастие на *-дирган*, императив 1-го лица мн. числа на *-барбес*, сравнительная конструкция *брайсадан экке* 'лучше всех' (сейчас *тодусундэн экхі*), показатель *-ша* в сравнительно-уподобительной функции (сейчас вместо него в этом значении употребляется послелог *дэг*).

Хотя данные по грамматике карагасского языка, приведенные Кастреном, и схематичны, тем не менее мы имеем довольно стройное и последовательное исследование, дающее в общем правильное представление о морфологической системе тофаларского языка. Остается только сожалеть, что в этой работе не нашли отражения вопросы словообразования. Труд Кастрена по праву явился первой крупной вехой в истории изучения тофаларского языка.

Другим крупным исследователем тофаларского языка был Н.Ф. Катанов, совершивший в 1890 г. поездку к тофаларам. Он первый и единственный из дореволюционных ученых, кто записал на тофаларском языке и издал с переводом образцы различных жанров устного творчества тофов. Катанов записал 67 песен (536 стихов), 26 устных рассказов, 9 преданий о племени, 9 загадок, 29 сказок. Хотя Н.Ф. Катанов и собрал большой текстовой и словарный материал по тофаларскому языку, он не создал ни грамматики, ни словаря этого языка. Весь материал он использовал наравне с материалом по многим другим тюркским языкам при написании своей знаменитой грамматики тувинского языка[2]. Но тофаларский материал приводится не для всех тувинских форм, а те, которые даны, иллюстрируют лишь тувинские формы. Разумеется, что многие специфичные тофаларские формы, не имеющие параллелей в тувинском языке, здесь не учтены, поэтому приведенный в его работе тофаларский материал не может составить цельной и более или менее полной системы, отражающей грамматику тофаларского языка. Отдельные весьма интересные наблюдения и замечания о тофаларском языке, произношении некоторых звуков и употреблении и значении отдельных грамматических форм имеются в письмах к акад. В.В Радлову, отправленных Н.Ф.Катановым во время его путешествия в Сибирь и Восточный Туркестан[3].

Однако основным бесценным вкладом Н.Ф. Катанова в тюркологию являются его фольклорные тексты сибирских народов, в том числе и тофаларов. Почти все тофаларские тексты стали теперь уникальными. К сожалению, Н.Ф. Катанов несколько "отувинил" звуковой состав тофаларского языка, о чем нами уже говорилось[4].

Следующими хронологически являются записи 1930-х годов, произведенные Н.П. Дыренковой в Институте народов Севера в Ленинграде, где она вела занятия с группой учащихся-тофов. Результаты ее работы с тофаларским языком получили отражение в статье, которая была по ряду причин опубликована лишь в 1963 г.[5] В этой статье, помимо общих сведений о тофах, подробно освещена фонетическая сторона языка. Звуки даны во всех их оттенках. Но, к сожалению, и у нее осталась незамеченной фарингализация гласных, столь существенно влияющая на поведение последующих консонантов в потоке речи. Поэтому Н.П. Дыренкова вынуждена зачастую просто констатировать явление, не объясняя причин, почему в одних случаях оно наблюдается, а в других нет.

Н.П. Дыренкова дала также сжатый, но достоверный очерк морфологии тофаларского языка с элементами словообразования, причем охвачены почти все части речи. Эти материалы в какой-то мере дополняют грамматическую схему М.А. Кастрена, хотя и они из-за небольшого объема статьи (всего восемь страниц на морфологическую часть из 18 страниц всего объема) не могут, разумеется, дать полного представления о грамматическом строе тофаларского языка.

Кроме того, в статье произведен очень краткий общий анализ словарного состава и приложены два текста в фонетической записи с подстрочным переводом. Ее записи во многом совпадают с записями Кастрена и более реально представляют звучание тофаларской речи, нежели это дано у Н.Ф. Катанова.

Исследование тофаларского языка, охватывающее вопросы фонетики, морфологии и лексики, выполненное К. Менгесом, основано на материалах Кастрена и Катанова. При этом К.Менгес принимает тувинский и тофаларский языки за один язык туба и рассматривает их вместе[6].

Вот собственно и все, содержащее сведения о грамматике тофаларского языка, что где-либо и когда-либо было опубликовано.

Отсутствие словаря, а также полного монографического описания морфологической системы современного тофаларского языка, включая словообразование частей речи, до сих пор не позволяет широко привлекать тофаларский материал для сравнительно-исторических и обобщающе-теоретических исследований по тюркологии.

---

[2] См.: *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

[3] См.: Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана (приложение к LXXIII тому записок Импер. акад. наук, № 8). СПб., 1893 (изданы акад. В.В Радловым).

[4] См.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 13-14.

[5] *Дыренкова Н.П.* Тофаларский язык. - В кн.: Тюркологические исследования. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1963, с. 5-23.

[6] *Menges K.H.* Das Sojonische und Karagassische. - В кн.: Philologicae Turcicae Fundamenta, t. 1. Wiesbaden, 1959; *Он же.* Die türkischen Sprachen Süd-Sibiriens. III. Tuba (Sojon und Karagas). Zur Charakteristik einer einzelnen Sibirisch-türkischen Gruppe. - Central Asiatic Journal, 1959, vol. IV, N 2; vol. V, 2.

Современный тофаларский язык вместе с тувинским языком относят к уйгуро-тукюйской подгруппе уйгуро-огузской группы языков[7]. В ту же группу, кроме тофаларского и тувинского, включаются еще древнеогузский и древнеуйгурский языки. Это оправдывается сохранением в тофаларском языке ряда архаичных черт, что как раз и подтвердили наши исследования его фонетики и лексики. Архаичные же черты сохраняются и в грамматике. Кроме того, тофаларский язык содержит также промежуточные формы некоторых общетюркских грамматических категорий, что позволяет более точно определить их генезис и в некоторых случаях пересмотреть устоявшиеся точки зрения.

Кроме того, предполагается, что тофы - это потомки аборигенных кетских, а возможно и самодийских родов, воспринявших в свое время древнетюркский язык[8], в связи с чем исследование грамматического строя тофаларского языка позволило бы проследить, как этот строй усвоен не-тюрками и какова в нем доля субстрата, если он сохранился.

Все это делает исследование морфологии тофаларского языка весьма актуальным и имеющим немаловажное значение для тюркского языкознания.

В предлагаемой работе дано синхронное описание системы словообразования и словоизменения по частям речи с привлечением сравнительного материала по древним и современным тюркским языкам, а в случае необходимости и по соседним нетюркским, чтобы выявить в тофаларской морфологии общетюркские, локальнотюркские и древние элементы, черты субстрата, более позднее иноязычное влияние и выделить специфические особенности.

При подаче тофаларского материала использована практическая транскрипция на базе русской графики, для передачи специфических звуков тофаларского языка взяты знаки, применяемые в алфавитах других тюркских народов СССР. Разработана особая система транскрипции, точно отражающая реальное произношение тофаларского языка и в то же время предельно простая и удобная для технического исполнения. При необходимости эта транскрипция может составить основу тофаларской письменности.

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

В основу разработанной нами и применяемой здесь транскрипции положен фонематический принцип с элементами морфологического. Главенствующее значение фонетического принципа объясняется тем, что тофаларский язык не имеет своей письменности и поэтому нет сложившихся традиций письма. Люди уже привыкли при устном общении связывать определенное сочетание звуков с каким-либо смыслом и всякое нарушение этого сочетания вызовет просто непонимание. Например, значение 'мой камень' закреплено за звуковым комплексом *дачжым*, хотя отдельно 'камень' - *таш*; 'моя голова' - *баъһим*, 'голова' - *баъш*, 'откроет' - *аъһяр*, 'открой' - *аъш* и т.п. Примеров можно привести очень много, так как в тофаларском языке при изменении комбинаторных фонетических условий все звуки претерпевают значительные модификации. Применяя морфологический принцип следовало бы писать *ташым*, *баъшым*, *аъшар* и т.п., но тогда никто не понял бы.

В другом же случае, когда в небрежной речи отдельных индивидуумов происходит элизия слов и разрушение их фонетического облика, а при нормальной речи этого не случается, за типичное принималось нормальное произношение с учетом морфологического строения слова. Например, приходилось слышать у отдельных тофов *сарың* 'изюбрь', *каъһярлаң* 'медведь', *эккят* 'хороший конь', *ооду луг* 'очень большой', *узейткен* 'отсек', *долай* 'полная луна', *дораът* 'гнедой конь' и т.п. Но нормальное, общепринятое произношение этих примеров - *сарыг аң*, *каъһярарлыг аң*, *экки аът*, *оода улуг*, *узе эткен*, *долу ай*, *доруг аът*. Поэтому на письме принято соблюдать морфологическую целостность общепринятых форм. Этот же принцип соблюдается и при написании аналитических форм со служебными словами, например: *ачжа берген* 'перевалил' (хотя в быстрой речи произносят и *ачжа верген*), *аът бле* 'на коне' (хотя произносят *аът пле*).

Аффиксы же пишутся так, как они произносятся, с учетом ассимиляции, например: *һемге* 'на реку', *аътка* 'коню', *аътты* 'коня', *һемні* 'реку', *һөлну* 'озера', *аътта* 'у коня', *һемдэ* 'на реке', *һөлдэ* 'на озере'.

Для транскрипции нами принят весь русский алфавит: *а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я*. Для обозначения специфических тофаларских звуков введены дополнительные знаки *һ, ң, ө, у, ә, і*, принятые для обозначения соответствующих звуков в алфавитах тюркских языков СССР. Знаки *ц* и *щ* сохраняются для неадаптированных русских заимствований, в тофаларском языке соответствующих звуков нет. Адаптированные заимствования пишутся согласно нормам их произношения, например: *һольсоо* 'кольцо', *һляамэ* 'хлеб', *һуунтэ* 'фунт', *саакар* 'сахар', *һурпәә* 'крупа' и т.п.

Как нами ранее уже сообщалось[9], все гласные тофаларского языка в фонематическом аспекте делятся на два сингармонических ряда: твердый и мягкий. Для фонем этих двух рядов приняты разные знаки.

Другие фонематические аспекты тофаларских гласных - долгота, фарингализация и назализация - тоже находят свое отражение в принятой транскрипции. При этом краткий гласный обозначаем одной буквой, долгий - удвоенным написанием соответствующей буквы (*ас* 'заблудись' - *аас* 'рот', *ит* 'отправь' - *ыыт* 'звук', 'голос'), фарингализацию гласного

[7] См.: *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков, 2-е изд. М., "Высшая школа", 1969, с. 323.

[8] См.: *Рассадин В.И.* Этапы истории тофаларов по языковым данным. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11-13 мая 1969 г. Томск, 1969, с. 37.

[9] См.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 23.

обозначаем постановкой твердого знака ъ после соответствующей буквы (*аъс* 'повесь', *иът* 'собака', *баък* 'плохой' *туъп* 'найди'), при необходимости обозначить фонематическую назализацию гласного используем знак тильды (~), например: *э̃э̃рер* 'лаять', но *ээрер* 'крутить').

Чтобы точнее отразить произношение и избежать искажений при прочтении слов, мы предлагаем различать на письме гласные *и* и *і*. Согласные перед *и* всегда палатализуются, а перед *і* - остаются твердыми или чуть смягченными. Чтобы различить твердые и палатализованные (среднеязычные) согласные, мы дифференцируем также употребление *е* и *э*, *йэ*, *я* и *йа*, *ё* и *йо*, *ю* и *йу*. При этом *е*, *я*, *ё*, *ю* используются только для обозначения предыдущего палатализованного или среднеязычного согласного, в случае долготы гласного употребляется сочетание букв *ии*, *еэ*, *яа*, *ёо*, *юу*, например: *нян* 'вернись', *ниит* 'молодой', *неш* 'дерево', *нёон* 'толстый', *няа* 'новый', *нюус* (как вариант *нюңгус*) 'одинокий'; 'единственный', *аъняр* 'откроет' в отличие от *аънар* 'потечет'. После твердых согласных, которые никогда не произносятся в тех словах палатализованно, применяются знаки *і*, *э*, *ө*, *у*, *а*, *о*, *ы*, *и* и соответственно для долгих *аа*, *өө*, *уу*, *аа*, *оо*, *уу*, *ыы* (і всегда краткий), например: *эніk* 'щенок', *келдірі* 'идет сюда', *тэък* 'быстро', *эптэп* 'как следует', *пөш* 'кедр', *аңнээ* 'охотясь' и т.п.

Особо следует отметить вариант "*æ*" фонемы [ɛ:]. Для этого варианта мы приняли *аа*. Согласные перед ним ведут себя по-разному. Так, *д*, *т* и *н* всегда остаются твердыми, а остальные согласные палатизируются, например: *өгдаа* 'находящийся в доме', *һудаа* 'зять' *аътаа* 'ее подол' (< *аътік* 'подол'), *чеътпаан* 'не достиг' (< *чеът-* 'достигать'), *немаа* 'его помощь, добавка' (< *немег* 'добавка'), *һураа* 'забор', *ээаа* 'тетка', *илаа* 'в открытую' (< *иле* 'открытый, явный').

Существенным отличием гласных тофаларского языка от гласных всех остальных тюркских языков является то, что гласные [ɔ̈] и [u̇] в нем произносятся как центральнорядные, в отличие от тувинских, хакасских, якутских, алтайских, шорских и т.п. [ɔ̈] и [ü], относящихся по артикуляции к переднему ряду и напоминающих соответствующие немецкие ö и ü. Тофаларские [ɔ̈] и [u̇] напоминают соответствующие монгольские и бурятские фонемы [ɔ̈] и [u̇][10]. Калмыцкие [ɔ̈] и [ü] совпадают с немецкими и тюркскими, хотя и обозначаются, как и в монгольском и бурятском, через графемы *ө* и *у*. В предлагаемой нами здесь транскрипции фонемы [ɔ̈] и [u̇] мы обозначаем тоже через *ө* и *у*. При прочтении тофаларских слов тюркологи должны учитывать эту особенность тофаларского языка. Все остальные тофаларские гласные полностью совпадают по своей артикуляции с соответствующими тюркскими.

Таким образом, принятые нами графемы и их сочетания обозначают следующие гласные фонемы и звуки тофаларского языка: *а*, *я* - краткую фонему [а][11]; *аъ*, *яъ* - фарингализованную краткую фонему [аъ]; *аа*, *яа* - долгую фонему [а:]; *и* - краткую фонему [ы]; *иъ* - фарингализованную краткую фонему [ыъ]; *ии* - долгую фонему [ы:]; *о*, *ё* - краткую фонему [ɔ]; *оъ*, *ёъ* - фарингализованную краткую фонему [ɔъ]; *оо*, *ёо* - долгую фонему [ɔ:]; *у*, *ю* - краткую фонему [u]; *уъ*, *юъ* - фарингализованную краткую фонему [uъ]; *уу*, *юу* - долгую фонему [u:]; *э*, *е* - краткую фонему [ɛ]; *эъ*, *еъ* - фарингализованную краткую фонему [ɛъ]; *ээ*, *еэ* - долгую фонему [ɛ:]; *и* - краткую фонему [i] после среднеязычных и палатализованных согласных; *иъ* - фарингализованную краткую фонему [iъ] после среднеязычных и палатализованных согласных; *ии* - долгую фонему [i:] после среднеязычных и фарингализованных согласных; і - краткий звук I (вариант фонемы [i]) после твердых согласных; *іъ* - фарингализованный звук "Iъ" (вариант фонемы [iъ]) после твердых согласных; *ө* - краткую фонему [ɔ̈]; *өъ* - фарингализованную краткую фонему [ɔ̈ъ]; у - краткую фонему [u̇]; *уъ* - фарингализованную краткую фонему [u̇ъ]; уу - долгую фонему [u̇:]; *ə* - краткий звук *æ* (вариант фонем [а] и [ɛ]); *əъ* - фарингализованный краткий звук *æъ* (вариант фонемы [аъ]); *əə* - долгий звук *æ*: (обязательный вариант фонемы [ɛ:] в конце слова).

Для тофаларских согласных характерно деление на сильные, слабые и сонанты[12]. В отличие от тувинского языка в тофаларском противопоставление сильных и слабых происходит в середине и конце слова. При этом сильные согласные всегда сопровождаются фарингализацией предшествующего гласного. Попав в положение инлаута, сильные не меняются, всегда сохраняя глухость, согласный же *ш*, как правило, переходят в палатализованный звонкий *h´*, а *к* - в звонкий щелевой *h*. Примеры: *аъс* 'повесь' - *аъсар* 'повесит', *аът* 'лошадь' - *аъты* 'его лошадь', *кыъп* 'гори' - *кыъпар* 'будет гореть', *аък* 'теки' - *аъһар* 'потечет' *аъш* 'открой' - *аъһяр* 'откроет'. Согласный *п* может сохраняться, но может и переходить в проточный губно-губной глухой *ф*. Например, сосуществуют пары *кыъпар* ~ *кыъфар* 'будет гореть', *туъпар* ~ *туъфар* 'найдет', *көъпей* ~ *көъфей* 'много', *сыъпы* ~ *сыъфы* 'его рукоятка' и т.п.

В то же время есть ряд слов, в которых сильный *ш* после фарингализованного гласного, а иногда и чистого, всегда сохраняется и не переходит *h´*. Такими словами являются: *аъша-* 'ухаживать за больным', *киши* 'человек' *ишер* 'выпьет' (см. *иъш* 'пей'), *туша-* 'спутывать коню передние ноги', *уша* 'крестец', *ушар* 'водопад', *уши-* 'обморозиться', *пишек* 'нож', *ышар* 'опухнет', *быштыг* 'крепкий , живучий',

[10] Подробнее об артикуляции этих тофаларских гласных см.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 17, 18, 29, 30.

[11] Как уже указывалось выше, йотированные гласные буквы употребляются здесь только после согласных для указания на их среднеязычность или палатализацию. Фонетическую характеристику всех этих гласных фонем и звуков см.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 24-20.

[12] См. об этом: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 40, 41.

бишышкы 'выкройка', *коъша* 'соседний; парный', *каъшышкы* 'который по счету'.

Слабые согласные могут быть и глухими и звонкими. Звонкие обычно в середине слова, иногда в начале, но это зависит от фонетических условий, глухие всегда в ауслауте. Глухой конечный слабый, попав в инлаут, всегда озвончается, а *ш* переходит в среднеязычную звонкую аффрикату *чж*. Примеры: *баш* 'болячка, язва' - *бачжы* 'его болячка', *аш* 'переступи' - *ачжар* 'переступит', *таш* 'камень' - *дачжы* 'его камень', *ас* 'заблудись' - *азар* 'заблудится', *кап* 'мешок' - *кабы* 'его мешок', *ат* 'имя - *ады* 'его имя'. Закономерность употреблять один и тот же слабый согласный в одной позиции как глухой, а в другой как звонкий, выдерживается довольно последовательно. Так, например, *көк* 'трава' - *гөгу* 'его трава', *кол* 'рука' - *голу* 'его рука', *кас* 'гусь' - *газы* 'его гусь', *тас* 'сохатый' - *дазы* 'его сохатый', *көр* 'смотри' - *гөру* 'глядя', *кел* 'приходи' - *гелі* 'приходя', *кан* 'кровь' - *ганы* 'его кровь' и т.п.

В позиции анлаута могут употребляться как сильные, так и слабые согласные. Но при этом их противопоставления, как правило, не происходит. Можно встретить лишь единичные слова, которые различаются начальными согласными по принципу их силы и слабости. Это, например, *баш* 'болячка' и *паш* 'котел для варки пищи', *баар* 'печень' и *паар* 'пара; напарник', *даң* 'утренняя заря' и *таң* 'нет, не знаю'. Обычно же в одних словах употребляются в анлауте сильные, в других - слабые. При этом в анлауте преобладают слабые согласные. Сильных совсем мало. Это относится к согласным *п, т, к, ч*. С другой стороны, в анлауте всегда произносятся только сильные, всегда глухие *ш* и *с*.

Сильные всегда остаются в анлауте слова глухими, даже попав в инлаут или в окружение сонантов и звонких слабых. Слабые же анлаута, попав в инлаут или окружение сонантов и звонких слабых, обычно озвончаются. Это является основным критерием различения качества анлаутного согласного, особенно в тех случаях, когда слабый произносится глухо. Выше мы уже говорили об особенности озвончения глухих слабых в чередовании типа *көк - гөгу*. Более четкое противопоставление сильных и слабых наблюдается в инлауте и ауслауте. Здесь, как уже отмечалось выше, сильные всегда глухие и сопровождаются фарингализованными гласными. Слабые в инлауте звонкие, а в ауслауте сопровождаются чистыми краткими или долгими гласными и дифтонгами. Поэтому главную трудность для исследователя составляет различение слабых и сильных в анлауте, особенно если в этой позиции слабый произносится глухо.

При транскрибировании тофаларских слов этот вопрос был самым трудным. Решился он следующим образом. Поскольку соотношение сильных и слабых в анлауте до конца не выяснено и требует тщательных экспериментальных фонетических исследований, то принято пока обозначать их так, как они произносятся, т.е. опираться на фонетический принцип передачи звуков, с надеждой, что в будущем удастся окончательно определить характер каждого анлаутного согласного. Этот

же фонетический принцип положен в основу обозначения согласных в инлауте и ауслауте. Слабые в ауслауте всегда произносятся глухо, поэтому мы их обозначили знаками для глухих согласных. Сильные в ауслауте тоже всегда глухие, их мы тоже обозначили знаками для глухих согласных. Различаться они в этой позиции будут тем, что перед сильными в ауслауте всегда отмечен фарингализованный гласный.

Другой особенностью системы согласных тофаларского языка является стабильность произношения звуков γ и ɣ в ауслауте всегда как заднеязычных, независимо от рядности слова, например: dɛɣ 'равный', daɣ 'утренняя заря', dɛγ 'как, подобно', daγ 'гора'. В инлауте же они произносятся соответственно рядности слова то как заднеязычный, то как увулярный[13].

Следующей особенностью тофаларского языка является наличие среднеязычных согласных j, ɲ, ǰ, ǯ и противопоставление палатализованного ћ твердому h. Здесь нами принят принцип обозначать среднеязычность ɲ, палатализацию ћ и других согласных употреблением после них йотированных гласных букв, о чем выше уже упоминалось.

Таким образом, в предлагаемой здесь нами системе транскрипции, тофаларский консонантизм получил следующее отражение. Графема *б* передает слабую фонему [b̥], произносимую звонко или полузвонко; графема *в* - слабую фонему [b̥], произносимую в инлауте в щелевом варианте; графема *г* - заднеязычную слабую звонкую фонему [ɡ] в мягкорядных словах, увулярную звонкую фонему [ɢ] в твердорядных словах, в ауслауте *г* всегда произносится как заднеязычный звонкий щелевой γ; графема *д* - слабую фонему [d], произносимую в анлауте звонко и полузвонко; графема *ж* - озвонченный вариант слабой фонемы [š], появляющийся в инлауте; графема *з* - слабую фонему [s] в ее звонком варианте в инлауте; сочетание графем *чж* - слабую фонему [č], произносимую звонко в анлауте; графема *к* - слабые и сильные заднеязычные фонемы [k] в мягкорядных словах, слабые и сильные увулярные фонемы [q] в твердорядных словах, произносимые глухо, озвонченное произношение слабых [k] и [q] передается графемой *г*; графема *л* - сонант [l]; графема *м* - сонант [m]; графема *н* - сонанты [n] и [ɲ], при этом среднеязычность [ɲ] обозначается постановкой после него йотированной гласной буквы или буквы *и*, если ɲ стоит в анлауте или между гласными, а также сочетанием графем *нь*, если среднеязычный ɲ стоит перед другим согласным; графема *ң* - заднеязычную и увулярную фонему [ŋ], причем в ауслауте *ң* всегда произносится как заднеязычный ŋ; графема *п* - сильную фонему [p] и глухой вариант слабой фонемы [b̥], обязательный в ауслауте; графема *р* - сонант [r]; графема *с* - сильную фонему [s] и глухой вариант слабой фонемы [s], обязательный в ауслауте; графема *т* - сильную фонему [t] и глухой вариант слабой фонемы [d], обязательный в ауслауте; графема *ф* - русскую фонему [f] в заимствованных словах и глухой щеле-

[13] См.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 49, 50.

вой губно-губной ф, вариант сильной фонемы [р] в инлауте; графема *х* - русскую фонему [х] в заимствованных словах; графема *h* - глухой и звонкий варианты фонемы [h] (палатализованный h' обозначается употреблением после него йотированной гласной буквы или *и*); графема *ц* - русскую фонему [ts] в заимствованных словах; графема *щ* - русскую фонему в заимствованных словах.

Твердый знак принят для обозначения фарингализации гласных как в твердорядных, так и в мягкорядных словах, а также для разделения компонентов сложных слов, не совсем еще слившихся фонетически, типа *атъиҥе* 'родители' (< *ата* 'отец'+ + *иҥе* 'мать'). Мягкий знак употребляется для обозначения среднеязычности или палатальности согласного, стоящего перед другим согласным, например: *корҥуньчжуг* 'страшно', *hальбир* 'искривленный винтообразно'.

В данной работе нами намеренно расширено употребление фонетического принципа с целью точнее и полнее передать особенности произношения фонем в зависимости от фонетических и комбинаторных условий, что крайне необходимо в исследовательских целях.

ПРИНЦИП ВЫДЕЛЕНИЯ, СОСТАВ И ГРУППИРОВКА ЧАСТЕЙ РЕЧИ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА

Распределение слов по частям речи в любом языке не остается неизменным. Каждая часть речи - это исторически сложившаяся категория. Переход слов из одной морфологической категории в другую (конверсия) характерны для тофаларского языка на всех этапах его развития.

Такой переход характеризуется тем, что внешне слово сохраняется в своем прежнем виде, но семантические, синтаксические и морфологические особенности слова изменяются, слово приобретает все признаки той части речи, в которую оно перешло. Переход отдельных слов из одной части речи в другую не затрагивает самой системы частей речи: количество частей речи, их характер и взаимные отношения от этого не изменяются.

Уже давно (у Ломоносова) намечено разграничение словарного состава на знаменательные и служебные слова. В дальнейшем это разграничение поддерживалось крупнейшими представителями русской науки (Потебня, Фортунатов). Знаменательные части речи служат обозначением предметов, явлений, процессов реального мира, т.е. выполняют номинативную функцию, в связи с чем они бывают в предложении членами предложения; служебные слова не выполняют номинативной функции, а служат для выражения отношений между словами в предложении и придания оттенков словам или предложениям, они не выступают членами предложения и обладают гораздо меньшей самостоятельностью по сравнению со знаменательными словами, приближаясь по своему использованию к морфемам.

Также давно установлена обособленность междометий, служащих для выражения эмоций и побуждений и не объединяемых с другими словами предложения.

На основании особой семантики выделяются местоимения как указательные слова с меняющимся конкретным значением, раскрываемым контекстом и ситуацией речи в противоположность словам-названиям с постоянным значением.

Особое место занимают модальные слова, выражающие отношение говорящего к высказываемым мыслям, не выступающие членами предложения, не связанные грамматически с другими словами предложения.

Учитывая своеобразие отдельных разрядов частей речи тофаларского языка, их семантику, морфологическую структуру и синтаксическую функцию, можно выделить среди них следующие группы.

I. Знаменательные части речи, куда относятся: а) слова-названия: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, наречие, категория состояния, изобразительные слова; б) указательные слова: местоимения.

II. Служебные части речи, куда относятся послелоги, союзы, частицы.

III. Модальные слова, не являющиеся членами предложения и связанные с предложением в целом.

IV. Междометия, также не являющиеся членами предложения и выражающие эмоции и побуждения.

Эта классификация частей речи разработана акад. В.В.Виноградовым и поддержана А.Н. Гвоздевым и Ю.С. Масловым[14] Она помогает лучше раскрыть место и удельный вес отдельных частей речи, нежели обычное их рассмотрение без выделения этих своеобразных объединений.

Исследование частей речи тофаларского языка в предлагаемой монографии производится по этой схеме. За основу взят принцип проф. Л.В. Щербы о необходимости вначале обобщить факты речи и уже из них выводить систему языка[15].

---

[14] См.: *Виноградов В.В.* Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, с. 38-44; *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., Учпедгиз, 1961, с. 145; *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., "Высшая школа", 1975, с. 205.

[15] См.: *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения. - В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., "Наука", 1974, с. 49.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имя существительное как часть речи объединяет категорию знаменательных слов-имен, которые обладают общими семантическими и грамматическими признаками - значением предметности. Имена существительные имеют собственную систему словообразования, формообразования и словоизменения. Кроме того, существительные характеризуются способностью иметь определение.

В предложении существительные тофаларского языка выступают в качестве подлежащего, дополнения, обстоятельства, определения (в составе конструкции изафета), сказуемого (в качестве его именной части, получая оформители лица).

Именами существительными являются различные наименования предметов в широком смысле слова. В зависимости от специфики предметов имена существительные бывают собственные и нарицательные. Основная масса их относится к нарицательным, которые представляют собой общие названия однородных предметов и соответствующих им понятий. Существительные же собственные служат для обозначения отдельных индивидуумов и единичных предметов с целью отличить их от других однородных существ, событий, предметов. Наряду с этим существительные собственные выделяются также грамматически: в функции прямого дополнения они употребляются лишь в винительном падеже (это связано с оформлением определенности), тогда как существительные нарицательные могут употребляться и в неопределенном падеже.

К именам существительным собственным относятся имена и прозвища людей (*Шыпшыр, Буктурбай, Киштэй, Сыынай, hоттаяң, Семээн, Эъһеэндэй*), клички животных (например, собачьи клички: *Эніктэй, Мойнала, Чуреггеш, Дурбнэй, Акэнік*), географические названия (*Эрһуу* - Иркутск, *Алтын Уда* - г.Нижнеудинск, *Алһыгчжер* - пос. Алыгджер, *Кариир* - р. Кара-Бурень, *Тээрий* - р. Гутара, *Ыынн* р. Бирюса), астрономические названия (*шолпан* - Венера, *Үһер* - Плеяды, *Үш майгак* - созв. Ориона, *Кар бөрһаси, дээрі тиһии* - Млечный путь).

К нарицательным именам существительным относятся, например, названия человека (*хиши* 'человек', *ата* 'отец', *ачжа* 'папа', *аба* 'мама', *иһе* 'мать', *кыс* 'дочь', 'девушка', 'девочка', *оол* 'сын', 'мальчик', 'парень', *уруг* 'ребенок'), животных (*аът* 'конь', *иби* 'олень', *кушкаш* 'птичка', *балык* 'рыба', *аң* 'зверь'), растений (*неш* 'дерево', *көк* 'трава', *акказш* 'цветок', *тыт* 'лиственница', *пөш* 'кедр'), металлов, минералов (*тэмир* 'железо', *алтан* 'золото', *ак мөңгүн* 'серебро', *суг* 'вода', *hум* 'песок', *таш* 'камень'), предметов быта (*өг* 'дом', *тон* 'шуба', *чуъпур* 'штаны', *идіш* 'посуда', *сугге* 'топор', *каъһик* 'ложка') и т.п.

В тофаларском языке, как и во всех остальных тюркских языках, существительные грамматически не различаются по признаку одушевленности или неодушевленности. Различие проходит по признаку лица и не-лица. К классу лиц относятся только люди и ряд мифических существ, наделяемых свойствами людей. К ним применяется вопросительное местоимение *кум?* 'кто?'. К классу не-лиц относятся все предметы и все другие живые существа (кроме людей). По отношению к ним используется вопросительное местоимение *чу?* 'что?'.

Кроме того, в тофаларском языке, как и во всех тюркских языках (и шире - урало-алтайских) отсутствует грамматическая категория рода, присущая большинству индоевропейских языков. Для тофаларского языка речь может идти только о способах выражения биологического пола, встречающихся в наименованиях некоторой части людей и животных. В случае необходимости тофы различают названия лиц мужского и женского пола, самцов и самок животных. Для этого используются следующие средства.

Л е к с и ч е с к и й с п о с о б. В определенных случаях понятие пола заключено уже в самом значении слова:

а) в терминах родства и в названиях живых существ (в их делении на мужчин и женщин, самок и самцов): *ашняк* 'муж; мужчина', *корһыняк* 'жена; женщина', *оол* 'сын', *кыс* 'дочь', *аъһа* 'старший брат', *уба* 'старшая сестра', *ачжа* 'папа', *аба* 'мама', *эр* 'муж; мужчина; самец', *эъпші* 'женщина; самка', *ирһек* 'самец медведя, соболя', *эӛш* 'самка медведя, соболя';

б) в названиях животных в зависимости от хозяйственного назначения: *аскыр* 'жеребец', *бе* 'кобыла', *чары* 'взрослый домашний олень-самец', *иңген* 'взрослая домашняя олень-самка', *куудай* 'двухлетний домашний олень-самец', *миндичжак* 'двухлетняя домашняя олень-самка'.

С и н т а к с и ч е с к и й с п о с о б реализуется в словосочетаниях, состоящих из общевидового слова (названия) и определяющего слова, семантика которого точно указывает на принадлежность к определенному полу, например: *эъпші такыняк* 'курица', *эр такыняк* 'петух', *аскыр инэк* 'бык', *эъпші инэк* 'корова', *эъпші чаъпаа* 'жеребенок-самка до двух лет', *эр чаъпаа* 'жеребенок-самец до двух лет', *эъпші шошка* 'свиноматка', *эр шошка* 'хряк'. Как видно из примеров, такими словами-уточнителями являются *эр, аскыр* 'самец', *эъпші* 'самка'.

Именам существительным в тофаларском языке как особой лексико-грамматической категории, обладающей признаком субстантивности, присущи грамматические категории числа, принадлежности, сказуемости, склонения.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Имя существительное тофаларского языка без показателя числа не содержит в себе указаний на число и выражает всю совокупность данных предметов (лиц) в целом, поэтому к не-

му для обозначения грамматической категории числа не подходит термин "единственное и множественное число", как это принято для индоевропейских языков. Для тофаларского языка больше подходят понятия единичности и множественности предметов. При этом имеются различные типы самой множественности (например, определенная, неопределенная, собирательная, соотнесенная, индифферентная) и различные способы выражения единичности и множественности (лексический, морфологический и синтаксический). Такая особенность в отношении единичности и множественности присуща вообще всем алтайским языкам и отличает их от индоевропейских и иных. Г.И. Рамстедт писал, например, о множественности в алтайских языках: "Еще с давних времен все алтайские языки пользовались для выражения логического понятия множественности формой единственного числа при условии, что на множественное лицо указывало числительное или какой-либо иной показатель множественности. Там,где применяется оформленное множественное число, оно может быть также и показателем качественных различий, подразделения на группы, либо совокупности нескольких групп"[1]. Все сказанное полностью относится и к тофаларскому языку.

В отношении формального выражения множественности тофаларский язык ближе всего стоит к древнетюркским языкам, выражение множественности в которых, как это хорошо показал К.Грёнбек[2], несколько отличается от ее выражения в современных тюркских языках.

Материалы современного тофаларского языка позволяют выявить единичность и несколько значений множественности, о которых упоминалось выше. Единичность по сути дела является одной из разновидностей множественности, поэтому мы не будем противопоставлять ее множественности.

Рассмотрим эти типы множественности у имен существительных.

1. И н д и ф ф е р е н т н а я м н о ж е с т в е н н о с т ь, или н у л е в а я м н о ж е с т в е н н о с т ь, свойственна группе вещественных слов, значения которых сами по себе не соединяются с представлением о счете и вообще индифферентны ко всякому сосчитанному количеству. Это слова, обозначающие различные металлы, минералы, жидкости, сыпучие и другие вещества, например: *дэмир* 'железо', *чес* 'медь', *куули* 'латунь', *алтан* 'золото', *ак мөҥгүн* 'серебро', *коргольчжун* 'свинец', *кукэр* 'сера', *һөө* 'уголь', *суг* 'вода', *тоҗш* 'лед', *һей* 'воздух', *җш* 'дым', *һум* 'песок', *ирік* 'гнилушки', *сай* 'галька'. Все эти и подобные им слова обычно не употребляются с аффиксом мн. числа *-лар*, так как они безотносительны к идее множества. Лишь когда речь идет о выделении какого-либо конкретного сорта или группы веществ, некоторые из этих слов могут оформляться аффиксом множественности *-лар...*, например: *кара ак талһаннар* 'черная и белая мука', *турһуур ҷжаглар* 'смазочные масла' и т.п.

2. С о б и р а т е л ь н а я м н о ж е с т в е н н о с т ь находит свое выражение в словах, обозначающих группу предметов как одно целое, при этом не выделяются отдельные предметы, составляющие данное целое, которое и берется как отдельный самостоятельный объект сообщения. Имя существительное, имеющее значение собирательной множественности, употребляется при этом в форме основы без показателя множественности, независимо от того, производна или непроизводна эта основа. В данном случае типично для тофаларского языка выражение собирательной множественности непроизводными основами, обозначающими животных, птиц, рыб, растения, например: *иби* 'олени; олень', *һой* 'овцы; овца', *инэк* 'крупный рогатый скот; корова', *мал* 'скот; скотина; домашнее животное', *өөр* 'табун, стадо, стая', *аҥ* 'зверь; звери', *балык* 'рыба', *кушкаш* 'птицы; птица', *көк* 'трава; сено', *кат* 'ягода; ягоды'. Кроме того, сюда же относятся слова типа *улус* 'народ, люди', *шериг* 'войско', *арыг* 'лес'.

Собирательность выражается также парным основосложением. Этот морфологический способ для выражения множественности относится к словообразованию. Суть его заключается в том, что происходит равноправное сложение исходных простых основ слов одного семантического поля в сложную основу которая получает новое значение некоторой собирательности и коллективности. Иначе говоря, собирательность заложена в семантике сложной основы, например: *аъһа дуҥма* 'братья' (*аъһа* 'старший брат' + *дуҥма* 'младший брат'), *уруг дарыг* 'дети; все члены одной семьи' (*уруг* 'дитя' + *дарыг* 'семя'), *чер суг* 'родина, страна, где мы живем' (*чер* 'земля' + *суг* 'вода'), *сээк мас* 'насекомые' (*сээк* 'муха' + *мас* 'овод, паут'), *аш чишкин* 'пища' (*аш* 'пища'+ *чишкин* 'пища', 'все то, что съедобно').

В тофаларском языке используется еще метод аффиксации. При этом употребляется все тот же общетюркский афф. *-лар*, который в этом случае образует от единичных слов новые основы в форме числа со значением собирательности, например: *төрушкеннэр* 'братья' (*төрушкен* 'родившийся вместе'), *нииттэр* 'молодежь' (*ниит* 'молодой'), *кырганнар* 'старики' (*кырган* 'старый'), *актар* 'белые, беляки' (*ак* 'белый'), *кызылдар* 'красные' (*кызыл* 'красный'). От личных имен и фамилий людей образуются основы со значением собирательности также при помощи афф. *-лар: Адамоптар* 'Адамовы', *Баканаептар* 'Баканаевы', *Сынайлар* 'семья Сыная', *Буктурбайлар* 'Бухтурбаевы' и т.п.

Особый афф. *-(ы)лышкы* образует новые основы со значением собирательности, коллективности в основном от терминов родства: *аъһалышкы* 'старшие братья' (*аъһа* 'старший брат'), *дуҥмалышкы* 'младшие братья и сестры', (*дуҥма* 'младший брат или сестра'), *убалышкы* 'старшие сестры' (*уба* 'старшая сестра'), *бачжалышкы* 'свояки' (*бачжа* 'свояк'), *һудалышкы* 'сваты' (*һуда* 'сват'), *һудугайлышкы* 'свахи' (*һудугай* 'сваха'), *шоозалышкы* 'тезки' (*шооза* 'тезка'), *аалыш-*

[1] *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Пер. с нем. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957, с. 57.

[2] *Grønbech K.* Der türkische Sprachbau. Kopenhaven, 1936. S. 57-83.

ку 'родня' (*аал* 'аул, стойбище' - обычно родственников). Этот аффикс по сути дела стал словообразовательным.

От слов *ата* 'отец', *иъ̃не* 'мать', *ачжа* 'папа', *аба* 'мама', *эш* 'друг' путем подстановки к ним в композицию слова *куш/гуш* (с затемненной для современного тофаларского языка этимологией) образуются сложные (а возможно, и аналитические) основы со значением собирательности: *атам гуш* 'мои родители', *абам гуш, ачжам гуш, иъ̃нем гуш* id., *эчжим гуш* 'мои друзья'.

3. Неопределенная множественность, будучи одной из разновидностей множественности, имеет также свое значение: сообщение о некотором точно не подсчитанном и неизвестном множестве предметов без указания на точное количество этих предметов.

В тофаларском языке для выражения этого типа множественности применяется в основном общетюркский афф. *-лар*. Его фонетическими вариантами выступают: *-лер, -нар, -нэр, -тар, -тэр*. Примеры: *таштар* 'камни', *һөллер* 'озёра', *һемнэр* 'реки', *даглар* 'горы', *кишилэр* 'люди', *өглер* 'дома', *нэштар* 'деревья', *боолар* 'ружья'.

Кроме того, используются синтаксические средства в виде атрибутивных словосочетаний имен существительных с неопределенно-количественными числительными. К ним относятся слова *каъш, чеъһе* 'сколько', *бир чеъһе* 'несколько', *көъфей* 'много', *эбеш* 'мало', *аалыгаш* 'мало' и т.п. При этом существительное не получает афф. *-лар*, и остается в форме ед. числа, например: *бир чеъһе дііңъ өлурген* 'Убил несколько белок', *аалыгаш иби артқан* 'Мало оленей осталось', *каъш киши бар иик?* 'Сколько человек было?'

4. Определенная множественность, в противоположность неопределенной, соотнесена уже с точно подсчитанным и известным количеством предметов. Внутри ее выделяется количественно-определенная множественность, парность и приближенно-определенная множественность.

Количественно-определенная множественность в составе определенной множественности сообщает о точном количестве предметов. В тофаларском языке определенный количественный признак имен существительных выражается грамматически - синтаксически - в виде атрибутивных сочетаний имен существительных с количественно-определенными числительными, в состав которых входят и дробные числительные, хотя и обозначающие части целого, но все равно указывающие на точное количество. Существительное также остается в форме ед. числа, например: *беш киши* 'пять человек', *иъ̃ни даш* 'два камня', *бірәә боо* 'одно ружье', *он дііңъ* 'десять белок', *уш чарачжаңъ* 'три соболя', *бірәә бір кесік меэтыр* 'полтора метра'.

Парность в тофаларском языке выражается особой, сравнительно небольшой группой слов, которая, называя предметы, одновременно выражает в формах ед. числа их постоянный количественный признак - парность, если нет уточняющих условий, снимающих в них этот признак. Сюда относятся слова, обозначающие парные предметы действительности,

т.е. те, которые обычно существуют парами, например: *ку-ш* 'уши', *карак* 'глаза', *бут* 'ноги', *кол* 'руки', *һанат* 'крылья', *миис* 'рога', *өъһун* 'плечи', *элдік* 'рукавицы', *этік, итік* 'сапоги', *эзэңгі* 'стремена'.

Когда хотят выделить конкретное число предметов, т.е. идет ли речь о двух предметах сразу или же только об одном, используются синтаксические атрибутивные сочетания с особыми конкретизирующими словами. Так, если речь идет о двух предметах сразу, то употребляется слово *иъ̃ни* 'два' (*иъ̃ни будум* 'мои обе ноги', *иъ̃ни голум* 'мои обе руки'), а когда речь идет об одном, то употребляются слова *бірәә* 'один', *нюңъус* 'единственный' или *саа̃рсык* 'один из пары' (например: *бірәә голу йок* 'у него нет одной руки' или *саа̃рсык колу йок* id.; *бірәә гараам* 'мой один глаз' или *саа̃рсык караам* id.; *бірәә миистыг иби* или *саа̃рсык миистыг иби* 'однорогий олень', *нюңъус караа соъһур* 'его единственный глаз слепой').

Приближенно-определенный количественный признак выражается в тофаларском языке также посредством атрибутивных сочетаний имен существительных с приближенными числительными, которые обозначают приближенно определенное число, например: *дөрт һире солһоовай төләән* 'Заплатил около (примерно) четырех рублей', *аълты һире аът туру иик* 'Стояло около шести лошадей', *иъ̃ннің шаа дііңъ өлурген* 'Убил около 20 белок', *чүстуңъ шаа солһоовай алган* 'Получил около 100 рублей'.

Приблизительность может также выражаться сочетанием двух соседних по ряду количественных числительных, например: *иъ̃ни-уш һаршы һалды* 'Принес две-три доски', *беш-аълты кадаг берген* 'Дал два-три гвоздя'.

5. Единичность выражается лексическим значением определенной группы слов. Это слова типа *таң* 'утренняя заря', *кечже* 'вечер', *дүн* 'ночь', *һүн* 'день', *тура* 'утро' (все они в смысле явления природы), *караңгаары* 'север', *һүңгәәрі* 'юг', *соңгаары* 'запад', *буруңгаары* 'восток', *сөлөө* 'свободное время' и т.п.

Ни с чем не соотнесенная единичность в тофаларском языке выражается посредством атрибутивных сочетаний имен существительных с определенно-количественными числительными *бірәә* 'один', *нюңъус* 'единственный', например: *бірәә соот* 'одно слово', *нюңъус солһоовай* 'единственный рубль'.

Кроме того, единичность может быть выражена атрибутивным сочетанием имени существительного с порядковым числительным. Порядковое числительное здесь говорит о том, какое по счету место занимает данный предмет в ряду таких же предметов, и следовательно, предмет при этом мыслится как единичный, например: *баъшкыы иби* 'идущий первым олень' *бечжишкии өг* 'пятый дом', *учжушкуу аңны мен боолаан мен* 'Третьего зверя застрелил я'.

6. Соотнесенная множественность указывает на некоторое количество предметов (или на один предмет), соотнесенных с множеством других предметов.

Морфологический способ выражения соотнесенной множественности заключается в том, что к лексико-грамматической

основе значимого слова присоединяется постпозитивно служебное слово, придающее всей полученной таким путем аналитической форме значение соотнесенного с множеством некоторого количества. Этими служебными словами являются *саны* и *болган*, оба со значением 'каждый', например: *киши саны (~киши ле болган) билир истiг* 'Каждый человек должен знать', *hун саны* 'каждый день', *аът та болган баглыг* 'каждый конь привязан'. Здесь *киши саны* (~ *киши ле болган*), *hун саны*, *аът та болган* говорят об отдельных единичных предметах, но существующих и мыслимых при этом вместе с множеством других таких же предметов, т.е. соотнесенно с ними.

Для выражения некоторого количества, а также единичности (как разновидности множественности), соотнесенных с каким-либо множеством однородных предметов (или лиц), также используется синтаксическая конструкция, где слово, обозначающее это множество, стоит в форме родительного или исходного падежей, а слово со значением соотнесенного множества - в форме нужного падежа и обязательно с аффиксом личной принадлежности 3-го лица, например: *оларың̧ың̧ бiрәәсi* или *оларың̧дан бiрәәсi* 'один из них', *бо аъттарың̧ аълтысы* 'шесть из этих коней'.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Категория принадлежности в тофаларском языке - категория грамматическая, устанавливающая отношение конкретной принадлежности между обладателем и предметом обладания. Выражается это отношение тремя способами: морфологическим; морфолого-синтаксическим, синтаксическим.

М о р ф о л о г и ч е с к и й с п о с о б выражения отношения принадлежности состоит в том, что к слову, называющему предмет обладания, присоединяется соответствующий этому лицу аффикс принадлежности.

Аффиксы личной принадлежности

В словах, оканчивающихся на гласный:

Ед. число	Мн. число
1 л. *-м*	*-быс, -бис*
2 л. *-ң̧*	*-ң̧ар, -ң̧ер*
3 л. *-сы(-зы), -сi (-зi), -су (-зу), -су (-зу)*	*-сы(-зы), -сi(-зi), -су (-зу), -су(-зу)*

В словах, оканчивающихся на согласный:

Ед. число	Мн. число
1 л. *-ым, -iм, -ум, -ум*	*-ыбыс, -ібіс, -убус, -убус*
2 л. *-ың̧, -iң̧, -уң̧, -уң̧*	*-ың̧ар, -iң̧ер, -уң̧ар, -уң̧ер*
3 л. *-ы, -i, -у, -у*	*-ы, -i, -у, -у*

При необходимости уточнения числа обладателей в 3-м лице прибегают к форме родительного падежа соответствующего местоимения 3-го лица (см. следующий способ).

При именах, оформленных показателем множественности *-лар*, аффикс личной принадлежности ставится после него.

Если при оформлении аффиксами принадлежности имя существительное оканчивается на один из слабых согласных *к, г, й*, стоящих после чистого краткого гласного, то эти согласные выпадают, а последний краткий гласный основы и гласный аффикса стягиваются в долгий монофтонг, качество которого определяется качеством этого конечного гласного основы[3], например: *бег* 'начальник' - *бәә* (<*бег + i*) 'его начальник', *шырай* 'лицо, облик' - *ширээм* (<*шырай + ым*) 'мое лицо', *кулак* 'ухо' - *кулааң̧* (<*кулак + ың̧*) 'твое ухо'. Исключение составляют единичные слова типа *ак* 'белок' - *агы* 'его белок'. Сильные же согласные *с, т, п, ш, к*, стоящие обычно в ауслауте после фарингализованных гласных, сохраняются. При этом согласный *п* чередуется с губно-губным *ф* [φ], согласный *ш* вообще переходит в палатализованный *h'*, согласный *к* - в непалатализованный *h*, например: *аът* 'конь' - *аъты* 'его конь', *тоъш* 'лед' - *тоъhю* 'его лед', *оък* 'пуля' - *оъhум* 'моя пуля', *сыъп* 'стебель' - *сыъфы* 'его стебель', *быъс* 'пороша' - *быъсы* 'его пороша'. Слабые согласные *п, с, т, ш, к*, стоящие в ауслауте после долгих гласных, тоже сохраняются, но озвончившись, а согласный *ш* переходит в аффрикату *чж*[4], например: *каас* 'узор' - *каазы* 'его узор', *сөөк* 'кость' - *сөөгум* 'моя кость', *дааш* 'звук' - *даачжы* 'его звук', *ээт* 'излучина' - *ээді* 'его излучина'. Аналогичные изменения происходят со слабыми согласными *п, с, т, ш*, стоящими в ауслауте и после кратких чистых гласных и дифтонгов: *кап* 'мешок' - *кабы* 'его мешок', *ус* 'мастер' - *узу* 'его мастер', *эш* 'друг' - *эчжим* 'мой друг', *ат* 'имя' - *адың̧* 'твое имя' и т.д.

Примеры:

ата 'отец'

Ед. число	Мн. число
1 л. *атам* 'мой отец'	*атабыс* 'наш отец'
2 л. *атаң̧* 'твой отец'	*атаң̧ар* 'ваш отец

3 л. *атасы* (~*атазы*) 'его (их) отец'

иби 'домашний олень'

Ед. число	Мн. число
1 л. *ибим* 'мой олень'	*ибибис* 'наш олень'
2 л. *ибиң̧* 'твой олень'	*ибиң̧ер* 'ваш олень'

3 л. *ибісі* (~*ибізі*) 'его (их) 'олень'

---

[3] См.: *Дыренкова Н.П.* Тофаларский язык. - В кн.: Тюркологические исследования. М., 1963, с. 14; *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с.33.

[4] Подробнее об этих чередованиях см.: *Рассадин В.И.* Указ. соч., с. 62.

баъш 'голова'

Ед. число	Мн. число
1 л. *баъһим* 'моя голова'	*баъһибыс* 'наша голова'
2 л. *баъһиң* 'твоя голова'	*баъһиңар* 'ваша голова'

3 л. *баъһи* 'его (их) голова'

даш 'камень'

Ед. число	Мн. число
1 л. *дачжым* 'мой камень'	*дачжыбыс* 'наш камень'
2 л. *дачжың* 'твой камень'	*дачжыңар* 'ваш камень'

3 л. *дачжы* 'его (их) камень'

даг 'гора'

Ед. число	Мн. число
1 л. *даам* 'моя гора'	*даабыс* 'наша гора'
2 л. *дааң* 'твоя гора'	*дааңар* 'ваша гора'

3 л. *даа* 'его (их) гора'

ай 'саранка'

Ед. число	Мн. число
1 л. *ээм* 'моя саранка' (<**айым*)	*ээбыс* 'наша саранка' (<**айыбыс*)
2 л. *ээң* 'твоя саранка' (<**айың*)	*ээңар* 'ваша саранка' (<**айыңар*)

3 л. *ээ* 'его (их) саранка' (<**айы*)

өөк 'пуговица'

Ед. число	Мн. число
1 л. *өөгум* 'моя пуговица'	*өөгубус* 'наша пуговица'
2 л. *өөгуң* 'твоя пуговица'	*өөгуңер* 'ваша пуговица'

3 л. *өөгу* 'его (их) пуговица'

При оформлении аффиксами личной принадлежности у ряда слов восстанавливается их более архаичный звуковой облик, утраченный в основе, например: *оол* 'мальчик, сын' (<**оγul*) - *оглу* 'его сын, его мальчик'; *боос* 'горло' (<**boγuz*) - *боксу* 'его горло'; *аас* 'рот' (<**aγïz*) - *аксы* 'его рот'; *өэн* 'игра' (<**ojun*) - *ойнум* 'моя игра'; *мөэн* 'шея' (<**mojun*) - *мойнуң* 'твоя шея'; *бөърт* 'шапка' (<**börïk*) - *бөърһум* 'моя шапка'.

М о р ф о л о г о - с и н т а к с и ч е с к и й с п о с о б выражения категории принадлежности состоит в том, что идея принадлежности передается при помощи сочетания существительного, означающего предмет обладания и оформленного соответствующим аффиксом личной принадлежности, с родительным падежом личных местоимений. Этот способ отличается от предыдущего бóльшим логическим акцентом, падающим на имя обладателя.

Примеры:

ата 'отец'

Ед. число	Мн. число
1 л. *мииң (миим) атам* 'мой отец'	*бистің атабыс* 'наш отец'
2 л. *сииң атаң* 'твой отец'	*сілернің атаңар* 'ваш отец'
3 л. *оңнуң атасы* 'его отец'	*оларыңның атасы* 'их отец'

иби 'олень'

Ед. число	Мн. число
1 л. *мииң (миим) иби* 'мой олень'	*бистің ибибис* 'наш олень'
2 л. *сииң ибиң* 'твой олень'	*сілернің ибиңер* 'ваш олень'
3 л. *оңнуң ибісі* 'его олень'	*оларыңның ибісі* 'их олень'

боолар 'ружья'

Ед. число	Мн. число
1 л. *мииң (миим) бооларым* 'мои ружья'	*бистің бооларыбыс* 'наши ружья'
2 л. *сииң бооларың* 'твои ружья'	*сілернің бооларыңар* 'ваши ружья'
3 л. *оңнуң боолары* 'его ружья'	*оларыңның боолары* 'их ружья'

балык 'рыба'

Ед. число	Мн. число
1 л. *мииң (миим) балыым* 'моя рыба'	*бистің балыыбыс* 'наша рыба'
2 л. *сииң балыың* 'твоя рыба'	*сілернің балыыңар* 'ваша рыба'
3 л. *оңнуң балыы* 'его рыба'	*оларыңның балыы* 'их рыба'

С и н т а к с и ч е с к и й с п о с о б выражения категории принадлежности осуществляется с помощью формы родительного падежа соответствующего местоимения, стоящего в препозиции к слову, означающему предмет обладания. Этот тип встречается гораздо реже и присущ скорее небрежной речи. Как правило, касается он 1-го и 2-го лиц обоих чисел, например: *Бо бистің аът* 'Это наш конь'; *Сииң боо кайда?* 'Где твое ружье?'; *Миим һынеэк бо йытыры* 'Вот лежит моя книга'; *Сілернің чыдыг өлу берген* 'Ваша собака подохла'.

Способы выражения категории принадлежности в тофаларском языке являют собой общетюркский тип и представлены во всех тюркских языках. Как и во всех других тюркских языках, в тофаларском основным способом является аффиксальный. Сами аффиксы при этом тоже носят общетюркский характер и представлены как в современных, так и в древних тюркских

языках[5]. Достаточно полная сводка этих аффиксов по 48 тюркским языкам и диалектам дана Н.Ф.Катановым[6]. Согласно этой сводки аффиксы принадлежности тофаларского языка полностью совпадают с таковыми других тюркских языков и особенно сибирских.

Особенностью ряда сибирских тюрских языков, в том числе и тофаларского, является наличие афф. *-ҳар* (в горно-алтайском - *-гар*) для 2-го лица мн. числа вместо *-ҳыз* других тюркских языков. Так, форма *-ҳар* представлена в тувинском, хакасском языках, имеется она и в киргизском, в котором наряду с ней употребляется также сложная форма *-ҳыздар*[7].

Н.К.Дмитриев совершенно справедливо указывал, что афф. *-ҳар* произошел за счет стяжения аффикса принадлежности для 2-го лица ед. числа *-ҳ* и показателя множественности *-лар*[8], т.е. развитие шло так: *-ҳлар* → *-ҳнар* → *ҳар*. Кстати, в чулымско-тюркском языке как раз и употребляется эта полная форма *-ҳнар*, имеющаяся в виде *-ҳлар* также в новоуйгурском и древнеуйгурском языках[9], в которых наряду с ней бытует вариант *-ҳыз*. Таким образом, форма *-ҳар* (<*-ҳнар*) по своей морфологической структуре по сути дела полностью идентична распространенной в большинстве тюркских языков форме *-ҳыз* (//*-гыз*), состоящей из того же афф. *-ҳ* и более архаичного показателя мн. числа *-з*. Во всяком случае здесь прослеживается полная аналогия с другим предположением Н.К.Дмитриева, согласно котору аффикс принадлежности для 1-го лица мн. числа *-мыз* произошел из сложения аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа *-м* и того же архаичного показателя мн. числа *-з*[10]. Появление варианта *-быз* закономерно обусловлено обычным для тюркских языков чередованием *м//б//п*.

В 3-м лице для обоих чисел в тофаларском языке употребляется один и тот же показатель *-ы(//-сы)*. В отличие от

[5] См.: *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, с. 58; *Он же.* Категория принадлежности. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956, с. 25-31; *Севортян Э.В.* Категория принадлежности. - Там же, с. 40; *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S.97.

[6] *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, с. 368, табл. IX.

[7] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 116; Грамматика хакасского языка. М., "Наука", 1975, с. 64; Кыргыз тилинин грамматикасы. Морфология. Фрунзе, 1964, с. 75.

[8] *Дмитриев Н.К.* Категория принадлежности, с. 32.

[9] *Дульзон А.П.* Чулымско-тюркский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., "Наука", 1966, с. 450; *Кайдаров А.Т.* Уйгурский (новоуйгурский) язык.- В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 371; *Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык. М., 1963, с. 38.

[10] *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка, с. 57.

языков типа башкирского здесь во мн. числе представлен показатель *-лары*.

Относительно употребления афф. *-м*, *-ҳ* и *-быс* в тофаларском языке нет отличий от других тюркских языков.

Категория обладания, выражаемая в языках иных систем глаголом "иметь", который вообще отсутствует в алтайских языках, связана в тофаларском языке, как и в других тюркских языках[11], с категорией принадлежности. Так, например, понятие 'этот конь имеет хозяина' передается по-тофаларски словами *бо аъттың ээзі бар*, что буквально означает 'этого коня хозяин есть', понятие 'я имею коня, у меня есть конь' - словами *аътым бар* (букв. 'мой конь есть, наличествует'). Само обладание (необладание) выражается по модели: некто или нечто мое (твое, его, их и т.п.) наличествует (отсутствует). Наличие передается словом *бар*, а отсутствие - словом *чжок* (произносительные варианты - *чок*, *йок*). Примеры: *ол аъттың гөгу бар* 'у того коня есть сено', *боом чжок* 'у меня нет ружья', *өө йок киши* 'не имеющий дома человек', *иъ̃ни ибисі бар киши* 'человек, имеющий двух оленей (наряду с *иъ̃ни ибиліг киши*).

СКАЗУЕМОСТЬ

Имена существительные в тофаларском языке могут выступать и как сказуемые, когда они указывают на то, кем или чем является предмет (или лицо), о котором идет речь. Существительные, как и другие именные части речи, оформляются при этом специальными постпозитивными показателями сказуемости, указывающими на лицо. По форме они совпадают с личными местоимениями и не гармонируют с именной частью сказуемого, как это происходит, например, в хакасском или казахском языках, где эти предикативные местоимения превратились уже в настоящие аффиксы сказуемости[12]. Тофаларский же язык в этом отношении идентичен тувинскому языку, в котором также имеются аналогичные предикативные местоимения[13].

Примеры:

Тоф.	Тув.	Хак.	
мен аңшы мен	*мен аңчы мен*	*мин аңчыбын*	'я охотник'
сен аңшы сен	*сен аңчы сен*	*син аңчызын*	'ты охотник'
оң аңшы	*ол аңчы*	*ол аңчы*	'он охотник'
бис аңшы бис//	*бис аңчы бис//*	*піс аңчыбіс//*	'мы охотники'
аңшылар бис	*аңчылар бис*	*аңчыларбіс*	
сілер аңшы сі-	*силер аңчы*	*сірер аңчызар//*	'вы охотники'
лер// аңшылар	*силер// аңчы-*	*аңчыларзар*	
сілер	*лар силер*		
оларың аңшылар	*олар аңчылар*	*олар аңчылар*	'они охотники'

[11] См.: *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка, с.59.

[12] См.: Грамматика хакасского языка, с. 81; Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 136.

[13] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч.,с. 222-223.

Имена существительные с аффиксами принадлежности спрягаются так же, как имена в основной форме, например: *сен улусум сең* 'Ты мой родственник'; *мен эҷжиң мен* 'Я твой друг'; *бо коърыныяк абаң* 'Эта женщина - твоя мама'; *сен кумнуң оглу сен?* 'Ты чей сын?'

Отрицательные формы сказуемости образуются при помощи отрицания *эмес*, к которому присоединяются предикативные местоимения,

Например:

Ед. число	Мн. число
1 л. *мен аңшы эмес мен* 'я не охотник'	*бис аңшы эмес бис* 'мы не охотники'
2 л. *сен аңшы эмес сен* 'ты не охотник'	*сілер аңшы эмес сілер// аңшылар эмес сілер* 'вы не охотник'//'не охотники'
3 л. *оң аңшы эмес* 'он не охотник'	*оларың аңшылар эмес* 'они не охотники'

Как видно из примера, оформление получают лишь 1-е и 2-е лица обоих чисел. 3-е лицо остается неоформленным. Лишь в единичных случаях только среди вопросительных местоимений встретился аффикс сказуемости *-л*, представляющий собой слившееся с основой слова местоимение *ол* 'тот', например: *бо чул?* 'это что? (<*бо чу ол?*), *каъшил?* 'сколько' (<*каъш ол?*), *кайдал?* 'где? (<*кайда ол?*). В других тюркских языках это местоимение *ол* 'тот' также употребляется для обозначения 3-го лица сказуемости, например в башкирском языке, о чем писал Н.К.Дмитриев: "Надо заметить, что в смысле аффикса сказуемости при именах весьма часто встречается личное местоимение 3-го лица *ул* (*он*), т.е. здесь намечается тот же процесс, который давно уже реализован в отношении первых двух лиц"[14].

Исследуя категорию сказуемости в тюркских языках, Н.К.Дмитрев пришел к выводу, что в более архаичном виде, почти целиком повторяя личные местоимения, аффиксы сказуемости сохранились в кыпчакских языках, узбекском, уйгурском, киргизском, ряде языков Сибири, хотя во всех этих языках из личных местоимений развились настоящие аффиксы сказуемости[15]. Тофаларский же язык, как и тувинский, сохраняет еще состояние, характерное для древнетюркского языка, в котором предикативные личные местоимения еще не развились в аффиксы[16].

Н.П.Дыренкова называет эти предикативные местоимения в тофаларском языке аффиксами[17], хотя они вовсе не гармонируют с основой знаменательного слова.

[14] *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка, с. 53.
[15] *Дмитриев Н.К.* К истории аффиксов сказуемости. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.2. Морфология. М., 1956, с. 5-15.
[16] См.: *Gabain A. von.* Указ. соч., с. 95-96, § 191.
[17] *Дыренкова Н.П.* Указ, соч., с. 14, 15.

Очень редко для выражения сказуемости в 3-м лице при именах используется *туру* (~*дуру*), представляющее собой настоящее время глагола *тур-* 'стоять' и являющееся скорее связкой, нежели аффиксом сказуемости.

КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ

Имена существительные в составе предложения выступают в формах различных падежей. Падеж - это форма имени существительного, возникающая в предложении и определяемая синтаксическими отношениями данного слова к другим словам в предложении. Вся совокупность падежных форм называется склонением. Некоторые падежи уточняются и дополняются в своем значении послелогом.

В зависимости от особенностей падежных форм в разных языках существуют различные типы и разновидности склонения. В большинстве языков, обладающих склонением, главным образом в индоевропейских языках флективного строя, несколько типов склонения, т.е. склоняемые слова делятся на несколько групп, в которых одни и те же падежи представлены различными формами, несмотря на то, что они выражают одни и те же отношения. Причем, формы склонения имеют морфологические варианты, В тофаларском же языке, как и во всех тюркских и вообще урало-алтайских языках[18], склонение является морфологически единым для ед. и мн. чисел, т.е. все они обслуживаются одними и теми же аффиксами, имеющими не морфологические, а фонетические варианты.

В агглютинативных языках (к каковым относится и тофаларский) падежные аффиксы всегда однозначны, так как обозначают одну строго определенную грамматическую категорию (категорию падежа).

Во флективных и агглютинативных языках падеж представляет собой одну из наиболее характерных грамматических категорий имен существительных. Наличием категории падежа имена противопоставляются всем остальным частям речи. Иначе говоря, склоняемость - это, образно говоря, "привилегия" имени существительного.

Категория падежа в тюркских языках относится к словоизменительным категориям. Она выражает сугубо грамматические отношения между зависимым членом словосочетания и главенствующим членом того же словосочетания.

Все падежные аффиксы прибавляются после аффикса мн. числа, если существительное стоит в форме мн. числа, и после аффикса принадлежности, если оно имеет форму принадлежности.

Падежная система в тофаларском языке представлена семью падежами: 1) основным, 2) родительным, 3) дательно-направительным, 4) винительным, 5) местным, 6) исходным, 7) частным.

Как и во всех тюркских языках, в тофаларском языке существует два типа склонения: простое склонение (безотносительно к обладателю) и лично-притяжательное (посессивное) склонение (с указанием на обладателя).

[18] См.: *Киекбаев Дж.Г.* Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, с. 26.

Простое склонение

Все аффиксы простого склонения имеют фонетические варианты в зависимости от последнего звука основы и характера состава гласных звуков основы (см. табл. 1).

1. О с н о в н о й п а д е ж в тюркологической литературе еще называется безаффиксальным, неопределенным, именительным падежом[19]. Он является исходной формой для образования других падежей, сам же не имеет особого аффикса, совпадая внешне с основой слова (т.е. имеет нулевой показатель падежа). Этот падеж в тофаларском языке полифункционален. Основными вопросами к нему являются *кум?* 'кто?' и *чу?* 'что?'

2. Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж отвечает на вопросы *кумнуӈ?* 'кого?', 'чей?', 'чья?', 'чье?' и *чунуӈ?* 'чего?' и образуется при помощи следующих аффиксов:

а) *-ныӈ, -ніӈ, -нуӈ, -нүӈ*, если основа оканчивается на любой гласный или дифтонг, а также на все согласные-сонанты (*г, й, м, н, ӈ, р, л*), например: *дагныӈ* 'горы' (*даг* 'гора'), *айныӈ* 'луны, лунный' (*ай* 'луна'), *һамныӈ* 'шамана' (*һам* 'шаман'), *доннуӈ ~ донныӈ* 'шубы, шубный' (*дон* 'шуба'), *аӈныӈ* 'зверя, звериный' (*аӈ* 'зверь') *карныӈ* 'снега, снежный' (*кар* 'снег'), *оолнуӈ ~ оолныӈ* 'сына, сыновий' (*оол* 'сын'), *һөлнуӈ ~ һөлніӈ* 'озера, озерный' (*һөл* 'озеро'), *ибініӈ* 'оленя' (*иби* 'олень'), *чааныӈ* 'войны, военный' (*чаа* 'война'), *тураныӈ* 'утра, утренний' (*тура* 'утро'), *үшпулнуӈ* 'рябчика' (*үшпул* 'рябчик'), *уругнуӈ* 'ребенка' (*уруг* 'ребенок');

б) *-тыӈ, -тіӈ, -туӈ, -түӈ*, если основа слова оканчивается на любой глухой согласный, например: *аттыӈ* 'коня' (*ат* 'конь'), *эттіӈ* 'мяса' (*эт* 'мясо'), *эштіӈ* 'друга' (*эш* 'друг'), *бөрттүӈ* 'шапки' (*бөрт* 'шапка'), *сооктуӈ* 'мороза' (*соок* 'мороз'), *оттуӈ ~ оттыӈ* 'огня' (*от* 'огонь'), *балыктын* 'рыбы' (*балык* 'рыба'), *бедіктіӈ* 'высоты' (*бедік* 'высота'), *кузуктуӈ* 'кедровой шишки' (*кузук* 'кедровая шишка'), *миистиӈ* 'рога' (*миис* 'рог'), *каптыӈ* 'мешка' (*кап* 'мешок').

3. Д а т е л ь н о-н а п р а в и т е л ь н ы й п а д е ж отвечает на вопросы *кумга?* 'кому?', 'к кому?', *чуге?* 'чему?', 'к чему?', 'куда?' и образуется при помощи афф. *-га, -ге, -ка, -ке*. Однако в зависимости от качества последнего звука основы слова с этим аффиксом могут происходить некоторые модификации:

а) если основа слова оканчивается на долгий гласный или дифтонг, а также на сонанты *й, м, н, ӈ, р, л*, то употребляется вариант *-га, -ге*, например: *чаага* 'на войну', *һүдәәге* 'зятю', *һамга* 'шаману', *донга* 'шубе', *һөлге* 'озеру, в озеро, на озеро', *оолга* 'сыну', *аӈга* 'зверю', *карга* 'снегу, на снег', *айга* 'луне, на луну'; в небрежной быстрой речи встречается иногда ассимиляция начального звука *г* аффикса конечным *м* основы; например, наряду с *һемге* скажут *һемме* 'реке, на реку', с *кумга - кумма* 'кому';

б) если основа слова оканчивается на глухой согласный, то применяется вариант *-ка, -ке*, например: *аътка* 'коню, на коня', *бедікке* 'на гору', *эшке* 'другу, к другу', *отка* 'в огонь, огню', *сооккa* 'морозу', *балыкка* 'рыбе', *мииска* 'рогу, на рог', *капка* 'в мешок';

в) если основа оканчивается на согласный *-г*, то начальный *г* аффикса как бы сливается с согласным *г* основы, образуя с ним один простой (не геминату) звук *г*, который может произноситься то как смычный, то как проточный, например: *дага* 'горе, на гору' (*даг* 'гора'), *өге* 'домой, в дом' (*өг* 'дом'), *балыга* 'на рану, в рану, ране' (*балыг* 'рана'), *бе-ге* 'председателю, начальнику' (*бег* 'начальник, председатель колхоза'), *суга* 'в воду, за водой' (*суг* 'вода');

г) если основа оканчивается на краткий гласный, то согласный *-г* аффикса, попавший в интервокальное положение, ослабев, растворяется между гласными. В результате образуется долгий широкий монофтонг *-аа* или *-әә*, например: *ибәә* 'оленю' (<*иби + ге*), *абаа* 'маме' (<*аба + га*), *кишәә* 'человеку' (<*киши + ге*), *сугәә* 'топору' (<*суге + ге*), *кымшаа* 'кнуту' (<*кымшы + га*), *аӈшаа* 'охотнику' (<*аӈша + га*)[20].

4. В и н и т е л ь н ы й п а д е ж отвечает на вопросы *кумну?* 'кого?', *чуну?* 'что?' и образуется при помощи следующих аффиксов:

а) *-ны, -ні, -ну, -ну*, если основа оканчивается на любой гласный и дифтонг и на согласные-сонанты *г, й, м, н, ӈ, р, л*, например: *дагны* 'гору', *сугну* 'воду', *һемні* 'реку', *һамны* 'шамана', *һөлну* 'озеро', *оолну ~ оолны* 'сына', *аӈны* 'зверя', *донну ~ донны* 'шубу', *карны* 'снега', *аӈшыны* 'охотника', *чааны* 'войну', *айны* 'луну';

б) *-ты, -ті, -ту, -ту*, если основа оканчивается на глухой согласный, например: *аътты* 'коня', *эътті* 'мясо', *эшті* 'друга', *балыкты* 'рыбу', *бедікті* 'высоту', 'горку', *миисты* 'рог', *капты* 'мешок'.

5. М е с т н о-в р е м е н н о й п а д е ж отвечает на на вопросы *кумда?* 'у кого?', 'в ком?', *чудэ?* 'у чего?', 'в чем?', 'где?' и имеет два варианта аффиксов:

а) *-да, -дэ*, которые присоединяются к основам, оканчивающимся на любой гласный, дифтонг и согласные-сонанты *г, й, м, н, ӈ, р, л*, например: *дагда* 'на горе', *сугда* 'в воде', *бегдэ* 'у начальника', *айда* 'на луне', *һамда* 'у шамана', *һемдэ* 'на реке', *донда* 'в шубе, на шубе', *аӈда* 'у зверя', *карда* 'на снегу', *оолда* 'у сына', *һөлдэ* 'на озере';

б) *-та, -тэ*, которые прибавляются к основам, оканчивающимся на глухой согласный, например: *аътта* 'у коня', *бедіктэ* 'на горе', *эштэ* 'у товарища', *балыкта* 'у рыбы, в рыбе', *капта* 'в мешке', *мииста* 'на роге'.

6. И с х о д н ы й п а д е ж отвечает на вопросы *кумдан?* 'от кого?', 'из кого?', *чудэн?* 'от чего?', 'из чего?', 'откуда?' и образуется, как и предыдущий падеж, при помощи следующих вариантов аффиксов:

---

[19] Подробнее об истории названия основного падежа и о содержании этого термина см.: *Боргояков М.И.* Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976, с. 28-33.

[20] *Рассадин В.И.* Указ. соч., с. 33.

а) *-дан, -дэн*, которые присоединяются к основам, оканчивающимся на любой гласный, дифтонг и согласные-сонанты *г, й, м, н, ӈ, р, л*, например: *дагдан* 'с горы', *һамдан* 'от шамана', *айдан* 'с луны', *дондан* 'из шубы', *аңдан* 'от зверя', *һөлдэн* 'с озера', *кардан* 'от снега', *һемдэн* 'с реки';

б) *-тан, -тэн*, которые принимают основы, имеющие в ауслауте глухой согласный, например: *аътан* 'с коня, от коня', *эштэн* 'от друга', *бедіктэн* 'с возвышенности', *балыктан* 'от рыбы, из рыбы', *таштан* 'из камня', *каптан* 'из мешка', *миистан* 'из рога'.

7. Частный падеж (Partitiv) образуется при помощи аффиксов *-да, -дэ*, и *-та, -тэ*, употребление которых предопределяется теми же фонетическими условиями, что и употребление эффиксов местного и исходного падежей, например: *сугда* 'воды', *нешта* 'дров', *шейда* 'чаю', *һлямэда* 'хлеба', *көктэ* 'травы, сена', *чжагда* 'масла'.

Таблица 1

Аффиксы простого склонения

Падежи	Аффиксы
Основной	-
Родительный	*-ның, -нің, -нуң, -нүң* *-тың, -тің, -туң, -түң*
Дательно-направительный	*-га, -ге* *-ка, -ке*
Винительный	*-ны, -ні, -ну, -ну* *-ты, -ті, -ту, -ту*
Местно-временной	*-да, -дэ* *-та, -тэ*
Исходный	*-дан, -дэн* *-тан, -тэн*
Частный	*-да, -дэ* *-та, -тэ*

Лично-притяжательное (поссесивное) склонение

Данный тип склонения присущ всем тюркским языкам. Как и во всех них, в тофаларском языке принадлежность предмета (лица) кому (чему)-нибудь выражена в самих словах, обозначающих этот предмет (лицо), аффиксами личной принадлежности, о которых уже выше говорилось. К ним присоединяются в основном те же падежные аффиксы, что и в простом склонении, с незначительными в ряде случае фонетическими изменениями (см. табл. 2).

Основной падеж не имеет аффиксального показателя (нулевое оформление), например: *атам* 'мой отец', *ибиң* 'твой олень', *аты* 'его конь', *атабыс* 'наш отец', *аталар* 'ваш отец'.

Родительный падеж имеет фонетический вариант *-тың (-тің, -туң, -түң)* во 2-м лице мн. числа поскольку аффикс принадлежности *-быс* оканчивается на глухой согласный. Во всех же остальных лицах обеих чисел аффиксы оканчиваются либо на гласный (3-е лицо), либо на сонант, поэтому везде употребляется вариант *-ның (-нің, -нуң, -нүң)*. Примеры: *атамның* 'моего отца', *ибиңнің* 'твоего оленя', *аътының* 'его коня', *атасының* 'его отца', *аһабыстың* 'нашего старшего брата', *боларыңарның* 'ваших ружей', *уруумнуң* 'моего дитя', *көрунъчжууңнуң* 'твоего зеркала', *урууbустуң ~ урууbустың* 'нашего дитя'.

Дательно-направительный падеж претерпевает наибольшие изменения в своем оформлении. В чистом виде он сохраняется лишь в 1-м лице мн. числа - *-ка* и во 2-м лице мн. числа - *-га*. В 1-м лице ед. числа согласный аффикса падежа, ассимилируется согласным аффикса принадлежности. Аффикс падежа, таким образом, принимает вид *-ма, -ме* и употребляется наряду с *-га*. Такая ассимиляция наблюдается, как правило, в случае присоединения аффикса данного падежа к форме личной принадлежности. При стыковке этих аффиксов произносится удвоенный согласный *-мм-*. В простом же склонении это происходит гораздо реже, в единичных случаях.

Во 2-м лице ед. числа наблюдается однотипная ассимиляция, в результате которой возникает вариант падежного аффикса *-ңа/-ңе*, также употребляющийся наряду с *-га*.

В 3-м лице обеих чисел согласный *г* аффикса падежа слился со вставным согласным *н*, который появляется перед всеми косвенными падежами, в один звук - смычный носовой *ӈ*. Аффикс получил облик *-ңа/-ңе*. Этот вариант употребляется чаще, чем *-га (-нга)*. Отличие аффикса 2-го лица ед. числа от данного аффикса заключается в том, что аффикс принадлежности *-ң* и согласный падежного аффикса во 2-м лице не сливаются, а образуют удвоенный согласный: *-ңңа/-ңңе*. В 3-м же лице всегда только один согласный - *-ңа, -ңе*. Примеры: *атамма* 'моему отцу', *атаңңа* 'твоему отцу', *атасыңа* 'его отцу', *атабыска* 'нашему отцу', *атаңарга* 'вашему отцу', *уруумма* 'моему ребенку', *урууңңа* 'твоему ребенку', *урууңа* 'его ребенку', *урууbуска* 'нашему ребенку'.

Винительный падеж в 1-м и 2-м лицах мн. числа никогда не меняет своего облика, варьируя лишь начальным согласным: в 1-м лице после глухого конечного согласного аффикса принадлежности мы имеем вариант *-ты (-ті, ту, -ту)*, а во 2-м лице после конечного сонорного согласного аффикса принадлежности закономерно появляется вариант *-ны (-ні, -ну, -ну)*, например: *атабысты* 'нашего отца', *урубусту* 'нашего ребенка', *һөлуңерні* 'ваше озеро', *аһаңарны* 'вашего старшего брата'. В 3-м лице обеих чисел, как и во многих тюркских языках, винительный падеж оформляется одним согласным *-н*, который присоединяется к аффиксу принадлежности, например: *атасын* 'его отца', *ибисін* 'его оленя', *аътын* 'его коня', *һөлун* 'его озеро', *урууn* 'его ребенка'.

В 1-м и 2-м лицах ед. числа закономерно применяется афф. *-ны (-ні, -ну, -ну)*, поскольку аффиксы принадлежности этих лиц являются сонантами *м* и *ң*, например: *атамны* 'моего отца', *атаңны* 'твоего отца', *аътымны* 'моего коня',

Таблица 2

Аффиксы лично-притяжательного склонения

Падежи	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число	
Основной	-	-	-	-	-
Родительный	*-ныӈ, -ніӈ* *-нуӈ, -нуӈ*	*-тыӈ, -тіӈ* *-туӈ, -туӈ*	*-ныӈ, -ніӈ,* *-нуӈ, -нуӈ*	*-ныӈ, -ніӈ*	*-ныӈ, -ніӈ* *-нуӈ, -нуӈ*
Дательно-направительный	*-ма, -ме* *-га, -ге*	*-ка, -ке*	*-ӈа, -ӈе* *-га, -ге*	*-га, -ге*	*-ӈа, -ӈе* *-нга, -нге*
Винительный	*-ны/-ын* *-ні/-ін* *-ну/-ун* *-ну/-ун*	*-ты, -ті* *-ту, -ту*	*-ны/-ын* *-ні/-ін* *-ну/-ун* *-ну/-ун*	*-ны, -ні*	*-н*
Местно-временной	*-да, -дэ*	*-та, -тэ*	*-да, -дэ*	*-да, -дэ*	*-нда, -ндэ*
Исходный	*-дан, -дэн*	*-тан, -тэн*	*-дан, -дэн*	*-дан, -дэн*	*-ндан, -ндэн*
Частный	*-да, -дэ*	*-та, -тэ*	*-да, -дэ*	*-да, -дэ*	*-нда, -ндэ*

аътыӈны 'твоего коня'. Однако наряду с этим очень часто приходилось слышать *-ын, -ін, -ун*, например: *аътымын* 'моего коня', *аътыӈын* 'твоего коня', *уруумну* и *уруумун* 'моего ребенка', *баӈымын* 'мою голову', *будумун* 'мою ногу', *мунумун* 'мой суп'. Поэтому можно говорить даже о параллельном употреблении двух вариантов форм. Объяснить это явление можно, видимо, тем, что здесь происходит оформление винительного падежа и в 1-м и во 2-м лицах ед. числа по образцу 3-го лица. Вступает в действие принцип аналогии. Это характерно и для древнетюркского языка, о чем будет сказано ниже.

М е с т н о - в р е м е н н о й п а д е ж в первых двух лицах обоих чисел имеет варианты *-да (-дэ)* и *-та (-тэ)* в зависимости от фонетических условий. При этом *-та (-тэ)* употребляется лишь в 1-м лице мн. числа, во всех же остальных случаях - *-да (-дэ)*, например: *атамда* 'у моего отца', *ибиӈдэ* 'у твоего оленя', *уруубуста* 'у нашего ребенка', *һөлубустэ* 'на нашем озере'. В 3-м лице обоих чисел перед афф. *-да (-дэ)* появляется согласный *н*, в результате чего аффикс приобретает вид *-нда (-ндэ)*, например: *атасында* 'у его отца', *аътында* 'у его коня', *өөндэ* 'в его доме', *уруунда* 'у его ребенка'.

И с х о д н ы й п а д е ж обнаруживает ту же вариативность аффикса при тех же фонетических условиях. При этом мы имеем в 1-м лице мн. числа вариант *-тан (-тэн)*, в 1-м лице ед. числа и во 2-м лице обоих чисел вариант *-дан (-дэн)*, а в 3-м лице, обоих чисел - *-ндан (-ндэн)*. Пример: *атамдан* 'от моего отца', *ибиӈдэн* 'от твоего оленя', *уруундан* 'от его ребенка', *һөлубустэн* 'от нашего озера', *адыбыстан* 'от нашего имени'.

Ч а с т н ы й п а д е ж имеет те же варианты аффиксов, что и местный падеж, например: *суумда бернэм* 'дай-ка моей воды', *чжааӈда һал* 'принеси твоего масла', *шээбыста урнам* 'налей-ка нашего чаю'.

Функции и значения падежей

О с н о в н о й п а д е ж в тофаларском языке полифункционален. Существительное в форме основного падежа в первую очередь выступает в предложении как подлежащее, например: *аӈшы нянып келген* 'охотник вернулся домой', *чыдыг чылгап туру* 'собака ест (лакает)', *оол өөренір туру* 'мальчик учится', *кушкаш уъһюп чору* 'птица летит'.

Существительное в форме основного падежа является также подлежащим при сказуемом, выраженном глаголом в страдательном залоге, например: *тэргэ андарылды* 'телега опрокинулась', *иби кудуруктуга туттурду* 'олень пойман волком', *кеъш кырдынбас* 'шкура плохо скоблится'.

Другой функцией основного падежа является оформление именной части сказуемого, например: *ол ашняк эккі аӈшы болган* 'тот мужик был хорошим охотником', *ында олуру киши миин аһам* 'там сидящий человек - мой старший брат'.

В форме основного падежа существительное выступает в сочетании с числительными: *беш иби* 'пять оленей', *чус дииӈ* 'сто белок', *бірээ метыр бір кесік* 'полтора метра', *үш өрум һлээмэ* 'три ломтя хлеба', *дөрт сачжим неш* 'четыре поленицы дров'.

Это основные функции данного падежа. Кроме того, есть еще несколько функций (прямое и косвенное дополнение, оп-

ределение), которые признаются одними тюркологами[21] и не признаются другими[22]. Дело в том, что в тофаларском языке очень часто существительное в форме основы выступает в роли прямого дополнения, если речь идет не о каком-либо конкретном предмете, а вообще о предметах такого рода, т.е. когда налицо неопределенность, неконкретность объекта. Это один из способов грамматического выражения неопределенности, например: *мен балык тутадырмен* 'я ловлю рыбу', *оң ниңеэк санап туру* 'он читает книги', *кудуруктуг иби тутуп чиир* 'волк ловит и ест оленей', *оолгыс аккаш чулганнар* 'дети рвали цветы', *кыс тук чулап туру* 'девочка теребит шерсть'.

Основной падеж лично-притяжательного склонения используется в тофаларском языке для обозначения определенного объекта. Здесь объектные отношения не оформлены винительным падежом, а определенность, конкретность выражается аффиксом личной принадлежности, например: *мен атым багладым* 'я привязал своего коня', *сен аътың багладың* 'ты привязал своего коня', *бис аътыбыс багладывыс* 'мы привязали нашего коня', *сілер атыңар багладыңар* 'вы привязали своего коня'. Отсутствие аффикса винительного падежа наблюдается только в 1-м и 2-м лицах обеих чисел. В 3-м лице объект уже оформляется аффиксом винительного падежа (*атын баглади* 'он привязал своего коня').

Основной падеж выступает также вместо родительного в изафетных конструкциях, если речь опять-таки идет не о конкретном предмете, которому принадлежит та или иная вещь, его составная часть или свойство, а о классе этих предметов вообще, т.е. это то же грамматическое выражение неопределенности. Такие изафетные конструкции часто лексикализуются и выступают как термин, так как эта неопределенность сопровождается обобщением, например: *һачжуур сыъпы* 'рукоятка косы', *иби дугу* 'оленья шерсть', *боо дачжы* 'кремень' (букв. 'ружейный камень'), *кар суу* 'снеговая вода', *карак суу* 'слезы' (букв. 'вода глаза'), *сут суу* 'сыворотка' (букв. 'вода молока'), *өг нечжі* 'бревно' (букв. 'дерево дома').

Кроме того, некоторые существительные в форме основного падежа, примыкая к другим существительным, выполняют чисто атрибутивную функцию, например: *тэмир орук* 'железная дорога' (букв. 'железо-дорога'), *дачж ог* 'каменный дом' (букв. 'камень-дом'), *алтан сырга* 'золотые серьги' (букв. 'золото-серьги'). Обычно в таких сочетаниях участвуют существительные, обозначающие различные металлы, материалы,

[21] См.: *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1960, с.93-95; *Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., "Наука", 1964, с. 114; *Тумашева Д.Г.* Хәзәрге татар әдәби теле морфологиясе. Казань, 1964, с. 57.

[22] См.: Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М., "Наука", 1969, с. 141; Современный казахский язык, с. 160.

вещества, и подобные сочетания скорее являются сложными словами, в которых первый компонент как бы определяет, уточняет второй, так как любое определение в тофаларском языке всегда стоит перед определяемым.

Встречается также употребление основного падежа в функции дательно-направительного, что отмечается и для других тюркских языков[23]. Обычно это происходит при глаголах движения, не указывающих на конкретное направление, например: *ырагый чжер каъһяр няңныг* (из песни) 'обычно убегает далеко', *буруңгаарыкии чжер чжораан мен* 'я ездил на восток', *ырак чер кылаштап чорааным, кол будум шылаэ берген* 'я пешком шел далеко, конечности занемели'.

В и н и т е л ь н ы й п а д е ж является объектным падежом и оформляет всегда прямое дополнение. Эта функция падежа перекликается с подобной функцией основного падежа, поэтому эти падежи здесь рассматриваются вместе. Разница только в том, что винительный оформленный падеж употребляется только тогда, когда объект точно известен, конкретен. По сути дел это грамматическое оформление определенности в языке, например: *кудуруктуглар ибині туткаш ырарлаан* 'волки поймали и разорвали оленя' (волки могли поймать и разорвать какого-то одного, конкретного оленя, поэтому объект оформлен винительным падежом). При этом на конкретность, определенность того или иного объекта действия могут дополнительно указывать аффиксы личной принадлежности, о чем было сказано выше, а также определение в виде местоимения, прилагательного, числительного и причастия. Личные имена также всегда оформляются винительным падежом, так как имя - это уже конкретизатор лица. Примеры: *бо аътты мунуб ал* 'садись на этого коня', *оң иһи кишині көрубіткен* 'он увидел двух человек', *экки чарыны сатыб алдым* 'я купил хорошего ездового оленя', *келген аальчжыларны олуруткаш* 'усадив прибывших гостей'.

Как уже говорилось выше, объект в форме притяжания может не принимать аффикса винительного падежа, так как конкретизация, определенность уже выражена аффиксом притяжания. Однако твердого правила здесь как будто бы нет. Присоединение аффикса винительного падежа к аффиксу притяжания также наблюдается довольно часто, а в 3-м лице даже обязательно. Так, наряду с *аътым багладым* 'я привязал своего коня' говорят и *аътымын багладым*.

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж в тофаларском языке, как и во всех вообще тюркских языках, выражает принадлежность предмета (лица) или явления другому предмету (лицу) или явлению. В отличие от основного падежа в изафетной конструкции, идея принадлежности здесь является конкретной, определенной. По сути дела это грамматическое выражение определенности. Применяется оформленный родительный тогда, когда принадлежность четко определена. Примеры: *бо кишиниң аъты* 'конь этого человека', *Семеэннің абасы келген* 'пришла мать Семена'.

[23] См., например: *Кононов А.П.* Указ. соч., с. 95.

Имена существительные в родительном падеже выполняют функцию определения. В тофаларском языке обычны случаи, когда существительные в этом падеже становятся именной частью сказуемого, выражая принадлежность, например: *Бо аът ол кишинің* 'этот конь того человека', *ол һинеэк миің* 'та книга моя', т.е. в тофаларском языке нет притяжательных форм типа татарских *минеке*, тувинских *мээңии*, хакасских *миңии*, туркменских *мениңки* 'мой'. В тофаларском языке вместо них употребляется обычный родительный падеж.

Дательно-направительный падеж оформляет в основном косвенное дополнение, т.е. объект, на который направлено действие. Направленность действия при этом принимает самые разнообразные формы - от непосредственной до абстрактной формы ориентировки действия на объект. Конкретно этот падеж выражает в тофаларском языке:

1) направление, а также конечную цель движения или какого-либо действия: *бис Москваага чораан бис* 'мы ездили в Москву', *ол һемге талыйган* 'он уехал на ту речку', *өге кірген* 'он вошел в дом', *суга тушкен* 'он упал в воду', *оң һинеэкты оолга берді* 'он дал книгу мальчику';

2) конкретную цель, причину: *мен дуска келдім* 'я приехал за солью' (чтобы взять какую-то конкретную соль, а если хотят подчеркнуть, что нужна вообще соль, то скажут: *мен дуспылап келдім*), *оң суга барган* 'она ушла за водой', *чалама катка кийфайыдыры* 'флаг развевается на ветру' (от ветра), *һунге чу тэ кылас кынды* 'на солнце что-то сверкнуло';

3) цену, эквивалент: *он солһоолвайга сатыб алдым* 'я купил за десять рублей', *мен донум боога орнаштырдым* 'я променял шубу на ружье';

4) срок: *брәә айга келді* 'он приехал на один месяц'.

Кроме того, дательно-направительный падеж оформляет имя существительное в составе некоторых устойчивых словосочетаний типа *кышка кір-* 'начать зимовать', *тынынга туъш-* 'задыхаться', *аайга олыр-* 'сидеть смирно', *уйһэа алыс-/баъстыр-* 'много спать', *сагышка туъш-* 'переживать', а также в ряде послеложных конструкций, например: *немгé чеътірі чораан бис* 'мы ехали до реки'.

Очень распространено в тофаларском языке употребление этого падежа при каузативных глаголах, выражающих в определенных случаях страдательные отношения, когда одно лицо или предмет испытывает какое-либо действие со стороны другого лица или предмета. При этом слово, означающее реального исполнителя действия, ставится в форме дательно-направительного падежа, "пострадавшее" же лицо или предмет - в форме основного падежа, например: *маллар пастууктарга чыъһатқан һемге* 'пастухи прижали скот к реке' (букв. 'скот прижат пастухами к реке'), *мен бо эмшәә эмнэдір мен* 'я буду лечиться у этого врача', *оол иътка иъсырткан* 'мальчик укушен собакой".

Довольно часто встречается оформление имен дательно-направительным падежом в тех случаях, когда по сути дела

надо выразить локативные значения, и в других тюркских языках здесь всегда употребляется местно-временной падеж. Примеры: *өлүрген аңны бур һырынга сойар бис* 'убитого зверя мы обдираем на ветках', *балһашка чэйттылады чоруур* 'идти, хлюпая, по грязи', *час боды бәәргэ дайгалээй бәәр* когда наступит весна, перекочует в белогорье', *ол буруңгуу удундэн көөрубуске чу тэ көзулбес болган* 'когда мы посмотрели в первую дыру, ничего не было видно'. В тофаларском языке возможно, разумеется, в некоторых из этих случаев оформление и местно-временным падежом, но смысл при этом несколько изменился бы. Так, по нашим наблюдениям, между временными придаточными предложениями, образуемыми постановкой причастий в дательном или местном падежах, следующая разница. Если имеется в виду какое-либо действие вообще, безотносительно к конкретному моменту времени, то применяется местно-временной падеж. Если же речь идет о конкретном текущем моменте времени, то используется дательно-направительный падеж, например: *чоруурда* означает 'когда он уезжает', а *чоруурга* - 'когда он поедет, уезжая', *ыньчжаарда* - 'тогда, в то время', а *ыньчжаарга* - 'когда он так поступает',

Местно-временной падеж назван так потому, что он оформляет обстоятельство места, указывая на местонахождение предмета (лица) (например: *мен өгдэ мен* 'я дома', *оң ташта олуру* 'он сидит на камне', *оларың ол тайгада көъһүп чорулар* 'они кочуют в той тайге'), а также обстоятельство времени, означая время совершения действия (например: *ол һиредэ өгдэ кум та йок болган* 'в то время дома никого не было', *бірәә айда иштэнгэн бис* 'работали в течение одного месяца').

Исходный падеж выражает точку, от которой начинается действие, место отрыва предмета от чего-либо. В предложении этот падеж оформляет косвенное дополнение или обстоятельство. Можно выделить следующие основные значения исходного падежа:

1) удаление, отрыв, изымание, испрашивание, требование предмета от чего-либо или кого-либо: *оң коорыттан няныпкелді* 'от вернулся из города', *ділгидэн бэтырадыры ирезаң* 'медведь спрашивает у лисицы', *оң аңшыдан боо кунаб алды* 'он отнял у охотника ружье';

2) указание на отдаленность какого-либо предмета от исходной точки: *Чаһарбан Нерсадан иһи йус килоометырда аңнап чору бо йылын* 'Чахарбан в этом году охотится в 200 км. от Нерхи';

3) указание на объект, являющийся мерилом для сравнения: *аът ибидэн улуг* 'конь больше оленя', *һирезіндэн тэък* 'раньше срока', 'досрочно', *ол ойдан куду* 'ниже того ручья'.

Кроме того, исходным падежом управляет ряд послелогов: *частан алы аарыйдыры* 'болеет с весны', *ачжыры сооктан иңгай аңнықка чоруваан* 'он не поехал на промысел из-за слишком большого мороза'.

Исходный падеж в тофаларском языке употребляется довольно часто также для оформления обстоятельства места свершения того или иного действия (в основном при глаголах движения), например: *даглар һырындан кар чжаап туру* 'на горах

идет снег', *удундэн көөрубуске чу тэ көзулбес болган* 'когда мы заглянули в пещерку, ничего не было видно', *мен һыриндан баар мен* 'я пойду хребтом', *һемні туэттан кеҷштівис* 'мы перешли реку по ледяному перешейку', *даг һөэндан чжоруур* 'идти по подножию горы'.

Исходным падежом управляет ряд глаголов, например: *сугдан коъртпа, һайадан коърт* (поговорка) 'не бойся воды, бойся скалы', *уруум колындан чжеткен мен* 'я вел своего ребенка за руку'.

Частный падеж выполняет партитивные функции, употребляясь в основном с теми именами существительными, которые своим лексическим значением допускают партитивность, частичность охвата действием. В качестве объекта выступает только часть предмета, а так же один или несколько конкретных предметов из множества. Так, если хотят, чтобы кто-то выпил не весь чай, а только его часть, то скажут *шэйда ишивит* 'выпей чаю', а если весь чай - то *шэйны ишивит*. Употребляется он главным образом с повелительным наклонением. Примеры: *сугда һал* 'принеси воды', *һлямэда һан* 'дай хлеба', *нешта ир* 'наколи дров', *тааста һал* 'принеси таз'.

Из других тюркских языков частный падеж есть еще в якутском языке, при этом аффикс имеет тот же вид: *-та, -то, -тэ, -тө, -да, -до, -дэ, -дө* и т.д. по закону ассимиляции[24]. Происхождение этого аффикса в якутском языке Л.Н.Харитонов связывает с древнетюркским местно-исходным падежом -da. Эта точка зрения на наш взгляд не лишена основания, на чем остановися ниже.

Общие особенности категории склонения в тофаларском языке

В тофаларском языке представлены все шесть общетюркских падежей: основной, родительный, дательный, винительный, местный, исходный. Эти же падежи реконструируются и на уровне тюркского праязыка[25], в котором восстанавливается до девяти падежей.

Несколько отличает тофаларский язык от тувинского и даже самого близкого к тофаларскому языку его тоджинского диалекта наличие в тофаларском языке особого частного падежа (партитива) и отсутствие специального направительного падежа, представленного в тувинском и хакасском языках. Отсутствуют в тофаларском языке также орудийный и совместный падежи, развившиеся в хакасском, алтайском и шорском языках. Таким образом, среди языков Саяно-Алтая тофаларский имеет свою самостоятельную систему склонения со своими фонетическими вариантами общетюркских падежных аффиксов, которые относятся к кыпчакско-киргизо-карлукскому типу, так как генитив и аккузатив всегда имеют начальный *-н-*, а

[24] См.: *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 107.

[25] См.: *Щербак А.М.* К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания. - Советская тюркология, 1972, № 4, с. 3.

датив - всегда начальный *-г-*[26]. Если выйти за пределы языков Саяно-Алтая, то окажется, что тофаларский частный падеж имеет полную аналогию в якутском языке, о чем нами уже сообщалось[27]. Остальные же падежи и их показатели общетюркские. Отсутствие вариантов с начальным *-д-* у генитива и аккузатива отличает тофаларский язык от тувинского, шорского и алтайского и сближает с хакасским литературным и чулымским языками.

Вопроса о происхождении падежных аффиксов в тюркских языках и об истории сложения ныне существующей падежной системы в них мы здесь касаться не будем, поскольку по этому поводу имеется достаточно большая литература с различными точками зрения и все это довольно подробно и обстоятельно разобрано в труде М.И.Боргоякова[28].

Возвращаясь к частному падежу, отметим, что появление его в тофаларском и якутском языках нельзя объяснить иноязычным влиянием, так как этот падеж не отмечается ни в самодийских, ни в угорских, ни в кетском, ни в эвенкийском языках. Есть, правда, аналогия в прибалтийско-финских языках, в которых партитив тоже имеет показатель -ta, но развился он из аблатива[29]. Следовательно, истоки партитива в тофаларском и якутском языках необходимо искать среди интралингвистических факторов. Таким источником мог быть только показатель древнего местно-исходного падежа -da/-dä, -ta/-tä, отмечаемого как в орхоно-енисейских надписях, так и в древнеуйгурском языке[30]. Продолжает сохранять значение аблатива этот показатель и в средневековых тюркских языках[31].

Таким образом, и в тофаларском и в якутском языках значение партитива вполне могло развиться из значения аблатива. Кстати, во многих современных тюркских языках партитивность как раз и передается исходным падежом с показателем *-дан*. Поэтому ничто не противоречит мнению, что партитив в тофаларском и якутском языках развился на собственно тюркской почве. Поскольку афф. -da в древних тюркских языках имел значение и местного и исходного падежей, то одной из его функций вполне могло быть выражение партитивности. В таких изолированных языках, как тофаларский и якутский, это архаичное выражение партитивнос-

[26] См.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 46.

[27] См.: *Рассадин В.И.* Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. - В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. М., 1976. с. 134.

[28] *Боргояков М.И.* Указ. соч.

[29] См.: *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 178.

[30] См.: *Насилов В.М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 29-30; *Он же.* Древнеуйгурский язык, с.36.

[31] См.: *Щербак А.М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961, с. 80-81; *Насилов В.М.* Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма. - ВЯ, 1971, № 1, с. 106.

ти показателем -da могло законсервироваться и дожить до наших дней.

Однако в связи с этим напрашивается вопрос: а не мог ли просто сохраниться в одной из своих функций этот древний местно-исходный падеж? Тогда нет никакого частного падежа, а мы имеем обычные остатки древнего местно-исходного падежа, от которого сохранилось только значение партитива и который четко отмежевался от чисто исходного падежа с показателем *-дан*. В таком случае для тофаларского языка местный падеж предстает в виде местно-партитивного. Для якутского языка - только партитивного, поскольку местного падежа в нем не сохранилось, а его функции взял на себя дательный.

Тофаларский и якутский языки сохранили еще одну характерную особенность древнетюркского склонения, на этот раз посессивного. Так, якутский язык, как и древнетюркский, имеет показателем аккузатива *-ын*, а не *-ны*, как во всех современных тюркских языках[32]. Речь не идет здесь об оформлении винительным падежом 3-го лица, так как в этом лице большинство современных тюркских языков имеют показателем падежа *-н: атын* 'его коня', *атасын* 'его отца'. Суть дела в том, что в 1-м и 2-м лицах обеих чисел во всех прочих тюркских языках применяется афф. *-ны: атымны* 'моего коня', *эҥаҥны* 'твоего отца', а в якутском языке в этих лицах используется показатель *-ын*[33]: *аппытын* 'нашего коня', *аттаргытын* 'ваших коней', *аппын* 'моего коня', *аккын* 'твоего коня', *аттарбын* 'моих коней' и т.п.

Считалось, что в тофаларском языке посессивное склонение имеет в аккузативе общераспространенные тюркские показатели *-ны/-ні, -ты/-ті* для 1-го и 2-го лиц обеих чисел, а для 3-го лица - *-н*, например: *аътымны* 'моего коня', *аътыҥны* 'твоего коня', *аътын* 'его коня', *аътыбысты* 'нашего коня', *аътыҥарны* 'вашего коня' и т.п.[34] Однако наряду с *-ны/-ні* во многих случаях наш материал для 1-го и 2-го лиц ед. числа дает также окончание *-ын/-ін*. Аккузатив для этих лиц выглядит поэтому совсем как в древнетюркском языке, например: тоф. *аътымын* 'моего коня', *аътыҥын* 'твоего коня', *баһымын* 'мою голову', *баһыҥын* 'твою голову', *чарымын* 'моего оленя', *чарыҥын* 'твоего оленя', *мунумун* 'мой суп'. Ср. др.-тюрк. *сабымын* 'мою речь', *каныҥын* 'твоего отца', *илиҥин* 'твой иль', *атын* 'его коней'[35].

Факты свидетельствуют, таким образом, что тофаларский язык, как и якутский, продолжает сохранять, хотя и ограниченно, только для ед. числа, древнюю систему оформления

[32] См.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 52.

[33] *Харитонов Л.Н.* Указ. соч., с. 117; *Убрятова Е.И.* Якутский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т.2. Тюркские языки. М., 1966, с. 409.

[34] *Castrén M.A.* Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises SPb., 1857; *Диренкова Н.П.* Указ. соч., с. 13.

[35] *Кондратьев В.Г.* Указ. соч., с. 10.

аккузатива в первых двух лицах показателем *-ын*, совпадающим с аффиксом 3-го лица *-н*. Правда, с этим *-ын* сосуществует показатель *-ны*, что говорит о наложении более новой системы оформления аккузатива в посессивном склонении на архаичную, о их контаминации и сосуществовании.

Другие падежи, восстанавливаемые в тюркском праязыке - творительный (инструментальный) с показателем *-γn*, направительный с показателем *-qaru/-γaru* и сравнительно-ограничительный с показателем *-ča*[36] - в современном тофаларском языке также сохранились, но только в рудиментарном виде. Рассмотрим их подробнее.

Древний инструментальный падеж имеет тот же показатель *-н, -ын/-ін, -ун/-үн*, что и в древнетюркском языке[37]. Восстанавливается он, например, в следующих тофаларских словах: наречиях *аътын* 'внизу; низом, в низовье', *уъстун* 'вверху; верхом, в верховье', *таъштын* 'на улице, на дворе, снаружи'; местоимениях *баршаан* 'все, все вместе' (<*барша* 'все'), *төдээн* 'все, все вместе' (<*төду* 'все'), *каъһын?* 'когда?' (<*каъш* 'сколько' + *-ын*); собирательных числительных *нюҥускаан* 'один, в одиночку' (<*нюҥуска* 'один, в одиночку'), *иъһээн* 'вдвоем' (ср. др.-тюрк. ikägü + n), *үчжээн* 'втроем' (ср. др.-тюрк. üčägü + n) и т.п.; у послелога *уун* 'в направлении к ..., по направлению к ...'. Как видно из примеров, все эти образования представляют сейчас застывшие формы. Новых слов и форм в языке этот падеж не образует. Аналогичная картина и в остальных современных тюркских языках, где все формы этого падежа перешли в разряд наречий[38].

Реликты другого древнего падежа, направительного, также довольно многочисленны в тофаларском языке. Все сохранившиеся формы этого падежа сейчас представляют собой наречия, некоторые из которых стали существительными. Показатель этого падежа почти тот же - *-каары/-гаары, -кээрі/-гээрі*, что и в древнетюркском языке[39], например: тоф. *һуҥгээрі* 'на юг; юг', *буруҥгаары* 'вперед; на восток; восток', *соҥгаары* 'на запад; запад', *караҥгаары* 'на север; север', *оҥгаары* 'направо', *кедээрі* 'чуть выше вверх по горе', *инаары* 'туда', *минаары* 'сюда', *часкаары* 'поздней зимой, ближе к весне' и т.п. Появление долготы широких гласных в этом аффиксе можно, вероятно, объяснить тем, что очень часто широкий гласный перед узким произносится несколько затянуто[40]. Так, например, образовались долгие гласные во многих словах хакасского языка[41]. Насколько широко остатки

[36] См.: *Щербак А.М.* К характеристике системы тюркских падежей... с. 3.

[37] См.: *Cabain A. von.* Указ. соч., с. 89.

[38] См.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 59.

[39] См.: *Cabain A. von.* Указ. соч., с. 89.

[40] См.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 20, 37.

[41] См.: *Боргояков М.И.* Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке. - Уч. зап. ХакНИИЯЛИ, 1966, вып. 12, с. 82, 86, 88-89.

этого падежа распространены в тюркских языках, хорошо показывают сравнительные материалы Н.Ф.Катанова[42].

Показатель сравнительно-ограничительного падежа -ča/-čä также широко представлен в современных тюркских языках, в которых он развил многообразные семантические оттенки. При этом объединяющим моментом является значение предельности, что верно подмечено А.М.Щербаком[43]. Это основное значение афф. -ča/-čä позволило О.Н.Бётлингку связать его происхождение со словом čäq 'время, мера'[44]. Как известно, оно входит в состав послелога čaqly 'до, около, примерно', довольно распространенного в тюркских языках.

Во многих тюркских языках этот продуктивный афф. -ča/-čä образует теперь наречия, например: в татарском языке - *авылча* 'по деревенски', *татарча* 'по-татарски', *яңача* 'по-новому', *туганнарча* 'по-братски', *кышкача* 'до зимы'[45]; в узбекском языке - *фикримча* 'по моему мнению', *янгича* 'по-новому', *менингча* 'по-моему', *унча* 'так, настолько', *тожикча* 'по-таджикски', *акаларча* 'по братски', *хозирча* 'до сего времени'[46].

Алтаисты находят соответствия этому аффиксу за пределами тюркских языков. Так Г.И.Рамстедт считает падеж на -*ča*, по его терминологии, уравнительным (casus aequativus), общеалтайским и производит его от корейского слова -čhaj[47]. В.Л.Котвич также признает форму на -ča/-čä общеалтайской, произошедшей от тюрко-монгольского слова čaγ 'время, единица времени, мера'. Причем, для тюркских языков В.Котвич предлагал считать эту весьма продуктивную форму особым падежом (сравнительным или относительным - компаративом или релятивом) и включить в парадигму склонения[48].

Если рассмотреть подробнее бытование этой формы в других тюркских языках Саяно-Алтая, то получим следующую картину.

В тувинском языке афф. -*че/-же*, возводимый к рассматриваемому нами показателю -ča/-čä, образует особый направительный падеж и включается в парадигму склонения, например: *атче* 'к лошади', *ховуже* 'в степь', *шоодайже* 'в мешок', *хемче* 'к реке'[49]. В тофаларском языке эти отношения выражаются дательно-направительным падежом: *аътка* 'лошади, к лошади, на лошадь', *шелге* 'в степь', *мишээкке* 'в мешок', *немге* 'к реке, на реку'. Других отношений этот аффикс в тувинском языке не выражает.

[42] *Катанов Н.Ф.* Указ. соч., с. 293-295.
[43] См.: *Щербак А.М.* Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках. - Советская тюркология, 1974, № 1, с.34.
[44] См.: *Böhtlingk O.N.* Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, S. 269, § 427.
[45] См.: Современный татарский литературный язык, с. 299-301.
[46] См.: *Кононов А.П.* Указ. соч., с. 282-284.
[47] См.: *Рамстедт Г.И.* Указ. соч., с. 51-53.
[48] *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. Перевод с польского. М., 1962, с. 191-193.
[49] *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 138.

В шорском языке Н.П.Дыренкова выделяет послелог-аффикс *ча*, который в сочетании с именем соответствует направительно-продольному падежу, например: *тайгача* 'по тайге, через тайгу', *чолча* 'по дороге', *сугча* 'по воде', *чазыча* 'по степи', *кестимче* (~*ча*) 'позади меня'[50]. Кроме того, она особо отмечает сочетание имени с послелогом-аффиксом *че*, которое соответствует сравнительно-предельному падежу, например: *моюнче* 'по горло', *айче* (~*ча*) 'с месяц, около месяца', *коораче-ле* (~*ча-ла*) 'с хариус величиной'[51].

В алтайском языке Н.П.Дыренкова выделяет *ча~че* как послелог, который в сочетании с именем означает: 1) равенство с этим предметом по величине или количеству: *сенче бала* 'ребенок с тебя (ростом)', *атча кулун* 'жеребенок с коня (величиной)'; 2) направление и образец или норму, сообразно с которой совершается действие: *менинъ кейнимче* 'следом за мной', *слернинъ алдыгарча* 'мимо вас'. В то же время она приводит как самостоятельный послелог-аффикс сравнения и предела *ча~че, чо~чӧ* 'как, подобно чему'. Примеры: *сенинъ уулынъ бистинъ уулча* 'твой сын как наш', *сенче киши* 'человек с тебя', *ат бажынча* 'величиной с голову коня'[52].

Н.А.Баскаков относит форму на -*ча/-че* в алтайском языке к наречиям: *атча* 'величиною с лошадь, как лошадь'[53].

В хакасском языке Н.П.Дыренкова относит форму на -*ча/-че* к наречиям, отмечая, что форма эта показывает сравнение и направление, например: *талайча* 'величиной с море', *ӧртекче* 'размером с утку', *чолча* 'по дороге', *чирче* 'по земле'[54].

Научная грамматика хакасского языка форму на -*ча/-че* также трактует как наречие, относя этот показатель к числу продуктивных адвербиальных аффиксов. Там, в частности, сказано, что "аффикс -*ча/-че* восходит к послелогу, но в настоящее время в функции послелога он не употребляется. По характеру употребления и по значению слова с аффиксами -*ча/-че* ... в современном хакасском языке выступают как наречия со значением места и степени"[55]. Примеры: *чолча* 'по дороге', *столча* 'по столу', *хырача* 'по пашне', *турача* 'величиной с дом', *атча* 'величиной с лошадь'.

Таким образом, значения места, главным образом продольности, и сравнения, уподобления по величине характерны для этого аффикса в хакасском, шорском и алтайском языках и не представлены в тувинском.

В хакасском языке этот аффикс присоединяется к основному падежу и к основе с -*н* в 3-м лице лично-притяжательной формы. Это же отмечается и для шорского языка, в кото-

[50] *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941, с. 64.
[51] *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка, с. 64-65.
[52] *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, с. 217, 218.
[53] *Баскаков Н.В.* Алтайский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 518.
[54] *Дыренкова Н.П.* Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948, с. 119.
[55] Грамматика хакасского языка, с. 109, 268.

ром он присоединяется и к другим показателям лица, например: *кестимча* 'позади меня'.

Настораживает в данном случае появление согласного *-н* перед аффиксом 3-го лица личного притяжания. Обычно это происходит при присоединении падежных аффиксов и не наблюдается при употреблении послелогов и даже аффиксов, которые еще не утратили, видимо, семантической и материальной связи с послелогом, например: в шорском языке - *шаназыба* 'его лыжей, с его лыжей' (<*шаназы бла*), *колыба* 'его рукой, с его рукой' (<*колы бла*)[56], в тофаларском языке - *аъты бле* 'с его конем', 'его конем', *колы бле* 'его рукой, с его рукой'. Вероятно, статус формы на *-ча/-че* несколько иной, чем обычный наречный аффикс, а тем более аффикс-послелог. Универсальность же его применения укрепляет эти сомнения.

Совсем иное трактование формы на *-ча/-че* в хакасском языке находим в работе М.И.Боргоякова, посвященной системе склонения хакасского языка[57]. Здесь он называет ее формой продольно-сравнительного падежа и включает в парадигму склонения. Учитывая все доводы, приводимые нами выше относительно этой формы, мы поддерживаем точку зрения М.И.Боргоякова.

Наш материал показывает, что и в тофаларском языке широко употребляется данная форма, произносимая здесь как *-ша/-ше*. Как и в хакасском, алтайском и шорском языках, в тофаларском она тоже используется для выражения пространственных отношений (распространения действия-движения по поверхности предмета), т.е. в значении продольного падежа, например: *орукша* 'по дороге', *бо угша* 'в этом направлении', *суг аайынша* 'по течению реки', а также для указания на предмет или явление, сообразно с которым или следуя которому осуществляется какое-либо действие, например: *һөӈнумше* 'по-моему желанию', *айбыӈша* 'по твоему приказу'.

Но в отличие от указанных языков, в тофаларском аффиксу *-ша/-ше* сейчас несвойственно выражение временных и сравнительно-уподобительных отношений. Так, приводимые М.А.Кастреном тофаларские словоформы atśa boler 'он будет с коня, как конь', menśä boler 'он будет как я'[58], современные тофы не понимали, так как в современном языке этим формам соответствуют: *аът тэг болыр* и *мен дэг болыр*. Также вместо приводимых Кастреном alganśa 'пока он возьмет', 'прежде, чем он возьмет', kilgänśä 'прежде, чем он придет' произносят *алгыша* и *келгіше*, т.е. здесь не причастие прошедшего времени, а древнее имя действия на *-γu*.

Таким образом, материалы Кастрена показывают, что когда-то и тофаларскому языку было свойственно выражение этой формой сравнительно-уподобительных отношений, что характеризует как древнетюркские, так и современные тюркские языки. Об этом же свидетельствуют и употребляемые в современном тофаларском языке застывшие формы с этим показателем,

[56] *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка, с. 50-51.
[57] *Боргояков М.И.* Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке, с. 117-121.
[58] *Castrén M.A.* Указ. соч., с. 64.

возникшие в свое время для выражения сравнительно-уподобительных отношений.

Среди застывших форм с показателем *-ша/-ше* Г.И.Рамстедт выделял в тофаларском языке (по материалам Кастрена) t'eč̌e, češe 'сколько', возводя его к праформе ječ̌ä наряду с якутским tösö, töhö id. (ср. совр. тоф. *чеъһе* id), а также inč̌ä, end'ä 'столько же', сравнивая его с др.-тюрк. anča id.[59] (ср. совр. тоф. *иньчжа* 'так; столько'). Сюда же мы относим тоф. *миньчжа* 'так; столько', *каньчжа* 'как', а также глаголы *иньчжа-* 'так делать', *миньчжа-* 'этак делать', *каньчжа-* 'как делать', *отчу-* 'разгораться - об огне', *муньчжу-* 'стать наваристым - о бульоне, супе', в которых тоже содержится в какой-то мере уподобительная семантика.

Таким образом, в тофаларском языке имеются реликты древнего словообразовательного афф. *-č̌a/-č̌u* с уподобительным значением, который по своему содержанию соответствует выделенному Г.И.Рамстедтом в монгольском и тунгусском языках глаголообразующему отыменному афф. *-č̌a* с тем же уподобительным, по существу, значением, например: монг. čarč̌a- 'отвердеть, окоченеть' (<*č̌ar* 'сухая кора'), dulagaca- 'согреваться', (<dulagan 'тепло'), dajič̌a- 'становиться врагами' (<dajin 'враг')[60]. В тофаларском языке *-ша/-ше* очень древний аффикс. Для современного состояния языка живым и продуктивным является одно его значение - выражение пространственных отношений продольности, к которому примыкает и выражение следования чему-л., кому-л.

Гармонирование этого аффикса с основой имени, его универсальность, т.е. способность присоединяться к любому имени для выражения указанных отношений, а также к аффиксу принадлежности с согласным *-н* в 3-м лице при посессивном типе склонения, заставляют считать форму на *-ша/-ше* в тофаларском языке скорее падежом, чем наречием. Примеры: *бо һем удунше чоъктады талыйды* 'он ушел вверх по долине этой реки', *сен соомша эдэріп чорува* 'ты не ходи сзади меня', *изинше сурер истіг иик* 'надо было гнать по его следу', *һөӈнуӈше болбас* 'по твоему желанию не будет', *сообусша тыныракка чоруса чеътэр* 'если пойдет за нами побыстрее, то догонит', *соонша чорува* 'не ходи позади него'. При замене афф. *-ша/-ше* аффиксом *-да/-дэ* получим значение локатива: *соомда* 'сзади меня', *соонда* 'сзади него', *сообусша* 'позади нас', *һем удундэ* 'в долине реки', *изиндэ* 'на его следу', т.е. формы с афф. *-ша/-ше* как бы входят в парадигму пространственных падежей. Синтаксическая роль этой формы - выражать обстоятельство места. Но ведь не всякое обстоятельство обязательно наречие. А здесь как раз отсутствует лексикализация.

Итак, в тофаларском языке, как и в хакасском, форма на *-ша/-ше* имеет статус падежной формы. При этом в тофаларском языке за ним закрепилось значение продольности, вследствие чего этот падеж лучше назвать продольным (Prosecutivus). Как особый падеж продольный падеж существует в со-

[59] *Рамстедт Г.И.* Указ. соч., с. 51.
[60] *Рамстедт Г.И.* Указ. соч., с. 176.

седних с тюркскими языками Саяно-Алтая самодийских и кетском языках, представлен он и в эвенкийском[61]. Закономерно предположить, что продольный падеж в хакасском и тофаларском, а также значение продольности в наречном аффиксе алтайского и шорского языков могли возникнуть или развиться из других, неизвестных пока значений древней формы -ča/-čä как раз под влиянием соседних самодийских и кетских языков, с которыми, как известно, тюркские языки Саяно-Алтая находятся в субстратных отношениях.

Парадигма действующих падежей современного тофаларского языка с учетом предлагаемого нами (в порядке дискусии) продольного падежа будет выглядеть следующим образом:

1. Основной падеж	-
2. Родительный падеж	*-ныӈ/-ніӈ, -нуӈ/-нуӈ* *-тыӈ/-тіӈ, -туӈ/-туӈ*
3. Винительный падеж	*-ны/-ні, -ну/-ну* *-ты/-ті, -ту/-ту*
4. Дательно-направительный падеж	*-га/-ге, -ка/-ке*
5. Местно-временной падеж	*-да/-дэ, -та/-тэ*
6. Исходный падеж	*-дан/-дэн, -тан/-тэн*
7. Частный падеж	*-да/-дэ, -та/-тэ*
8. Продольный падеж	*-ша/-ше*

В тофаларском языке в застывшей форме сохраняется также древний исходный падеж с показателем *-тын/-тін*, характерный еще для памятников древнеуйгурского письма[62]. Он обнаруживается, например, в следующих тофаларских наречиях места: *буруӈгаартын∼буруӈгуртун* 'с востока', *соӈгаартын∼соӈгыртын∼соӈгуртун* 'с запада', *карагыртын* 'с севера', *ӈуӈгуртін* 'с юга'. Здесь явно прослеживается наслоение исходного падежа на направительный, ср. *буруӈгаары* 'вперед; на восток', *соӈгаары* 'назад; на запад', *карагаары* 'на север', *ӈуӈгәәрі* 'на юг'. Кроме того, в тофаларском языке наблюдаются словоформы, в которых наслоение исходного падежа произошло на древний локатив с показателем -ra/-rä. Например: *аълтыртын* 'из-под низа, снизу; низом, низовьем' <**аълтыра + тын* < *аълты* 'низ, низовье, нижняя сторона'; *уъстуртун* 'сверху; ве́рхом, верховьем реки, вверху' <**уъстуре + тін* < *уъсту* 'верх, верховье, верхняя сторона'; *иштіртін* 'изнутри; с подножия горы' <**иштіре + +тін* < *ишти* 'внутренняя часть, внутренность' (ср. др.-тюрк. ičrä 'внутрь, внутри'); *таштыртын* 'снаружи, с улицы, извне' <**таштыра + тын* < *ташты* 'наружная, внешняя сторона' (ср. др.-тюрк. tašra 'снаружи'); *кедэртін* 'с нагорной стороны' <**кедэре + тін* < *кедэ* 'нагорная сторона'; *индыртын* 'оттуда, с той стороны' <**индыра + тын* < *инды* 'та сторона'.

[61] См.: например: *Прокофьев Г.Н.* Селькупская остяко-самоедская грамматика. Л., 1935, с. 32; *Дульзон А.П.* Кетский язык. Томск, 1968, с. 87-89; *Константинова О.А.* Эвенский язык. Фонетика и морфология. М.-Л., 1964, с. 53-54.

[62] См.: *Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык, с. 37.

Согласный *-т-* в основах типа *аълты, уъсту, иштi, таштын* Ф.Г.Исхаков справедливо возвел к древнему афф. *-ын/-ун*, который оформлял в прошлом многие тюркские имена существительные и *-н-* которого превратился в *т∼д* при наращении аффиксов личной принадлежности. Ряд из этих слов так и застыл с показателем личной принадлежности 3-го лица и больше не употребляется без него[63]. Особенно это характерно для хакасского, шорского, тувинского, а по нашим наблюдениям и для тофаларского языка.

Застывшие формы с древним исходным падежом на -tyn/-tin в тофаларском языке, пожалуй, не столь многочисленны, как это отмечается для хакасского языка[64]. Они почти исчерпываются приведенными выше примерами.

Некоторые застывшие наречные формы с этим исходным падежом выделяются также в шорском и тувинском языках[65], хотя в последнем этот аффикс имеет широкие гласные: *-тан/-тен*. Сравнительные примеры на остатки форм этого падежа в различных тюркских языках можно найти в работе Н.Ф.Катанова[66].

Кроме приводимых выше восстанавливаемых нами словоформ **аълтыра, *уъстуре, *иштіре, *таштыра, *кедэре, *индыра*, древнее окончание локатива -ra/-rä имеет, на наш взгляд, тофаларское наречие *соора* 'с запозданием, поздно', например: *мен соора келдім* 'я пришел с запозданием' (поэтому никого не застал), *соора бооладим* 'я выстрелил с запозданием' (зверь в это время убежал и я промахнулся). Слово *соора* можно объяснить как <soŋ + -ra[67], ср. тур. *sonra*, гаг. *сора*, к.-балк. *сора*, узб. *сўнгра*, туркм. *соӈра*, тат. *соӈра*, др.-тюрк. soŋra[68] 'потом, затем, после', каз. *соӈра* 'позже', тув. *содра* 'ошибочно, неверно'.

Есть и другая точка зрения на происхождение слов типа *соӈра*. Так, А.М.Щербак считает, что словоформы типа soŋra, tašra, ičrä и т.п. могут быть застывшими деепричастными адвербиализовавшимися формами от глаголов с афф. -r, образованных от имен soŋ, taš, ič и т.п.[69]

[63] См.: *Исхаков Ф.Г.* Некоторые предположения о происхождении конечных *т* и *д* в словах *аст, ӱст, алд, арт* и т.п.- В кн.: Акад. В.А.Гордлевскому к его 75-летию. Сборник статей. М., 1953, с. 124-132.

[64] См.: *Боргояков М.И.* Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке, стр. 98; Грамматика хакасского языка, с. 107.

[65] См.: *Диренкова Н.П.* Грамматика шорского языка, с. 69; *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка, с. 422.

[66] *Катанов Н.Ф.* Указ. соч., с. 296.

[67] *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 60.

[68] *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951, с. 422.

[69] *Щербак А.М.* К вопросу о формах на -ra, -ru, -ry в тюркских языках. - Советская тюркология, 1970, № 6, с. 31.

4 345

В тофаларском языке существует и активно функционирует также особая форма вокатива с показателем *-й*, так называемый звательный падеж[70]. Применяется она только с основами, означающими отношения родства, например: *аъһай, гелнэм бээрі!* 'Эй, брат, иди-ка сюда! (ср. *аъһа* 'старший брат') - обращение к старшему брату; *дуӈмай, гелнэм бээрі!* 'Эй, брат, иди-ка сюда!' (ср. *дуӈма* 'младший брат') - обращение к младшему брату; *увай, гел бээрі!* 'Эй, сестра, иди сюда!' (ср. *уба* 'старшая сестра') - обращение к старшей сестре; *энэй, гел бээрі!* 'Бабушка, иди сюда!' (ср. *энэ* 'бабушка'); *ирей, гел бээрі!* 'Дедушка, иди сюда' (ср. *ире* 'дедушка').

Обращение может выражаться и удлинением конечного гласного: *абаа, гелнэм бээрі!* 'Мама, иди-ка сюда!' (ср. *аба* 'мама'). При этом обе формы сочетаются с особой звательной, призывной интонацией. Форма на *-й* в тофаларском языке носит чисто словоизменительные функции, не образуя новых значений слов, как произошло, например, в тувинском языке, в котором исторические формы звательного падежа на *-й* в ряде слов застыли и включаются в морфологический состав слов, например (по материалам словаря[71]): тув. *ире* 'прадед' - *ирей* 'дед, старец; медведь', но *увай, угбай* - обращение к старшей сестре (*уба, угба*), *акый* - обращение к дяде (*аки* 'дядя'), *авай* - обращение к матери (*ава* 'мама'), *ачай* - обращение к отцу (*ача* 'папа'), хотя З.Б.Чадамба утверждает, что исторически звательные формы с *-й* в тувинском литературном языке могут выступать как обычные номинативные слова, например: *чаавай* 'невеста', *честей* 'зять', *дуу акый* 'старший брат', *угбай* 'старшая сестра'; в тоджинском же диалекте форма обращения с окончанием *-й* носит чисто словоизменительный характер[72]. В этом тофаларский язык сближается с тоджинским диалектом. В отличие от тоджинского диалекта, в тувинском литературном языке в качестве звательных форм употребляются слова с аффиксами принадлежности 1-го лица ед. числа, например: *дуӈмам* вм. тодж. *дуӈмай* - обращение к младшему брату или сестре; *угбам* вм. тодж. *увай* - обращение к старшей сестре; *акым* вм. тодж. *хакай* - обращение к старшему брату[73].

В хакасском языке, судя по сообщению А.А.Юлдашева[74], а также по данным словаря[75] и нашим личным наблюдениям, в роли формы обращения при терминах родства выступает показатель личной принадлежности 2-го лица ед. числа, подкрепленный соответствующей интонацией, например: *аҒаӈ* - обращение к дедушке (<*аҒа* 'дедушка'), *тыйыӈ* - обращение в дяде по матери (<*тай* 'дядя по матери'), *пабаӈ* - обращение к отцу (<*паба* 'папа'), *иҷеӈ* - обращение к матери (<*иҷе* 'мама').

К сожалению, мы не располагаем данными по шорскому и алтайскому языкам, чтобы шире и полнее проследить бытования рассматриваемой формы в языках Саяно-Алтая.

Из тюркских языков форма обращения с показателем *-й* зарегистрирована в кумыкском, татарском, башкирском, киргизском языках[76]. Г.И.Рамстедт считает, что вокативная форма на *-і* имеет ласкательный характер и относит ее к древнейшему общему достоянию алтайских языков[77].

Как видно из изложенного, категория склонения в современном тофаларском языке являет собой общетюркский тип, характерный для северных тюркских языков, но в то же время ряд ее особенностей характерен для древнетюркского языка. Кроме того, сохраняются в пережиточном состоянии все древние падежи: директив *-каары...*, инструментальный *-ын*, аблатив *-тын*, локатив *-ра* и экватив *-ша*, на базе которого в тофаларском языке развился новый падеж - продольный (просекутив).

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ–НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В тофаларском языке, как и в других тюркских языках[78], находит довольно четкое грамматическое выражение категория определенности - неопределенности у имен существительных, связанная с конкретностью и неконкретностью, при этом неопределенность часто носит оттенок обобщенности.

Имя существительное в тофаларском языке в отношении определенности-неопределенности выступает в трех состояниях: нейтральном, неопределенном и определенном.

Нейтральное значение имен выражается без каких-либо лексических или грамматических показателей, обычной основой, например: *аът - дөрт буттуг чжуме* 'лошадь - четвероногое существо', *һемдэ суг* 'в реке вода' и т.п.

Неопределенность выражается в тофаларском языке несколькими способами.

Во-первых, неопределенность передается синтаксически. В плане единичности употребляется сочетание имени существительного со словом *бір* 'некий, некто, какой-то', стоящим в препозиции, например: *бір киши келген* 'кто-то пришел', *бір аӈшы соодаан* 'какой-то охотник рассказал', *бір чеъһе* 'несколько', *бір каъш* 'несколько'. При этом *бір* четко отличается по форме от количественного числительного *бірээ*

70 См.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 46.
71 Тувинско-русский словарь. М.,1968.
72 *Чадамба З.Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 99.
73 Там же.
74 *Юлдашев А.А.* Звательные слова в тюркских языках. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.2. Морфология. М., 1956, с. 330-331.
75 *Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И.* Хакасско-русский словарь. М., 1953.
76 *Юлдашев А.А.* Указ. соч., с. 329-330.
77 *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Пер.с нем. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957, с. 63.
78 См.: *Кононов А.Н.* Указ. соч., с. 89-90; Современный татарский литературный язык, с. 137-139; *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, с. 217-218; *Он же.* Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940, с. 172-175.

'один', хотя то и восходит к *бір*. В данном случае тофаларский язык полностью дифференцировал две формы одного общетюркского числительного: за формой основы количественного числительного *бір* закрепил значение неопределенного артикля, а за собирательным числительным *бірәә* (< **birägü*) - значение количественного[79]. В плане множественности неопределенность содержится в формах с афф. *-лар* (так называемая неопределенная множественность) и в сочетании имени в форме основы с неопределенно-количественными числительными типа *каъш* 'сколько', *чеъһе* 'сколько', *бір каъш, бір чеъһе* 'несколько', *кеъфей* 'много', *эбеш* 'мало' и т.п. (тот же тип множественности).

Во-вторых, неопределенность выражается морфологически, когда объектные и притяжательные отношения передаются основным падежом, точнее говоря, неоформленным винительным и неоформленным родительным в изафетных конструкциях. Аналогичное явление зафиксировано и в татарском языке[80]. На это в свое время указывал также Н.К. Дмитриев[81]. Кроме того, неопределенность грамматически выражается частным падежом, когда неизвестен точный объем захвата предмета действием.

О п р е д е л е н н о с т ь в тофаларском языке также выражается несколькими способами, в частности лексически, когда само значение слова предполагает какой-либо конкретный предмет или лицо. К таким словам относятся имена собственные, например: *Шолбан* 'Венера', *Үъһер* 'Плеяды', *Эрһуу* 'г. Иркутск', *Шыпшыр* 'Шыпшыр' (имя человека) и т.п. Кроме того, определенность у имен существительных передается синтаксически, путем подстановки к имени определителя, конкретизатора в виде указательных и определительных местоимений, качественных и относительных прилагательных, причастий, количественных, порядковых и иных числительных, указывающих на определенное, точно сосчитанное количество.

Морфологически определенность выражается оформлением объекта (прямого дополнения) винительным падежом (так называемый винительный оформленный), а также оформлением родительного падежа в изафетных определительных конструкциях. Иначе говоря, оформление винительного и родительного падежей аффиксами это уже указание на определенность, конкретность.

УМЕНЬШИТЕЛЬНО-ЛАСКАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Данные формы представляют собой способы грамматического выражения субъективной оценки имен существительных, они придают основе те или иные смысловые оттенки, сохраняя при этом лексическое значение основы. Образуются они практически от любого имени существительного с предметным значением. Существительные с отвлеченным, абстрактным значением, как правило, этих форм не имеют.

В тофаларском языке обычны и весьма продуктивны следующие способы выражения уменьшительно-ласкательных значений.

1. Присоединение к основе имени существительного афф. *-чык* с фонетическими вариантами *-чик, -чук, -чүк, -чжик, -чжик, -чжук, -чжүк* (синтетический способ). Примеры: *оолчжук* 'сыночек', *кысчык* 'доченька', *пөшчүк* 'кедренок', *титтчык* 'лиственничка', *аътчик* 'лошадка', *һөлчжүк* 'озерко', *һурунекчик* 'лопаточка', *шибичжик* 'елочка', *Иигорьчжик* 'Игорек'.

2. Добавление к основе имени существительного негармонирующей частицы *киня* (аналитический способ). Примеры: *оол киня* 'сыночек', *кыс киня* 'доченька', *һурунек киня* 'лопаточка', *бөш киня* 'кедрочек', *Иигорь киня* 'Игоречек'. Причем, частица *киня* привносит в эту аналитическую форму скорее ласкательный оттенок, в то время как афф. *-чык* сообщает больше оттенок уменьшительности.

3. Совместное употребление афф. *-чык* и частицы *киня*. В данном случае получается комбинация уменьшительности и ласкательности. Примеры: *оолчжык киня* 'сынулечка', *кысчик киня* 'дочурочка', *һурунекчик киня* 'маленькая лопаточка', *аътчик киня* 'лошадушка'.

Аффиксы принадлежности принимает при этом основа имени существительного, независимо от того, оформлена она аффиксом уменьшительности *-чик*, или употребляется без него. Примеры: *оглум киня* 'мой сыночек', *оолчжуум киня отту берді* 'мой маленький сыночек проснулся', *Иигорьчжиим киня* 'Игоречек мой'.

Действующий аффикс деминутива в тофаларском языке всегда имеет узкие гласные *-и/-и, -у/-у*. О том, что он когда-то имел и широкие гласные, свидетельствует ряд застывших, лексикализовавшихся форм, например: *мындычжак ~ мундучжак* 'нетель коровы и домашнего оленя' (ср. тув. *мынды* 'оленуха - самка оленя', тув.-тодж. *мындычак* 'самка домашнего оленя около двух лет'); *һулуньчжак* 'новорожденный жеребенок' < *һулун* 'жеребенок до одного года' (ср. тув. *ласк. кулунчак* 'жеребеночек'); *соочжак* 'самое маленькое по размеру берестяное ведерко' < *соо* 'берестяное ведро' (ср. тув. *соо* 'берестяная посуда', тув.-тодж. *соожак* 'туес').

Имеются случаи лексикализации и функционирующих уменьшительных форм, например: *дытчик* 'заросли мелкого лиственничника' < *дыт* 'лиственница', *капчык* 'небольшой мешок, маленькая сумочка' < *кап* 'мешок из кабарожьей кожи'.

Лексикализация этих словоформ подтверждается тем, что при необходимости к этим словам присоединяется аффикс деминутива, как и к обычным словам с нейтральным значением, например: *мундучжакчык* 'телочка', *һулуньчжакчык* 'жеребеночек', *соочжакчык* 'ведерочко', *капчыкчык* 'мешочек' и т.п.

Н.Ф. Катанов находил в тофаларском языке единичные слова с деминутивом *-каш* (например: *кушкаш* 'птичка', ср. тув. *кушкаш*, бараб. *кушкац*, саг. *кускас*, кашг., яркенд. *куш-*

[79] В тоджинском диалекте тувинского языка, наоборот, функцию неопределенного артикля выполняет числительное *бирээ*. См. об этом: *Чадамба З.Б.* Указ. соч., с. 92.

[80] Современный татарский литературный язык, с. 139.

[81] *Дмитриев Н.К.* Категория принадлежности. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956, с. 33.

кач < общетюрк. *куш* 'птица'); им приведены также окончания *жак - жäк (ыжак - іжäк)*, в карагасском языке с примером *палажак* 'дитятко'[82]. В современном языке тофы, по нашим наблюдениям, не употребляют слова *пала* в значении 'ребенок', 'дитя', это слово вообще в их языке отсутствует. Ребенка называют словом *уруг*. Кроме того, аффикс деминутива в современном тофаларском языке имеет только узкие губные и негубные гласные и глухую или звонкую аффрикату в начале, т.е. это *-чык/-чик, -чук/-чук, -чжык/-чжик, -чжук/-чжук*. О частице *кыня* Катанов не упоминает.

Рассмотренные способы выражения эмоционально-субъективной оценки имен существительных в современном тофаларском языке носят общетюркский характер, и эти формы есть почти в каждом тюркском языке. Подробнее рассмотрим их сначала в ближайших тофаларскому тюркских языках Саяно-Алтая.

В тувинском языке уменьшительно-ласкательные формы имен существительных образуются аффиксальным способом при помощи показателей: *-чак/-чык* (с фонетическими вариантами *-чек/-чик, -чук/-чук, -жак/-жек, -жык/-жик, -жук/-жук*), например: *дилгижек* 'лисичка', *дытчык* 'лиственничка', *хөлчук* 'озерко'; *-чыгаш/-жыгаш* (с вариантами *-чигеш/-жигеш, -чугаш/-чугеш, -жугаш/-жугеш*), например: *атчыгаш* 'лошадка', *оолчугаш* 'паренек, сынок', *дагжыгаш* 'горочка'; *-ак/-ек* (редкоупотребительный аффикс), например: *оолак* 'малыш', *койгунак* 'зайка'; имеются еще редкоупотребительные афф. *-каш, -пей, -кай/-кей, -ыкай/-икей, -ку/-ки, -ай/-ей*[83]. Таким образом, тофаларские формы в тувинском языке находят параллель только в лице афф. *-чак/-чык* (с вариантами), а также редкого афф. *-каш*. Частицы *кыня* в литературном тувинском языке не отмечено. В тоджинском диалекте тувинского языка есть родственный по происхождению тофаларской частице *кыня* гармонирующий афф. *-кыйа/-кыйна, -кийе/-кийне*, который присоединяется, однако, только к количественным числительным первого десятка, придавая им ограничительный оттенок, например: *чангыскыйа* 'лишь один', *ушкийе* 'лишь три'[84].

В хакасском языке бытуют следующие аффиксы с уменьшительным и ласкательным значением: *-чах/-чех, -ҷах/-іҷех* (только с широким вариантом гласных), например: *тураҷах* 'домик', *кізіҷех* 'человечек', *книгаҷах* 'книжечка'; *-ах/-ех: адайах* 'собачка', *мелейех* 'рукавичка'; *-ас/-ес: харагас* 'глазок', *öдігес* 'обувь маленького размера'; составной афф. *-чағас/-чегес: книгаҷағас* 'книжоночка', *тураҷағас* 'избушка'[85]. Частица *кыня* в хакасском литературном языке не имеет соответствия. Однако в качинском диалекте ее параллель, афф. *-хына/-кіне*, употребляется для образования уменьшительно-ласкательной формы прилагательного, например: *сілікіне* 'красивенький', *чабызахына* 'низенький'[86]. В тофаларском языке, кстати, частица *кыня*, присоединяясь к прилагательным, выполняет те же функции. Для качинского диалекта это особенность, отличающая его от литературного языка.

В шорском языке представлены те же аффиксы, что и в хакасском языке. Н.П. Дыренкова приводит в системе словообразования имен шорского языка следующие аффиксы, образующие уменьшительные и ласкательные имена: *-чак/-чек* (*аңчак* 'зверек', *тагчак* 'горка', *тӱлгӱчек* 'лисичка', *öшкӱчек* 'козочка'), *-ак/-ек* (*хозанак* 'зайчик', *оолак* 'мальчик', *тигенек* 'елочка'), *-аш/-еш* (*кузуругаш* 'хвостик', *öртегеш* 'уточка'), *-чагаш/-чегеш* (*кушчагаш* 'птичка', *көлчегеш* 'озерко'), *-агаш/-егеш* (*оолагаш* 'мальчонка')[87]. Соответствий частице *кыня* в шорском языке не отмечается.

В алтайском языке для образования уменьшительно-ласкательных форм используются аффиксы: *-чак/-чек, -чок/-чӧк* (*балачак* 'ребеночек', *тӧӧчӧк* 'верблюжонок', *бӧӧрӱчек* 'волчонок'), *-аш/-еш, -ош/-öш* (*аягаш* 'чашечка', *бичигеш* 'книжечка'), *-ак/-ек, -ок/-öк* (*салкынак* 'ветерок', *агажок* 'деревце'), *-чагаш/-чегеш* (*уулчагаш* 'сынок', *кысчагаш* 'девочка')[88]. Здесь также не отмечаются соответствия тофаларской частице *кыня*.

Таким образом, во всех этих языках представлены в общем-то одни и те же афф. *-чак/-чек, -ак/-ек, -аш/-еш* и их комбинации. Варианты афф. *-чак...* с узкими гласными есть только в тувинском языке. Из всех этих показателей только он полностью совпадает с тофаларским афф. *-чык*.

Тофаларская частица *кыня*, образующая формы деминутива, не имеет прямых соответствий в этом значении в литературных тюркских языках Саяно-Алтая. Исключение составляют тоджинский диалект тувинского языка и качинский хакасского, в которых этой частице соответствуют аффиксы с несколько иным значением, хотя и имеющие с ней одно происхождение.

С полным правом можно утверждать, что тофаларский язык среди тюркских языков Саяно-Алтая имеет свою собственную систему образования форм деминутива, особенностью которой является наличие только одного афф. *-чык/-чук* с узкими гласными и специфичной частицы *кыня*.

Если обратиться к тюркским языкам за пределы Саяно-Алтая, то окажется, что и афф. *-чык*, и частица *кыня* имеют свои соответствия во многих из них и, в первую очередь, в древнетюркском языке. При этом у А. фон Габэн находим афф. *-čaq* с широким гласным[89], а в указателе грамматических форм, приложенном к "Древнетюркскому словарю", - только *-čïq/-čuq*, т.е. с узкими гласными (*oγlančïq* 'мальчонка', *baqačuq* 'лягушонок')[90].

---

[82] *Катанов Н.Ф.* Указ. соч., с. 161, 165.

[83] *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка, с. 148-149.

[84] *Чадамба З.Б.* Указ. соч., с. 90.

[85] Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 60-61.

[86] *Патачакова Д.Ф.* Качинский диалект. - В кн.: Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы. Абакан, 1973, с.21.

[87] *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка, с. 32.

[88] *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка, с. 48-49.

[89] *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 60, § 46.

[90] Древнетюркский словарь. Л., 1969, приложение II, с. 650-651.

В этих источниках есть также соответствие тофаларской частице *кыня*. А. фон Габэн приводит для рунических надписей частицу qïnya, а для памятников древнеуйгурского языка qïna, qïya, qïa, kinyä, kinä, kiyä, kiä, определяя ее как усиление. В то же время она считает, что эти частицы служат и для образования уменьшительных и ласкательных форм, будучи почти словообразовательным элементом. В ее примерах эта частица присоединяется к числительным и прилагательным, усиливая их, например: birkiä 'только один', ɣalaŋuzqïa 'совсем один', azqïnya 'совсем немного', а также к существительным, образуя деминутивы, например künkiäm 'мое солнышко'[91].

В словаре древнетюркского языка отдельное слово qïna с вариантами qïǰa, qïǰa, kijä, qïnja квалифицировано как уменьшительно-выделительная частица-аффикс. Примеры: qïzqïja 'дочка', oγulqïja 'сынок', azqïja 'немного'[92].

В современных языках эта частица также представлена и с теми же уменьшительными и выделительно-ограничительными значениями. Функционирует она во всех языках кыпчакской группы, в киргизском, узбекском, уйгурском. Нет ее в юго-западных (огузских) языках. Там, где она есть, она чаще всего выступает в качестве частицы с выделительно-ограничительным и усилительным значением. Ср., например, тат. *гина/генә, кина/кенә* (*чәчәк кенә* 'одни цветы', *бер генә* 'лишь один'); башк. *ғина/генә, ҡына/кенә*; каз. *ғана/ҡана* (не гармонирует); кирг. *гана*; узб. *-гина*[93]. В то же время в некоторых языках эта частица употребляется также и для образования уменьшительно-ласкательных форм. Ср., например, тат. *-кинам/-кенәм, -кинаем/-кенәем* (*башкинаем* 'головушка моя'); башк. *-ҡинай/-кенәй* (*атҡынайым* 'лошадушка моя', *башҡынайым* 'головушка моя'); уйг. *-кина/-гина* (*иссиққина* 'горяченький', *омаққина* 'приятненький'); узб. *-гина, -қина/-кина* (*болагинам* 'мое дитятко', *гулгина* 'цветочек'); кар. *-хына, -кына, -гына, -гина, -гуна, -куна, -кине* (*карткина* 'старичок', *баскына, басхына* 'головка', *кючкюна* 'силенка')[94].

[91] *Gabain A. von.* Указ. соч., с. 155, § 351.

[92] Древнетюркский словарь, с. 441, 442, 444.

[93] См.: Современный татарский литературный язык, с. 340-341; *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка, с. 130; Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 415-416; *Юнусалиев Б.М.* Киргизский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 499; *Кононов А.Н.* Указ. соч., с. 335-336.

[94] См.: Современный татарский литературный язык, с. 152; *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка, с. 70; *Кайдаров А.Т.* Уйгурский (новоуйгурский) язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки, с. 380; *Кононов А.Н.* Указ. соч., с. 127, 336; *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 121-122.

Афф. *-чык* имеет параллели за пределами языков Саяно-Алтая почти во всех современных тюркских языках, как северных, так и юго-западных, например: тат. *-чык/-чек*, башк. *-сыҡ/-сек, -саҡ/-сәк, -соҡ/-сөк*, каз. *-шақ/-шек, -шық/-шік*, кар. *-чэх, -чек, -чох, -чёк, -чух, -чюк, -чых, -чик // -цах, -цек, -цык, -цик, -цух*, узб. *-чок/-чак, -чик*, туркм. *-җак/-җек, -җык/-җик*, тур. *-çık/-çik, -cık/-cik, -çuk/-çük, -cuk/-cük*, салар. *-ǯux, -ǯüx, -ču̇x, -cüx*, як. *-чык/-чик, -чүк, -чүк*[95]. И в этих языках узкие и широкие гласные в данном аффиксе варьируют, и установить здесь какую-либо закономерность затруднительно.

Таким образом, афф. *-чык* и частица *кыня*, образующие в тофаларском языке деминутивы, являются исконно тюркскими и носят общетюркский характер. При этом частица *кыня* является в тофаларском языке реликтом, поскольку отсутствует в других тюркских языках Саяно-Алтая. Этот вывод не изменяет даже бытование остатков этой частицы в качинском диалекте хакасского и в тоджинском диалекте тувинского языков.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Словарный состав современного тофаларского языка складывался, как и в любом другом языке, исторически и не представляет собой неизменной величины. Одни слова отмирают, забываются, другие появляются вновь. С развитием общества развивается и язык, обслуживающий членов этого общества. Основу словарного состава языка составляет некое ядро, определенное количество лексем, являющихся условно-непроизводными и имеющими параллели в группе родственных языков. Это ядро определяет лексическое лицо языка, позволяет относить его, используя, разумеется, кроме этого также ряд других признаков, фонетических, грамматических и т.п., к той или иной семье языков. Тофаларский язык тоже имеет такое лексическое ядро условно-непроизводных основ, охватывающих все части речи и имеющих параллели в других тюркских языках. Среди имен существительных это разнообразные названия реалий неживой и живой природы, отвлеченные понятия. Ограничимся здесь несколькими примерами, поскольку этот вопрос нами уже был рассмотрен подробно[96]:

[95] См.: Современный татарский литературный язык, с. 151; *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка, с. 70; Современный казахский язык, с. 150; *Мусаев К.М.* Указ. соч., с. 121-122; *Кононов А.Н.* Указ. соч., с. 125-126; Грамматика туркменского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, с. 125; *Кононов А.Н.* Грамматика турецкого языка. М.-Л., 1941, с. 69-70; *Тенишев Э.Р.* Строй салярского языка. М., 1976, с. 114; *Харитонов Л.Н.* Указ. соч., с. 100; *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1. Простое предложение. М.-Л., 1950, с. 266.

[96] *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 72-75.

а) неживая природа: *аърһа* 'северный склон горы', *даг* 'гора', *һөл* 'озеро', *ой* 'ручей', *кыр* 'горный хребет', *таш* 'камень', *һум* 'песок', *тус* 'соль', *суг* 'вода', *булут* 'туча', 'облако', *даң* 'утренняя заря', *ыш* 'дым', *от* 'огонь', *өърт* 'пожар';

б) живая природа: *артыш* 'можжевельник', *оът* 'трава', *кадың* 'береза', *бөру* 'волк', *ділгы* 'лиса', *һодан* 'заяц', *аът* 'конь', *һулун* 'жеребенок', *уйа* 'гнездо', *бот* 'тело, туловище', *төш* 'грудь', *бут* 'нога', *кулак* 'ухо', *туш* 'сон', *куш* 'сила', *ун* 'голос';

в) человеческое общество: *ата* 'отец', *оол* 'сын', *кыс* 'дочь', *киши* 'человек', *эш* 'друг', *бег* 'начальник', *чаа* 'война', *һул* 'батрак', *ээ* 'хозяин', *өг* 'дом', *кап* 'мешок', *кур* 'пояс', 'кушак', *һобус* 'музыка';

г) отвлеченные понятия: *һөөл* 'душа, желание; настроение', *шаг* 'время', *шын* 'правда', *чыл* 'год', *эп* 'удобство, лад', *аай* 'толк, суть, порядок' и т.п.

Все и подобные им непроизводные имена существительные являются по сути дела той основой, на которую опирается все словообразование новых имен, расширяющих арсенал названий предметов и явлений окружающего человека мира, реальной действительности, с которой человек взаимодействует. При этом тофаларский язык для образования новых слов использует разнообразные средства.

Неаффиксальный способ словообразования

Лексико-семантический способ

В первую очередь этот способ представляет лексикализация переносных значений слов. При этом наблюдаются случаи, когда в тофаларском языке слово бытует только в этом, исторически переносном значении и полностью утратило свое исконное общетюркское значение, например: *һул* 'батрак, работник' - ср. др.-тюрк. qul 'раб, невольник', *оък* 'пуля' - ср. др.-тюрк. oq 'стрела'; *бег* 'начальник, председатель' - ср. др.-тюрк. beγ 'правитель, вождь, князь', *адак* 'складные сошки у ружья; завалинка дома' - ср. др.-тюрк. adaq '1) нога (человека и животного); 2) ножки, подставки (у предметов); 3) нижняя часть, основание'.

Очень многочисленны случаи, когда наряду с новым, переносным значением, сохраняется и старое, основное. Лексикализация переносных значений, развившихся в языке под влиянием переноса наименований по сходству признаков (метафора), сходству функций и по смежности (метонимия), является в тофаларском языке довольно продуктивным способом образования новых слов. Таким путем появились, например, слова: *бөрһа* 'конек крыши' < *бөрһа* 'спина', *кур* 'обруч у бочки' < *кур* 'пояс, кушак', *шуньчжук* 'дверная петля, шарнир' < *шуньчжук* 'тазобедренный сустав', *өэн* 'глухариный ток', *өэн* 'нерест рыбы' < *өэн* 'игра' (ср. др.-тюрк. ojun 'игра'), *һин* 'мускусная железа самца кабарги' < *һин* 'пуп', *оът* 'портянки' < *оът* 'трава' (потому что раньше ноги обворачивали сухой травой), *дуңнук* 'потолок избы, дома' < *дуңнук* 'дымовое отверстие чума, юрты', *иргай* 'шомпол' < *иргай* 'кизильник' (потому что из этого растения раньше изготовляли шомпола для дробовых ружей), *таш* 'грузило у рыболовной сети' (ср. *четкі коргольчжин дачжы* 'свинцовое грузило у сетки') < *таш* 'камень'[97].

Лексико-морфологический способ

Образование новых имен существительных в тофаларском языке в некоторых случаях происходит за счет лексикализации отдельных морфологических форм других частей речи:

1) форм мн. числа, например: *ниитгэр* 'молодежь', *кырганнар* 'старики', *актар* 'белогвардейцы, белые'; *кызыллар* 'красногвардейцы, красные', *төрушкеннэр* 'братья';

2) причастных форм глагола (этот вариант распространен при создании слов-эвфемизмов), например: *сыккыгар* 'белка' (букв. 'цокающая' < *сыккыр-* 'цокать - о белке'), *кызар* 'мясо медведя' (букв. 'краснеющее' < *кыз-* 'краснеть'), *каъһярар* 'внутреннее сало медведя' (букв. 'белеющее' < *каъһяр-* 'белеть'), *ушар* 'водопад' (видимо < *ушар суг* 'летящая вода' < *уш-* 'лететь', ср. совр. тоф. *уъш-* лететь', если бы *ушар* было произведено от этой основы, то оно произносилось бы *уъһяр*, но видимо, оно было взято предками тофов у древних тюрок уже готовым и они не связывали его этимологически со своим *уъш-* 'лететь', которое получило фарингализацию).

Довольно распространена окказиональная субстантивация, главным образом причастий, инфинитивов, форм порядковых числительных, например: *оңнуң ында чорусу йок* 'он там не ходит' (*чору* - причастие настоящего времени, означает 'идущий, ходящий'), *ында турары йок, ыңгай чоруулу* 'что там стоять, пойдем дальше', *тамыны тыртары баъһай* 'курить табак - плохо', *ипшкиисін көрдум* 'я увидел второго (из них)'.

Кроме того, в тофаларском языке очень распространено образование новых слов за счет субстантивации основ слов, имеющих иное, чем субстантивность, категориально-грамматическое значение. Обычно переходят в имена существительные прилагательные, наречия, числительные, зачастую получая новое лексическое значение (как правило, за счет метафорического переноса значения). Примеры: *чыдыг* 'собака' (букв. 'вонючая'), *кудуруктуг* 'волк' (букв. 'хвостатый'), *азыглыг* 'самец кабарги' (букв. 'клыкастый'), *чоорһанныг* 'медведь' (букв. 'имеющий меховое одеяло'), *ылаамэ катыы* 'корка хлеба' (< *катыг* 'твердый'), *өштуг* 'враг' (букв. 'имеющий месть'), *карак карасы* 'зрачек у глаза' (< *кара* 'черный'), *карак агы* 'белок у глаза' (< *ак* 'белый')' *карак тоъно* 'глазное яблоко' (< *тоък* 'круглый, шарообразный'), *һөл дэңі* 'гладь озера' (< *дэң* 'ровный'), *чуме узуну* 'длина вещи' (<*узун* 'длинный'), *чеді* 'неделя' (< *чеді* 'семь'), *иңи* 'двойка' (< *иңи* 'два'); *буруңгаары* 'восток' (< *буруңгаары* 'вперед'), *соңгаары* 'запад' (< *соңгаары* 'назад').

---

[97] Подробнее о развитии переносных значений слов в тофаларском языке см.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 126-129.

Лексико-синтаксический способ

Образование новых слов в тофаларском языке происходит также за счет лексикализации различных синтаксических словосочетаний и конструкций. Среди них выделяются следующие типы.

Сложение основ

При этом способе образования имен существительных происходит соединение обычно двух разных основ в одну сложную основу, при этом сохраняется относительная фонетическая самостоятельность компонентов. В предложении новая сложная основа выступает как один член предложения, располагая одним лексическим и категориально-грамматическим значением, т.е. как одно слово. Основосложение в тофаларском языке имеет две разновидности.

1. Парное основосложение осуществляется путем равноправного сложения двух исходных простых основ, имеющих одно категориально-грамматическое значение (обычно в данном случае субстантивность), но разные лексические значения. Полученная сложная основа имеет несколько иное лексическое значение, с оттенком собирательности, обобщения, а не просто сумму значений исходных основ. При этом происходит разная степень фонетического слияния исходных основ. Семантически оба компонента могут соотноситься друг с другом как синонимы, антонимы, либо видовые понятия, относящиеся к одному и тому же родовому понятию например: *уруг дарыг* 'дети' (*уруг* 'ребенок' + *дарыг* 'зерно, семя'), *оолгыс* 'дети; детеныш, птенец' (< *оол* 'сын' + *кыс* 'дочь'), *атъиңе* 'родители' (< *ата* 'отец' + *иъңе* 'мать'), *аъңа дуңма* 'братья' (< *аъңа* 'старший брат' + *дуңма* 'младший брат'), *сэ̄э̄к мас* 'насекомые' (< *сэ̄э̄к* 'муха' + *мас* 'слепень'), *чер суг* 'страна, родина' (< *чер* 'земля' + *суг* 'вода')[98], *аш нем* 'пища, провиант' (< *аш* 'еда' + *нем* 'еда'), *аш чиишкин* 'пища, провиант' (< *аш* 'еда' + *чиишкин* 'пища'), *кол бут* 'конечности' (< *кол* 'руки' + *бут* 'ноги').

2. Атрибутивное основосложение представлено в тофаларском языке большей продуктивностью и большим разнообразием вариантов. Компонентами этого типа сложных имен выступают существительные, которые объединяются с определяемым в одно лексическое целое на основе подчинительного (атрибутивного) сложения. Разновидности этого типа основосложения в тофаларском языке следующие.

Сложение обычно двух основ существительных, из которых первое как бы уточняет содержание второго. По сути дела это настоящая атрибутивная конструкция, способ связи - примыкание. Этот тип основосложения является очень продуктивным. Примеры: *аян киши* 'путник, путешественник' (< *аян* 'дальний путь, путешествие + *киши* 'человек'), *аян кушкаш* 'перелетные птицы' (< *аян* + *кушкаш* 'птица'), *сай кушкаш* 'трясогузка' (< *сай* 'галечник, галечная коса на реке, озере' + *кушкаш* 'птица'), *аъннай аң* 'косуля' (< *аъннай* 'теленок' + *аң* 'зверь'), *ашняк аң* 'медведь' (< *ашняк* 'мужик + *аң* 'зверь'), *аң иби* 'одичавший домашний олень' (< *аң* 'зверь'+ *иби* 'домашний олень'), *азыг саъһал* 'запорожские усы' (< *азыг* 'клык' + *саъһал* 'усы, борода').

Соподчинительное сочетание двух основ существительных, из которых первое означает биологический род, например: *эр чаъпаа* 'жеребенок-самец до двух лет', *эъпші чаъпаа* 'жеребенок-самка до двух лет'; *аскыр таккыняк, эр таккыняк* 'петух', *эъпші таккыняк* 'курица'.

Лексикализация простых определительных словосочетаний

В данном случае происходит образование новых терминов за счет утраты некоторыми свободными определительными словосочетаниями своего качества быть таковыми и закрепление за ними в результате метафорического переноса их семантики нового лексического значения. Словосочетание приобретает статус слова с лексическим и категориально-грамматическим значением. Этот способ очень распространен в тофаларском языке. В качестве простого определения выступают:

прилагательные - *һаш ары* 'оса' (произносят и *һачжары*, букв. 'голая пчела'), *туктуг ары* 'шмель' (букв. 'волосатая пчела'), *сарыг чжаг* 'сливочное масло' (букв. 'желтое масло'), *улуг баъш* 'шуленга' (архаизм) (букв. 'большая голова'), *ачжыг суг* 'водка' (букв. 'жгучая вода'), *улуг аң* 'лось, сохатый' (букв. 'большой зверь'), *сарыг аң* 'изюбрь' (букв. 'желтый зверь'), *шубар аш* 'кабарга' (букв. 'пестрая пища'), *кызыл аас* 'птенец' (букв. 'красный рот'), *улуг діің* 'соболь' (букв. 'большая белка'), *чадаг тэргэ* 'велосипед' (букв. 'пешая телега') и т.п.;

причастия - *челер аң* 'волк' (букв. 'рысящий зверь'), *саътчир киши* 'купец' (букв. 'торгующий человек'), *немнэ̄ір өг* 'столовая' (букв. 'дом, где питаются'), *олырар неш* 'скамья' (букв. 'дерево, на котором сидят'), *чеътпээн һазаар* (с. Верхняя Гутара) 'недоуздок' (букв. 'недостигшая узда').

Весьма продуктивны сочетания причастий со словом *чуме* 'вещь, нечто', ставшим в данном случае неким обобщающим формальным словом-субстантиватором, например: *уъһяр чжуме* 'птицы' (букв. 'летающие'), *кедэр чжуме* 'одежда' (букв. 'нечто для одевания'), *чжиир чжуме* 'пища' (букв. 'нечто для съедания') и т.п.

Лексикализация изафетных конструкций

Лексикализация изафетных конструкций также является довольно распространенным в тофаларском языке способом образования новых терминов. Суть его в том, что два существительных объединены приемом управления. Они представляют собой разновидность притяжательного определительного словосочетания. Определяемое в этом случае обязательно принима-

[98] См.: *Сейидов М.А.* К вопросу о трактовке понятий *jer sub* в древнетюркских памятниках. - Советская тюркология, 1973, № 3, с. 69.

ет аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа. Определяющее существительное не получает оформления аффиксом родительного падежа, так как имеет здесь неопределенное обобщающее значение, указание на весь класс каких-либо предметов, которым присущ тот или иной предмет, или явление, или черта. Обобщающее содержание и позволяет этим словосочетаниям лексикализоваться и достичь высшей степени обобщения, абстракции - стать словом со своим (часто иным, отличным от значений компонентов) лексическим значением. Примеры: *сут суу* 'сыворотка' (букв. 'вода молока'), *карак суу* 'слезы' (букв. 'вода глаза'), *даг чидыы* 'волк' (букв. 'горная собака'), *һун гизы* 'самая маленькая мышь' (букв. 'дочь солнца'), *иът кады* 'черная смородина' (букв. 'собачья ягода'), *дуруйа кады* 'клюква' (букв. 'журавлиная ягода'), *шубараш кады, дорго кады* 'черника' (букв. 'кабарожья ягода'), *даг балыы* 'змея' (букв. 'горная рыба'), *чер балыы* 'змея' (букв. 'земляная рыба'), *өг иъшті* 'семья' (букв. 'внутренность дома').

Аффиксальный способ словообразования

Этот способ образования новых слов является чисто морфологическим. Суть его заключается в том, что путем подстановки специальных словообразовательных аффиксов к именным и глагольным основам образуются новые производные основы с иным, чем исходная основа лексическим значением и с категориально-грамматическим значением субстантивности. Этот способ словообразования захватывает очень большое количество слов. Некоторые аффиксы довольно продуктивны и до сих пор образуют новые слова, другие же непродуктивны и вычленяются только путем сопоставления с другими однокорневыми словами. Отдельные же аффиксы можно определить только путем этимологии, привлекая сравнительный материал других тюркских языков, так как материал современного тофаларского языка не позволяет этого сделать. Рассмотрим подробнее все эти аффиксы.

Аффиксы отыменного словообразования

Продуктивные аффиксы

Как и в любом современном тюркском языке, в тофаларском есть аффиксы, при помощи которых можно образовать новые слова по установившейся модели. Однако среди аффиксов отыменного словообразования их в современном языке очень мало.

Пожалуй, единственным продуктивным в полном смысле этого слова является для тофаларского языка общетюркский и даже общеалтайский аффикс имени деятеля *-ӵу*[99], который получил в нем огласовку *-шы/-ші* (как вариант выступает *-чы*), *-чжы/-чжі, -чжу/-чжу*. Озвончение начальной аффрикаты этого аффикса в *чж* наблюдается также в хакасском языке, а за пределами Саяно-Алтая еще в турецком и гагаузском языках[100].

Афф. *-чы* как во всех древних, так и современных тюркских языках образует названия лиц по их ремеслу, занятию, по их свойству, склонности и пристрастию, по функции[101].

В современном тофаларском языке этот аффикс тоже образует существительные со значением имени деятеля (nomen agentis), имен, выражающих склонность, пристрастие лица к чему-либо, специфические черты или особенности, имеющие постоянный характер. Словообразовательные возможности этого аффикса неограничены. Примеры: *аӈшы* 'охотник' (< *аӈ* 'зверь'), *аальчжы* 'гость' (< *аал* 'аил, стойбище'), *балыкшы* 'рыбак' (< *балык* 'рыба'), *исші* 'следопыт' (< *ис* 'след'), *малларшы* 'скотовод' (< *мал* 'скотина'), *ибилерші* 'оленевод' (< *иби* 'домашний олень'), *аъттаршы* 'коневод' (< *аът* 'конь'), *апшы ~ апчы* 'колдун' (< *ап* 'колдовство'), *копшы* 'сплетник' (< *коп* 'сплетня'), *арһашы ~ арһачы* 'пьяница' (< *арһа* 'водка'), *уъйһючжу* 'засоня' (< *уъйһю* 'сон').

Вариант *-чы* мог появиться под влиянием монгольского языка, из которого непосредственно были в ряде случаев заимствованы слова с этим же аффиксом, но в монгольской огласовке, ср., например тоф. *апшы ~ апчы* 'колдун' < монг. abči id < монг. ab 'чары, колдовство'.

Другим продуктивным аффиксом, но употребляющимся только с терминами родства, свойства, является афф. *-лышкы*. Он образует основы с собирательным значением, с семантикой группы или объединения лиц, связанных между собой тем или иным родством или свойством, например: *аъһалышкы* 'все старшие братья' (< *аъһа* 'старший брат'), *дуӈмалышкы* 'все младшие братья и сестры' (< *дуӈма* 'младший брат или сестра'), *убалышкы* 'все старшие сестры' (< *уба* 'старшая сестра'), *бачжалышкы* 'свояки' (< *бачжа* 'свояк'), *һудалышкы* 'сваты, сватовья') (< *һуда* 'сват'), *аалышкы* 'родня, свои, люди из одного аила' (< *аал* 'аил, стойбище'), *шоозалышкы* 'тёзки, люди с одним именем' (< *шооза* 'тезка'). Для подкрепления значения собирательности эти производные основы могут получать показатель множественности *-лар: аъһалышкылар, дуӈмалышкылар* и т.п. Этот аффикс есть, кроме тофаларского языка, еще в тувинском, в котором он употребляется в той же огласовке *-лыкшы/-шкы* и с тем же значением[102]. В других тюркских языках он не отмечен.

Этот аффикс можно сопоставить с бурятским афф. *-аалин*, который образует сравнительно небольшое количество слов, обозначающих собирательно группу лиц, связанных разными степенями родства и тоже может принимать аффикс мн. чис-

---

99 См.: *Рамстедт Г.И.* Указ. соч., с. 208-210.

100 См.: *Кононов А.Н.* Грамматика турецкого языка, с. 62, § 129; *Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 90, 91.

101 Об афф. *-чы* см.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966, с. 83-92.

102 См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с.171-172.

ла[103], т.е. ведет себя аналогично тофаларскому и тувинскому аффиксам, например: *базаалин* 'свояки' (< *база* 'свояк') *худаалин* 'сваты' (< *худа* 'сват'), *булөөлин* 'двоюродные братья и сестры' (< *булэ* 'двоюродный брат и сестра'), а также *базаалингууд, худаалингууд, булөөлингууд* (с показателем множественности *-ууд/-ууд*).

В отличие от тувинского языка, в тофаларском довольно большое количество слов образовано афф. *-лик/-лік, -тык/-тік, -ник/-нік*. Возможность образовать новое слово при помощи этого аффикса в современном тофаларском языке пока остается под сомнением. В тех же словах, где этот аффикс вычленяется, он придает словам наряду с некоторым обобщающим, отвлеченным значением, также значения конкретных предметов и понятий (место, инструмент, орудие, результат), например: *аңник* 'охотпромысел' (< *аң* 'зверь'), *черлік* 'жизнь' (< *чер* 'земля'), *душтук* 'полуденное время' (< *душ* 'полдень'), *иштик* 'коптильня' (< *иш* 'дым'), *кыъштык* 'зимовье' (< *кыъш* 'зима'), *чэйлик* 'летовка' (< *чэй* 'лето'), *уштук* 'обшлаг у рукава' (< *уш* 'конец'), *чустук* 'перстень, кольцо' (< *чус* 'сустав'), *немдік* 'объедки' (< *нем* 'еда' < *чи-* 'есть'), *эльдік* 'рукавицы, варежки' (ср. др.-тюрк. *äl* 'рука, кисть руки'), *көстук* 'козырек у шапки' (ср. др.-тюрк. *köz* 'глаз', туркм. *гөзлук* 'наглазная повязка у домашних животных'), *колтук* 'подмышка' (< *кол* 'рука'), *оттук* 'огниво' (< *от* 'огонь'), *ийнэлік* 'большой длинноногий комар' (< *ийнэ* 'игла').

В тувинском языке очень редки слова с этим аффиксом. В нем представлены буквально единицы слов типа *көстук* 'очки', *колдук* 'подмышка', *оттук* 'огниво'. В этом отношении тофаларский язык сближается с хакасским, шорским, алтайским и остальными тюркскими языками, в которых широко представлены производные слова с этим аффиксом.

В отличие от тех языков, где этот аффикс активен, в тофаларском он не участвует в образовании новых слов с отвлеченным значением типа тат. *аклык* 'белизна', *матурлык* 'красота', *унлык* 'десятка'; *коллык* 'рабство' или слов со значением названия мест скопления предметов, веществ типа тат. *каенлык* 'березняк', *сазлык* 'болотистое место' и т.п. Видимо, этот аффикс в древнем тофаларском языке был продуктивен, но не успел развить свою семантику и застыл. К продуктивным его отнесли здесь условно, учитывая его прошлую продуктивность.

Непродуктивные аффиксы

В ряде слов можно свободно вычленить образующую основу, если учесть однокоренные слова в самом тофаларском языке и других тюркских языках. Выделенные в этих словах словообразовательные аффиксы ныне мертвы и давно не образуют новых слов. Их выявление представляет чисто теоретический интерес для сравнительно-исторической тюркологии.

[103] См.: *Дондуков У.-Ж.Ш.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с. 18.

К подобным аффиксам могут быть отнесены следующие: *-ак/-ек* - аффикс, происхождение которого связывают с общетюркским деминутивом *-q*[104]. В тофаларском языке его можно выделить, например, в словах *мойнак* 'накидка, сшитая из шкур с головы и шеи животных, служит для закрывания сверху завьюченных переметных сум' (< *мөэн* 'шея', ср. др.-тюрк. boyun, boyïn 'шея'); *тонак* 'одежда; сбруя; снаряжение' (ср. *тон* 'верхняя одежда, шуба, пальто'); *согунак* 'боёк у ружья' (< *согун* 'стрела', ср. др.-тюрк. soq- бить, ударять'); *өзек* 'центр; сердцевина, стержень' (ср. *өс* 'аорта', др.-тюрк. öz 'сердцевина, нутро').

Как отмечалось выше, аффикс деминутива *-чык* (и его древний вариант *-чак*) тоже образовали ряд слов, в которых почти утратилось значение уменьшительности, во всяком случае ни о какой эмоциональной оценке в этих словах речь идти не может. Ср. например, приведенные выше слова *дытчык* 'заросли мелкого лиственничника', *капчык* 'сумка', *соочжак* 'ведерко' и др. Этот же процесс наблюдается и в других тюркских языках[105].

-дың - встречается пока в двух словах: *айдың* 'лунный свет' (< *ай* 'луна') и *кырдың* 'острая грань' (< *кыр* 'грань; горный хребет'). В других тюркских языках он вычленяется в одном слове *айдың*[106] (ср., например, др.-тюрк. ajdïŋ, туркм. *айдың*, кирг. *айдың* 'лунный свет').

-дырык - этим аффиксом в тофаларском языке, как и в других тюркских языках[107], образовано ограниченное количество слов со значением сбруи или снаряжения. В тофаларском языке нами выявлено всего два слова: *һөмундурук* 'нагрудная шлея у седла' и *салиндирик ~ саандырык* 'подбородочный ремень уздечки или фуражки'. Ср. те же слова в древнетюркском языке: kömüldürük и saqalduruq.

-ңгы - в тофаларском языке два слова, в которых можно выделить этот аффикс, это - *алаңгы* 'проталина' (< *ала* 'пегий', пятнистый') и *караңгы* 'темнота, мрак' (< *кара* 'черный'). В других тюркских языках распространено только слово *караңгы* 'темнота' (ср. др.-тюрк. qaraŋyu ~ qaraŋqu, кирг. *караңгы*, тат. *караңгы*, узб. *қоронғи* id.).

-пан/-пен - образовал несколько слов, в которых он имеет уподобительное значение, например: *даспан* 'молодняк домашних и диких оленей до двух лет' (ср. *дас* 'дикий взрослый олень или сохатый') *иһиспен* 'близнецы, двойняшки' (ср. *иһис* 'близнецы, двойня'). Этот аффикс можно сопоставить с распространенным в тюркских языках афф. *-ман*, который так-

[104] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 166-168.

[105] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования, с. 108, 109, с. 111, 112.

[106] Об этимологии этого слова также см.: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974, с. 109.

[107] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 176-178.

же имеет уподобительное значение[108]. Данная этимология этих слов нами уже приводилась[109].

Все представленные в тофаларском языке как продуктивные, так и непродуктивные аффиксы отыменного словообразования существительных, за исключением афф. *-лыкшы*, носят в общем общетюркский характер.

Афф. *-лышкы* здесь единственный специфичный для тофаларского и тувинского языков аффикс. Развился он в этих языках, надо полагать, под влиянием соседствующего с ними бурятского языка, так как этот аффикс в других монгольских языках, кроме бурятского не встречается. Его можно считать продуктом маргинального контактирования этих языков.

В тофаларском языке нет аффикса соучастника *-таш*, весьма активного в других тюркских языках. Правда, есть единичные слова с этим аффиксом, например *оъкташ* 'однокалиберное - о ружье' (< *оък* 'пуля'), *тушташ* 'противоположный-о местонахождении' (< *туш* 'противолежащее место'), которые являются прилагательными. Это не позволило включить его в состав словообразовательных аффиксов существительных. Кроме того, отсутствуют в тофаларском языке, как и в других сибирских тюркских языках, распространенные в подвергшихся арабо-персидскому влиянию тюркских языках афф. *-кеш*, *-кер*, *-паз*, *-хана*, *-стан*, *-дар* и т.п. Отсутствует также составной афф. *-чылык*.

Аффиксы отглагольного словообразования

Гораздо больше в тофаларском языке аффиксов, при помощи которых производятся сейчас и производились в прошлом существительные от глагольных основ. Такое же положение и в других тюркских языках.

Аффиксы отглагольного словообразования по их активности можно разделить на продуктивные и непродуктивные.

Продуктивные аффиксы

К продуктивным мы относим только те аффиксы, которые и сейчас могут образовывать новые слова по существующей модели.

Самым продуктивным является афф. *-аашкын/-ээшкін*, *-ыышкын/-иишкін*, *-уушкун/-уушкун* (после основ на согласный) и *-ашкын/-эшкін*, *-ышкын/-ишкін*, *ушкун/-ушкун* (после основ на гласный). Качество начального гласного определяется по закону губной гармонии. При помощи этого аффикса от любого глагола образуется имя существительное со значением процесса действия, выраженного этим глаголом, например: *аъ-ныышкын* 'течение' (< *аък-* 'течь, протекать'), *манаашкын* 'ожидание' (< *мана-* 'ожидать'), *һамнаашкын* 'камлание' (< *һамна-* 'камлать'), *ділиишкін* 'разрезание чего-л. на длинные полосы, например мяса перед сушкой, вялением' (< *діл-* 'разрезать на длинные полосы'), *туруушкун* 'трение, процесс трения' (< *туру-* 'тереть, натирать'), *туътуушкун* 'держание' (< *туът-* 'держать') и т.п.

Но в то же время есть немало производных основ с афф. *-аашкын...*, в которых заложена семантика орудия, инструмента приспособления, например: *һемнээшкін* 'весы' наряду с 'взвешиванием' (< *һемнэ-* 'мерить; отвешивать; взвешивать'), *туруушкун* 'мочалка', *дуушкун* 'пробка, затычка' (ср. др.-тюрк. *tu-* 'закрывать, преграждать', тоф. *дуг* 'пробка, затычка'), *ойнаашкын* 'игрушка' (< *ойна-* 'играть'), *няаашкын* 'заплата' (< *няма-* 'латать'), *туушкун* 'узел' (< *туг-* 'завязывать узел'), *чиишкін* 'пища, еда' (< *чи-* 'есть, кушать'), *өъһээшкін* 'чиркалка у спичечного коробка (< *өъһе-* 'тереть, чиркать').

Этот аффикс по сути дела заменяет афф. *-у/-*у или *-ш* других тюркских языков, которыми образуются в них имена действия для обозначения процесса действия. Ср., например, тат. *алу*, узб. *олиш* 'взятие' (тоф. *алыышкын* id.), тат. *утыру*, узб. *ўтириш* 'процесс сидения' (тоф. *олырыышкын* id.).

Об этимологической связи афф. *-аашкын*, представленного в тувинском языке, с афф. *-ш* в тюркологической литературе уже сообщалось[110]. Однако здесь смущает долгий гласный перед *-ш*. Видимо, афф. *-аашкын* можно разложить на два составных элемента: *-ааш+кын*. *Кын* является общетюркским аффиксом, образующим имена от глаголов. А долготу в компоненте *-ааш* можно объяснить как следствие выпадения в инлауте какого-либо щелевого слабого согласного типа *-г*.

Этот аффикс представлен только в тофаларском и тувинском языках и придает им заметное своеобразие.

Следующим продуктивным аффиксом является афф. *-гшы/-гші*, *-гшу/-гшу*, *-ыгшы/-ігші*, *-угшу/-угшу*. Это тоже составной аффикс, состоящий из элементов *-г + -шы*. Оба компонента общетюркские. Афф. *-г* образует имена с семантикой имени действия, процесса действия, а *-шы* - отыменной аффикс, обозначающий деятеля. В соответствии со значениями компонентов этот сложный афф. *-гшы* обозначает также деятеля, лицо, обычно занимающееся тем или иным действием, лицо по его профессии, обычному занятию. При этом, как правило, имя на *-г* от этих глаголов самостоятельно не бытует. Примеры: *аъштагшы* 'чистильщик' (< *аъшта-* 'чистить'), *дыңнагшы* 'слушатель' (< *дыңна-* 'слушать'), *билигші* 'знаток' (< *бил-* 'знать'), *дааранығшы* 'портной, швея' (< *дааран-* 'заниматься шитьем'), *баъшкарыгшы* 'руководитель' (< *баъшкар-* 'руководить'), *төлегші* 'плательщик' (< *төле-* 'платить'), *туътугшу* 'тот, кто держит' (< *туът-* 'держать'), *манагшы* 'тот, кто ждет' (< *мана-* 'ждать').

В других современных тюркских языках соответствующими аффиксами являются *-ушы*, *-учы*, *-(у)вчи*, *-ижы*[111], в древне-

[108] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования... с. 199.

[109] См.: *Рассадин В.И.* Тюркизмы в бурятском языке. - В кн К изучению бурятского языка. Улан-Удэ. 1969, с. 130.131.

[110] *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 162.

[111] *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 92-98.

тюркском - -γči[112]. Семантика при этом та же. Только во многих современных языках эти формы квалифицируют как прилагательные и даже причастия. Ср., например, каз. *алушы* 'берущий', *барушы* 'идущий туда', *сейлейші* 'говорящий, выступающий' (причастия) - эти причастия в современном казахском языке, утрачивая черты глагольности постепенно переходят в разряд отглагольных существительных со значением, указывающим на профессию человека[113]. В татарском языке *-учы/-үче* образует причастие настоящего времени: *алучы* 'берущий', *килүче* 'идущий'[114]. И только в огузских языках этот аффикс образует имена существительные, как и в древнетюркском языке.

Афф. *-(н)чжыг/-(н)чжиг, -(н)чжуг/-(н)чжуг* образует от глаголов чувствования существительные с абстрактным обобщенным значением того или иного ощущения, чувствования, например: *коӈрһуньчжуг* 'состояние страха, боязни' (< *коӈрт-* 'бояться'), *чиирһеньчжиг* 'состояние, ощущение брезгливости' (< *чиирһен-* 'брезговать'), *өөруньчжуг* 'радость, ощущение радости' (< *өөр-* 'радоваться'), *удуксаньчжыг* 'состояние, когда хочется спать' (< *удукса-* 'хотеть спать'), *нядиньчжиг* 'стыдливость' (< *нядин-* 'стыдиться'). Но в то же время все эти формы могут выступать и как прилагательные. В этом же виде аффикс бытует в тувинском языке, правда для образования прилагательных. В других языках он имеет несколько иной фонетический облик, хотя основной его элемент *-ч* везде остается, равно как и согласный *-н*, представляющий собой показатель рефлексива.

Следующим весьма продуктивным аффиксом в современном тофаларском языке является афф. *-кы/-кі, -гы/-гі, -ку/-ку, -гу/-гу*. Попав в инлаут, согласный *-г* этого аффикса, как правило, выпадает, и в результате образуется заместительный долгий гласный. При помощи этого аффикса образуются имена со значением инструмента, орудия, приспособления, например: *ачжаткы* 'закваска, дрожжи' (< *ачжат-* 'заквасить'), *кырғы* 'скребок для соскабливания мездры с высохшей шкуры' (< *кыр-* 'скрести мездру высохшей шкуры'), *илгі* 'булавка, заколка' (< *ил-* 'приколоть'), *соргу* 'насос, шланг' (< *сор-* 'сосать, всасывать'), *нянгы* 'эхо' (< *нян-* 'возвращаться'), *чаргы* 'совет, совещание, суд' (< *чар-* 'решить, обсудить дело'), *чатқы* 'половик под ноги' (< *чат-* 'расстилать'), *чыттаа* (< **чыттагы*) 'нос медведя' (< *чытта-* 'чуять запах'), *нёнгы* 'рубанок' (< *нён-* 'строгать'), *кыъпыскы* 'лучинка или берестинка для разжигания костра либо прикуривания' (< *кыъпыс-* 'зажечь, поджечь'), *эътіскі* 'манок-пикулька на кабаргу' (< *эътіс-* 'заставить кричать').

Хотя подобных производных слов много, не это значение афф. *-кы/-кі...* является в настоящее время продуктивным. В современном тофаларском языке очень активны и практически образуются при помощи этого аффикса от любого глагола в положительном и отрицательном аспектах имена действия, вхо-

[112] Древнетюркский словарь, приложение, II, с. 653.
[113] Современный казахский язык, с. 324.
[114] Современный татарский литературный язык, с. 245.

дящие вместе с послелогом *дэг* в аналитическую форму объективной модальности со значением необходимости. Эта аналитическая форма имеет полную аналогию в древнетюркском языке, в котором также выделяется аналитическая модальная форма на *-γu täg* со значением возможности[115]. Однако в отличие от древнетюркского языка в тофаларском языке это только предикативная форма. В древнетюркском же языке она может выступать и атрибутивно. Примеры из тофаларского языка: *баргы дэг* 'надо пойти, следует пойти', *келбәв дэг* (< **келбегі дэг*) 'не следует приходить', *туътпаа дэг* (< **туътпагы дэг*) 'не следует хватать', *туътку дэг болган* 'надо было схватить', *ынаары чоруу* (< **чоругу*) *дэг болган* 'надо было поехать туда'. Как видно, в тофаларском языке сохраняется оттенок долженствования, характерный для афф. *-γu* еще в древнетюркском языке. Вне аналитической формы эти имена действия в современном тофаларском языке не употребляются.

В тувинском языке тоже представлена аналитическая форма *-кы дег*, в которой составные элементы еще не слились между собой, как и в тофаларском языке. Но в тувинском языке эта форма квалифицируется как причастие возможного будущего времени и может выступать в качестве определения, например: *Кылгы дег чүвелерни кылдың* 'ты сделал все возможное'[116], чего никогда не происходит в тофаларском языке.

Как причастие возможного будущего времени эта форма имеется также в хакасском языке, в котором оба составных элемента слились в один гармонирующий с основой афф. *-гадаг/-гедег, -хадаг/-кедег*, в шорском - афф. *-кадыг/-кедиг, -гадыг/-гедиг* (диалектные варианты *-кидыг/-кидиг, -гыдыг/-гидиг*), в алтайском - афф. *-гадый/-гедий, -гидий/-гидий* и т.д. по гармонии[117]. Будучи причастием, данная форма в этих языках может спрягаться, быть определением, субстантивироваться. Как видно, в тувинском, хакасском, шорском и алтайском языках сохранилось именно модальное значение возможности, содержавшееся в древнетюркской аналитической форме *-γutäg*, в то время как тофаларский сохранил оттенок долженствования.

Кроме того, в тофаларском языке, как и в тувинском[118], имя действие на *-кы*, получив аффикс древнего сравнительно-предельного падежа (экватива) *-ča* в форме *-ша/-ше*, превратилось в аффикс предельного наклонения *-кыша/-кіше*. В дру-

[115] Древнетюркский словарь, приложение II, с. 654. - Подробнее о значении афф. *-кы/-кі...* в современных тюркских языках см.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 227-232.
[116] См.: *Сат Ш.Ч.* Причастие в тувинском языке. - Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 1959, вып. 7, с. 84; *Он же.* Синтаксические функции причастия в тувинском языке. Кызыл, 1969, с. 3.
[117] См.: Грамматика хакасского языка, 237; *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка, с. 135; *Она же.* Грамматика ойротского языка, с. 151-153; *Тадикин В.* Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971, с. 91-97.
[118] См.: *Монгуш Д.А.* О временных формах в тувинском языке.- Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 1959, вып. 7, с. 90.

гих тюркских языках (хакасском, шорском, алтайском, татарском, башкирском и т.д.) подобная форма образована тем же афф. *-ҷа*, но от причастия прошедшего времени на *-кан - канча*.

Весьма активным в современном тофаларском языке оказывается афф. *-ӈ, -аӈ/-еӈ, -ыӈ/-иӈ, -уӈ/-уӈ*. При помощи него образовано несколько слов со значением результата действия или лица действия, например: *ириӈ* 'гной' (< *ири-* 'гнить'), *чылбаӈ* 'подлиза' (< *чылба-* 'подлизываться'). Но основным значением этого аффикса в современном языке, делающим его высокопродуктивным, является значение имени действия с оттенком ритмичности, повторяемости частоты, или обычности этого действия. Отглагольное имя действия на *-ӈ* при этом образуется не только от образных глаголов, но и от глаголов действия, движения, состояния, чувствования и т.п.

При присоединении афф. *-ӈ* к основам образных глаголов их конечный согласный *-й* отбрасывается, а основы остальных глаголов остаются без изменения, например: *кылай-* 'быть блестящим' - *кылаӈ* 'частое ритмичное мерцание огня', *ырчжай-* 'быть с оскаленными неровными зубами' - *ыржаӈ* 'оскал неровных зубов', *тур-* 'стоять' - *тураӈ* 'ритмичные остановки в процессе ходьбы', *уъш-* 'лететь' - *уъһяӈ* 'ритмичное порхание, летание с остановками', *аъш-* 'открывать' - *аъһяӈ* 'ритмичное открывание и закрывание', *туът-* 'держать, схватить' - *туътуӈ* 'ритмичное схватывание' и т.п. Самостоятельно эта словоформа в качестве имени не употребляется, а служит основой для образования глагольных аналитических видовых форм ритмичности и учащенной ритмичности при помощи вспомогательных глаголов *кын-* (< *кылын-*) 'делаться, происходить; делать', *кыл-* 'делать' и *гайын-* (без самостоятельного значения), а также для образования синтетической формы ритмичного вида при помощи афф. *-ла*. Об этом нами уже сообщалось[119]. При *бар-* 'идти, пойти' - *барыӈ кын-, барыӈна-, барыӈ гайын-* 'часто ходить', *шом-* 'нырять, нырнуть' - *шоманӈ кын-, шоманӈна-, шоманӈ гайын-* 'часто нырять' (например, об утке во время кормёжки), *шим-* 'зажмуриться', *шимей-* 'иметь прищурившийся вид' - *шимеӈ кын-, шимеӈнэ-, шимеӈ гайын-* 'часто моргать'. Этот же аффикс образует прилагательные от образных глаголов со значением признака, например: *кылаӈ* 'блестящий', *арчжаӈ* 'торчащие во все стороны', *килеӈ* 'гладкий' и т.п.

Афф. *-ӈ* в том же значении представлен в тувинском языке (см. тув. *кылаӈ* 'сверкающий, блестящий', *кылаӈна-, кылаӈайын-* ритм. от *кылай-* 'блестеть'). В якутском языке имена с афф. *-ӈ*, который участвует в образовании формы ритмичного вида *-ӈнаа-*, например: *малаӈнаа-* 'совершать равномерно повторяющееся движение, имея чрезмерно широкое и полное лицо' < *малай-* 'иметь широкое и полное лицо', приводит Л.Н. Харитонов, сопоставляя этот аффикс с монгольским аффиксом глагольного имени *-n*[120]. С. Калужинский считает якутский афф. *-ӈнаа* целиком заимствованным из монгольского языка[121].

Образные глаголы с характерным показателем *-й* распространены во многих тюркских языках, главным образом в сибирских, кыпчакских и киргизском, например: кирг. *ыржай-*, ног. *ыржай-*, каз. *ыржый-* 'осклабиться', тат. *ыржай-* 'скалиться, оскалиться, осклабиться', башк. *ыржай-* скалиться, показывать оскал', кум. *иржай-* 'улыбаться', кар. *ырзай-* 'улыбаться, усмехаться', к.-калп. *ыржий-* 'гримасничать', узб. *ыржай-* 'ухмыляться, скалиться, щериться', тоф. *ырчжай-* 'оскалить неровные зубы', тув. *ырзай-* скалить зубы', хак. *ырсай-* 'скалить зубы', *ырчай-* 'скалить зубы, улыбаться', як. *ырдьай-* 'оскаливаться', алт. *ырчай-* 'скалить зубы, улыбаться во весь рот'. Однако лишь в немногих языках сохранились имена на *-ӈ*, образованные от этих глаголов, и то только в виде основ со сложным афф. *-ӈла/-ӈда-/-ӈна-* (кроме тувинского и якутского языков, о которых подробно говорилось выше). Возможно, в прошлом этот афф. *-ӈ* в тюркских языках был более активен. В современных тюркских языках формы на *-ӈла-* встречаются редко, например: кирг. *ыржаӈда-* осклабиться', к.-калп. *ыржаӈла-* 'улыбаться', каз. *ыржаӈда-* 'глупо смеяться, зубоскалить', ног. *ыржаӈла-* 'скалить зубы, гримасничать', хак. *ырсаӈна-* 'улыбаться, оскалить зубы'.

Пожалуй, лишь в киргизском сохраняется за формой *-ӈда* семантика повторяемости, частоты действия: кирг. *ыржаӈда-* 'осклабиться' (и при этом делать так часто). В киргизском представлены также имена с афф. *-ӈ: ыржаӈ* 'улыбка' (с оскалом зубов). Таким образом, данный аффикс в тофаларском языке с его выражением ритмичности, повторяемости действия находит свою аналогию в тувинском, якутском и киргизском языках, в других сибирских языках и в кыпчакских сохранились только отголоски этой формы в виде словообразовательного афф. *-ӈла*.

Не менее активен в современном тофаларском языке и афф. *-с, -ас/-ес, -ыс/-ис, -ус/-ус*, при помощи которого образуются отглагольные имена, но только, в отличие от предыдущего аффикса, с семантикой быстроты, мгновенности, однократности этого действия. Они тоже производятся не только от образных глаголов, но и от глаголов действия, движения, состояния и т.п. При этом конечный *-й* образных глаголов отбрасывается. Примеры: *кылас* 'быстрое однократное сверкание огня' (< *кылай-*), *ырчжас* 'быстрое однократное оскаливание неровных зубов, длящееся непродолжительное время' (< *ырчжай-*), *туътас* 'быстрое схватывание' (< *туът-*), *турас* 'быстрая остановка на короткий миг' (< *тур-*) и т.п. Эти имена обычно не употребляются самостоятельно, хотя осозна-

---

119 *Рассадин В.И.* Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. - В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976, с. 138.

120 *Харитонов Л.Н.* Форма глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960, с. 157, с. 160; ср.: *Ramstedt G.J.* Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. - JSFOu, 1912, XXVIII, 3, s. 81.

121 *Kałużyński St.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache Warszawa, 1961, S. 104.

ются носителями языка. В сочетании со вспомогательными глаголами *кын-* или *кыл-* (о которых см. выше) отглагольные имена на *-с* образуют аналитическую форму моментально-однократного и раздельно-кратного видов[122], например: *кылас кын-* 'сверкнуть быстро и один раз', *кылас кылас кын-* 'сверкнуть несколько раз', *шимес кын-* 'подмигнуть один раз', *шимес шимес кын-* 'несколько раз подмигнуть'[122].

В то же время есть намеки на употребление формы на *-с* в качестве атрибутива со значением обычности признака действия, например: *унус кунум унуп келді* (из песни) 'солнце, которое всегда выходит, вышло', *аътыс таңым аътып келді* (из песни) 'заря, которая всегда появляется, появилась'. Сюда напрашивается сопоставление с чувашским причастием на *-с* и формой на *-асы*, распространенной в ряде тюркских языков.

В тувинском языке вместо тофаларского афф. *-с* для образования аналитических глаголов со значением внезапности, мгновенности употребляется афф. *-ш*, например: тув. *сарбаш кын-*, *сарбаш дэ-* 'вздрогнуть', *сылаш кын-*, *кылаш дэ-* 'сверкнуть, блеснуть', *кызаш кын-*, *кызаш дэ-* 'сверкнуть, мелькнуть - о красном'.

Полную аналогию тофаларскому *-с* находим в якутском языке[123]. Ср. як. *малас гын-* 'внезапно выставить полное широкое лицо' (< *малай-*), *чохчос гын-* 'мгновенно присесть на корточки' (< *чохчой-*). С. Калужинский считает аналитическую форму *-s gyn-* (*кун-*) заимствованной из монгольского языка[124]. Афф. *-s* характерен для монгольских языков, в которых отглагольное имя на *-s* в сочетании с глаголами *ki-* 'делать' и *ge-* 'говорить' образуют аналитическую форму для выражения мгновенно-однократного вида[125].

В том, что форма на *-с* в тофаларском языке отглагольное имя, убеждает нас также образование от этих имен вторичных глаголов, например: *тынаста-* 'часто и с натугой дышать - при одышке' (< *тынас* < *тын-* 'дышать'), *элестэ-* 'мелькать - о неясном силуэте' (< *элес*, ср. *элес кын-* 'мелькнуть - о неясном силуэте', *элендэ*, *элең кын-*, *элең гайын-* 'мелькать - о неясном силуэте'). В тувинском языке встречаются лишь единичные слова с этим аффиксом, да и то в производных словах типа тув. *элесте-* 'чудиться, мерещиться'. В хакасском языке встречается слово *тынас* 'одышка', *тынаста-* 'запыхаться, пыхтеть', близкие по семантике тофаларским словам. В других тюркских языках тоже можно отыскать следы афф. *-с*, например: кирг. *элес* 'силуэт, образ', *элесте-* 'смутно виднеться, мерещиться', каз. *елес*, к.-калп. *елес* 'призрак', ног. *элес ал-* 'испуганно шарахнуться', узб. *элас-элас* 'смутный, неясный, тусклый, расплывчатый', туркм. *элесле-* 'маячить, виднеться издалека'. Как видно, в этих словах сохраняется и семантика корня **эле-*, означающего 'неясный силуэт'[126].

С тофаларским афф. *-с* можно сопоставить также эвенкийский афф. *-с* в составе аналитической формы *-с ō-ми* для выражения быстроты и неожиданности действия[127]. Здесь *ō-ми* - глагол 'быть'. Возможно, что это одна из древнейших общеалтайских форм.

122 См.: *Рассадин В.И.* Некоторые особенности морфологии тофаларского языка, с. 137-138.

123 См.: *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида.., с. 143.

124 См.: *Kałużyński St.* Указ. соч., с. 114.

125 См.: *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955, p. 281.

Непродуктивные аффиксы

Довольно большое количество аффиксов современного тофаларского языка свободно вычленяются в словах, иногда весьма многочисленных, но словообразующие возможности их утрачены. Они уже не образуют новых имен, как рассмотренные выше аффиксы. В эту же группу мы включили и мертвые аффиксы, при помощи которых в прошлом были образованы единичные слова, основы которых выявляются этимологическим путем. Рассмотрим эти аффиксы.

-г, -аг/-эг, -ыг/-иг, -уг/-уг - при помощи него образовано довольно много слов со значением приспособления, орудия, средства действия, результата действия, например: *иъсиг* 'жара' (< *иъси-* 'нагреваться'), *баг* 'веревка' (ср. др.-тюрк. *ba-* 'связывать, привязывать'), *дуг* 'пробка, затычка, плотина, ограда, загородка' (ср. др.-тюрк. *tu-* 'закрывать, преграждать'), *одаг* 'ночлег в тайге с костром, табор' (< *ода-* 'разводить огонь'), *чедэг* 'караван оленей' (< *чет-* 'вести в поводу, за руку'), *тушаг* 'путы на передние ноги лошади' (< *туша-* 'спутывать передние ноги лошади'), *таныг* 'метка в виде надреза на ухе животного' (< *таны-* 'узнавать, опознавать'), *туъпуг* 'добыча на охоте' (< *туъп-* 'находить'), *аъсыг* 'вешалка' (< *аъс-* 'вешать'), *ӭэтырыг ~ ээтырыг* (< **ӭйтырыг*) 'вопрос' (< *ӭэтыр- ~ ээтыр-* 'спрашивать', ср. др.-тюрк. *ajït-* 'спрашивать, заставить говорить', *ajtur-* 'заставить говорить', *aj-* 'говорить'), *таъныг* 'разлив, наводнение' (< *таъш-* 'разлиться, выйти из берегов'), *кеъныг* 'брод' (< *кеъш-* 'переправляться через реку'), *корног* 'телячий намордник' (ср. кирг. *корго-* 'предохранять', др.-тюрк. *qorï-* id.), *саътыг* 'стоимость' (< *саът-* 'продавать'), *өөредіг* 'знание' (< *өөрет-* 'обучать'). Встречаются единичные слова со значением процесса действия, например: *сунуг* 'беготня - обычно ребячья' (< *сун-* 'бегать'), *салыг* 'складыванье' (< *сал-* 'складывать, положить'), *саътыг* 'продажа' (< *саът-* 'продавать'), *өөредіг* 'обучение, учеба' (< *өөрет-* 'учить'). Это значение данного аффикса в современном тофаларском языке не развито, хотя в других тюркских языках довольно активно, ср. татарские, башкир-

126 О слове *элес* и сопоставлении корня **эле-* с монгольским *elei-* стать перепутанным, беспорядочным, тусклым' см.: *Э.В. Севортян.* Этимологический словарь тюркских языков, с. 263.

127 См.: *Василевич Г.М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, приложение: суффиксы и частицы, с. 778.

ские, алтайские, киргизские имена действия с афф. *-у/-у, -ыу/-еу, -уу/-уу*, хакасские, сарыг-югурские *-иг/-иг*[128] и т.п.

-ш, -аш/-еш, -ыш/-иш, -уш/-уш - им образовано немного имен со значением места, результата действия, например: *конаш* 'ночлег' (< *кон-* 'ночевать'), *соъһуш* 'щелчок' (<*соък-* 'бить, ударять'), *улеш* 'доля, пай' (< *уле-* 'делить'), *каргыш* 'проклятие' (< *карга-* 'проклинать'), *чыыш* 'собрание' (< *чыг-* 'собирать'), *чиш* 'взятка' (< *чи-* 'есть, кушать'), *таныш* 'знакомый человек' (< *таны-* 'узнавать'). В некоторых, весьма редких случаях при помощи афф. *-ш* образуется отглагольное имя для создания аналитической формы мгновенно-однократного вида от образных глаголов, например: *сырбаш кын-* 'вздрогнуть от испуга', *кызаш кын-* 'мелькнуть - о красном предмете'. В тувинском же языке это очень активный аффикс для образования как данной аналитической формы, которая в тофаларском использует имена на *-с*, так и вообще отглагольных имен со значением процесса действия, хотя и здесь его не относят к числу продуктивных аффиксов[129].

-к, -ык/-ік, -ук/-ук - при помощи этого аффикса образовано немного имен со значением главным образом результата действия, например: *кылык* 'характер' (< *кыл-* 'делать, поступать'), *кеъртік* 'зарубка, ступенька лестницы' (< *кеърт-* 'делать поперечную зарубку'), *чорук* 'поездка' (< *чору-* 'ехать, ездить'), *ырык* 'щель' (< *ыр-* 'разрывать'), *чөдурук* 'кашель' (< *чөдур-* 'кашлять'), *орук* 'дорога' (ср. др.-тюрк. oruq id., возможно < др.-тюрк. or-, ur- 'бить, выбивать').

-кіл - вычленяется в одном слове *чеъткіл* 'достаток в жизни' (< *чеът-* 'хватать, достигать').

-кын/-кін, -кун/-кун - образованы единичные слова: *эъткін* 'рев, гон изюбрей, лосей' (< *эът-* 'кричать'), *кеъшкун* 'кочевник' (< *кеъш-* 'кочевать'), *еъскун* 'поколение, молодняк, прирост' (< *еъс-* 'расти, умножаться'). Сюда же, возможно, относится и *келһін* 'перелетные птицы' (< *кел-* 'приходить').

-кыш/-кіш, -куш/-куш, -гыш/-гіш, -гуш/-гуш - при помощи этого аффикса образовано довольно много слов со значением инструмента, орудия, приспособления, например: *баъскыш* 'шаг' (< *баъс-* 'шагать, наступать'), *булһаагы* (< **булһагыш*) 'веселка, палочка, лопаточка для размешивания' (< *булһа-* 'размешивать'), *дырбааш* (< **дырбагыш*) 'гребь' (< *дырба-* 'грести сено'), *иъткіш* 'подпорка' (< *иът-* 'подпереть'), *көзәәш* (< **көзегіш*) 'ожег' (< *көзе-* 'поправлять огонь палочкой'), *соъккуш* 'верхняя жердь-давилка у ловушки' (< *соък-* 'ударять, бить'), *сыбырғыш* 'скребок' (< *сыбыр-* 'скрести'), *туъткуш* 'ручка, держалка' (< *туът-* 'держать').

---

[128] *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 215.

[129] *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 158.

-кыыш - образованы единичные слова: *чаткыыш* 'подстилка скоту' (< *чат-* 'расстилать'), *сургууш* 'специальная доска, на которой размягчают скоблением выдубленную шкуру' (< *сур-* 'скоблить шкуру на доске'). В тувинском языке употребителен именно этот вариант аффикса[130]. В других тюркских языках встречаются варианты и с широким гласным: *-кач/-кәч, -гач/-гэч*[131]. В тофаларском языке афф. *-гаш* образует имена прилагательные, о чем будет сказано ниже.

-м, -ам/-ем, -ым/-ім, -ум/-ум - при помощи этого аффикса образовано сравнительно немного имен, означающих объект, результат, орудие действия, а также процесс действия, превращенный в единицу измерения, например: *долгам* 'один поворот ручки' (< *долга-* 'крутить, вертеть ручку'), *өрум* 'ломоть хлеба' (< *өру-* 'отрезать ломоть хлеба'), *доорам* 'зарубка на бревне, где следует перепилить или перерубить' (< *доора-* 'рубить поперек'), *быъһым* 'время одной варки' (< *быъш-* 'варить'), *тыъртам* 'время курения одной трубки (< *тыърт-* 'курить'), *нем* 'пища, корм' (< *чи-* 'есть', ср. др.-тюрк. jem 'пища'), *алым* 'долг' (< *ал-* 'брать'), *өлүм* 'смерть' (< *өл-* 'умереть'), *кедім* 'одежда' (< *кет-* 'одевать'), *ээрем* 'яма, водоворот на реке' (< *ээр-* 'крутить, вертеть'), *соъһум* 'скот, предназначенный на убой' (< *соък-* 'забить скот'). В этих же в основном значениях представлены производные с данным аффиксом и в других тюркских языках[132].

-ма/-ме, -па/-пе - при помощи этого аффикса образовано немного слов главным образом со значением орудия, средства, результата, объекта действия, а также субъекта действия, например: *дуума* 'младший брат, сестра' (ср. др.-тюрк. toγ- 'рождаться', туркм. *догма* 'сын, мальчик', башк. *тыума* 'внебрачный ребенок', в тофаларском языке действует фонетическая закономерность перехода *-г* в *-ӈ* перед *м: неӈме* < *кег-, эӈмек* < *эг-*, о которых см. ниже), *неӈме* 'мелко накрошенное сухое мясо' (< *кег-* 'мелко крошить'), *ділпе* 'ленты мяса, нарезанные для вяления' (< *діл-* 'нарезать лентами'), *шээшпа* 'овод; клыки молодого самца кабарги' (< *шээш-* 'колоть; тянуть, бодать'), *коошпа* 'табун гонных медведей' (< *коош-* 'гоняться друг за другом' < *ког-* 'следовать по пятам'), *кыъсытпа* 'щипцы' (< *кыъсыт-* 'заставить сжимать').

В некоторых языках, особенно в огузских, этот аффикс довольно активен и относится к числу продуктивных[133].

-мак/-мек, -бак/-бек, -пак/-пек - образовал в тофаларском языке имена со значением орудия, приспособления, результата действия. Причем слов этих сравнительно немного. Примеры: *салбак* 'жердь-лежень, к которой привязывают

---

[130] *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 163.

[131] *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования, с. 277.

[132] *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 294-302.

[133] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 124-140.

оленей' (< *сал-* 'класть'), *илбек* 'крючок' (< *ил-* 'прикалывать, накалывать, подцеплять, подвешивать, наколоть')[134], *кыъспак* 'то, что берется подмышку' (< *кыъс-* 'зажимать'), *иримек* 'высохшие остатки молока и его продуктов на стенках сосуда' (< *ири-* 'свертываться - о молоке'), *эҥмек* 'изогнутые шатерчиком прутья над детской колыбелью, на которые накидывается специальная накидка для предохранения ребенка от лучей солнца и от мух' (< *эг-* 'согнуть, изогнуть'). Этот аффикс довольно распространен в тюркских языках и притом в тех же значениях. Кроме того, он широко известен в юго-западных и уйгурском языках как показатель инфинитива, который развился из значения имени действия[135].

-бы/-бі - этот довольно редкий в тюркских языках аффикс образовал в тофаларском языке единичные слова: *айбы* 'приказ, повеление; разрешение' (ср. др.-тюрк. *ай-* 'говорить, сказать'), *белбі* (наряду с *белгі*) 'метка на тропе, указатель дороги' (< *bel- 'быть явным, обнаруживаться'[136]). Этот аффикс обнаруживается также в тув. *айбы* 'просьба, поручение, повеление, заказ', алт. *айбы* 'просьба, приказ', шор. *айбыла-* 'спорить'[137], что указывает на определенный ареал его распространения.

В связи с афф. *-бы/-бі* хотелось бы предложить несколько иное толкование происхождения аффикса тувинского сопроводительного деепричастия на *-пышаан/-пишаан*, которому в тофаларском языке полностью соответствует по значению аффикса форма на *-пышааҥга/-пішааҥга*. Авторы грамматики тувинского языка считают, что *-пышаан*, возможно, состоит из *-пыш* (< др.-тюрк. *-miš*) + *шаан*. Компонент *шаан* они не объясняют[138]. Не отрицая этой этимологии *-пышаан*, считаем также возможным предположить происхождение тувинского *-пышаан* и тофаларского *-пышааҥга* от имени действия с афф. *-бы* (*-пы*, *-мы*) в сочетании с *шаг* 'время' в форме древнего инструментального падежа для тувинского языка и в форме дательно-направительного падежа посессивного склонения в 3-м лице для тофаларского.

Таким образом, если предположить, что тувинский компонент *шаан* и тофаларский *шааҥга*, которые никогда не гармонируют, происходят от слова *шаг* 'время', получившего оформление обстоятельственными падежами, то становятся понятными полная грамматикализация в обстоятельственной функции первоначально свободного словосочетания тув. *-бы шаан* (< **шагын*) /тоф. *-бы шааҥга* (< **шагынга*), означавшего "во время такого-то действия", и превращение его в настоящее деепричастие с аффиксом *-пышааҥга/-пішааҥга, -бышааҥга/-бішааҥга, -мышааҥга/-мішааҥга*.

На достоверность нашего предположения указывает тоджинская форма предельного наклонения на *-гишаамга, -гишааҥга, -гишаа* в ед. числе и *-гишаавыска, -гишаавыска, -гишаанарга, -гишаа(лар)* во мн. числе[139], в которой *-ги* (*-гы, -ки, -кы* и т.п.) - показатель отглагольного имени, а второй компонент восходит к слову *шаг* 'время' с показателями личной принадлежности, стоящему в форме дательного падежа в первых двух лицах обоих чисел, т.е. здесь налицо типологическое сходство в образовании двух разных форм в тофаларском языке и тоджинском диалекте тувинского языка. В тувинском литературном языке, базирующемся на центральном диалекте, эта форма создана в принципе по той же модели, но в другом падеже.

-н, -ан/-эн, -ын/-ін, -ун/-үн - при помощи этого аффикса в тофаларском языке образовано немного слов с разнообразным значением. В тофаларском языке этот аффикс, в отличие от других тюркских языков[140], не образует имен со значением названия процесса действия, например: *һелін* 'невестка' (< *кел-* 'приходить'), *сан* 'число' (ср. др.-тюрк. *sa-* 'считать'), *согун* 'стрела' (здесь явно прослеживается древнетюркский корень *soq-* 'бить, ударять', в тофаларском языке ему сейчас соответствует *соък-* с тем же значением, но если бы слово *согун* 'стрела' было бы образовано от тофаларского глагола, в котором гласный фарингализован, то оно произносилось бы *соъһун*, подобно словам *соъһуш* 'щелчок' и *соъһум* 'скот, предназначенный на убой', образованным от *соък-*, ср. в других тюркских языках: хак. *соған*, шор. *соған*, алт. *согон*, тув. *согун*, як. *оновос* 'стрела'; як. слово, видимо, является метатезой **овонос* < ** һовонос* < **соөонос*, где *-ос* - уменьшительный аффикс, присоединенный ко многим общетюркским словам, например: *өнүгэс* 'щенок' < др.-тюрк. *änük* id.; таким образом, к предкам тофов от древних тюрок могло прийти уже готовое слово **soγun*, образованное от глагола soq-, произносимого без фарингализации; этот случай, аналогичен случаю со словом *ушар* 'водопад', о котором см. выше), *тэъһен* 'колючка, шип' (фарингализация и наличие *h* говорят, что в основе этого слова лежит утраченный тофаларский глагол **тэък-* 'колоть', которому соответствуют др.-тюрк. tek-, tik- 'колоть' и tek-, tik- с семантикой 'шить', 'колоть' во многих современных тюркских языках), *чыътын* 'лежка зверя, домашнего животного, место, где лежал человек' (< *чыът-* 'лежать, ложиться'), *чулан* 'змея' (< *чыл-* 'ползти, извиваясь', ср. кирг. *жыл-* 'ползти', *жылан* 'змея'; др.-тюрк. *jïlan* id.).

---

134 Об этимологии этого слова см.: *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков, с. 345.

135 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 303.

136 О восстановлении этого тюркского корня см.: *Рассадин В.И.* О тюркизмах в бурятском языке. - В кн.: К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969, с. 132.

137 *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий, т. 1, ч. 1. СПб., 1893, с. 62.

138 *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 337.

139 *Чадамба З.Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 106.

140 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 333.

141 *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков, с. 350.

Этот же корень *чыл-* лежит в основе тоф. *сылтыс* 'корень, корешок - у растений', которое составляет параллель уйг. *илтиз* 'корень', возводимому к межтюркской основе *йыл-* 'извиваться, ползать'[141]. Других производных с афф. *-тыс*[142] в тофаларском языке пока не обнаружено.

-т, -ит/-ит, -ут/-ут - этот аффикс образовал в тофаларском языке довольно мало слов со значением приспособления, результата действия, например: *баъсат* 'гнет, бастрик' (< *баъс-* 'давить сверху'), *доот* 'заморозки', (< **доңут* < *доң-* 'мерзнуть, замерзать'), *олут* 'сиденье; жизнь' (<**ол-*[143], ср. *олур-/олыр-* 'сидеть'), *ээт* 'излучина реки' (< **эгіт* < *эг-* 'гнуть'). В других тюркских языках этот древний аффикс тоже образовал немного слов, но в них, в отличие от тофаларского языка, преобладает значение названия процесса действия[144]. Это значение, пожалуй, и позволило афф. *-т* послужить основой образования общетюркского прошедшего времени на *-ды* со значением очевидности совершившегося действия в прошлом[145].

-ды/-ді, -ты/-ті - этот аффикс образовал сравнительно немногочисленную, хотя и заметную группу слов главным образом со значением результата действия и редко приспособления. Примеры: *агды* 'лестница' (ср. др.-тюрк. aγ- 'взбираться наверх'), *алды* 'соболь' - первоначально 'добыча' (< *ал-* 'получать, добывать, брать'), *билді* 'известность, слух, известие' (< *бил-* 'знать, ведать'), *каъһярты* 'затес на дереве' (< *каъһяр-* 'белеть'), *каъсты* 'скорлупа ореха' (< *каъс-* 'грызть, щелкать орехи'), *кеъсті* 'опилки' (< *кеъс-* 'резать'), *тамды* 'капля' (ср. др.-тюрк. tam- 'капать'), *чарты* 'полено' (ср. др.-тюрк. jar-, тоф. *ир-* 'раскалывать'), *шапты* 'стружки, щепки' (ср. др.-тюрк. čap- 'рубить'). Хотя этот аффикс не отмечен для древнетюркского языка, но примеры, проводимые Э.В. Севортяном, свидетельствуют о наличии его в языках уже раннего средневековья (с этим аффиксом еще П.М. Мелиоранский связывал происхождение формы претерита на *-ды*, что довольно сомнительно)[146].

-нды/-нді, -нду/-нду, -ынды/-ынді, -ынду/-ынду - своим происхождением этот аффикс тесно связан с предыдущим, компонент *-н-* тюркологами единодушно признается за показатель возвратного залога, который в этом аффиксе имеет также зна-

---

142 Об этом аффиксе см.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 179-180.

143 О восстановлении этого корня см.: *Рассадин В.И.* Тюркизмы в халха-монгольском языке. - В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии, вып. 5. Улан-Удэ, 1970, с. 54.

144 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования, с. 280.

145 См.: *Киекбаев Дж. Г.* Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, с. 82. - О происхождении *-di < -*t+i* см.: Древнетюркский словарь, с. 664.

146 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 287-288.

чение учащательности, постоянства, устойчивости процесса[147]. В тофаларском языке есть немного слов, образованных при помощи этого аффикса и имеющих значение результата действия. Примеры: *асранды* 'приемыш' (< *асра-* 'выкормить, вырастить'), *буланды* 'пыль' (< *була-* 'вздываться - о пыли'), *козунду* 'отвергнутая девушка' (< *коз-* 'отвергать'), *туъһунду* 'опавшая кедровая шишка' (< *туъш-* 'упасть'), *чилһинді* 'отруби, высевки' (< *чилһи-* 'просеивать'), *чээнды* 'наледь' (< **чайынды* < *чай-* 'широко разливаться'), *шөөнду* 'тонкие кишки' (< **шөйунду* < *шөй-* 'растягиваться'), *шуранды* 'прыжок' (< *шура-* 'прыгать'). При этом некоторые из этих производных, образованные от переходных глаголов, имеют также атрибутивное значение, напоминая по семантике страдательное причастие, например: *асранды уруг* 'выращенный чужой ребенок', *козунду анһай* 'брошенный маткой теленок'. Это же отмечается и для других тюркских языков[148].

-ньчжы/-ньҷжі - данный аффикс тоже сложный, его компонент *-нь-* (среднеязычный *-ɲ-*, ставший таковым перед среднеязычной аффрикатой) также может рассматриваться как показатель возвратного залога, сросшийся с афф. *-чжы*. В древнетюркском языке также представлен этот аффикс в виде *-nčï/-nčü*, причем элемент *-n-* рассматривается как показатель залога[149], его вариантом является, видимо, *-nč*. В тофаларском языке при помощи этого аффикса образованы единичные слова: *паштаньчжы* 'повар, повариха' (< *пашта-* 'варить, готовить пищу'), *сыскырыньчжы* 'вытопленное внутреннее медвежье сало (< *сыскыр-* 'перетопить сало'), *эдэріньчжі* 'человек, увязавшийся в дорогу' (< *эдэр-* 'идти следом, следовать по пятам'). Как видно из примеров, преобладает значение субъекта действия, которое придает афф. *-чжы* (ср. аффикс имени деятеля). В хакасском языке есть случаи присоединения афф. *-ҷі* непосредственно к глагольной основе, в том числе и к возвратным глаголам с показателем *-н*. Ср., например, хак. *тоғынҷы* 'работник' (< *тоғын-* 'работать'), *істенҷі* 'трудящийся' (< *істен-* 'трудиться'), *ӱгренҷі* 'учащийся' (< *ӱгрен-* 'учиться'), *ӱгретҷі* 'учитель' (< *ӱгрет-* 'учить')[150]. В тофаларском же языке *-н-* уже прочно слился с *-чжы* в один аффикс. Из других современных тюркских языков как самостоятельный аффикс после глагольных основ отмечен *-ҳа/-ҳе* в туркменском (*душунҳе* 'сознание, понятие', *япынҳа* 'бурка', *дамҳа* 'капля') и *-ca/-ce* в турецком (düşünce 'мышление', eğlence 'забава'; kapanca 'силок')[151]. Отдельные слова со-

---

147 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 288.

148 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 292.

149 См.: Древнетюркский словарь, приложение II, с. 650-651, 658.

150 Грамматика хакасского языка, с. 56.

151 Грамматика туркменского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, с. 130; *Кононов А.Н.* Грамматика турецкого языка, с. 86, § 181.

хранились и в других языках, ср. узб. *ёпинчи* 'накидка, плащ', кирг. *жамынчы* 'покрывало', *суйунчу* 'подарок за радостную весть', каз. *суйінші id.* (но *суйініш* 'радость'), к.-калп. *суйинши id.*, тат. *тамчы* 'капля', *сөенче* 'подарок за радостную весть'. Вариант аффикса в форме *-(ы)нчы* Э.В. Севортян считает более древним, чем *-(ы)нч*, развившийся в основном в огузских языках[152].

-мчжы/-мчжі - этот редкий в тюркских языках аффикс образовал небольшое количество слов в основном со значением результата действия, например: *аърттырымчжы* 'остаток' (<*аъртты-* 'оставлять'), *буламчжы* 'пыль' (< *була-* 'вздыматься - о пыли', ср. *буланды* 'пыль'), *булһаамчжы* 'количество муки; нужное для варки каши-заварухи на один раз' (< *булһа-* 'мешать, помешивать, смешивать'), *бытарамчжы* 'крошки' (<*бытара-* 'рассыпаться'), *немчжі* 'части туши зверя (ребра, грудинка, печень, сердце), которые съедали по обычаю коллективно, всем аилом' (< *чи-* 'есть', ср. др.-тюрк. je- id., тоф. *нем* 'еда, пища'), *сыскамчжы* (< *сыска-* 'процеживать'), *сыскырамчжы* (< *сыскыр-* 'вытопить сало') 'выжарки, вытопки сала'. Из других тюркских языков этот аффикс имеется в немногих словах тувинского, якутского, алтайского, киргизского языков. Ср. тув. *беримче* 'дар', як. *булаамньы* 'смесь', алт. *көрумји* 'показатель', кирг. *корамжу* 'ущерб, потеря, напрасная трата'. При этом для тувинского и якутского языков этот аффикс считается заимствованным из монгольского языка[153]. Присоединяясь к этому мнению, считаем, что и тофаларский аффикс заимствован из монгольского языка.

-няк/-нек (в качестве вариантов произношения выступают *-йак/-йек*) - этим аффиксом образованы единичные слова: *куруняк ~ куруйак* 'ушная сера; перхоть' (< *куру-* 'сохнуть'), *hурунек ~ hуруйек* 'деревянная лопата' (ср. др.-тюрк. köri- 'сгребать'), *сарһыняк ~ сарһыйак* 'книжка - часть желудка жвачных животных' (ср. др.-тюрк. sarqaj'iq, sarqan'iq id.; возможно < др.-тюрк. sarq- 'сочиться'). Из других тюркских языков ср.: тув. *саргыяк*, хак. *сархынчах* 'книжка - часть желудка', хак. *кӱрӌек*, шор. *кӱрчек* 'лопата', др.-тюрк. tutjaq ~ tutajaq 'связь, сцепление' (< tut- 'держать'), jörgäjäk 'локоны' (< jörgä- 'обматывать'). Таким образом, в языках Саяно-Алтая сохраняется древний аффикс.

-а, -ы - этот аффикс сохранился в немногих словах: *тура* 'засада; номер стрелка в засаде при облаве' (< *тур-* 'стоять'), *тура* 'утро' (< *тур-* 'вставать'), *чазы* 'большая поляна' (ср. др.-тюрк. jazï 'степь, равнина; распростертый, открытый' < др.-тюрк. jaz- 'распускаться, растекаться'), *ыда* 'гон зверей собаками по насту весной' (< *ыд-* 'пускать, отправлять'). Этот аффикс образует также атрибутивы, совпадающие внешне с деепричастиями, но сейчас это разные формы, хотя и имеющие одно происхождение - именное.

---

[152] *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 273.

[153] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 169; Указ. соч., с. 90.

Единичные слова в современном тофаларском языке образуются следующими весьма редкими аффиксами.

-л - вычленяется в слове *кыъсыл* 'ущелье, тенина' (<*кыъс-* 'сжимать с боков'), ср. др.-тюрк. q'is'il 'ущелье, теснина'. Этот же аффикс образовал общетюркское прилагательное *кызыл* 'красный' (< *кыз-* 'краснеть').

-й - выделяется в слове *эмий* 'вымя; грудь, сосок' (< *эм-* 'сосать грудь, вымя'). Возможно, что *-й* здесь является результатом спирантизации щелевого *-г*, выступающего как словообразовательный аффикс, т.е. *эмий* < **эмиг*. О том, что это предположение верно, свидетельствует в самом тофаларском языке случаи перехода *-г* в мягкорядных словах в конце слога в *-й*, например: *дэг* 'коснись', на *дэйбе* (вм. *дегбе*) 'не трогай', а также массовое чередование звуков *г* и *й* между алыгджерским и гутаринским говором, например: алыгдж. *суг* 'вода' - гутар. *суй*, алыгдж. *даг* 'гора' - гутар. *дай* и т.п.[154] Хотя, по нашим наблюдениям, не все гутаринцы произносят *й* вместо *г* и не во всех словах. Вопрос этот еще требует детального изучения. В других тюркских языках тоф. *эмий* соответствуют: тув. *эмиг* 'грудь', тур. emik 'пятно, след на коже', як. *эмии* 'грудь, сосок'.

Аффиксы отглагольно-именного словообразования

В тофаларском языке имеется несколько аффиксов, образовавших слова как от глагольных основ, так и от именных. Возможно, это отголосок того древнего состояния тюркских языков, когда существовал так называемый синкретизм именных и глагольных слов, и четкого выделения частей речи, как сейчас, еще не было. Таких аффиксов пока обнаружено два:

-гак/-гек, -как/-кек: ээрілгек 'вихор на голове' (<*ээрілгек* 'быть закрученным'), *тискек* 'колено' (ср. др.-тюрк. tiz id.), *эміскек* 'соска' (< *эміс-* 'заставить сосать'), *ирһек* 'самец соболя, медведя' (ср. др.-тюрк. er, ir 'мужчина, самец', erkek, irkäk 'самец');

-чжак/-чжек, -чжык/-чжік, -чжук/-чжук: ээрілчжек 'воронка на реке' (< *ээрілгек* 'быть закрученным'), *чиирһеньчжек* 'брезгливость' (< *чжирһен-* 'чувствовать брезгливость'), *көруньчжук* 'зеркало' (< *көрун-* 'осматриваться'), *көъфеньчжік* 'подушка седла' (< *көъфен-* 'подстилать под себя что-л. мягкое'), *мөэньчжак ~ мөэньчжук* 'ошейник' (< *мөэн* 'шея'), *неньчжык* 'небольшая сумочка для мелких предметов, привешивалась на поясе сбоку' (< *нян* 'бок'), *буруньчжук* 'передняя петля лыжных креплений' (< *бурун* 'перед, передняя сторона'), *аъсиньчжак* 'подвеска на поясе' (< *аъсын-* 'подвесить что-л. к поясу').

Эти аффиксы довольно широко распространены в тюркских языках и образуют как существительные, так и прилагательные[155].

---

[154] Подробнее см.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 8.

[155] Об афф. *-чжак* см.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 186-191.

6 318

В основном все тофаларские аффиксы отглагольного словообразования имен существительных были представлены еще в древнетюркском языке и сохраняются в абсолютном большинстве современных тюркских языков. В тофаларском языке отсутствуют бытующие в тувинском языке афф. *-лга, -лда, -мал, -дал*, заимствованные из монгольского языка[156], а также тюркский афф. *-ндак*. Афф. *-мыш* отсутствует не только в тофаларском, но и в других саяно-алтайских тюркских языках.

Таким образом, в отношении аффиксального словообразования имен существительных современный тофаларский язык является собой общетюркский тип.

[156] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 166-169, 175.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное определяется как часть речи, выражающая грамматическое значение качества или свойства, называющая это качество или свойство не само по себе, отвлеченно, а как признак, данный в чем-то, в каком-то предмете. Грамматически прилагательное подчиняется существительному. Тип связи в тофаларском языке, как и во всех тюркских языках, между ними - примыкание. Положение прилагательного в составе атрибутивной группы - перед существительным. Основные функции прилагательного - функция определения и сказуемого (его именной части), например: *улуг таш* 'большой камень', *таш улуг болган* 'камень был большим'. Прилагательное называет признак постоянный, находящийся вне границ времени. В этом заключается основное отличие прилагательного от некоторых других частей речи. Признаки, обозначаемые прилагательными, часто могут варьировать по степени интенсивности. Именно это обусловливает особую грамматическую категорию, присущую качественным прилагательным, - категорию степеней сравнения.

Поскольку прилагательные обозначают признак предмета либо непосредственно своим лексическим значением, либо указывая на отношение предметов друг к другу, то в соответствии с этим выделяются два разряда прилагательных: качественные и относительные, которые обладают своими лексическими и грамматическими особенностями.

По своим формальным признакам имя прилагательное в тофаларском языке, как и вообще в тюркских языках, неизменяемая часть речи, так как оно не склоняется и не согласуется с определяемым в числе и лице.

Прилагательное в тофаларском языке в формальном отношении слабо отграничено от существительного. Имеется немного аффиксов словообразования, которые специфичны лишь для прилагательного. Многие же аффиксы образуют и существительные и прилагательные, например: афф. *-л* (*кызыл* 'красный' < *кыз-* 'краснеть' и *кыысыл* 'ущелье' < *кыыс-* 'сжимать с боков'), афф. *-г* (*каътыг* 'крепкий' < *каът-* 'твердеть' и *сунуг* 'беготня' < *сун-* 'бегать') и т.п. Различие между прилагательным и существительным состоит в том, что прилагательное стоит в препозиции к определяемому им существительному, кроме того, существительное имеет категорию склонения, принадлежности, числа, а прилагательное их не имеет. Однако при конверсии, когда прилагательное превращается в существительное, оно получает все эти атрибуты имени существительного.

Большое сходство между внешним видом основ существительных и прилагательных исторически объяснимо. Дело в том, что в основе их в прошлом лежало недифференцированное имя с предметно-качественным значением, имя, в дальнейшем становившееся либо названием предмета (по его типичному признаку), либо названием признака (типичного для какого-то предмета)[1].

[1] См.: *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., "Высшая школа", 1975, с. 209.

РАЗРЯДЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

По своему значению и структуре имена прилагательные тофаларского языка подразделяются на две группы: качественные и относительные.

Качественные прилагательные

Качественные прилагательные обозначают качество, свойство, характер, т.е. признаки, непосредственно присущие предметам и явлениям, например:

1) цвет и масть: *ала* 'пегий, пестрый', *алак* 'пегий' (черно-белый), *буурул* 'седой', *ак* 'белый', *кара* 'черный', *бора* 'серый', *өле* 'сивый', *көк* 'серый', синий', зеленый', *кызыл* 'красный', *сарыг* 'желтый';

2) вес, объем, размер: *кыска* 'короткий', *бедік* 'высокий', *нёон* 'толстый', *аар* 'тяжелый', *чуга* 'тонкий', *һылын* 'толстый', *биче* 'маленький', *улуг* 'большой';

3) температуру: *соок* 'холодный', *чылыг* 'теплый', *иъсиг* 'горячий', *сериин* 'прохладный';

4) внешние физические и телесные качества людей, животных и предметов: *каътыг* 'твердый, прочный', *чымчжак* 'мягкий', *арык* 'худой, тощий', *семис* 'жирный', *ниит* 'молодой', *кырган* 'старый', *дулей* 'глухой', *аксак* 'хромой';

5) форму или облик: *һөну* 'прямой', *һӣир* 'кривой', *дус* 'ровный', *мосраш* 'круглый';

6) вкус, запах: *тадыглыг* 'вкусный, сладкий', *ачжыг* 'горький, жгучий'.

Качественные прилагательные в тофаларском языке обозначают в основном статический признак предмета и не используются без особых грамматических показателей для обозначения признака действия, как это происходит во многих тюркских языках. Если, например, по-хакасски принято говорить *табырах суө* 'быстрая вода' и *суө табырах ахча* 'вода быстро течет', то по-тофаларски прилагательное в обстоятельственной функции обязательно получит грамматический показатель, выражающий адвербиальность, например: *тыһырак суг тыһыракка аъһадыры* 'быстрая вода быстро течет'. Точно так же татарская фраза *яхшы малай яхшы укый* 'хороший мальчик хорошо учится', по-тофаларски будет звучать: *эккі оол эккіді өөреніп туру*, т.е. в тофаларском языке нет четко выраженного синкретизма прилагательных и наречий, как это принято в других тюркских языках.

Качественные прилагательные очень часто обозначают еще отвлеченные понятия, выраженные именами качества, как результат отвлеченного переосмысления качественного признака. Поэтому такие, например, качественные прилагательные, как *ак* 'белый', *узун* 'длинный', *чылыг* 'теплый', *иъсиг* 'горячий', *шын* 'верный', 'правильный', *бедік* 'высокий', *һылын* 'толстый', *өл* 'мокрый' и т.п., могут в результате конверсии субстантивироваться и означают соответственно 'белок' (например, у яйца), 'длина', 'тепло, теплота', 'жара', 'правда', 'истина', 'высота', 'толщина', 'влага, мокрота'.

Кроме того, качественные прилагательные в тофаларском языке в отличие от относительных могут иметь формы интенсива и степеней сравнения, т.е. могут выражать различную степень проявления качества как безотносительно к признаку другого предмета (например, *сарыгсыг* 'желтоватый'), так и в сравнении с проявлением данного качества в другом предмете (например, *оък согундан тыһырак* 'пуля быстрее стрелы').

По своей морфологической структуре и способу выражения качественного признака качественные прилагательные делятся на две группы: одна выражает качественный признак лексическим значением основы, сюда относятся непроизводные и условно-непроизводные основы (например, *няа* 'новый', *ак* 'белый', *өл* 'сырой, мокрый', *эккі* 'хороший', *баък* 'плохой'), вторая выражает качественный признак посредством особых словообразовательных аффиксов (например, *ачжыг* 'кислый', *каътыг* 'твердый', *соок* 'холодный'), это - производные основы. Таким образом, качественные прилагательные бывают непроизводными и производными.

Отношения антонимии характерны также в основном лишь для качественных прилагательных (*узун* 'длинный' - *кыска* 'короткий', *эккі* 'хороший' - *баһай* 'плохой', *биче* 'маленький' - *улуг* 'большой' и т.п.)

Относительные прилагательные

Относительные прилагательные в современном тофаларском языке, как и во всех остальных тюркских языках, характеризуются семантической связью с основами, от которых они образованы. Они называют признаки, являющиеся одновременно указанием на отношение одного предмета к другому предмету или понятию, которым присуще какое-либо качество или склонность к чему-либо (*аъттыг* 'конный'), а также указывают на отсутствие какого-либо качества (*кол чжок* 'безрукий'), кроме того, они обозначают признаки, возникающие из отношения предмета ко времени (*чылдаакии* 'годовой') и к пространству (*мындаакии* 'здешний').

В отличие от качественных прилагательных относительные прилагательные бывают только производными и образуются в основном от имен, иногда от качественных прилагательных и наречий, тогда как качественные прилагательные образуются главным образом от глаголов. Для относительных прилагательных характерна при этом семантическая соотнесенность с тем словом, от которого они образованы, они называют признаки, имеющие отношение к предмету, обстоятельству или действию.

Относительным прилагательным не свойственны форма интенсива, степени сравнения, формы усиления и ослабления признака, так как относительные прилагательные выражают признаки, которые не могут иметь больших или меньших количественных проявлений. Так, например, если от качественного прилагательного *кара* 'черный' возможны формы *кап-кара* 'черный-пречерный', *таъс кара* id., *карасыг, карасыңгы* 'черноватый', то относительные прилагательные *аъттыг* 'конный' *өгдөө, өгдөөкии* 'находящийся дома' не могут иметь этих форм. В этом существенное отличие относительных прилагательных от качественных.

Как правило, относительные прилагательные не имеют отношений антонимичности, за исключением выражения обладания или отсутствия, например: *аҕаттыг* 'конный' - *аҕат чок* 'безконный', *коллуг* 'имеющий руки' - *кол чжок* 'безрукий' и т.п.

По смыслу выражаемых признаков относительные прилагательные подразделяются на группы, имеющие следующее содержание:

1) отношение обладания чем-либо: *чыдыглыг аҥчы* 'охотник, имеющий собаку', *ибиліг көҕөшкүн киши* 'оленный кочевник', *пылаттыг улус* 'женщины' (т.е. 'платочный народ'), *оруктуг ой* 'дорожный ключ' (т.е. вдоль которого идет вьючная тропа);

2) отношение к действию: *чоруга аҕат* 'быстроходный конь', *иглаган уруг* 'плаксивый ребенок', *һааглыг эчжик* 'закрытая дверь', *аҕһик карак* 'открытые глаза', *уруглуг мүн* 'налитый суп', *шыйыглыг письмо* 'написанное письмо';

3) отношение ко времени: *биеэкии* 'давешний', *чэйгии* 'летний', *кыҕшкыы* 'зимний', *амдыы, амдыыкии* 'нынешний', *шаандаа, шаандаакии* 'прошлый, бывший в прошлом';

4) отношение к пространству: *буруҥгуу* 'передний', *баҕшкыы* 'передний, первый', *соҥгуу* 'задний, последний', *буруҥгаарыкии* 'восточный', *соҥгаарыкии* 'западный';

5) отношение к месту: *мындаа, мындаакии* 'здешний', *өгдөө, өгдөөкии* 'домашний, находящийся в доме' (перен. 'женщина'), *сугдаа, сугдаакии* 'находящийся в воде'.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

Один и тот же качественный признак может находиться в многочисленных предметах и явлениях действительности не в одинаковом объеме. Степени качества и есть различные количественные проявления того или иного признака или свойства. Степени качества иначе называются степенями сравнения. Однако в тюркских языках нет того типа этих степеней, каковые представлены в индо-европейских языках, например: русск. *длинный - длиннее - наидлиннейший*, нем. alt - älter - am ältesten и т.п. В тюркских языках находит грамматическое выражение другой критерий - количественное содержание признака. При этом за исходную точку отсчета, если можно так выразиться, условно принимается некая нейтральная форма адъектива, по сравнению с которой данного признака может содержаться в одних формах больше, а в других - меньше. Кроме того, один и тот же признак или качество одни предметы содержат в большем или меньшем количестве, чем другие. Все эти положения и особенности степеней сравнения были четко разработаны Н.К. Дмитриевым, который выделял в тюркских языках два типа сравнения:

1) конкретный, где сравнение качества связано с сопоставлением конкретных предметов, которые обладают сравниваемым качеством;

2) абстрактный, где сравнение качества проводится не при помощи предметов, а при помощи подразумеваемой идеальной нормы[2].

[2] См.: *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М., 1948, с. 83.

Он писал: "По существу и абстрактные и конкретные формы сравнения, т.е. степени сравнения в собственном смысле исходят от одной нормативной степени качества, которую грамматики называют положительной степенью. Логически это есть полностью проявленное качество, которое условно принимается за норму, а грамматически - основная форма прилагательного, от которой образуются все остальные. С внешней стороны положительная степень характеризуется отсутствием какого-либо специфического аффикса"[3].

К абстрактным формам сравнения Н.К. Дмитриев относил формы ослабления и усиления качества. В последнюю он включал формы интенсива. Особо выделял превосходную степень.

Формы абстрактного сравнения

Полностью разделяя точку зрения Н.К. Дмитриева и руководствуясь схемой, выработанной им, мы можем выделить в современном тофаларском языке три формы абстрактного сравнения качественных прилагательных, не считая основную форму прилагательного, от которой образуются все остальные: а) форма выражения ослабленного качества; б) форма выражения усиленного качества; в) форма превосходной степени.

Форма ослабления качества выражает смягчение, уменьшение, ослабление качества по отношению к тому, что обозначается основной формой прилагательного. Образуется она двояким путем.

1. Синтетически, путем прибавления к основе прилагательного афф. *-сыг/-сіг, -сым/-сім, -сың/-сің, -сыҥгы/-сіҥгі*, которые могут взаимозаменяться, например: *сырыгсыг, сарыгсың, сарыгсым, сарыгсыҥгы* 'желтоватый, слегка желтый', *иъсигсіг, иъсигсің, иъсигсім, иъсигсіҥгі* 'слегка горячий, чуть горячий', *дулейсіг, дулейсің* 'глуховатый', *аксыҥгы, аксың, аксым* 'беловатый', *нинҕесіҥгі* 'тонковатый', *кыскасыҥгы, кыскасыг* 'коротковатый', *аарсыҥгы* 'тяжеловатый. Прилагательные, обозначающие цвет, масть образуют, кстати, форму ослабления качества исключительно этим аффиксом.

В тофаларском языке нет распространенных в других тюркских языках афф. *-ылдыр, -амдых, -ыл, -тым, -ылжым, -кылт, -шылт, -ча, -мтык, -мтыл, -имса* и т.п. (см. табл. 3). Представленные в нем афф. *-сыг, -сым, -сың, -сыҥгы* только в двух случаях имеют прямое соответствие в языках тюрок Саяно-Алтая и якутском языке - это афф. *-сыг* с алтайской параллелью *-сы* и афф. *-сыҥгы* с якутской параллелью *-тыҥгы* (субституция якутским *т* общетюркского *с* общеизвестна). Афф. *-сың* не имеет параллелей, а *-сым* можно сравнить с тув. *-симаар*, хак. *-сымах*, алт. *-с мак* и шор. *-зибан*. Такой разнобой в этих параллелях объясняется тем, что все эти аффиксы восходят к одному общему элементу *-си*, который известен в тюркских языках еще с древнейших времен как отыменной глаголообразующий аффикс с уподобительным значением[4].

[3] Там же, с. 83-84.

[4] Об этом аффиксе см.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, с. 295-316.

Элемент *-сы* входит и в состав тофаларского, тувинского и древнетюркского афф. *-сыг/-сіг*, образующего от имен прилагательные подобия. Он же прослеживается в составе послелогов уподобления, известных в некоторых тюркских языках, например тат. *сымак, сыман*, ног. *сымал*, к.-калп. *сымак*, кирг. *сымал, сыман, сымак*, каз. *сымақ, сынды, сияқты*, в узбекском афф. *-симон*, образующем прилагательные подобия. В связи с этим можно предположить, что хак. *-сымах*, алт. *-сымак* восходят к послелогу *сымак*, а шор. *-зыбан* - к послелогу *сыман*. Все эти словоформы и аффиксы образованы от этого общего элемента *сы-* при помощи различных аффиксов. Заслуживает внимания предположение Э.В. Севортяна о связи афф. *-сы* с его уподобительным значением с глаголом *си-* 'уподоблять', встречающимся в сельджукских стихах[5]. Этот элемент, по всей вероятности, присутствует и в слове *сын* 'стан, фигура, облик', имеющемся как в древнем, так и в ряде современных тюркских языков.

Таким образом, тофаларские афф. *-сыг, -сым, -сың, -сыңгы*, являются вариантами, образованными от одного общетюркского древнейшего уподобительного афф. *-сы*, к которому добавлены разные словообразовательные аффиксы имени прилагательного. Так, *-сыг*, и *-сыңгы* до сих пор очень активны и образуют практически от любого имени существительного прилагательные (о чем подробнее будет сказано ниже).

Значение ослабления качества закономерно развивается из значения уподобления; форма ослабленного качества отличается от основной только значением приближения по своим свойствам к тому или иному полноценному качеству, мыслящемуся как идеальное сравнение, эталон.

Думается, что эти аффиксы являются специфическими для тофаларского языка, развившимися в нем самом, поскольку их нет, по сути дела, в ближайших тюркских языках Саяно-Алтая. Алтайский афф. *-сы*, равно как и тофаларский *-сыг*, татарский *-су*, азербайджанский *-сов*, турецкий *-si*, следует рассматривать как результат уже имевшегося и зафиксированного в древнетюркском языке афф. *-sïγ*, образовавшего прилагательные со значением уподобления.

Как видно из табл. 3, тюркские языки вообще не знают одного, единого показателя ослабленного качества, что говорит о позднем развитии этой формы и при этом о развитии самостоятельном в той или иной локальной группе языков - кыпчакской, огузской, карлукской. Общим для всех является лишь показатель *-рак*, первоначально означавший ослабленность качества, малую его степень, и позже превратившийся во многих языках в показатель сравнительной степени. В тофаларском языке он отсутствует.

2. Синтаксически, путем сочетания основной формы со словом *шала*, означающем 'немного, чуть, слегка', либо формой дательного падежа от того же *шала - шалаа* (< **шалага*) или от прилагательного *бичии* 'очень маленький' (усилительная форма от *биче* 'маленький') - *бичиигe*. Оба в этой форме перешли в разряд наречий меры-степени и означают 'немного, маленько, чуть-чуть, слегка'. Эти слова стоят в препозиции. Примеры: *шала өске ~ шалаа өске* 'немного иной', *шала эъсірік ~ шалаа эъсірік ~ бичиигe эъсірік* 'немного, слегка, чуть пьян', *шалаа аар* 'тяжеловатый', *шала узун* 'длинноватый', *шала кыска* 'коротковатый'. Этот способ в тофаларском языке очень продуктивен. Он напоминает употребление в той же роли слова *аз* 'немного' в азербайджанском языке[6] и постпозива *соҕус* в якутском. По сути дела это аналитическая форма[7]. Тоф. *шала* имеет параллели во многих тюркских языках; ср. шор. *шала*, алт. *чала*, хак. *сала*, к.-калп. *шала*, ног. *шала*, каз. *шала*, кирг. *чала*, узб. *чала*, туркм. *чала*, уйг. *чала* - все означают 'недоделанный, наполовину сделанный, недо..., полу.., не до конца'. Но эти слова в данных языках не используются для образования прилагательных ослабленной степени качества. Лишь в тувинском языке можно встретить слово *шала* в той же роли, что и в тофаларском, например: *шала узун* 'длинноватый', *шала улуг* 'великоватый'.

Особой частицы типа тувинской *аарах* и хакасской *арах* для выражения ослабления качества в тофаларском языке не обнаружено.

У с и л е н и е к а ч е с т в а в тофаларском языке может быть выражено различными способами. Основные из них следующие.

1. При необходимости подчеркнуть наличие в большой степени какого-либо признака, качества или многих предметов к соответствующему относительному прилагательному присоединяется не афф. *-лыг*, а афф. *-кыры (/-кірі, -гыры/-гірі, -куру/-куру, -гуру/-гуру)*. Имея одно значение - показ обладания чем-л., - эти два аффикса отличаются именно различным отношением к количественному содержанию признака. Примеры: *дагыры чер* 'гористое место', 'место, где очень много гор' (ср. *даглыг чер* 'место с горой или место, где вообще есть горы') *суткуру инэк* 'корова, дающая очень много молока' (ср. *суттуг инэк* корова, дающая молоко, доящаяся корова'), *чыткыры* 'имеющий очень сильный запах' (ср. *чыттыг* 'вообще имеющий запах'), *чумегірі* 'зажиточный человек' (ср. *чумеліг киши* 'человек, имеющий какую-то вещь').

В тофаларском языке афф. *-гыры*, в отличие от тувинского языка, вообще не присоединяется к прилагательным, являясь сугубо словообразовательным аффиксом, привносящим в производное прилагательное, в его лексическое значение некоторый количественный оттенок. Это является спецификой тофаларского языка.

2. Форма усиленного качества в тофаларском языке довольно регулярно образуется способом внутренней флексии[8], суть которого заключается в том, что гласный последнего

[5] См.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 298, прим. 120.

[6] См.: Грамматика азербайджанского языка. Фонетика, морфология и синтаксис. Баку, 1971, с. 69.

[7] См.: *Убрятова В.И.* Якутский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 411.

[8] См.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 56, 57.

Таблица 3

Средства выражения ослабленной степени качества у прилагательных

	Тоф.	Тув.	Хак.	Шор.	Алт.	Як.	Кирг.
1.	-сиг/-сіг	-	-		-сы/-си -су/-сӱ	-	-
2.	-сым/-сім	-симаар/-симээр, -зымар/-зимээр	-симах/-сімек, -зымах/-зімек	-зыбан	-симак/-симек, -сумак/-сӱмек, -зымак/-зимек, -зумак/-зӱмек	-	-
3.	-сыӈ/-сіӈ	-	-	-	-	-	-
4.	-сыӈы/-сіӈгі	-	-	-	-	-тыӈы/-тиӈи, -туӈу/-туӈу, -лыӈы/-лиӈи, -луӈу/-луӈу -ныӈы/-ниӈи, -нуӈу/-нуӈу	-
5.	-	-	-	-	-	-	-
6.	-	-	-	-	-	-	-
7.	-	-ыл/-ил, -ул/-ул	-	-	-	-	-
8.	-	-	-ілбей	-	-	-	-
9.	-	-ылдыр/-илдир, -улдур/-улдур	-	-ылдырим/-илдирим	-	-	-ылтыр/-илтир, -ултур/-ултур
10.	-	-	-	-	-ылтым/-илтим	-	-
11.	-	-	-	-	-	-	-
12.	-	-	-амдых/-емдік	-амдык/-мдык	-	-	-
13.	-	-	-	-	-	-	-
14.							
15.	-	-	-	-	-	-	-гыл/-гил
16.	-	-	-	-	-	-	-гылт/-гилт,
17.	-	-	-	-	-	-	-гулт/-гулт
				-	-	-	-гылтым/гилтим, -гултум/-гултум -чыл/-чил, -чул/-чул
18.	-	-	-	-	-	-	-
19.	-	-	-	-	-	-	-ча/-че
20.	-чык/-чик, -чжык/	-	-	-	-	-	-
21.	-чжик		-				
22.	-	-	-	-	-	-	-
23.			-				
24.	-	-		-	-	-	-
25.	-	-	-	-	-	-	-
26.	кыня	-	-хына/-кіне	-ш	-	-	-ш
				-	-	-	-
27.	-	-	-	-	-	-сиар/-сиэр	-
28.	-	-аарак	арах	аарак, арак	-арык/-ерик, -өрик	-	-ираак/ -ирээк -раак/ -рээк
29.	шала бичиге	шала -	- -	- -	- -	собус -	- -

Таблица 3 (окончание)

	Каз.	Тат.	Ног.	Уэб.
1.	–	*-су*	–	–
2.	–	–	*-сымал*	–
3.	–	–	–	–
4.	–	–	–	–
5.	–	*-ымса/-емсә*	–	–
6	–	*-сыл/-сел*	–	–
7.	–	–	–	–
8.	–	–	–	–
9.	*-алдыр/-ілдір*	–	–	–
10.	–	–	*-ылдым/-илдим*	
11.	*-ілжім*	*-ылҗым/-елҗем*	*-ылжыр/-илжир*	–
12.	–	–	–	–
13.	–	–	–	*-имтир/-имтил*
14.	–	–	–	–
15.	*-ғылт/-гілт*	*-кылт/-келт, -гылт/-гелт*	*-гылт/-гилт*	–
16.	*-ғылтым/-гілтім*	*-кылтым/-келтем*	–	–
17.	*-шыл/-шіл*	–	*-шыл/-шил*	
18.	*-шылт/-шілт*	–	*-шылт/-шилт*	–
19.	*-ша/-ше*	*-ча/-чә*	–	–
20.	–	–	–	–
21.	*-лау/-леу, -дау/*	–	–	–
22.	*-деу, -тау/-теу*			
23.	*-ҳ*	–	–	–
24.	*-ҳай/-кей*	–	–	
		–	–	*-ши*
25.	–	*-гына/-генә, -кына/-кенә*	*-гана/-гене, -кана/-кене*	*-гина/-ҳина/-кина*
26.	–	–	–	–
27.	*-арақ/-ірек*	*-рак/-рәк*	*-ырак/-ирек*	*-роқ*
28.	–	–	–	–
29.	–	–	–	–

Туркм.	Азерб.	Тур.
–	*-сов*	*-(i)si/-(i)si, -(u)su/-(ü)sü*
–	–	–
–	–	–
–	–	–
–	*-имсов*	*-(i)msi/-(i)msi, -(u)msu/-(ü)msü*
–	–	
–	–	–
–	–	–
–	–	–
–	–	–
–	–	–
-(ы)мтык/-(и)мтик	–	–
-(ы)мтыл/-(и)мтил	*-(ы)мтыл/-(и)мтил, -(у)мтул/-(у)мтул*	*-(i)mtivak*
–	–	–
-ғылт	–	–
–	–	–
–	–	–
–	–	–
-ҳа/-ҳе	*-ча/-чә*	*-ça/-ce*
-ҳак/-ҳек, -ҳык/-ҳик	*-чаг/-чәк*	*-ça/-çe -cak/-çak, -çik/-çik*
–	–	–
–	–	–
–	–	–
–	–	–
–	–	–
–	–	–
-рак/-рәк	*-раг/-рәк*	*-rak/-rek*
–	*аз*	–
–	–	–

слога чередуется всегда с долгим гласным другого качества. Закономерность при этом такова, что краткий гласный *у* чередуется с долгим *оо*, гласный *а* - с *ээ* или *ии*, гласный *е(э)* - с *ии*, *и* - с *ээ*. Обычно этот способ используется только с многосложными прилагательными, имеющими в последнем слоге краткий гласный (практически почти все основы качественных прилагательных таковы). Примеры: *узун* 'длинный' → *узоон* 'очень длинный', *чылыг* 'теплый' → *чылээг* 'очень теплый', *баҕһай* 'плохой' → *баҕһээй* 'очень плохой', *кырган* 'старый' → *кыргээн* 'очень старый', *чараш* 'маленький' → *чариш* 'очень маленький', *биче* 'маленький' < *бичии* 'очень маленький', *семис* 'жирный' → *семеэс* 'очень жирный', *чикті* 'хитрый' → *чиктээ* 'очень хитрый', *ниҥге* 'тонкий' → *ниҥгии* 'очень тонкий'[9]. В некоторых случаях эти формы могут становиться производящими основами. Например, наречие *бичиige* 'немного' образовано от усилительной флективной формы *бичии* 'очень маленький' (< *биче* 'маленький'), существительное *чариш киши* 'карлик' образовано за счет лексикализации атрибутивного сочетания слова *киши* 'человек' с усилительной флективной формой *чариш* 'очень маленький' от прилагательного *чараш* 'маленький'.

3. Усиление качества может выражаться при помощи наречий или препозитивных частиц *оода* 'очень' (ср. башк. *уеата*, к.-калп. *овада* 'очень'), *корһуньчжуг* 'очень' (ср. тув. *кончуг* 'очень'), *ачжыры* 'чересчур' и ряда особых слов-усилителей, употребляющихся избирательно. Примеры: *оода эккі* 'очень хороший', *оода улуг* 'очень большой', *корһуньчжуг соок* 'очень холодный', *ачжыры иъсиг* 'чересчур горячий', *наък дулей* 'очень глухой, совсем глухой', *наък доҥ* 'совсем мерзлый', *таъс кара* 'очень черный, совсем черный', *читі кызыл* 'очень красный' (букв. 'остро-красный'), *пъъш караҥгы* 'совсем темный', *чжаг согур* 'совсем слепой'. Иногда в роли усилителя выступает слово *улуг* 'большой': *улуг эккі* 'очень хороший'. При этом слова *оода*, *корһуньчжуг*, *ачжыры* весьма продуктивны и образуют аналитическую форму усиления качества практически от любого качественного прилагательного. Этот способ является основным и довольно развитым во всех современных тюркских языках[10].

4. Усиление качества у прилагательных цвета может достигаться путем сочетания с другими именами, в основном существительными, характерной чертой которых является обладание тем же качеством, тем же признаком, который выражается этим прилагательным, например: *кан кызыл* 'очень красный' (букв. 'кровь-красный'), *сут ак* 'очень белый' (букв. 'молоко-белый'), *кар ак* 'очень белый' (букв. 'снег-белый'), *ак тос тэг* 'белый как береста', *демир гөк* 'очень серый' (букв. 'железо-серый'), *алтан сарыг* 'очень желтый' (букв. 'золото-желтый'). Этот способ довольно развит в якутском языке. Так, Л.Н. Харитонов приводит следующие якутские примеры: *чох-хара* 'черный, как уголь', *хаар-маҥан* 'белый, как снег', *мас-көнө* 'прямой, как дерево', *туос-ала* 'пегий, как береста'[11]. Ф.Г. Исхаков считает, что к этому же типу относится и татарское выражение *шомырт кара чәчләр* 'черные, как черемуха, волосы'[12].

5. Усиление качества у прилагательных цвета передают особые формы интенсива, которые выражают высокую степень концентрации качества в предмете. В отличие от превосходной степени форма интенсива всегда имеет значение безотносительно высокой степени качества. Образуется форма интенсива при помощи частичной редупликации основы. Суть ее заключается в том, что от основы отделяется первый слог; если он закрытый, то закрывающий слог согласный отбрасывается, далее к гласному присоединяется *-п*. Получившийся таким образом новый закрытый слог присоединяется в качестве препозитивной частицы к основе прилагательного. Примеры: *куу* 'бледный' → *куп-куу* 'очень бледный, бледный-бледный', *кызыл* 'красный' → *кып-кызыл* 'очень красный, красный-красный', *кара* 'черный' → *кап-кара* 'очень черный, черный-черный', *сарыг* 'желтый' → *сап-сарыг* 'очень желтый, желтый-желтый'. Этот способ весьма неразвит в современном тофаларском языке. Применяется он лишь у прилагательных цвета. В других тюркских языках он очень продуктивен[13].

6. Усиленная степень качества может выражаться путем простого повтора, удвоения основы имени прилагательного, например: *ньа-ньа өглер* 'новые-новые, совсем новые дома', *өске-өске чуме саътыгда туру* 'в продаже имеются самые разнообразные товары', *өске-өске ыт* 'всякие разные голоса'. Иногда происходит удвоение основы, уже получившей флективный показатель усиления, например: *ниҥгии-ниҥгии* 'очень тонкий, тонкий-тонкий', *узоон-узоон* 'очень длинный, предлинный'. Этот древний, по мнению Н.К. Дмитриева[14], тип образования усилительной формы широко известен во всех тюркских языках[15]. Не чужд он, например, и русскому языку, ср. русск. *большой-большой* в смысле 'очень большой' и т.п.

---

9 Аналогичный способ образования форм ослабления качества отмечается в тоджинском диалекте тувинского языка (*Чадамба З.Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 88), качинском диалекте хакасского языка (*Патачакова Д.Ф.* Качинский диалект. - В кн.: Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы. Абакан, 1973, с. 21); удлинением конечного гласного выражается интенсивная (усилительная) форма прилагательного и наречия.

10 Об этом способе см.: *Исхаков Ф.Г.* Имя прилагательное. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956, с. 168-170, 171-174.

11 *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 133.

12 *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 170-171.

13 См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 165-167.

14 См.: *Дмитриев Н.К.* Указ. соч., с. 85.

15 Ср., например, способ полной редупликации для выражения интенсива в узбекском языке: *янга-янги* 'новый-преновый', *катта-катта* 'большой-пребольшой' и т.п. (см.: *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 161).

Превосходная степень, являясь разновидностью форм усиленного качества, отличается в то же время от всех форм тем, что выражает высшую степень концентрации качества. Эта форма в тофаларском языке образуется в основном двумя способами.

1. Аналитически, при помощи препозитивных частиц *эң* и *дам*, обе со значением 'самый,наи-'. Примеры: *дам улуг, эң улуг* 'самый большой', *дам биче, эң биче* 'самый маленький', *дам семис, эң семис* 'самый жирный', *эң эккі* 'самый хороший', *эң устуу* 'самый высший', *эң баңнай* 'самый плохой'. Образование аналитической формы превосходной степени при помощи усилителя *эң/иң/әң/ән* характерно для всех тюркских языков за исключением чувашского и якутского, в которых вместо *эң* употребляются слова *чи* (чув.) и *саамай* (як.)[16]. Н.К. Дмитриев возводил усилительную частицу *эң/иң* к слову *иң* 'ширь, ширина'[17]. Тофаларскую частицу *дам* 'самый, наи-' можно сопоставить с тув. *тоң* 'очень, совсем, совершенно', алт. *тың*, хак. *тын*, хак. *тың* 'очень', каз. *тым* 'совсем, чересчур', узб. *тим*, азерб. *дүм* 'совершенно', а также с бурятскими усилителями при прилагательных и наречиях *дан* и *дам*, монг. *дан* в значении 'совсем, совершенно'. При этом по своему облику тоф. *дам* стоит ближе к бур. *дам, дан*.

2. Синтаксически.

1) Путем сочетания субстантивированного прилагательного в исходном падеже с основной формой того же прилагательного. Этот способ довольно распространен в тофаларском языке, например: *бичедэн биче* 'самый маленький', *куштугдэн куштуг* 'самый сильный', *эрңидэн эрңи няң* 'самый давний обычай', *чырыктан чырык* 'самый светлый', *эккідэн эккі* 'наилучший, самый лучший', *улугдан улуг* 'самый большой'. Используется для этой цели также местоимение *төду* 'все, весь' в форме исходного падежа с аффиксом личной принадлежности 3-го лица, например: *төдусундэн эккі* 'лучше всех, самый лучший', *төдусундэн эртэ* 'раньше всех, самый ранний'. Эти конструкции характерны для всех тюркских языков, кроме якутского, в котором имеется специальный сравнительный падеж[18]. Используется этот способ и в других алтайских языках, например монгольском: *ихээс их* 'самый большой', *сайнаас сайн* 'самый хороший', где *-аас/-ээс* - показатель исходного падежа. Это позволяет считать данный тип очень древним.

2) Не менее распространено в тофаларском языке изафетное сочетание двух одинаковых субстантивированных прилагательных, причем с оформленным родительным падежом, например: *улугнуң улуу* 'самый большой', *биченің бичесі* 'самый маленький', *эккінің эккісі* 'самый хороший. Этот способ представлен почти в каждом тюркском языке и может тоже считаться общетюркским[19]. Имеется он и в монгольских языках, например монг. *ихийн их* 'самый большой', *сайны сайн* 'самый хороший', где *-ийн, -ы* - показатель родительного падежа[20]. Это свидетельствует о достаточной древности указанного способа.

16 См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 163-164.
17 *Дмитриев Н.К.* Указ. соч., с. 85.
18 См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 163.
19 См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 164.

Формы конкретного сравнения

Формы конкретного сравнения, по мнению Н.К. Дмитриева, показывают различие в степени одного и того же качества, по-разному проявляющегося в разных предметах: одному предмету это качество присуще в большей степени, другому - в меньшей[21]. Конкретное сравнение в тофаларском языке выражается синтаксически - путем сочинения двух имен существительных, обозначающих сравниваемые предметы, причем сравниваемое имя стоит в форме основного падежа, а имя, с которым сравнивают, ставится в форме исходного падежа. Прилагательное всегда стоит в форме основы, например: *аът ибидэн улуг* 'конь больше оленя', *неш өгдэн бедік* 'дерево выше дома', *бо даг ол дагдан* туңнук 'эта гора ниже той горы'.

Этот тип выражения конкретного сравнения является общетюркским[22]. Характерен он и для других алтайских языков. Ср., например, в монгольском языке: *морь хониос их* 'конь больше овцы', *алт зэснээс хүнд* 'золото тяжелее меди'[23].

В тофаларском языке, как и в других тюркских языках Саяно-Алтая, для выражения конкретного сравнения используется исключительно данный способ. В них нет конструкций с послелогами *көре* или *караганда* типа тат. *Сафа Галигә караганда көчлерәк* 'Сафа сильнее, чем Галей', каз. *онан гөрі кішірек* 'меньше, чем тот', к.-калп. *бүгүн кешегиден көре ыссырақъ* 'сегодня жарче, чем вчера', узб. *асал кандга караганда ширин* 'мед слаще сахара', туркм. *томус яза гөрә ысы* 'лето жарче, чем весна' и т.п.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Самыми древними основами прилагательных являются, пожалуй, непроизводные и условно-непроизводные основы преимущественно качественных прилагательных. Они обозначают в основном качественный признак, форму и размер, качественное состояние, цвет, масть, например: *беък* 'крепкий, прочный', *баък* 'плохой', *боъш* 'пустой', 'свободный', *өл* 'мокрый', *доң* 'мерзлый', *шык* 'влажный', *ак* 'белый', *көк* 'си-

20 Об этом способе в монгольском языке см.: *Тодаева Б.Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, с. 84.
21 *Дмитриев Н.К.* Указ. соч., с. 83.
22 См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 157-163.
23 См.: *Галсан С.* Сопоставительная грамматика русского и монголького языков. Ч. 1. Фонетика и морфология. Улан-Батор, 1975, с. 160.

ний'[24]. Но таких основ в современном тофаларском языке относительно немного. Гораздо больше производных основ качественных и в основном все основы относительных прилагательных. При словообразовании прилагательных используются как неаффиксальный, так и аффиксальный способы.

Неаффиксальный способ словообразования

При неаффиксальном словообразовании имен прилагательных в тофаларском языке применяется лишь синтаксический способ.

Одним из применяемых синтаксических приемов является основосложение. Этим способом в тофаларском языке образуются сложные прилагательные, обозначающие различные цвета, масти и их оттенки. При этом сложная основа состоит из двух основ прилагательных, из которых первое как бы определяет, уточняет второе. Получается тип атрибутивного основосложения. Примеры: *кара-бора* 'темно-серый', *ак-бора*, *чырык-бора* 'светло-серый', *чырык-һурең* 'светло-коричневый', *кара-сарыг* 'темно-желтый', *кара-гөк* 'темно-синий', *кызыл-доруг* 'светло-рыжий', *кара-һурең* 'темно-бурый'. Этот тип весьма распространен в тюркских языках[25].

Также синтаксическим способом, способом сложения основ, образуются в тофаларском языке прилагательные со значением отсутствия того, что выражено в основе слова. При этом основа существительного может иметь, а может и не иметь аффикса личной принадлежности. В случае, если нет аффикса личной принадлежности, получается прилагательное с более обобщенным значением, если же наличествует аффикс личной принадлежности, то речь идет о каком-то конкретном лице и предмете, который у этого лица отсутствует. Вторым компонентом, в данном случае постпозитивным, выступает слово *чок* 'нет, отсутствующий'. Примеры: *кол чжок* 'безрукий', *колу йок киши* 'безрукий человек', *эби йок* 'бессовестный', *чурээ йок* 'ленивый' (букв. 'бессердечный'), *узук чок* 'беспрерывный', *даг чжок чер* 'место без гор'.

Этот же способ образования прилагательных с приативным значением, антонимичным прилагательным на *-лыг*, применяется, кроме тофаларского языка, в тувинском, хакасском, алтайском, шорском и якутском, в которых тоже используется слово *чок* (як. *суох*) 'нет'. При этом в якутском и алтайском языках обязательно употребление имени в форме личной принадлежности 3-го лица (як. *дьиэтэ суох* 'бездомный', алт. *тузазы дьок* 'бесполезный'), в хакасском, шорском и тувинском довольно часто этот показатель 3-го лица опускается

[24] Более полный перечень тюркских по происхождению условно-непроизводных основ прилагательных тофаларского языка нами уже приводился, см.: *Рассадин В.И.* Указ. соч., с. 75, 76.

[25] Ср., например, в казахском языке *каракөк* 'темно-серый, темно-синий', *караала* 'черно-пестрый', *кызылала* 'красно-пестрый' - Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 199.

(хак. *хорыс чох* 'бесстрашный', шор. *эм чок* 'бездомный', тув. *коргуш чок* 'бесстрашный')[26].

В тофаларском языке, как и в этих языках, отсутствует приативный афф. *-сыз*, распространенный и весьма активный во всех остальных тюркских языках, включая древний[27]. Лишь единственное тофаларское слово *өскус* 'сирота' (метатеза от **өксус* содержит этот афф. *-сус*). Подробную этимологию этого слова и возведение его к древнему *ög* 'мать', т.е. *ögsüz* 'без матери, сирота', находим у Э.В. Севортяна[28].

Кроме того, этот же афф. *-сыз* в более древней форме *-сыр*, согласно гипотезе В.В. Радлова, поддержанной Э.В. Севортяном[29], содержится в составе афф. *-сыра*, образующего от имени глаголы с приативным значением. Данный аффикс был характерен для древнетюркского языка, весьма распространен он и в тофаларском языке, например: *кушсірэ-* 'обессилеть', *шэйсыра-* 'мучиться без чая', *иңесірэ-* 'нуждаться в матери'.

Весьма распространены в тофаларском языке также отрицательные прилагательные, образованные при помощи отрицательной постпозитивной частицы *эмес*. При этом полученная сложная основа осознается как одно целое слово, так как при субстантивации падежные аффиксы принимает эта частица *эмес*. Примеры: *оң чыт бле билген экки эмести* 'он почуял недоброе', *аар эмес чуме туп ал* 'найди себе что-нибудь нетяжелое', *узун эмес һарыа оң һалган* 'он принес недлинные доски', *бай эмес киши* 'небогатый человек'.

Часто употребляются также сложные прилагательные, образованные путем соединения существительного с аффиксом принадлежности 3-го лица и производного, либо непроизводного прилагательного, например: *каны биче киши* 'малокровный человек', *сагычжы когжак киши* 'слабоумный человек', *караа согур киши* 'слепой человек', *караа чыълпак киши* 'человек с гноящимися глазами', *чэңи кара киши* 'черноволосый человек'. Эти формы полностью синонимичны формам с афф. *-лыг*. Так, сохраняя те же значения, можно сказать *биче каннык киши*, *когжак сагыштыг киши*, *согур каракты киши*, *чыълпак каракты киши*, *кара чеъштыг киши*.

Подобные сложные прилагательные имеются и в других тюркских языках[30].

Для образования составных прилагательных в тофаларском языке используется также сложение основ прилагательных и наречий с антонимичными значениями, а также удвоение основ некоторых имен существительных, например: *унун-мунун орук*

[26] См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 152.

[27] См.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 77-83.

[28] *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 521.

[29] *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 313.

[30] Ср., например, туркм. *сачы меле гыз* 'девушка с русыми волосами', *аягы улы оглан* 'мальчик с большими ногами' - Грамматика туркменского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, с. 145.

'дороги с разными направлениями' (букв. 'дороги оттуда и отсюда'), *нерекгіг-нерәә йок чуме* 'всевозможные вещи' (букв. 'нужные и ненужные вещи'), *каът-каът саазын* 'бумага в несколько слоев' (букв. 'слой-слой бумага').

Очень продуктивны в тофаларском языке сложные прилагательные уподобления, образованные присоединением к существительному послелога *дәг* 'как, словно, будто, подобный', например: *даг дәг* 'подобный горе, гороподобный', *от тәг* 'огнеподобный', *ай дәг* 'лунoподобный', *киши дәг* 'человекоподобный'. Во многих тюркских языках этот послелог уже превратился в гармонирующий аффикс *-дый/-дай*.

Аффиксальный способ словообразования

Гораздо большее количество прилагательных в тофаларском языке образуется путем особых словообразовательных аффиксов, которые присоединяются либо к именным основам, либо к глагольным. Есть аффиксы, образовавшие прилагательные и от именных и от глагольных основ. При этом не все аффиксы в равной мере производительны. Есть аффиксы, которые и сейчас свободно образуют новые прилагательные, если у говорящих на тофаларском языке возникнет необходимость в этом. Некоторые же аффиксы в прошлом были весьма продуктивны, сейчас же они не образуют новых слов. Другие аффиксы образовали незначительное количество основ и давно омертвели. Вычленить их можно только этимологически.

Аффиксы отыменного словообразования

Продуктивные аффиксы

-лыг/-лiг, -луг/-луг, -ныг/-нiг, -нуг/-нуг, -тыг/-тiг, -туг/-туг - данный аффикс является одним из наиболее продуктивных аффиксов, образующих относительные прилагательные. Адъективы, образованные при помощи этого аффикса, в основном выражают обладание тем предметом или качеством, названием коего служит имя, от которого они образованы. Прилагательные, образованные афф. *-лыг* и обозначающие предмет обладания, могут иметь свои определения. Примеры: *барлыг киши* 'имущий человек', *оъктуг боо* 'заряженное ружье', *дуктуг мун* 'соленый суп', *суттуг шәй* 'чай с молоком', *даглыг чжер* 'гористое место', *амтанныг* 'вкусный', *тынырак аъттыг киши* 'человек с быстрым конем', *балыктыг һөл* 'рыбное озеро'.

-шы/-шi - *каракшы* 'зоркий, хорошо видящий', *ыракшы* 'редкий, далеко отстоящий друг от друга', *чоогашшы* 'частый, густо, близко стоящие, находящиеся друг к другу', *шынчжы* 'справедливый, честный' (< *шын* 'правда').

-кы/-кi, -ку/-ку, -гы/-гi, -гу/-гу - очень продуктивный аффикс, выражающий локальную и временную принадлежность; присоединяясь к именной основе на гласный, он образует на стыке основы и аффикса вторичную долготу за счет выпадения начального согласного *-г*, оказавшегося в инлауте. Встретились случаи долготы гласного в этом аффиксе. Примеры: *эҳ*

соҳгуусу 'самый последний', *соҳгу* 'последний', *кыъшкыы һодан* 'зимний заяц', *баъшкы* 'первый', 'начальный', *буруҳгу* 'первый, передовой', *дуунгi* 'вчерашний', *энэргi* 'прошлогодний', *оъртаа* (< **оъртагы*) 'средний', *устуу* (< **устугу*) 'верхний', *һундуску иш* 'дневная работа', *алдыы* (< **алдыгы*) 'нижний', *тураа* (< **турагы*) 'утренний', *кечжәә* (< **кечжегi*) 'вечерний', *амдыы* (< **амдыгы*) 'нынешний'. Этот аффикс, присоединившись к местному падежу, дает сращение *-даа/-дәә*, например: *мындаа* (< **мындагы*) 'здешний', *ол чжердәә* (< *ол *чердэгi*) 'тамошний', *кыдыгдаа* (< **кыдыгда+гы*) 'находящийся с краю', *шаандаа* (< **шаг+ын+да+гы*) 'давнишний', *өгдәә* (< **өг+дэ+гi*) 'домашний, находящийся в доме'. В отличие от других тюркских языков, этот аффикс в тофаларском языке не присоединяется к родительному падежу.

-кии - данный аффикс выражает то же значение, что и предыдущий, отличаясь от него лишь фонетически, он никогда не гармонирует, а согласный *к*, оказываясь между гласными, сохраняет свою глухость и силу и геминирует в произношении. Примеры: *дэмкии* 'тот, кто был вот недавно' (<**дэм*, ср. *дэмин* 'недавно'), *һуҳгәәрiкии* 'южный' (< *һуҳгәәрi* 'юг'), *буруҳгаарыкии* 'восточный' (< *буруҳгаары* 'восток'), *амдыкии* 'недавний' (< *амды* 'сейчас'). Особенно часто этот аффикс присоединяется к основе относительного прилагательного, образованного предыдущим афф. *-гы*, который исчез, образовав фонетическое сращение с основой имени на конечный гласный, это относится и к вышеупомянутому варианту *-даа/-дәә*. Примеры: *амдыыккии, амдыыкии* 'недавний' (< **амды+гы+кии*), *кечжәәкии* 'вечерний' (< **кечже+гi+кии*), *мындаакии* 'здешний' (< **мында+гы+кии*), *айдаакии* 'месячный' (< **ай+да+гы+кии*), *чылдаакии* 'годовой' (< **чыл+да+гы+кии*). Присоединяясь к данному фонетическому сращению, афф. *-кии* как бы наслаивается на растворившийся афф. *-гы*, подкрепляя его, так как *-гы* потерял свою фонетическую самостоятельность.

-ай/-ей, -ый/-iй, -уй/-уй - образует вторичные основы качественных прилагательных от прилагательных, оставляя то же лексическое значение, но внося некоторую усиленность качества, например: *баък* 'плохой' → *баъһай* id., *каътыг* 'твердый', 'крепкий' → *каътыгай* id., *беък* 'крепкий' → *беъһей* id., *улуг* 'большой' → *улугуй id.*, *ырак* 'далекий' → *ырагый* id. Особенно часто этот аффикс употребляется в песнях с целью сохранения метрики, но не чужд он и общеразговорному языку.

Непродуктивные аффиксы

-май/-мей, -пай - *дулемей* 'глуховатый' (< *дулей* 'глухой'), *олупай* 'живущий всегда на одном месте' (< *олут* 'место; жизнь').

-печжi - *ишпечжi* 'работящий' (< *иш* 'работа').

-таш - *оъкташ* 'имеющие один калибр - о ружьях' (< *оък* 'пуля'), *тушташ* 'противоположный' (< *туш* 'противолежащее место').

Этими аффиксами образованы единичные слова.

-г, -ыг/-іг, -уг/-уг - образует адъективы со значением признака по результату действия, например: *ачжыг* 'кислый' (< *ачжы-* 'киснуть'), *алһыг* 'широкий' (< *алһы-* 'быть широким'), *арыг* 'чистый' (< *ары-* 'очищаться'), *өөредіг* 'ученый' (< *өөрет-* 'учить'), *һойуг* 'густой' (< *һойу-* 'густеть'), *дэзиг* 'неловящийся - о коне, олене' (< *дэс-* 'убегать'), *һаныг* 'глубокий' (< *һаны-* 'быть глубоким'), *иъсиг* 'горячий' (< *иъси-* 'нагреваться'), *чылыг* 'теплый' (< *чылы-* 'нагреваться слегка, стать теплым'). Особенно продуктивно образование посредством этого аффикса прилагательных от глаголов, образованных от имен при помощи афф. *-сы-/-сі-* и означающих уподобление, например: *дэмирсіг* 'имеющий привкус железа' (< *дэмирсі-* 'иметь привкус железа'), *аңзыг* 'одичавший' (< *аңсы-* 'быть подобным дикому зверю'), *азазыг* 'капризный, своевольный' (< *азазы-* 'быть подобным черту' < *аза* 'черт'), *шынсыг* 'имеющий вид праведника' (<*шынсы-* 'быть правым'), *аътсыг* 'подобный по повадкам лошади' (< *аътсы-* 'иметь повадки лошади'). Словообразование глаголов по этой модели со значением уподобительности практически неограниченно и очень продуктивно, поэтому нет оснований считать сочетание словообразовательного глагольного суфф. *-сы-* с аффиксом прилагательного *-г* за один афф. *-сыг* якобы отыменного словообразования прилагательных, как в тех тюркских языках, в которых афф. *-сы-* уже непродуктивен и глаголы с этим аффиксом почти отсутствуют.

-к, -ык/-ік, -ук/-ук - довольно продуктивный аффикс, образующий прилагательные, выражающие признак по результату действия. Примеры: *аксак* 'хромой' (< *акса-* 'хромать'), *аъһик* 'открытый' (< *аъш-* 'открыть'), *туъһук* 'низкий', (<*туъш-* 'спускаться вниз'), *бедік* 'высокий' (< *беді-* 'повышаться'), *коърһок* 'трусливый' (< *коърт-* 'испугаться'), *когжак* 'слабый, обессилевший' (< *когжа-* 'ослабеть'), *чыъпык* 'закрытый' (< *чыъп-* 'закрыть'), *каътык* 'смешанный' (< *каът-* 'смешивать'). Очень продуктивно употребление этого аффикса с глаголами, образованными от имен при помощи аффикса *-са-/-сэ-* и имеющими значение 'желать иметь, желать получить, обладать тем предметом, который обозначен тем именем'. Примеры: *аътсак* 'любящий лошадей, страстно делающий иметь лошадь' (< *аътса-* 'хотеть коня'), *боозак* 'хотящий иметь ружье' (< *бооза-* 'хотеть иметь ружье'), *шейзак* 'любитель чая, любящий пить чай' (< *шейза-* 'любить чай'), *арақазак* 'алкоголик, любитель выпить' (< *арақаза-* 'хотеть вина'). По аналогии с предыдущим аффиксом, присоединяющимся к глаголам со значением уподобительности, сращение аффиксов *-са+ +к* (*-сак/-сэк*) не будем выделять в самостоятельный аффикс отыменного словообразования, поскольку весьма продуктивны глаголы на *-са-*, образующиеся практически от любого имени существительного. Продуктивно также образование с показателем *-к* прилагательных от глаголов с афф. *-сыра-*, который придает значение 'лишиться чего-л.', 'страдать от отсутствия чего-л.' Сложный афф. *-сырак/-сірек* поэтому тоже придает основе значение 'страстно желающий что-л.', 'страдающий от отсутствия чего-л.', например: *шэйсырак* 'любящий часто пить чай', *арақасырак* 'алкоголик', *өшсірек* 'мстительный, вредный'.

-аган/-эген - очень продуктивный аффикс, образует прилагательное со значением обычности и частой, регулярной повторяемости признака как результата действия. Примеры: *аарыган* 'часто болеющий' (< *аары-* 'болеть'), *эзеген* 'все время зевающий' (< *эзе-* 'зевать'), *төлеген* 'аккуратно платящий' (< *төле-* 'платить'), *ыглаган* 'плаксивый' (< *ыгла-* 'плакать'), *эмеген* 'часто сосущий мать' (< *эм-* 'сосать'). Хотя внешне этот аффикс и напоминает аффикс причастия прошедшего времени *-ган/-ген*, но в отличие от него аффикс прилагательного не теряет своего начального согласного *-г-*, попавшего на стыке морфем в инлаут. Поэтому, например, в языке четко различаются слова: *ыглаган* (< *ыгла + аган*) 'плаксивый' и *ыглаан* (< *ыгла + ган*) 'плакал', *эмеген* (< *эм + + эген*) 'часто сосущий' и *эмген* (< *эм + ген*) 'сосал', *аарыган* (< *аары + аган*) 'болезненный' и *ааран* (< *аары + ган*) 'заболел' и т.п.

-гар/-гер, -гыр/-гир, -гур/-гур - очень продуктивный аффикс, образующий от образных глаголов прилагательные, выражающие статичный признак, присущий какому-либо образу. Примеры: *кылагар* 'блестящий' (< *кылай-* 'быть блестящим'), *шыбыгыр* 'с редкими волосами - о хвосте' (< *шыбый-* 'быть с редкими волосами - о хвосте'), *сеглегер* 'косматый' (<*сеглей-* 'торчать вверх - о космах), *сеъпигир* 'косматая - о собаке' (< *сеъпий-* 'быть косматой - о собаке'), *кілегер* 'гладкий' (< *кілей-* 'быть гладким и скользким - как лед'). Из других тюркских языков этот аффикс имеется лишь в тувинском и якутском языках. С. Калужинский считает прилагательные с этим аффиксом, образованные от образных глаголов, монгольскими заимствованиями в якутском языке[31].

-гак/-гек, -как/-кек - *аайлашкак* 'удачливый' (< *аайлаш-* 'удаваться'), *һарышкак* 'перекрещивающийся' (< *һарыш-* 'пересекаться взаимно, перекрещиваться'), *тайгак* 'скользкий' (< *тай-* 'поскользнуться'), *кескек* 'непоседливый' (< *кес-* 'бродить, шляться'), *шээшкак* 'бодливый' (< *шээш-* 'бодать'). В настоящее время этот аффикс непродуктивен.

-ш, -ыш/-іш, -уш/-уш - *сузуш* 'мелкий - о броде, легко проходимый пешком' (< *сус-* 'идти пешком по воде'), *бытараш* 'сыпучий' (< *бытара-* 'рассыпаться'), *дырылаш* 'текущая струей - о жидкости' (< *дырыла-* 'течь струей').

-аш/-еш - возможно даже *-*гаш/-*геш*, так как этот аффикс выделяется у основ прилагательных, образованных от глаголов с гласным ауслаутом, например: *аъштыңнааш* 'легко открывающийся' (< *аъштыңна-* 'легко открываться'), *көстуңнээш* 'часто попадающийся на глаза' (< *көстуңнэ-* 'попадаться на глаза'), *кылаңнааш* 'блестящий' (< *кылаңна-* 'блес-

[31] *Kałużyński St.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961, S. 79-80.

теть'), *шайлааш* 'сиплый' (< *шайла-* 'сипеть'). Долгота гласного показывает, что здесь, кажется, был и выпал между гласными согласный *г*.

-ғлыг/-ғліг, -ғлуг/-ғлуг, -ыглыг/-ігліг, -углуг/-углуг - образует прилагательные, близкие по значению к пассивным причастиям прошедшего времени, очень продуктивный аффикс. По происхождению он сложный: *-ғлыг* < отглагольное имя на *-г* + аффикс обладания *-лыг*. Примеры: *аңдарыглыг* 'вывернутый внутренней стороной наружу' (< *аңдар-* 'выворачивать наизнанку'), *һааглыг* (< **һагыглыг*) 'закрытый на запор' (< *һаг-* 'закрыть на запор, засов, замок'), *һорӱглуг* 'запрещенный' (< *һору-* 'запретить', ср. *һоруг* 'запрет'), *тыгыглыг* 'туго набитый' (< *тыгы-* 'туго набить'), *тадыглыг* 'вкусный, сладкий' (ср. др.-тюрк. tatï- 'иметь вкус'), *чараглыг* 'красивый, пригожий' (ср. др.-тюрк. jara- 'подходить, годиться', jaraɣlïɣ 'подходящий, пригодный'), *чылыглыг* 'выпивший, слегка захмелевший' (< *чыла-* 'слегка выпить'), *дуруглуг* 'скрученный в трубку' (< *дур-* 'скручивать в трубку'), *дізіглік* 'нанизанный' (< *діс-* 'нанизать').

-аачча/-әәчче - образует большое количество прилагательных со значением обычности, частой повторяемости признака, заложенного в семантике глагола. Примеры: *баъштаачча* 'возглавляющий' (< *баъшта-* 'возглавлять, быть впереди'), *биләәчче* 'знающий' (< *бил-* 'знать'), *дучжаачча* 'всегда попадающийся на пути' (< *душ-* 'попасться'), *конаачча* 'часто садящаяся - птица, бабочка' (< *кон-* 'садиться - о летающем существе'), *оорлаачча* 'вороватый' (< *оорла-* 'воровать').

-ңғы/-ңгі - очень редко образует адъективы от обычных глаголов действия-состояния (*туреңгі* 'бедный'<*туре-* 'обеднеть'), но вполне регулярно создает уподобительные прилагательные от глаголов, производных от имен при помощи аффикса *-сы-*, означающего уподобление, например: *нешсыңғы* 'вроде дерева, такой, как дерево' (< *нешсы-* 'быть как дерево'), *проволокасыңғы* 'похожий на проволоку' (< *проволокасы-* 'быть как проволока'), *дәмирсіңгі* 'как железо, похожий на железо' (< *дәмирсі-* 'быть похожим на железо').

-чжак/-чжек - очень продуктивный аффикс, образующий прилагательные со значением обычности признака, склонность к чему-либо, например: *аарычжак* 'часто болеющий' (< *аары-* 'болеть'), *ачжыньчжак* 'злой, сердитый' (< *ачжын-* 'сердиться') *чыт альчжак* 'чуткий, чутьистый - о собаке и т.п.' (< *чыт ал-* 'учуять'), *казыльчжак* 'легко копающийся - грунт и т.п.' (< *казыл-* 'копаться, поддаваться копке'), *оңчжак* 'линючий' (< *оң-* 'линять, терять цвет'), *эзеньчжек* 'часто зевающий' (< *эзен-* 'все время зевать'), *мактаньчжак* 'хвастливый' (< *мактан-* 'хвалиться'), *чыъпшыньчжак* 'липкий' (<*чыъпшын-* 'прилипать').

-(ы)ньчжыг/-(і)ньчжіг, -(у)ньчжуг/-(у)ньчжуг - активно образует от глаголов чувствования и некоторые другие прилагательные со значением ощущения какого-либо состояния. Например: *корһуньчжуг* 'страшный' (< *корт-* 'бояться'), *өөруньчжуг* 'радостный' (< *өөр-* 'радоваться'), *нядиньчжыг*

'стыдливый; вызывающий чувство стыда' (< *нят-* 'стыдиться'), *удуксаньчжыг* 'усыпляющий, клонящий ко сну' (< *удукса-* 'хотеть спать'), *буътуньчжуг* 'душный' (< *буът-* 'задохнуться'), *чирһеньчжиг* 'отвратительный' (< *чирһен-* 'чувствовать отвращение, брезгливость').

-ң, -аң/-эң - этот аффикс образует прилагательные в основном от образных глаголов, являясь в некоторой степени синонимом афф. *-ғар* и создавая основы со значением характерного признака, присущего какому-либо образу, например: *арчжаң* 'торчащие вверх и в разные стороны - о неровных остриях' (< *арчжай-* 'торчать в разные стороны - об остриях'); ср. *арчжаң чжуме ~ арчжағар чжуме* 'ёж' (букв. 'нечто с торчащими в разные стороны иглами'); *кілең* 'гладкий', ср. *кілегер* id. (< *кілей-* 'быть гладким'), *кілең доъш* 'гололедица'; *сеглең ~ сеглегер* 'торчащая вверх - о стриженой гриве коня' (< *сеглей-* 'торчать вверх - о стриженой гриве'); *кылаң ~ кылағар* 'блестящий, лоснящийся' (< *кылай-* 'блестеть, лоснится'), *белдәң ~ белдәгер* 'вздутый - о животе' (< *белдәй-* 'быть вздутым'). Подобного типа образования встречаются также в тувинском, хакасском, якутском языках. Например: тув. *кылаң ~ кылағар* (< *кылай-*) 'сверкающий', *кыйбың ~ кыйбыгыр* (< *кыйбый-*) 'редкий - о волосах', хак. *кілің*, як. *килэң* 'блестящий, сверкающий'. Ст. Калужинский считает для якутского языка афф. *-ң* заимствованным из монгольского языка[32]. В тофаларском и других тюркских языках есть и другие основы, в которых можно вычленить афф. *-ң*, например: тоф. *дәрең*, хак. *тирең*, алт. *терең*, як. *дириң*, аз. *дәрин*, тур. derin, тат. *тирән*, каз. *терең*, кирг. *терең*, уйг. *тирән*, узб. *тераң*, др.-тюрк. terïŋ 'глубокий'.

В современном тофаларском языке в составе отдельных прилагательных можно выделить следующие аффиксы, которые уже не образуют новых основ, но в свое время, видимо, были продуктивными, так как содержатся в заметном количестве слов. Таких аффиксов немного.

-а/-е, -ы/-и, -у/-у - образовал прилагательные со значением признака по результату действия, например: *һәну* 'прямой' (< *һән-* 'быть прямым'), *долу* 'полный, наполненный' (< *дол-* 'наполняться'), *коъша* 'соседний' (ср. др.-тюрк. qoša 'двойной, парный' < qoš- 'присоединяться'), *һыйа* 'косой' (< *һый-* 'обрезать наискось'), *һәме* 'общий, всеобъемлющий' (< *һәм-* 'зарывать, закапывать, охватывать со всех сторон'), *доора* 'поперечный' (< *доор-* 'рубить поперек'), *ээри* 'кривой, согнутый' (< *ээр-* 'заставить, позволить согнуть');

-мак/-мек, -мык - образовал прилагательные с разными значениями, например: *тарамак ~ тарамык саъһал* 'редкая борода', *тарамак көк* 'редкая трава', *тарамак ~ тарамык ибилер* 'разбредшиеся олени' (< *тара-* 'разбредаться, расходиться в разные стороны'); *шырмак булут* 'перистые облака' (<*шыры-* 'стежить, простежить'); *шәйбек* 'продолговатый' (< *шәй-* 'растягиваться, вытягиваться'), *шыдамык* 'крепкий, выносли-

[32] *Kalużyński St.* Указ. соч., с. 94.

вый' (< *шыда-* 'вытерпеть, выдержать'); *шурамык чер* 'расстояние, которое можно покрыть одним прыжком' (< *шура-* 'прыгать').

-һай/-һей - по значению напоминает афф. *-гар* и *-ҕ*, примеры: *даъсырһай* 'твердое, бугорком - о месте среди мха, болота' (< *даъсыра-* 'стать крепким и твердым - о земле'), *чыъллырһай балык* 'скользкая и при этом мокрая - рыба' (<*чыъллыра-* 'быть скользким и мокрым'), *чылчырһай* 'скользкий и при этом мягкий на ощупь - рыба, мокрые ичиги и т.п.' (<*чылчыра-* 'быть на ощупь скользким и мягким'), *ылбырһай* 'переваренный, разваренный, разопревший' (< *ылбыра-* 'развариться, разопревать'). В ближайшем к тофаларскому тувинском языке тоже представлен этот аффикс, ср., например, тув. *дазыргай соок* 'трескучий мороз' (< *дазыра-* 'трещать, скрипеть'), *чылбыргай* 'скользкий, гладкий' (< *чылбый-* 'стать гладким'), *чылчыргай* 'хлюпающий - о грязи под ногами' (<*чылчыра-* 'хлюпать - о грязи'), *ылбыргай* 'разварившийся' (<*ылбыра-* 'развариваться'). Любопытно, что в хакасском языке, в котором тоже есть этот аффикс, в лексемах, параллельных приведенным, употребляется афф. *-ҕ: чылбыраҕ* 'скользкий' (< *чылбыра-* 'скользить'), *ылбыраҕ* 'разопревший' (< *ылбыра-* 'развариваться'). С. Калужинский считает, что афф. *-хай* в якутском языке монгольского происхождения[33].

-ын/-ин, -ун/-ун - этот аффикс можно вычленить у слов *узун* 'длинный' (ср. др.-тюрк. uzun id., uza- 'тянуться, затягиваться, удаляться'), *буътун* 'целый' (< *буът-* 'заживать, зарастать - о ране; совершаться, выполняться', ср. др.-тюрк. bütün 'весь, целый'), возможно, что этим же аффиксом образованы слова *һылын* 'толстый - о чем-л. плоском' (ср. др.-тюрк. qalïn 'многочисленный; толстый, значительный по высоте', м.б. здесь корень qalï- 'подниматься вверх'), *нёон* 'толстый в обхвате' (ср. др.-тюрк. joγun, joγan 'толстый, крупный').

Имеются также аффиксы, которые в тофаларском языке образовали буквально единицы прилагательных.

-ээчжел - нами зафиксировано лишь одно слово *чээчжел* 'любящий поесть' (< *чи-* 'есть, кушать'). Хотя в тувинских словарях данное слово не зафиксировано, но аффикс этот широко представлен в тувинском языке, например: *доҥуучал* 'легко замерзающий, зябкий', *идегээчел* 'доверчивый', *өкпелээчел* 'обидчивый'[34].

-һи - этот аффикс вычленяется в слове *эрһи* 'старый, прежний, прошлый', образованном от древнего глагола **эр-* 'быть', ср. тув. *эрги*, хак. *ирґі*, як. *эргэ*, ж.-уйг. *эркэ* 'прошлый, старый'. Этот глагол **эр-* прослеживается также в тофаларских модальных частицах *эрген, эмиш, эрін, эмесе, эрсе, эмес*. Из всех языков в туркменском удалось найти соответствующий афф. *-ги/-ги*, образующий от глаголов прилагательные, показывающие состояние, качество, например:

[33] *Kalużyński St.* Указ. соч., с. 76-78.

[34] *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 200-202.

басырылгы 'укрытый' (< *басырыл-* 'укрываться'), *бурелги* 'покрытый' (< *бурел-* 'покрываться')[35].

-ка, -га - этот аффикс тоже содержится в двух словах: *кыска* 'короткий' (< *кыъс-* 'сжимать') и *чоруга* 'быстроходный - о коне, олене' (< *чору-* 'идти').

-кал - няткал 'стыдливый, стеснительный' (< *нят-* 'стыдиться, стесняться').

-кын/-кін, -кун/-кун - слова, образованные этим аффиксом могут выступать не только как имена существительные, но и как прилагательные: *ол дайгада чжерлээн көъшкун аал* 'в той тайге жил кочевой аил', *эъткін аҥны аҥнап* 'охотясь на гонных зверей'.

-л - *кызыл* 'красный' (< *кыс-* 'раскалиться докрасна'), *тыгыл* 'слишком густая - о шерсти' (< *тыгы-* 'плотно напихивать').

-м - *аъһым суг* 'проточная вода' (< *аък-* 'течь, протекать, литься'), *турум суг* 'стоячая вода' (< *тур-* 'стоять').

-ма/-ме - *тыгыма* 'слишком густая - о шерсти' (< *тыгы-* 'плотно напихивать').

Аффиксы отглагольно-именного словообразования

-кыры/-кірі, -гыры/-гірі, -куру/-куру, - гуру/-гуру, -ҥгыры/-ҥгірі, -ҥгуру/-ҥгуру - очень продуктивный аффикс, образующий практически от любого имени существительного или глагола, если допускает их семантика, прилагательные со значением обильности какого-либо качества, свойства, а также активной способности к какому-либо действию. Как отмечалось выше, этот аффикс, в отличие от *-лыг*, показывает на обладание большим количеством предметов. Примеры: от имен - *ташкыры* 'каменистый' (< *таш* 'камень'), *нешкыры* 'лесистый' (< *неш* 'дерево'), *дагыры* 'гористый' (< *даг* 'гора'), *сугуру* 'обильный влагой' (< *суг* 'вода'), *эҥгірі* 'широкий' (< *эҥ* 'ширина'), *иъшкірі* 'ёмкий - о сосуде' (< **иъш* 'внутренность', ср. *иъшті* 'внутренняя часть, внутренность'), *чумегірі* 'зажиточный' (< *чуме* 'вещь'); от глаголов - *билдіҥгірі* 'общеизвестный' (< *билдін-* 'быть известным'), *диҥнаҥгыры* 'очень чуткий на ухо; послушный' (< *диҥна-* 'слушать'), *келіҥгірі* 'часто приходящий' (< *кел-* 'приходить'), *кыъпыҥгыры* 'хорошо горящий - о веществе' (< *кыъп-* 'гореть'), *чоруҥгуру* 'быстроходный' (< *чору-* 'ходить, идти, ехать'), *көруҥгуру* 'очень зоркий' (< *көр-* 'увидеть'), *шыйыҥгыры* 'хорошо пишуций - о ручке, карандаше' (< *шый-* 'писать'). Возможно, отглагольный вариант аффикса *-ҥгыры...* состоит из отглагольного имени на *-ҥ*, к которому присоединен афф. *-гыры*. Оба эти показателя, слившись, дали один сложный аффикс. Отглагольное имя на *-ҥ* от этих глаголов самостоятельно не употребляется.

-чжаҥ/-чжеҥ, изредка встречаются варианты *-ычжаҥ* и *-ычжаҥ*, свидетельствующие, как и в случае с афф. *-ҥгыры*, о слиянии, срастании показателя отглагольного имени *-г* с афф. *-чжаҥ* в один сложный аффикс. Это очень продуктивный

[35] Грамматика туркменского языка, с. 144.

аффикс, синонимичный аффиксу *-чжак/-чжек*. Иногда эти аффиксы могут взаимозаменяться. Примеры: *дургечжең* 'торопливый' (< *дурген* 'быстрый'), *катыгчжаң* 'быстро сохнущий' (возможно от *каътыг* 'засохший', но не исключена вероятность и от *каът-* 'засыхать' + *ыгчжаң*, при этом отглагольное имя *каътыг* 'засыхание' самостоятельно не употребляется), *аарычжаң* (~*аарычжак*) 'часто болеющий' (< *аары-* 'болеть'), *кадырыльчжаң* 'легко переламывающийся в суставе, шарнире' (< *кадырыл-* 'переламываться в суставе'), *сыныгчжаң* 'хрупкий, легко ломающийся' (< *сын-* 'сломаться'), *сылтаныычжаң* (~*сылтаньчжак*) 'болезненный, часто болеющий - о скоте' (< *сылтан-* 'заболеть'), *чоһольчжаң* 'заразный, легко передающийся - о болезни' (< *чоһол-* 'передаваться - о болезни'). Как видно из примеров, этот аффикс, как и *-чжак/-чжек*, тоже образует прилагательные со значением обычности признака, склонности к чему-либо.

Этот аффикс очень распространен в тюркских языках, будучи представлен еще в древнетюркском языке[36].

В хакасском языке афф. *-чаң/-чең* образует причастие настояще-будущего времени, которое означает действие или состояние в настоящем времени, являющееся постоянным признаком, свойством предмета, реже - действие будущего времени[37], т.е. и здесь сохраняется семантика обычности действия, признака, например: *узуңаң комната* 'спальная комната', *тоғынңаң чир* 'место будущей работы'. На основе этого причастия в хакасском языке образуется прошедшее обычное время[38].

В среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка А.П. Дульзон отмечает наличие особой формы прошедшего времени на *-чанг/-ченг*, которое по его мнению полностью совпадает с таковым хакасского языка[39].

В шорском языке также форма на *-чаң/-чең* превратилась в причастие, которое означает действие или состояние обычное, необходимое, постоянное, многократное; действие или состояние, долженствующее наступить в будущем, имя предмета, находящегося в постоянном действии. Семантика та же, что и в хакасском языке. На основе этой формы в шорском языке образуется особое прошедшее-будущее время[40]. В тувинском языке этот аффикс не отмечается.

-чал, -чыл - этот аффикс, весьма распространенный в тюркских языках[41], в тофаларском встретился лишь в двух словах: *катчыл чжер* 'место, где постоянно дует сильный ветер' (< *кат* 'ветер'), *утчал киши* 'забывчивый человек' (< *ут-* 'забывать'); его следует сравнить с приведенным выше тувинским аффиксом *-уучал* и с показателем *ээчжел*.

Сравнение с другими тюркскими языками показало, что в основном все аффиксы словообразования прилагательных тофаларского языка имеют соответствия во многих из них, а отдельные аффиксы почти во всех. К таким аффиксам относятся, например, тофаларские *-лыг, -шы, -кы, -к, -аган, -ш, -аачча, -чжак, -чал, -чыл, -ка, -а, -ын, -м, -ма, -л, -кыры, -чжаң, -кын, -как, -таш*. В некоторых тюркских языках афф. *-таш, -м, -ма, -мак, -ш, -как, -кин* образуют лишь именa существительные.

В области инвентаря аффиксов словообразования прилагательных Саяно-Алтайские тюркские языки в общем-то довольно близки друг другу. Из них более всего точек соприкосновения у тофаларского языка с тувинским и хакасским. При этом афф. *-чжаң, -чыл* сближают тофаларский язык с хакасским, а афф. *-май, -мак/-мик, -гар, -ш, -аш, -ңгы, -нчжыг, -ээчжел, -сак, -сыг*, послелог *дэг* - с тувинским. Отдельные аффиксы имеют параллели и в якутском языке, ср. як. *-ҕар, -ас, -мсах, -ымтыа, -тыҥы*. Можно утверждать, что тофаларский и тувинский языки донесли до наших дней в неизменном виде, т.е. в более полном, древние тюркские афф. *-nčïγ, -sïγ*, послелог уподобления *teg*. Тофаларский, тувинский, хакасский и шорский языки сохранили в полной фонетической чистоте древние афф. *-lïγ/-lig* и *-γ/-g*. Тофаларский язык сохранил, как и огузские и кыпчакские языки[43], но в более полном виде (*-глыг/-глig*), древний сложный афф. *-γlï/-gli*. В других языках Саяно-Алтая этот показатель не отмечается.

Как уже упоминалось выше, для тюркских языков Саяно-Алтая и якутского не характерен приватив ный афф. *-сыз*, заменяемый везде словом *чок/чох/јок/ суох* 'нет, отсутствующий'.

Тофаларский язык, кроме того, характеризуется отсутствием сложного аффикса принадлежности *-ныҥ/-ныйы/-ныкы/-ныңкы*, образованного от родительного падежа аффиксом принадлежности *-кы*. Этот аффикс в тофаларском языке заменяется обычным род. падежом, например: *бо аът ол кишиниң* 'этот конь того человека', *бо боо аҕнамныҥ* 'это ружье моего старшего брата'. Такое употребление родительного падежа позволяет ему в ряде случаев лексикализоваться и перейти в другой лексико-грамматический класс слов. Так, например, форма род. падежа от *баҕш* 'голова' - *баҕштыҥ* - означает также 'первый, начальный', форма род. падежа от личных местоимений также перешла в разряд адъективов и означает: *миниҥ ~ миим* 'мой', *сииҥ* 'твой', *биҕстиҥ* 'наш', *сілерниҥ* 'ваш', *оҥныҥ ~оҥнуҥ* 'его, её', *оларыҥныҥ* 'их'.

Тюркские языки Саяно-Алтая и якутский характеризуются также отсутствием ряда адъективных аффиксов, присущих ос-

---

[36] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1961, с. 190, 191.

[37] См.: Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 235.

[38] Там же, с. 212.

[39] *Дульзон А.П.* Чулымско-тюркский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 457.

[40] См.: *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941. с. 131-135, 184.

[41] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования... с. 173.

[43] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования..., с. 269.

тальным тюркским языкам. Это, например, показатели *-арман, -ман, -вык/-вик, -дак, -лак, -гыч/-гич, - кор/-кэр, -ий/-и/-(в)ий, бе-/би-/бей-, на-/но-/нэ-* и др. Последние четыре являются иранскими заимствованиями.

Итак, тофаларский язык вместе с другими тюркскими языками Саяно-Алтая образует в области адъективного словообразования локальную группу, характеризующуюся более полным и чистым сохранением древних показателей -lïγ, -γ, -nčïγ, -sïγ, -saq, -γlï (в отношении афф. -lïγ и -γ - их содержат лишь северные диалекты алтайского языка[44], а не южные с литературным). При этом из языков Саяно-Алтая лишь тофаларский удерживает все эти показатели, ряд из них - nčïγ, -sïγ - тофаларский с тувинским. Таким образом, тофаларский язык по аффиксам адъективного образования является самым архаичным.

[44] См.: *Баскаков Н.А.* Алтайский язык. М., 1958, с. 70.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное - часть речи, обозначающая названия отвлеченных чисел, количественного признака предметов и процессов.

По семантическим особенностям и морфологическим признакам в тофаларском языке различаются следующие разряды числительных: количественные, порядковые, собирательные, разделительные, приблизительные, дробные, кратные.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные отвечают на вопросы *каъш?, чеъhе?* 'сколько?'. К этому разряду числительных относятся слова, которые обозначают количество, представленное в виде определенного числа каких-либо конкретных предметов, или же отвлеченное от них понятие числа.

Н.К. Дмитриев писал о количественных числительных следующее: "Морфологически это простейшая форма числительного, которая не связана с какими-либо специфическими аффиксами (по крайней мере такими, которые отчетливо выделяются в сознании говорящего на современном языке). Этот тип числительных может употребляться самостоятельно и независимо от других слов, в этом случае он приближается к категории существительного, но только выражает не предметность, а идею числа, осознаваемую как предмет, иначе - опредмеченное число. Поэтому количественные числительные можно назвать максимально абстрактной формой для выражения чисел средствами языка"[1].

Количественные числительные служат основой для образования других разрядов числительных.

В структурном отношении количественные числительные можно разделить на простые, сложные и составные.

К п р о с т ы м относятся числительные, состоящие из одного слова с непроизводной основой. В тофаларском языке к ним относятся названия единиц - *бірəə* 'один', *иъhи* 'два', *уш* 'три', *дөрт* 'четыре', *беш* 'пять', *аълты* 'шесть', *чеді* 'семь', *сеъhес* 'восемь', *тоъhос* 'девять', *он* 'десять', сотни - *чус* 'сто', тысячи - *тыысиччи ~ тыысиньчи* 'тысяча' (это числительное заимствовано из русского языка). Все простые тофаларские числительные, кроме тысячи, являются общетюркскими[2].

[1] *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, с. 89.

[2] Наиболее полный сравнительный материал по тюркским простым числительным см.: *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, с. 297-302; *Исхаков Ф.Г.* Числительное. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956, с. 177-178.

К с л о ж н ы м числительным в тофаларском языке относятся следующие.

1. Все названия десятков, которые образованы путем сложения двух основ по формуле: название соответствующей единицы + слово *он* 'десять'. При этом в ряде случаев произошло полное фонетическое слияние двух производящих основ: *иъ̃ёён* 'двадцать', *учжен* 'тридцать', *дөртэн* 'сорок', *бечжен* 'пятьдесят', *аълтон* 'шестьдесят', *чедэн* 'семьдесят', *сеъhезон* 'восемьдесят', *тоъhозон* 'девяносто'. Однако твердой и единой нормы произношения этих числительных нет и параллельно бытует другое произношение, в котором слово *он* 'десять' фонетически еще ощущается - ср. соответственно: *иъ̃ёён, учжон, дөртөн, бечжөн, аълтон, чедон, сеъhезон, тоъhозон*.

Как показывает сравнительный материал (см. табл. 4[3]), для тофаларского языка характерно полное отсутствие основ, восходящих к древним jegirmi - 20, otuz - 30, qïrq - 40, älig - 50, altmïš - 60, jätmiš - 70. Частично это наблюдается и в других языках Саяно-Алтая, но в разной степени. Так, в хакасском и шорском это справедливо для десятков, начиная с 60, для алтайского, как и для якутского - с 40, а для тувинского - с 30. Тувинский язык в этом отношении максимально близок к тофаларскому, но в тувинском сохраняется *чээрби* 20, чего нет в тофаларском языке. Интересно, что систему круглых десятков аналогичную тофаларской (*ишкон* - 20, *учөн* - 30, *туртөн* - 40 и т.п. - см. табл. 4), обнаруживает С.Е. Малов в языке желтых уйгуров[4]. Однако при конструировании составных чисел десятков с единицами от 11 до 29 в этом языке употребляются *йигирма* - 20 и *отус* - 30. Об этой системе приближения к последующему десятку, характерной для древнего тюркского языка, подробнее см. ниже. Здесь же представляет интерес точка зрения С.Е.Малова относительно этой системы, заключающаяся в том, что в тюркских языках самостоятельными числительными для выражения целых десятков (без единиц) первоначально были числительные типа желтоуйгурских *ишкон* - 20, *учөн* - 30, *туртөн* - 40 и т.п., а числительные *йигирме, отуз, кырк, эллиг, алтмыш, йетмиш* служили только для обозначения разряда того десятка, к которому приближается составное число с единицами, т.е. для образования составных чисел по принципу приближения к следующему десятку, например: *пір йигирма* - 11, *пір отус* - 21 и т.п., как зафиксировано в языке памятников древнетюркской письменности[5]. Далее С.Е.Малов предполагает, что со временем вспомогательные числа *йигирме, отуз* и т.п., как наиболее употребляемые, вытеснили основные числительные для десятков типа *ишкон, учөн* 'почти во всех тюркских языках[6].

[3] За основу взята таблица из работы: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 205.

[4] *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 178.

[5] Подборку древнетюркских примеров см.: *Tekin T.* A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968, p. 145.

[6] *Малов С.Е.* К изучению турецких числительных. - В кн.: Акад. Н.Я. Марру. Л., 1935, с. 277.

Таким образом, поддерживая точку зрения С.Е. Малова, можно отметить, что язык желтых уйгуров, а вместе с ним и тофаларский сохранили самую архаичную систему образования десятков. Приближаются к ним в какой-то мере только языки Саяно-Алтая и якутский.

2. Все названия сотен, образуемые путем сложения двух основ по формуле: название соответствующей единицы + слово *чус* 'сто'. В данном случае фонетического слияния двух основ не происходит. Каждая выступает как самостоятельное слово:

иъ̃ёи йус	- 200	*аълты йус*	- 600
уш чус	- 300	*чеді йус*	- 700
дөрт чус	- 400	*сеъhес чус*	- 800
беш чус	- 500	*тоъhос чус*	- 900

Эта система образования сотен является общей для всех тюркских языков[7].

3. Все названия тысяч, которые образованы сложением основ соответствующих единиц и слова *тыысиччи* 'тысяча'. Фонетического слияния здесь тоже не происходит:

иъ̃ёи тыысиччи	- 2000	*аълты тыысиччи*	- 6000
уш тыысиччи	- 3000	*чеді тыысиччи*	- 7000
дөрт тыысиччи	- 4000	*сеъhес тыысиччи*	- 8000
беш тыысиччи	- 5000	*тоъhос тыысиччи*	- 9000

Этот тип тоже представлен во всех тюркских языках, только в них употребляется общетюркское слово *муң ~ миң* в значении "тысяча" (см. табл. 4).

К с о с т а в н ы м числительным относятся все количественные числительные между круглыми десятками, сотнями, тысячами и т.п. Они образуются из сочетания простых и сложных числительных, означающих круглые десятки, сотни и т.п., с названиями единиц, которые следуют за ними. Фонетического слияния не происходит, например:

он бірөө	- 11	*он аълты*	- 16
он иъ̃ёи	- 12	*он чжеді*	- 17
он уш	- 13	*он сеъhес*	- 18
он дөрт	- 14	*он тоъhос*	- 19
он беш	- 15		
аълтон бірөө	- 61	*аълтон алты*	- 66
аълтон иъ̃ёи	- 62	*аълтон чжеді*	- 67
аълтон уш	- 63	*аълтон сеъhес*	- 68
аълтон дөрт	- 64	*аълтон тоъhос*	- 69
аълтон беш	- 65		

Более крупные составные числа: *иъ̃ёи йус аълтон беш* 'двести шестьдесят пять', *уш тыысиччи аълты йус дөртон уш* 'три тысячи шестьсот сорок три' и т.д.

Хотя тофаларский язык при образовании круглых десятков сохраняет архаичную систему, представленную в нем наибо-

[7] См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 181.

Таблица 4

Числительные, обозначающие десятки

Числительные	Тоф.	Ж.-уйг.	Тув.	Алт.	Як.
Десять	*он*	*он*	*он*	*он*	*уон*
Двадцать	*иъ̃нён*	*ишкон, йэ̆ирма*	*чээрби*	*јирме*	*сууртэ*
Тридцать	*учөн*	*учөн*	*ужен*	*одыс*	*отут*
Сорок	*дөртөн*	*туртөн*	*дөртен*	*төртөн*	*түөрт уон*
Пятьдесят	*бечөн*	*писон*	*бежен*	*бежен*	*биэс уон*
Шестьдесят	*аълтон*	*алтон*	*алдан*	*алтан*	*алта уон*
Семьдесят	*чедон*	*йетон*	*чеден*	*јетен*	*сэттэ уон*
Восемьдесят	*сеъ̃незон*	*сакысон*	*сезен*	*сегизен*	*аҕыс уон*
Девяносто	*тоъ̃нозон*	*токысон*	*тозан*	*тогузон*	*тоҕус уон*
Сто	*чус*	*йуз*	*чус*	*јӱс*	*сууc*
Тысяча	*тыысиччи*	*мың*	*муң*	*муң*	*тыһыынча*

Шор.	Хак.	Тат.	Уйг.	Кирг.	Азерб.	Др.-тюрк.
он	*он*	*ун*	*он*	*он*	*он*	on
чегирбе	*чибірґі*	*егерме*	*жигирмә*	*жыйырма*	*ијирми*	jegirmi
одус	*отыс*	*утыз*	*оттуз*	*отуз*	*отуз*	otuz
кырык	*хырых*	*кырык*	*қириқ*	*кырк*	*гырх*	qïrq
элиг	*иліг*	*илле*	*эллик*	*элуу*	*әлли*	älig
алтон	*алтон*	*алтмыш*	*алтмиш*	*алтымыш*	*алтмыш*	altmiš
четтон	*читон*	*житмеш*	*йәтмиш*	*жетимиш*	*јетмиш*	jätmiš
сегизон	*сигізон*	*сиксән*	*сәксән*	*сексен*	*сәксән*	säkiz on
тогузон	*тоғызон*	*туксан*	*тохсән*	*токсон*	*доxсан*	toquz on
чӱс	*чус*	*йөз*	*йүз*	*жуз*	*йуз*	jüz
муң	*муң*	*мең*	*миң*	*миң*	*миң*	miŋ

лее полно и сохраняющуюся частично в других сибирских тюркских языках и желтоуйгурском, однако в способе конструирования составных числительных он обнаруживает современный тюркский тип, который не был характерен для языка руничесских и древнеуйгурских памятников. Как известно, в языке этих памятников составные числа образуются по способу приближения к следующему десятку, т.е. *биш отуз* 'двадцать пять' *уч йэгирми* 'тринадцать'[8]. В языке орхоно-енисейских тюркских памятников бытовал и другой способ выражения составных чисел между круглыми десятками, заключавшийся в том, что к названию десятка присоединялось слово *артық* 'излишек', 'избыток' с аффиксом принадлежности 3-го лица и далее следовало название единицы, например: *қырқ артұқы йити* 'сорок семь'[9], *отуз артуқы бір* 'тридцать один'[10].

С.Е. Малов, посвятивший тюркским числительным специальное исследование[11], считал, что эта система счета по способу приближения к следующему десятку была, вероятно, более ранней в тюркских языках, и лишь позднее в них развилась система "десятки + единицы", ставшая доминирующей. Однако материал, собранный им у желтых уйгуров, позволил ему установить, что в желтоуйгурском языке при счете от 11 до 29 употребляется архаичная система, сохраняющая числительные *йигирма* и *отус* только при счете, например: ж.-уйг. *пір йигирма* 'одиннадцать', *пір отус* 'двадцать один', но далее

[8] См., например: *Насилов В.М.* Язык орхано-енисейских памятников. М., 1960, с. 38.

[9] Там же, с. 39.

[10] См.: *Кондратьев В.Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Изд-во ЛГУ, 1970, с. 21.

[11] *Малов С.Е.* К изучению турецких числительных, с. 271-277.

по современной схеме: *учөн пір* 'тридцать один', *алтон пір* 'шестьдесят один'[12].

Таким образом, сохраняя, как и тофаларский, более архаичные названия десятков (ср. ж.-уйг. *ишкон, учөн, туртөн, пісон, алтон, йетон*[13] и т.д.), желтоуйгурский оказывается архаичнее тофаларского, удержав, хотя и не полностью, зафиксированную еще в древнетюркском языке старую систему образования составных числительных по способу приближения к следующему десятку. Тофаларский язык в этом отношении оказывается более современным.

Количественные числительные в тофаларском языке, как и во всех тюркских языках, занимают позицию определения. Способом синтаксической связи при этом является примыкание. Имя существительное, определяемое количественным числительным, всегда стоит в форме ед. числа, например: *аълты аът* 'шесть лошадей', *иъ̃ни йус өг* 'двести домов', *бечжен киши* 'пятьдесят человек', *уш чус тіиң* 'триста белок', *он алды* 'десять соболей'.

Очень часто количественные числительные, выступающие в качестве определения, сопровождаются нумеративами - особыми словами, обозначающими ту счетную группу, к которой принадлежит исчисляемый предмет. Нумеративы тоже не принимают в этом случае аффикса множественности. Они обычно вставляются между числительным и существительным, например: *уш мишээк кузук* 'три мешка кедровых шишек', *беш мишээк һорто-опка* 'пять мешков картошки', *дөрт аршим чукку* 'четыре аршина сукна', *иъ̃ни кулаш даалиң* 'две сажени далембы', *уш*

[12] Этот же материал см.: *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка, М., 1976, с. 72.

[13] См.: *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров, с. 178.

саачжим неш 'три сажени дров', *дөрт кучжак нешты һалдым* 'принес четыре охапки дров', *уш каът өг* 'трехэтажный дом'. Нумеративное слово может сочетаться с существительным и без числительного. В этом случае подразумевается единичность считаемого предмета, например: *адыш талһан һан* 'дай горсть муки', *туътум һылба берген* 'дал горсть черемши', *паштам эът һалды* 'принес мяса на одну варку', *пуут талһан саътыб алды* 'купил пуд муки'.

В качестве нумеративов в тофаларском языке выступают, например, слова, обозначающие:

1) меры веса: *һуундэ* (< русск.) 'фунт', *пуут* (< русск.) 'пуд', *килограам* (< русск.) 'килограмм', *граам* (< русск.) 'грамм';

2) меры длины, расстояния: *билек* 'расстояние от кисти руки до локтя, локоть (50 см.)', *һарыш* 'пядь большая', *сөөм* (< монг.) 'пядь малая', *муунур сөөм* (< монг.) 'укороченная пядь', *баъскыш* 'шаг', *кулаш* 'сажень' (равна двум шагам: *иъһи баъскыш кулаш болыр* 'два шага будет сажень'), *көөш* 'расстояние, равное одному дневному переезду на оленях' (20-25 км.); *аршим* (< русск.) 'аршин', *бөорса* (<русск.) 'верста', *килоометыр* (< русск.) 'километр', *меэтыр* (<русск.) 'метр';

3) меры объема: *адыш* 'горсть', *туътум* 'горсть', *кучжак* 'охапка', *барба* 'вьючная сума', *мишээк* (< русск.) 'мешок'; *кусуук* (< русск.) 'кусок', *өрум* 'ломоть - хлеба' и т.п., *дайнам* 'количество пищи, возможное сжевать за один раз'; *паштам* 'количество продуктов на одну варку', *тыъртам* 'количество табаку на одну трубку или папиросу', *ведроо* (русск.) 'ведро';

4) количество живых существ: *өөр* 'стадо, табун, стая, группа', *кеъсек* 'группа, табун, стадо'.

Подобные сочетания числительных с нумеративами характерны для всех тюркских языков[14]. Н.З. Гаджиева, исследуя словосочетания в тюркских языках, пришла к выводу, что модель "имя числительное + нумеративное слово + имя существительное" едина во всех тюркских языках и может быть возведена в праязыковое состояние[15].

Выступая в качестве обстоятельства при глаголе, количественные числительные могут употребляться, не принимая никакого дополнительного грамматического показателя: *бис ында иъһи конган бис* 'мы там переночевали два раза', *беш конуп келдім* 'я пришел, переночевав (в дороге) пять раз'; *балыгдыг аң каъш шураан?* 'сколько раз прыгнул раненый зверь?', *аң бірәә шураан* 'зверь прыгнул один раз'. Как видно из примеров, количественное числительное в данном случае заменяет кратные числительные других тюркских языков. Интересно, что такая же синтаксическая функция количественных числительных характерна и для монгольских языков; ср., например; бур. *долоо сохихо* 'семь раз ударить', *дурбэ хоноохо* 'четыре раза ночевать'[16].

[14] См., например: *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка, с. 92; *Тенишев Э.Р.* Указ. соч., с. 73; *Анжиганова О.П.* Словосочетания с нумеративными словами в хакасском языке. - Советская тюркология, 1973, № 4, с. 87-92.

[15] *Гаджиева Н.З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 65.

Когда количественные числительные выражают счетное понятие (понятие отвлеченного числа), отвлеченного от конкретных предметов, они уподобляются именам существительным и поэтому могут принимать все те словоизменительные аффиксы, которые свойственны лишь субстантивам: формы падежей принадлежности, числа и даже сказуемости. Количественные числительные при этом могут быть теми же членами предложения, что и существительные. Примеры: *бешті беш када алыр иъһён беш болыр* 'пять умножить на пять - получится двадцать пять', *ушке бешті немәәр сеъһес болыр* 'к трем прибавить пять - получится восемь', *бешті бешке улаар бірер болыр* 'пять разделить на пять - получится один', *ондан сеъһести кунар иъһи артар* 'от десяти отнять восемь - получится два', *он аълтыдан көөпей* 'десять больше шести', *олардыңның аълтыси йок болган* 'шесть из них исчезли'.

При словоизменении сложных и составных числительных изменяется последний компонент, например: *иъһён бешті алган* 'взял двадцать пять'; *уш чус бечжен иъһээ* 'триста пятидесяти двум', *дөртөн чедісі* 'его сорок семь' и т.п.

Некоторые количественные числительные в тофаларском языке имеют свои синонимы. Так, синонимами числительного *бірәә* 'один' в определенных случаях являются слова *нюңус* 'один' и *саарсык* 'один из парных предметов'. Эти слова могут заменять числительное *бірәә* только тогда, когда оно употребляется в качестве определения. При этом они имеют различные семантические оттенки. Например, если сказать *бірәә киши келген*, то это означает 'пришел один человек', т.е. просто сообщают количество пришедших и только. Но если сказать *нюңус киши келген*, то подчеркивается, что пришел всего-навсего один единственный человек, хотя ожидалось больше. Можно сказать *бірәә миис* и *сааарсык миис* в значении 'один рог'. Но выражение *бірәә миис* подчеркивает просто количество рогов и при этом слово *миис* может означать 'пара рогов', т.е. *бірәә миис* - это по сути дела 'одна пара рогов с одного животного'. Выражение же *саарсык миис* означает 'один рог у одного и того же животного'. Ср., например: *сааарсык миистыг инэк* 'однорогая корова'.

В некоторых сочетаниях *бірәә* и *сааарсык* взаимозаменяемы, например: *бірәә караа согур* и *сааарсык караа согур* 'один глаз слепой', *бірәә колу йок киши* и *сааарсык колу йок киши* 'однорукий человек'.

Синонимом числительного *чус* 'сто' может выступать словосочетание *биче сан* 'малое число', но только в том случае, когда числительное употребляется субстантивно, напри-

[16] Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962, с. 131.

мер: *мен оңга биче санны берген мен* 'я ему дал сотню'.

Числительное *тыысиччи* 'тысяча', употребляясь субстантивно, тоже имеет свой синоним *улуг сан* 'большое число', например: *оңда улуг сан чиъткен* 'у него пропала тысяча'.

Числительное *бірәә* 'один' по своему происхождению является формой собирательного числительного, ср. др.-тюрк. birägü 'один', 'в одиночку', тат. *берәу* id. и т.п. Общетюркское числительное *бір* в тофаларском языке превратилось в неопределенный артикль, в слово, указывающее неопределенность, о чем уже говорилось выше.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В тофаларском языке, как и вообще в тюркских языках, порядковые числительные "выражают идею числа в более конкретном виде.., выражают уже не абстрактную идею числа, а последовательность предметов (существительных), расположенных в естественном числовом порядке. Эта последовательность предметов осознается как их признак, и с этой точки зрения числительные порядковые приближаются к категории прилагательных"[17].

Порядковые числительные в тофаларском языке оформляются двумя вариантами аффиксов: 1) *-(ы)шкы/-(и)шки, -(у)шку/-(ү)шкү*; 2) *-(ы)шкии/-(и)шкии*.

Таким образом, существуют параллельно:

бірәәшки ~ бірәәшкии	'первый'
иъ̃ишки ~ иъ̃ишкии	'второй'
үчжүшкү ~ үчжишкии	'третий'
дөртушку ~ дөртишкии	'четвертый'
бечшишки ~ бечжишкии	'пятый'
аълтышкы ~ аълтышкии	'шестой'
чедішки ~ чедішкии	'седьмой'
сеъ̃незишки ~ сеъ̃незишкии	'восьмой'
тоъ̃нозушку ~ тоъ̃нозышкии	'девятый'
онушку ~ онышкии	'десятый'
чүзүшкү ~ чүзишкии	'сотый'
тыысишки ~ тыысишкии	'тысячный'

Кроме того, встречается также вариант *-ышкы/-ишки*, употребляющийся с основами, имеющими огубленный гласный: *үчжишки, дөртішки, тоъ̃нозышкы, онышкы*.

К числительным, означающим десятки, присоединяется всегда твердорядный вариант *-ышкы*, или *-ышкии*, так как, видимо, еще осознается в них компонент *он* 'десять', относящийся к твердому сингармоничному ряду. Таким образом, у десятков мы имеем: *иъ̃ӗ̃нышкы* '20-й', *үчженышкы* '30-й', *дөртенышкы* '40-й', *бечженышкы* '50-й', *аълтонышкы* '60-й', *чедонышкы* '70-й', *сеъ̃незонышкы* '80-й', *тоъ̃нозонышкы* '90-й'.

У составных числительных аффикс принимает последний компонент, например: *беш чүс аълтон чедішки* 'пятьсот шестьдесят седьмой', *дөрт тыысиччи сеъ̃нес чүс чедон бірәәшки* 'четыре тысячи восемьсот семьдесят первый'.

Порядковое числительное *бірәәшки* 'первый' имеет свой синоним *баъ̃шкы* 'первый'. При этом вариант *бірәәшки* употребляется при счете чисел, а *баъ̃шкы* - в функции определения. Например, нельзя сказать *бірәәшки када* '1-й раз', можно только *баъ̃шкы када*, нельзя сказать *бірәәшки киши*, можно только *баъ̃шкы киши* '1-й человек'. Кроме того, встречается иногда также *буруңгуу* 'передовой, находящий впереди' как синоним *бірәәшки* 'первый', например: *үш аң дуру, буруңгуусун мен боолээйн, иъ̃ишкиисін сен боола, үчжишкиисін үчжишки киши боолаар* букв. 'стоят три зверя, первого я буду стрелять, второго ты стреляй, трётьего будет стрелять третий человек'.

Афф. *-(ы)шкы, -(ы)шкии* имеют общий компонент *-ш-*, который можно сопоставить с древнетюркским афф. *-(Y)nč*[18], оформлявшим порядковые числительные (ср. др.-тюрк. bešinč 'пятый', altynč 'шестой'). Согласно фонетической закономерности разгружать, упрощать стечение согласных в ауслауте, как и в некоторых других позициях слова[19], тофаларский язык закономерно перевел сочетание *-nč*, оказавшееся в ауслауте, в согласный *-ш*. Это же произошло и в других словах, где древнее сочетание согласных *-nč*, оказавшись в ауслауте, переходит в тофаларском языке в *-ш*, которое, попав в инлаут, опять переходит в *-нч-*. Например, в словах *шеньчжар* 'ткнет, боднет', *неньчжар* 'будет мять' вычленяются основы *шеньчж-* и *неньчж-*, которые сопоставляются с древнетюркскими основами sanč- 'колоть' и janč- 'разминать' (ср. кирг. *чанч-* 'колоть', *жанч-* 'размять'). Очутившись же в абсолютном ауслауте (при повелительной форме) и в конце слога перед согласным аффикса при словоизменении, сочетание *-ньчж* переходит в *-ш*, а гласный корня удлиняется и назализируется. Таким образом, мы имеем: *шэ̃эш* 'ткни, коли, бодай', *нэ̃эш* 'мни, разомни', *шэ̃эшкак* 'бодливый', *шэ̃эштым* 'я ткнул', *нэ̃эштым* 'я размял', *нэ̃эшкан* 'он мял', *нэ̃эш* 'мни'.

Поэтому вполне закономерен переход в *-ш* древнего *-nč* как аффикса порядкового числительного, очутившегося в абсолютном ауслауте. Кстати, якутский аффикс порядковых числительных *-нс, -ис, -ус, -с* Ф.Г. Исхаков также объясняет как произошедший из древнего *-нч* за счет выпадения *-н-* и перехода *-ч* в *-с*[20].

Перейдя в *-ш*, этот аффикс, видимо, деэтимологизировался и потребовал дополнительного грамматического подкрепления. В результате к нему были добавлены аффиксы относи-

---

[17] *Дмитриев Н.К.* Указ. соч., с. 94.

[18] Этот аффикс в фонетических вариантах *-нчы, -нжы, -ншы, -нсы* продолжает сохраняться в абсолютном большинстве современных тюркских языков. Сравнительный материал об этом см.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 192-193.

[19] См.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 65.

[20] *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 194.

тельных прилагательных локальной и временной принадлежности в обоих вариантах: в гармонирующем варианте *-ҡы/-ки, -ҡу/-ку*, являющимся исконно тюркским, и в негармонирующем варианте *-кии* с долгим гласным.

Порядковые числительные в предложениях и словосочетаниях обычно выступают в качестве определения к существительному, например: *учжушку һундэ* 'на третий день', *һыйыңндан алы бечжишки өг миің* 'пятый дом с краю - мой', *иъ̃һишки када келдір мен* 'прихожу второй раз'.

Порядковые существительные могут употребляться и самостоятельно, обозначая какое-то конкретное число, располагающееся в определенном ряду чисел и занимающее в нем свое определенное место. В таком случае порядковые числительные уподобляются существительным и могут принимать аффиксы падежа, принадлежности, сказуемости. Примеры: *оларың-ның аълтышкиисы* 'шестой из них', *бечжишкисін сен ал* 'ты бери пятого из них', *мен иъ̃һишкисі мен* 'я второй', *эштэ-рімніҥ учжишкисіндэ аъты бар* 'у второго из моих друзей есть конь'.

Порядковые числительные в тофаларском языке отвечают на вопрос *каъшкы?, каъшышкы?* 'который по счету?'.

Своим показателем порядковых числительных тофаларский язык заметно отличается от других тюркских языков Саяно-Алтая и сближается с якутским. Это хорошо можно проследить на некоторых примерах, представленных в табл. 5.

Таблица 5

	'второй'	'третий'	'четвертый'	'пятый'	'десятый'
Тоф.	*иъ̃һишки*	*учжушку*	*дөртушку*	*бечжишки*	*онушку*
Тув.	*ийиги*	*үшкү*	*дөртку*	*бешки*	*онгу*
Хак.	*ікінҷі*	*үзінҷі*	*төртінҷі*	*пизінҷі*	*онынҷы*
Шор.	*ийгинчи*	*үжӱнчи*	*тӧртӱнчи*	*пежинчи*	*онунчы*
Алт.	*экинчи*	*үчӱнчи*	*тӧртӱнчи*	*бежинчи*	*онынчы*
Як.	*иккис*	*үһүс*	*төрдүс*	*бэһис*	*онус*
Тат.	*икенче*	*өченче*	*дуртенче*	*бишенче*	*унынчы*
Кирг.	*экинчи*	*үчүнчү*	*төртүнчү*	*бешинчи*	*онунчу*
Др.-тюрк.	*äkinti*	*ücünč*	*dörtünč*	*bisinč*	*onynč*

Тувинский язык до недавнего времени не имел своего показателя для порядкого числительного и пользовался монгольским словом *дугаар*, употребляемым в монгольском языке также для образования порядковых числительных. Теперь в литературном языке установлена специальная форма порядкового числительного с афф. *-кы/-ки, -гы/-ги, -ку/-ку, -гу/-гу*[21].

Таким образом, вышеприведенные примеры свидетельствуют, что тофаларский язык среди саяно-алтайских тюркских языков имеет свою, самостоятельно развитую из древнего показателя *-nč* форму порядкового числительного[22]. Аналогичное развитие *-nč* в *с* наблюдается и в якутском (через стадию *ш*, т.е. *-nč → nš → š → s* поскольку якутский язык общетюркское *š* перевел в *s*, что свидетельствует о сравнительной древности этого явления в тофаларском языке, так как тюркские предки якутов унесли, отколовшись от других алтае-саянских тюрков, уже готовую в фонетическом отношении форму.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Собирательные числительные представляют определенное количество предметов как их совокупность, являясь субстантивированными именами количества. Они показывают определенную классификацию предметов, которая, однако, проводится путем концентрации отдельных единиц, а не путем раздробления общего целого[23].

В тофаларском языке собирательные числительные образуются двумя различными аффиксами: 1) *-аан/-ээн*, 2) *-аалың/-ээлін*.

При этом конечный гласный количественного числительного, от которых образуются собирательные, опускается. Таким образом, мы имеем:

иъ̃һээн ~ иъ̃һээлің - вдвоем, двое,
учжээн ~ учжээлін - втроем, трое,
дөртээн ~ дөртээлін - вчетвером, четверо,
бечжээн ~ бечжээлін - впятером, пятеро
аълтаан ~ аълтаалың - вшестером, шестеро,
чедээн ~ чедээлін - всемером, семеро,
сеъ̃һезээн ~ сеъ̃һезээлін - ввосьмером, восьмеро,
тоъ̃һозаан ~ тоъ̃һозаалың - вдевятером, девятеро,
онаан ~ онаалың - вдесятером, десятеро.

От количественного числительного *бірээ* 'один' эти формы не употребляются. Оно само, как уже говорилось выше, является по своей этимологии собирательным числительным. В современном тофаларском языке для собирательного числительного 'один' употребляется форма *нюҥускаан*, образованная от слова *нюҥус* 'один, одинокий'.

В предложении собирательные числительные могут быть главным образом сказуемыми и обстоятельствами. Примеры: *ол киши кара нюҥускаан черлеҥ чыъ̃тыры* 'тот человек живет один-одинешенек', *талыйаалы иъ̃һээн* 'уйдем вдвоем', *мону бис иъ̃һээн часап каган бис* 'мы это вдвоем сделали', *өгдэ учжөөн бис* 'в доме мы втроем', *сен нюҥускаан чжи* 'ты ешь один'.

---

[21] См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 194. *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 210.

[22] Позволим себе здесь не согласиться с мнением В.Ш.Псянчина, полагающего, что этот элемент *-ш-* порядковых числительных тофаларского языка является непосредственно показателем множественности, а аналогичный *-с* якутского языка - развитием древнего *ynč*, см.: *Псянчин В.Ш.* История развития форм порядковых, разделительных и собирательных числительных в тюркских языках. - Советская тюркология, 1973, № 3, с. 53.

[23] См.: *Дмитриев Н.К.* Указ. соч. с. 95.

Таблица 6

	'второй'	'третий'	'четвертый'	'пятый'	'десятый'
Тоф.	*иҥһəəн иҥһəəлiн*	*үчжəəн ~ үчжəəлiн*	*дөртəəн ~ дөртəəлiн*	*бечжəəн ~ бечжəəлiн*	*онаан ~ онаалын*
Тодж.	*иҥйээн*	*үжээн*	*дөртээн*	*бежээн*	*онаан*
Тув.	*иелээн ~ иелдирзи*	*үжелээн ~ үжелдирзи*	*дөртелээн ~ дөртелдирзи*	*бежелээн ~ бежелдирзи*	*оналаан ~ оналдирзи*
Хак.	*iкӧлең*	*үзӧлең*	*төртӧлең*	*пизӧлең*	*онолаң*
Шор.	*ийгеле*	*үжеле*	*төртеле*	*пежеле*	*онала*
Алт.	*экӱ ~ экиле(зи) ~ экилеп*	*үчӱ ~ үчӱле(зи) ~ үчтеп*	*төртӱ ~ төртӱле(зи) ~ төртөп*	*бежӱ ~ бежӱле(зи) ~ бештеп*	*оны ~ онула(зи) ~ ондоп*
Як.	*иккиэ ~ икkиэн*	*үһүө ~ үһүөн*	*төрдүө ~ төрдүөн*	*бэһиэ ~ бэһиэн*	*онуо ~ онуон*
Тат.	*икəу*	*өчəу*	*дүртəу*	*бишəу*	*унау*
Каз.	*екеу*	*үшеу*	*төртеу*	*бесеу*	-
Кирг.	*экөө*	*үчөө*	*төртөө*	*бешөө*	*оноо*
Кар.	*экӗв/экев ~ экевлян/экевлен*	*үчӗв/щев ~ үчӗвлян/щевлен*	*дёртёв/дертев ~ дёртёлян/дертевлен*	*бесёв/бесев ~ бесёв ~ лян/бесевлен*	*онов ~ онов ~ лан*
К.-балк.	*екеу ~ екеулен*	*ючеу ~ ючеулен*	*тёртеу ~ тёрteулен*	*бешеу ~ бешеулен*	*онов ~ оновлан*
Узб.	*икков ~ икkала*	*учов ~ учала*	*тўртов ~ тўртала*	*бешов ~ бешала*	-
Уйг.	*иккилəн*	*учулəн*	*төртулəн*	*бəшилəн*	*онуйлəн*
Др.-тюрк.	*ikägü*	*üčägü*	*törtägü*	*beŝägü*	-

Афф. *-аан/-əəн* происходит от древнетюркского афф. *-aγu/-ägü*. За счет выпадения интервокального согласного возникла заместительная долгота гласного, элемент *-н* есть не что иное как древний инструментальный падеж (Y)n.

В афф. *-аалын/-əəлiн* тоже можно проследить на месте долгого гласного древний формант *-aγu/-ägü*[24].

Чтобы проследить связи тофаларских форм собирательных числительных с таковыми других тюркских языков и выявить их специфику, рассмотрим некоторые тофаларские собирательные числительные в сопоставлении с параллелями из других тюркских языков (см. табл. 6). Возьмем те же числительные, что и в табл. 5.

Как видно из примеров, вариант с афф. *-аалын/-əəлiн* имеет параллели во всех саяно-алтайских тюркских языках. За их пределами он представлен также в узбекском и уйгурском языках, а также в караимском и карачаево-балкарском. Встречается он, кроме того, в староузбекском языке (XIV-XVI вв.) в форме *-(а)ла/-(ä)lä, -(а)лан -(ä)län*, которую А.М. Щербак характеризует как уйгуро-огузскую[25], хотя в современных огузских языках она и не представлена. Попытку этимологизации этой формы предпринял Ф.Г. Исхаков, предположивший, что, например, уйгурская форма *учулəн* 'втроем' могла произойти из *учəгуləнип* за счет редукции деепричастия *-п*, как это обычно происходит в хакасском языке[26]. Наличие элемента *-н* в этой форме в разбросанных ныне территориально языках - тофаларском, тувинском, хакасском, караимском, карачаево-балкарском, уйгурском, а также в средневековом узбекском, - свидетельствует, что это весьма древний элемент, обладающий устойчивостью. Отпадение же в определенных фонетических условиях аффикса деепричастия *-п* характерно лишь для хакасского и шорского языков, встречается в тувинском и больше, пожалуй, нигде. Наличие этого же аффикса, но без *-н*, в шорском, алтайском, узбекском (современном и средневековом) заставляет предполагать другое происхождение этого *-н*. Возможно, что элемент *-л-* здесь представляет собой реконструируемый в тюркских языках аффикс собирательной множественности[27], подкрепивший древний же показатель собирательности у числительных *-aγu/-ägü*. Тогда элемент *-н* можно считать древним инструментальным падежом.

Этот показатель древнего инструментального падежа мы выделяем и в другом аффиксе тофаларских собирательных числительных - *-аан/-əəн*, который восходит к древнему афф. *-aγu/-ägü*. Этот древний аффикс дал рефлексы в основном в кыпчакских и киргизском языках, также в узбекском. Сохраняется он, по свидетельству Э.Р. Тенишева, и в желтоуйгурском, притом в старой форме с интервокальным g (törtogo 'вчетвером', al'togo 'вшестером')[28]. Из саяно-алтайских языков он представлен, кроме тофаларского, еще в алтайском языке и в тоджинском диалекте тувинского языка[29], являясь единственным показателем собирательных числительных в этом диалекте. Этот же аффикс существует и в якутском языке. При этом тофаларский, тоджинский и якутский сохраняют в этом аффиксе показатель древнего инструментального падежа *-н*.

В современных огузских языках этих аффиксов нет. В них идея собирательности в основном представлена формами личной принадлежности, которые присоединяются к количественным числительным[30].

Таким образом, в показателях собирательных числительных тюркские языки не выказывают такого единообразия, какое было характерно для порядковых числительных. Огузские языки пошли в этом отношении совершенно по иному пути, хотя этот

---

24 См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 199-200.

25 *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962, с. 139.

26 *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 199-200.

27 См.: *Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А.* Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках. - Советская тюркология", 1974, № 1, с. 6.

28 См.: *Тенишев Э.Р.* Указ. соч., М., 1976, с. 74.

29 См.: *Чадамба З.Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 90-91.

30 См.: например: *Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1974, с. 124; Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971, с. 74; Грамматика туркменского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, с. 169.

способ встречается и в некоторых кыпчакских языках (например, татарском, казахском)[31] наряду с аффиксальным. Аффикс же -аγu/-ägü сохранился в соответствующих фонетических вариантах в основном в кыпчакских и киргизском языках. Вариант же -ааλын/-әәлін в тофаларском и других саяно-алтайских языках мог возникнуть под влиянием уйгурского языка, благодаря чему в некоторых языках (тофаларском, алтайском) сосуществуют кыпчакский и уйгурский варианты этого аффикса.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Разделительные числительные представляют собой атрибутивно-обстоятельные формы числительных, употребляющиеся для разбивки предметов по однородным группам[32]. Эта группа числительных в тофаларском языке образуется синтетически посредством следующих аффиксов.

1) *-ар/-ер* (после основ на согласные), *-лар/-лер* (после основ на гласные):

бірер ~ нюңусар	'по одному'	*сеъһезер*	'по восемь'
иъһилер	'по два'	*тоъһозар*	'по девять'
үчжер	'по три'	*онар*	'по десять'
дөртэр	'по четыре'	*иъһёнар*	'по двадцать
бечжер	'по пять'	*үчжөнар*	'по тридцать'
аълтылар	'по шесть'	*чузер*	'по сто'
чеділер	'по семь'		

Эта форма в тофаларском языке употребляется при простом перечислении предметов, объединенных по однородным группам, и при атрибутивном употреблении, например: *аңшыларга чузер оък бергеннэр* 'охотникам выдали по сто патронов', *бистэ үчжер иби бар болган* 'у нас было по три оленя'. Этим же аффиксом образуется разделительная форма и от слова *нямдык* 'половина' - *нямдыгар* 'по половине'.

2) *-арны/-ерні* (после основ на согласные), *-ларны/-лерні* (после основ на гласные):

бірерні, нюңусарны	'по одному'	*аълтыларны*	'по шесть'
иъһилерні	'по два'	*чеділерні*	'по семь
үчжерні	'по три'	*сеъһезерні*	'по восемь'
дөртэрні	'по четыре'	*тоъһозарны*	'по девять'
бечжерні	'по пять'	*онарны*	'по десять'
		чузерні	'по сто'

Здесь компонент *-ны/-ні* представляет собой аффикс винительного падежа.

Эта форма употребляется лишь в том случае, если разделительное числительное используется субстантивированно в функции дополнения, например: *иъһилерні бәәр кааждый кишәә* 'каждому человеку дать по два'.

[31] См.: *Дмитриев Н.К.* Указ. соч., с. 95-96.
[32] См. там же.

3) *-арлап/-ерлеп* (после основ на согласные), *-ларлап/-лерлеп* (после основ на гласные)[33].

бірерлеп, нюңу-сарлап	'по одному'	*чеділерлеп*	'по семь' 'по восемь'
иъһилерлеп	'по два'	*сеъһезерлеп*	'по девять'
үчжерлеп	'по три'	*тоъһозарлап*	'по десять'
дөртерлеп	'по четыре'	*онарлап*	'по сто'
бечжерлеп	'по пять'	*чузерлеп*	
аълтыларлап	'по шесть'		

Эта форма употребляется лишь при выполнении разделительным числительным функции обстоятельства, например: *иъһилерлеп санаар истіг болган* 'надо было считать по два', *өг часаарда неш бірерлеп каар* 'когда строят дом, кладут бревна по одному', *олардың меңгунун чузерлеп санап турулар* 'они считают деньги сотнями'.

Как можно видеть из сравнительного материала представленного в табл. 7, тюркские языки Саяно-Алтая в способах оформления разделительных числительных распадаются на три группы.

1-ю группу представляют тофаларский и хакасский языки, использующие один и тот же афф. *-ар/-ер, -лар/-лер*, который может осложняться наречным афф. *-лап/-леп* в обеих языках и аффиксом исходного падежа *-дың/-дең* в хакасском. Афф. *-ар/-ер, -лар/-лер* имеет полное соответствие в татарском *-ар/-әр, -шар/-шәр*, каракалпакском и ногайском *-ар/-ер, -сар/-сер*, караимском *-ары/-яры, -ар/-ер, -шары/-шяры, -сар/-сер*, гагаузском *-ар/-ăр, -шар/-шăр*, турецком *-ar/-er, -şar/-şer*, а также чувашском *-ар, -шар/-шер*. Ф.Г. Исхаков предполагает здесь историческое чередование *ш//л*[34]. Древнетюркские тексты дают тоже *-ar/-ăr*, однако вместо *-лар/-лер, -шар/-шер* в них зафиксирован афф. *-rar/-răr*. В средневековом узбекском языке (XIV-XVI вв.) этот аффикс зафиксирован в виде *-(ш)ар/-(ш)ăр: ікірăр ~ ікішăр* 'по два', *ўчăр* 'по три', *тӧртăр* 'по четыре', *алтышар* 'по шесть'[35]. Таким образом, тофаларский и хакасский языки сохраняют довольно древние формы, зафиксированные в древних текстах, многих кыпчакских языках, огузских и чувашском.

2-ю группу составляют шорский и алтайский языки, образующие разделительные числительные путем постановки количественного числительного в исходном падеже. Хакасский язык тоже может образовывать разделительные числительные этим же способом. Этот тип также довольно распространен в тюркских языках, встречаясь в казахском, каракалпакском, кир-

[33] Правильная этимология компонента *-лап/-леп*, употребляемого и в других тюркских языках, дана в кн.: *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Т. 2. Фонетика и морфология, ч. 1. М., 1952, с. 233.
[34] *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 201.
[35] *Щербак А.М.* Указ. соч., с. 139. - Древнетюркские примеры подобраны нами из "Древнетюркского словаря" (Л., 1969).

Таблица 7

Примеры образования разделительных числительных

	'по два'	'по три'	'по четыре'	'по шесть'	по десять'
Тоф.	*иъ̃ҥилер ~иъ̃ҥилерні ~иъ̃ҥилерлеп*	*үчжер ~ үчжерні~ үчжерлеп*	*дөртэр ~дөртэлтиларни~ тэлеп*	*аълтилар~аълтиларлап*	*онар ~онарни ~онарлап*
Тув.	*ийи-ийи ~ ийи-ийилеп ~ ийи-ийи кылдыр*	*үш-үш ~ үш-үштеп~ үш-үш кылдыр*	*дөрт-дөрт~ дөрт-дөрт- теп ~дөрт- дөрт кылдыр*	*алды-алды ~ алды-алдылап~ алды-алды кылдыр*	*он-он ~ он-оннап ~ он-он кылдыр*
Хак.	*ікілер ~ ікілерлеп ~ ікідең ~ ікілердең*	*үзер~ үзерлеп~ үстең~ үзердең*	*төртер ~ төртерлеп~ төрттең ~ төртертең*	*алтылар ~ алтылардап ~ алтыдаң ~ алтылардаң*	*онар ~ онарлап ~ оннаң ~ онардаң*
Шор.	*ийгидең*	*үштең*	*төрттең*	*пештең*	*оннаң*
Алт.	*экидең*	*үштең*	*төрттөң*	*бештең*	*онноң*
Як.	*иккилии*	*устуу*	*төртуу*	*алталыы*	*уонnуу*
Тат.	*икешәр ~ икешәрләп*	*өчәр~ өчәрләп*	*дүртәр ~ дүртәрләп*	*алтышар ~ алтышарлап*	*унар ~ унарлап*
Каз.	*екіден ~ екеуден~ екі-екіден*	*үштен~ үшеуден~ үш-үштен*	*төрттен ~ төртеуден ~ төрт-төрттен*	*алтыдан ~ алтаудап ~ алты-алтыдан*	*оннан ~ он-оннан*
К.-калп.	*екиден ~ екисер~ екилеп~ екеден~ еки-екиден*	*юштен ~ юшер ~ юштеп ~ юшёден~ юш-юштен*	*тёрттен ~ тёртер ~ тёрттеп ~ тёртёден ~ тёрт-тёрттен*	*алтыдан ~ алтысар ~ алтылап ~ алтавдан ~ алты-алтыдан*	
Кирг.	*экиден ~ экилеп*	*үчтөн~ үчтөп*	*төрттөн ~ төрттөп*	*алтыдан ~ алтылап*	*ондон ~ ондоп*
Кар.	*экшяри/экисер*	*үчяри/ ицер*	*дёртяри/ дёртер*	*алтышары/ алтысар*	*онары/ онар*
Узб.	*иккитадан*	*учтадан*	*тўрттадан*	*олтидан*	*унтадан*
Уйг.	*иккидин*	*учтин*	*төрттин*	*алтәдин*	*ондин*
Азерб.	*ики-ики*	*үч-үч*	*дөрд-дөрд*	*алты-алты*	*он-он*
Гагауз.	*икишәр*	*үчәр*	*дөрдәр*	*алтышар*	*онар*
Туркм.	*ики-икиден~ икиден*	*уч-учтен ~ учтен ~*	*дөрт-дөрт- тен ~дөрт- тен*	*алты-алтыдан ~ алтыдан*	*он-ондан~ ондан*
Тур.	ikişer	üçer	dörter	altışar	onar
Др.-тюрк.	ikirär	üčär, üčrär	törtär	altïrar	onar

гизском, узбекском, уйгурском, туркменском. Часто исходный падеж присоединяется в этих языках и к удвоенной основе количественного числительного.

3-ю группу образуют тувинский и азербайджанский языки, использующие для оформления разделительных числительных простое удвоение основы количественных числительных. В этих языках это основной способ. Тувинский язык, кроме того, использует и усложненные удвоенные основы количественных числительных за счет присоединения либо наречного афф. *-лап/-леп*, либо служебного слова *кылдыр*, представляющего собой усеченную форму слитного деепричастия *-ы* побудительного залога глагола *кыл-* 'делать'.

Совершенно обособленно стоит якутский язык, имеющий афф. *-лыы/-лии*, *-тыы/-тии* и т.д.

Таким образом, разнобой в оформлении разделительных числительных в тюркских языках говорит о том, что данный разряд числительных оформился в этих языках относительно поздно. Тофаларский язык в этом разряде полностью совпадает с хакасским языком и наследует довольно древнюю форму.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительные приблизительного счета обозначают приблизительно, примерное, точно не подсчитанное количество предметов.

В тофаларском языке приблизительные числительные образуются от основ количественных числительных следующими способами.

1. Путем асиндетического повтора двух количественных числительных, при котором наименование меньшего числа ставится перед наименованием большего числа, например: *үш-дөрт киши келген* 'пришло три или четыре человека', *беш-алты иби багда турган өг ныйында* 'возле дома стояло на привязи пять-шесть оленей', *алды коллаткаш үчжен-дөртен солһоовай алыр* 'сдав соболя, получит тридцать-сорок рублей'.

2. Аналитическим способом, посредством сочетания основ количественных числительных с особыми служебными словами *hире* (< монг.) и *шаа*. При этом слово *hире* сочетается только с единицами, требуя формы основы, например: *үш hире* 'около трех, примерно три', *оң hун саны тоһhос hире дііңң өлурген болган* 'он убивал каждый день примерно девять белок'. С десятками же и сотнями употребляется слово *шаа*, требующее родительного падежа, например: *онның шаа* 'около десяти', *иъ̃ҥённың шаа* 'около двадцати', *чустуң шаа* 'около ста', *беш чустуң шаа* 'около пятисот'.

3. Сочетанием количественного числительного со словом *артык* 'свыше, больше', которое требует исходного падежа, например: *бештэн артык* 'свыше пяти', *чустэн артык киши чыышка келген* 'на собрание пришло свыше ста человек', *үш чустэн артык дііңң өлурген ол чылын* 'добыл в тот год свыше трехсот белок', *үчжөн артык коропһа* 'тридцать с лишним коробок'.

Все эти способы представлены и в других тюркских языках. При этом первый[36] и третий способы в тофаларском общетюркские, без изменения. Второй способ, сочетание количественных числительных с послелогами, выражающими приблизительность, также широко применяется в других тюркских языках, но при этом используются иные, чем в тофаларском языке, послелоги. Тофаларские *hире* и *шаа* имеют полную аналогию лишь в тувинском языке, однако составители грамматики тувинского языка не указывают, в чем отличие в употреблении тувинских *хире* и *шаа*. Судя по примерам *он шаа* 'около десяти' и *чус хире* 'около ста' в тувинском языке нет такого четкого разделения функций *хире* и *шаа*, как в тофаларском языке[37]. Кроме того, в отличие от тофаларского языка,

[36] См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 206.

[37] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 214.

шаа в тувинском находится в постпозиции по отношению к количественному числительному, стоящему в основном падеже. Тоф. *hире* и тув. *хире* имеют монгольское происхождение, с ними совпадает по функции и материально алтайское *кирези* 'около, приблизительно'[38], состоящее из того же *кире* + *зи* (аффикс принадлежности 3-го лица).

Тофаларское и тувинское *шаа* 'около, приблизительно' можно сопоставить, как общие по происхождению, с каз. *шақты*, кирг. *чакты*, якутскими афф. *-чака/-чэкэ*, *-ча/-чэ*, хак. *-ча/-че*, кирг. *-ча/-че*, что и делают Ф.Г. Исхаков и А.А. Пальмбах для тувинского языка[39]. К этому хотелось бы добавить, что шорский язык тоже выражает приблизительность счета афф. *-че*, в языке орхонских древнетюркских надписей имеется такой же афф. *-ча/-че*. Этот же аффикс присоединяется в тех же целях к форме мн. числа от количественных числительных (образуется сложный афф. *-ларча/-лэрчэ*) в татарском, башкирском, узбекском, азербайджанском, турецком языках[40].

Таким образом, афф. *-ча/-че* довольно древен в тюркских языках и развитие этой его функции можно вывести из функции сравнения, уподобления древнего экватива на *-ča/-čä*. В связи с этим тофаларское и тувинское *шаа* можно возвести к исчезнувшему ныне в этих языках слову **шаг* 'мера'. В значении 'время' слово *шаг* продолжает бытовать в этих языках. Как уже нами говорилось выше, экватив *-ча* возводится к **čaγ* 'время; мера'. Тофаларский и тувинский языки, видимо, еще сохраняют более полную форму этого **čaγ*, но с показателем принадлежности 3-го лица, благодаря чему *-γ* в инлауте выпал и **čaγ* приобрело вид *шаа* (< **шагы*). Тофаларский родительный падеж, показатель которого обязано принять количественное числительное в этой конструкции, убеждает в этом предположении.

Других способов выражения приблизительности у числительных, используемых в современных тюркских языках, мы здесь касаться не будем, поскольку их аналогии не представлены в тофаларском языке.

В разряд приблизительных числительных можно включить, на наш взгляд, особые слова, выражающие неопределенное количество. К ним относятся: *аалыгаш* 'мало', *биче* 'мало', *эбеш* 'мало', *эълпек* 'очень много', *көөп* 'много', *көөпей* 'много', *бір чеһе* 'несколько', *бір каъш* 'несколько'.

Таким образом, в тофаларском языке и в системе числительных четко различаются как лексически, так и грамматически неопределенность и определенность.

[38] См.: *Рассадин В.И.* Указ. соч., с. 189; *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, с. 87-88.

[39] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч. с. 214-215.

[40] См.: *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941, с. 108; *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971, с.177; *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч.. 206-207.

ДРОБНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В тофаларском языке дробные числительные не получили еще полного развития. Образуются они по образцу русского языка и представляют собой, по-видимому, кальку с русского, например: *бірәә төртушку* 'одна четвертая', *иъһи төртушку* 'две четвертых', *уш төртушку* 'три четвертых', *төрт бечжишки* 'четыре пятых', *аълты онышкы* 'шесть десятых', *он чжузушку* 'десять сотых', *чус тыысишки* 'сто тысячных'.

В этом отношении тофаларский язык не имеет аналогий в других тюркских языках. Возникнув в истории тюркских языков довольно поздно, разряд дробных числительных получил в них разнообразное оформление, что свидетельствует о самостоятельном развитии данного разряда в этих языках, например: тув. *үштүң ийизи* - $^2/_3$, хак. *төрттің үзі* - $^3/_4$, шор. *төрттиң үжи* - $^3/_4$, алт. *беш алтылык* - $^5/_6$, тат. *өчтән ике* - $^2/_3$, азерб. *үчдә ики* - $^2/_3$ и т.п.[41]

Дробные числительные в тофаларском языке образуются также с помощью слова *кеъсік* 'половина', которое ставится в постпозицию к соответствующему количественному числительному. Иногда оно сопровождается словом *бір* 'один'. Примеры: *бірәә кеъсік* или *бірәә бір кеъсік* 'полтора', *иъһи кеъсік* или *иъһи бір кеъсік* 'два с половиной', *кеъсии* 'половина' (чего-л.), *бір меэтыр бір кеъсік* 'полтора метра', *дорт чыл бір кеъсік аармида болган мен* 'я пробыл в армии четыре с половиной года'.

Кроме того, в значении 'половина' употребляется слово *нямдик*, которое, однако, не обладает еще такой степенью абстракции и такой валентностью, как *кеъсік*. Примеры: (из фольклора) *иньчжаарда һойлар нямдыы аң болув алгаш талыйган* 'тогда половина его овец, превратившись в диких, убежала', *нямдыы маллары һой болып, өшку болып бо шөл чжердә аърта берген* 'половина их скота, сделавшись домашними овцами и козами, осталась в этой степи'.

В тофаларском языке употребляются также русские заимствования *шээтпір* 'четверть', *мусьмуука ~ осьмуушка* 'осьмушка' (восьмая часть).

Слова типа татарских *ярым, ярты*, хак. *чарым* и т.п. в значении 'половина' в тофаларском языке не отмечены.

КРАТНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Кратные числительные в тофаларском языке образуются аналитически, путем сочетания количественного, порядкового или разделительного числительного со словами *када* 'раз, крат' и *каъттап* - деепричастием глагола *каътта-* 'повторять столько-то раз, накладывать столько-то слоев' (< *каът* 'слой; этаж'), например: *мен ында бірәә када болган мен* 'я там был один раз', *дөрт када* 'четырежды', *беш када* 'пять раз', *чү тә бірәә када карас кынды* 'что-то один раз сверкнуло', *иъһилер када* 'по два раза', *бірер када* 'по одному разу', *иъһишки када* 'второй раз', *бечжишки када* 'пятый раз', *бі-*

[41] См.: *Исхаков Ф.Г.* Указ. соч., с. 190-192.

рəə каъттап 'один раз', *иъ̃ни каъттап* 'два раза', *каъш каъттап?* 'сколько раз?'.

В предложении кратные числительные обычно выполняют функцию обстоятельства, например: *киши саны иъ̃нилер када боолаан* 'каждый человек выстрелил по два раза'; *оң уш када ээтырды* 'он спросил два раза'. Этот разряд числительных обычен также при выражении арифметических действий, например умножения: *ушту уш када һалырда тоъһос* 'трижды три - девять', *иъ̃нini иъ̃ни када һалырда дөрт* 'дважды два - четыре', *бештi беш када һалыр иъ̃нён беш болыр* 'пятью пять - двадцать пять' и т.п.

Этот разряд числительных в тюркских языках обычно не выделяется, за исключением лишь, пожалуй, якутского языка[42], хотя кратность выражается во всех языках. По своей функции этот разряд приближается к наречиям. Для числительных вообще характерно выступание в функции других частей речи - существительных, прилагательных, наречий, так что это не должно служить препятствием для выделения разряда кратных числительных, тем более, что имеются особые слова - *када* и *каъттап* - для образования этих числительных. Слово *када* 'раз, крат' имеет полную аналогию в древнетюркском qata 'раз, крат'. В тувинском и алтайском языках употребляется *катап*, в хакасском - *хатап*, в шорском - *катнап*, имеющие общий корень с древнетюркским qat 'слой, пласт, ряд'. Тофаларское *када* восходит, видимо, непосредственно к древнему qata, и уже, пожалуй, в древнее время была утрачена этимологическая связь с глаголом qat- 'смешивать', который дал в тофаларском фарингализацию гласного - *каът-*. Если бы ощущалась связь *када* с *каът-*, то и в нем была бы фарингализация и сохранился бы глухой -t, т.е. слово приобрело бы вид *каъта*. В данном случае чистый краткий гласный и слабый *д* в инлауте убеждают в отсутствии в настоящее время у носителей языка ощущения связи *када* с *каът-*.

[42] См.: *Убрятова Е.И.* Якутский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 411.

ГЛАГОЛ

Глагол - это часть речи, которая выражает понятие о действии, движении, состоянии, процессе, явлении, происходивших, происходящих или будущих происходить в объективной действительности.

По сравнению с именами (существительными, прилагательными, числительными), обозначающими предметы, их качество и количество в статике, глагол является лексико-грамматической категорией слов, отражающей динамику объективной действительности. Динамичность - это действие-состояние в его процессе, в развитии и во времени.

Признаки проявления вербальности: особое словообразование, категория переходности-непереходности, категории наклонения, времени, вида, залога, модальности, особые личные и неличные формы.

В предложении глагол выступает в основном в роли сказуемого. Эту и только эту функцию выполняют все личные формы глагола, так называемые verbum finitum. Неличные формы, причастия и деепричастия, совмещают в себе наряду с вербальностью также некоторые иные признаки: причастие - адъективность, деепричастие - адвербиальность. Эта совмещенность разных признаков позволяет им наряду с участием в образовании различных личных форм, т.е. проявлением собственного вербального признака, выступать в роли определения (причастия) и обстоятельства (деепричастия).

Все глаголы тофаларского языка делятся на несколько групп: 1) переходные глаголы; 2) непереходные глаголы; 3) verba dicendi - глаголы сообщения и познания, характеризующиеся тем, что обязательно сочетаются с глаголом *дэр-* 'говорить'; 4) изобразительные глаголы, включающие глаголы образные, подражательные и др.

Категория переходности-непереходности - один из важнейших лексико-семантических признаков глагола в тофаларском языке. Соотношение этой категории с лексическим значением глаголов объясняется тем, что глаголы по своей природе бывают объектными и безобъектными. Объектные глаголы, помимо основного понятия о том или ином конкретном действии, которое составляет его лексическое значение, несут в себе дополнительный оттенок направленности определенного действия на определенный объект, например: *неш ыр-* 'колоть дрова', *эът кеъс-* 'резать мясо', *һачжуур таъпта-* 'отбивать косу'. Такие объектные глаголы являются переходными.

В противоположность им безобъектные глаголы не передают направленности действия на какой-либо объект. Это преимущественно глаголы, выражающие состояние, движение, чувствование, например: *бар-* 'уходить', *кел-* 'приходить', *арт-* 'оставаться', *тур-* 'стоять', *чыът-* 'лежать', *сагын-* 'думать, вспоминать', *уйут-* 'скучать' и т.п. Эти глаголы являются непереходными.

Глаголов говоренья в тофаларском языке относительно немного. К ним относятся *дэ-* 'говорить', 'сказать', *соода-*

'сказать, говорить', *соодан-* 'рассказывать', *соодаш-* 'разговаривать, договариваться', *ӡэттир-* 'спрашивать', *кышкыр-* 'кричать', *сымыра-* 'шептать' и некоторые др.

Очень велико в современном тофаларском языке количество так называемых изобразительных глаголов, к которым относятся глаголы образные и звукоподражательные, например:

1) образные: *далбай-* 'быть широким и в то же время плоским; быть с раскинутыми, как бы распятыми руками'; *діӈртэй-* 'быть туго натянутой - о веревке и т.п.'; *дугдэй-* 'иметь вид согнутого, сгорбленного, ссутулившегося - о человеке'; *куспей-* 'иметь сгорбленный вид, когда холка выше крупа - о животных'; *малай-* 'иметь вид, когда подбородок задран вверх - о человеке'; *һертэй-* 'иметь вид прогнутого в спине'; *сірі гайын-* 'дрожать, трястись - от холода, страха'; *һыймыр гайын-* 'кишмя кишеть'; *дірілэ-* 'дрыгаться, сучить ногами'; *көърт-көърт кын-* 'глотать большими глотками жидкость так, что при этом ходит кадык'; *чіӈрт кын-* 'иметь такое состояние, когда оборвется, екнет сердце от испуга или иной неожиданности'; *һымыр-һымырт кын-* 'вздремывать, при этом часто просыпаясь'; *мосрар-* 'катиться - о чем-либо круглом и при этом мелком'; *чадырт кыл-* 'говорить или читать хорошо, гладко, без запинки';

2) звукоподражательные: *сыйт-пурт дэ-* 'свистеть - о бурундуке, пищухе'; *куук-куук дэ-* 'каркать о вороне'; *таг дэ-* 'раздаваться - об одиночном выстреле'; *кыърт кыл-* 'издавать хрустящий звук'; *салырт-салырт кыл-* 'прошуршать сухими листьями - при пробегании по ним быстроного легкого зверька типа косули, кабарги и т.п.'; *сыйткыр-* 'свистнуть-о бурундуке'; *тыккур-* 'подзывать собаку, причмокивая'; *чычжыра-* 'громко чирикать - о многих птичках одновременно' *каӈгыра-* 'звенеть - о бубенцах'; *діӈгірэ-* 'грохотать, греметь - о громе'; *сылтыла-* 'раздаваться - о пустом щелчке затвора ружья при осечке'; *тоӈсыла-* 'раздаваться - о стуке каблуков по твердой дороге'; *кыйыртыла-* 'скрипеть - о двери, а также о снеге под ногами в мороз'; *дуру гайын-* 'курлыкать - о журавлях'; *тоӈс кын-* 'раздаваться - о звуке редких крупных капель дождя по натянутой палатке'; *кыт гайын-* 'кричать - о ястребе'; *чӡэ гайын-* 'тенькать - о синичке'; *таӈк-таӈк кын-* 'затэкать - о глухаре'.

ЗАЛОГИ

Категория залога выражает в формах глагола разные типы отношений между членами предложения (подлежащим, дополнениями) и реальными "участниками" описываемой в предложении ситуации - "агенсом", т.е. реальным действующим лицом, и "пациенсом", т.е. первым объектом действия (иногда и дальнейшими объектами). В тофаларском языке все эти разнообразные типы отношений между агенсом и пациенсом находят грамматическое выражение в форме соответствующих залогов. Залоги следующие: основной, возвратный, страдательный, совместно-взаимный, понудительный. Возможно совмещение нескольких залоговых отношений, что выражается сочетанием нескольких залоговых аффиксов.

Основной залог

Основной залог в тофаларском языке не получает специальных оформителей. Его представляет глагол в своей основной форме - форме условно-непроизводной основы и в форме производной основы. Основной залог выражает следующие отношения.

1. Действительные отношения, когда переходный глагол распространяет свое действие на объект, который при этом выступает в форме основного, винительного или частного падежей. Примеры: *мен нешта һалдым* 'я принес дров', *оӈ миӈ аъттыӈ таӈналады* 'он подковал моего коня', *оӈ иби һабырган* 'он собрал оленей', *бис балык тутқан бис* 'мы ловили рыбу'. Эти же отношения могут выражать и непереходные глаголы, особенно глаголы движения, говорения, чувствования, когда известен объект направления этого действия, который оформлен либо неопределенным или винительным падежами, либо дательно-направительным и исходным: *мен өге няӈып келдім* 'я пришел домой'.

2. "Средние" отношения, когда действие не распространяется на объект и остается с действующим объектом. В выражении этих отношений участвуют как переходные, как и непереходные глаголы, например: *мен санап олыры мен* 'я читаю' (т.е. занят процессом чтения), *мен чору мен* 'я иду', *оӈ туру* 'он стоит', *аът оттап чору* 'лошадь пасется', *діӈ шұрандылады* 'белка прыгнула'.

Возвратный залог

Возвратный залог, при котором субъект одновременно является и объектом своего действия, образуется преимущественно от глагольных основ с переходным значением.

В тофаларском языке, как и в тувинском, возвратный залог имеет три основных значения: собственно-возвратное, косвенно-возвратное, возвратно-страдательное[1].

Собственно-возвратные глаголы обозначают действия, направленные на себя. Субъект и прямой объект при этом совпадают. К этой группе относятся глаголы типа *чун-* 'мыться, умываться', *кеттин-* 'одеваться', *каастан-* 'наряжаться', *көрүн-* 'осматривать себя'.

Глаголы косвенно-возвратного значения обозначают действие, совершаемое для себя, в свою пользу. Сюда относятся глаголы типа *дааран-* 'шить, заниматься шитьем' (ср. *даара-* 'сшить что-л. конкретное'), *иштэн-* 'работать' (ср. *чаъса-* 'сделать, изготовить что-л. конкретное'), *каран-* 'оглядываться'.

Глаголы возвратно-страдательного значения совмещают в себе возвратность со страдательностью. Они употребляются без грамматического объекта, обозначающего реально действующее лицо, и тем самым их страдательное значение ослаблено. К этой группе относятся глаголы типа *оъктаттын-* 'быть

[1] См.: *Исхаков Ф.Г. Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 285-289.

заряженным', *оъктан-* 'заряжаться', *шыйдын-* 'писаться', *көрдүн-* 'видеться, быть видимым', *туъттун-* 'браться, схватываться легко и удобно', *алдын-* 'браться'.

Возвратный залог образуется при помощи следующих аффиксов.

-н (после гласных), *-ын/-ін, -ун/-үн* (после согласных). Примеры: *эъһин-* 'плавать, купаться' (букв. 'огребаться') (ср. *эъш-* 'грести'), *мактан-* 'хвалиться, хвастаться' (ср. *макта-* 'хвалить'), *чулун-* 'бриться' (ср. *чулу-* 'брить'). От непереходных глаголов афф. *-н* образует новые основы со значением интенсивности, повторяемости, обычности действия[2], например: *чоба-* 'мучиться' > *чобан-* 'мучиться без конца', *соода-* 'рассказывать, говорить' > *соодан-* 'рассказывать, разговаривать', *каъккыдан-* 'часто и ритмично бить по одному месту' (<*каъккыда-* 'многократно стучать'), *тойа-* 'долбить носом - вообще о дятле' > *тойан-* 'часто долбить носом на одном месте'.

-тын/-тін, -тун/-тун (после глухих согласных), *-дын/-дін, -дун/-дүн* (после сонорных согласных), *-ттын/-ттін, -ттун/-ттүн* (после гласных). Примеры: *туъттун-* 'быть пойманным, схваченным', 'хорошо удобно хвататься' (>*туът-* 'хватать, ловить'), *алдын-* 'быть взятым' (<*ал-* 'брать'), *билдин-* 'быть известным, хорошо пониматься' (<*бил-* 'знать'), *эмнэттін-* 'излечиваться' (< *эмнэ-* 'лечить'), *чагдын-* 'натираться, втираться - мазью' (< *чаг-* 'смазывать'), *кастын-* 'копаться, вкапываться' (< *кас-* 'копать'), *һаттын-* 'потеряться (< *һат-* 'потерять').

Кроме тофаларского языка, аффикс возвратного залога *-тын, -дын, -ттын* представлен еще в тувинском языке, например: *алдын-* 'браться', *кастын-* 'копаться', *дуглаттын-* 'быть закрытым'[3]. Изредка этот аффикс в форме *-тын* встречается в якутском языке[4]. Относительно происхождения этого аффикса в литературе пока нет единой точки зрения[5].

Для образования возвратного залога обычно используется один из этих аффиксов. Однако некоторые глаголы имеют параллельные формы, из которых одна образована афф. *-н*, другая - *-тын*. При этом между ними существует семантическое отличие, которое в основном заключается в том, что афф. *-н* оформляются скорее собственно-возвратные и косвенно-возвратные отношения, а афф. *-тын* - возвратно-страдательные, например: *көрүн-* 'осматривать себя - главным образом в зеркало', - *көрдүн-* 'быть видимым, хорошо видным'; *оъктан-* 'хорошо, легко заряжаться' - *оъктаттын-* 'быть заряженным'.

В тофаларском языке существуют некоторые возвратные глаголы, утратившие исходную форму основного залога, например: *тайан-* 'опираться' (ср. др.-тюрк. taja- 'прислонять, ставить опору'), *сын-* 'сломаться' (ср. др.-тюрк. sy- 'ломать, переламывать'), *сагын-* 'думать вспоминать, скучать' (ср. др.-тюрк. saq- 'думать'). Некоторые из этих глаголов соотносительны с формами понудительного залога, например: *одун-* 'проснуться' - *откур-* 'разбудить', *төн-* 'кончиться, иссякнуть' - *төт-* 'кончить, прикончить, заставить иссякнуть', *өөрен-* 'учиться' - *өөрет-* 'учить, обучить'.

[2] О подобном явлении в других тюркских языках см.: *Севортян Э.Я.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 487-488; *Юлдашев А.А.* Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, с. 97.

[3] *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., 286-287.

[4] См.: *Харитонов Л.Н.* Залоговые формы глагола в якутском языке. М.-Л., 1963, с. 95-98.

[5] Разбор точек зрения на происхождение данного аффикса см.: *Летягина Н.И., Насилов Д.М.* Пассив в тувинском языке. - Советская тюркология, 1974, № 1, с. 15-16.

Страдательный залог

Страдательный залог выражает действие, которому подвергается грамматический субъект со стороны объекта. Объект действия становится в предложении подлежащим, а непосредственный исполнитель действия, если он выражен, - дополнением. Страдательный залог в тофаларском языке близок значению, а иногда и по форме, к возвратному глаголу.

Страдательный залог образуется афф. *-л* (после гласных) и *-ыл/-іл, -ул/-үл* (после согласных), например: *ырыл-* 'раскалываться, разрываться, быть разорванным' (<*ыр-* 'разрывать, раскалывать'), *эттэл-* 'выделываться - о шкуре' (<*эттэ-* 'выделывать шкуру'), *сөъһүл-* 'распариваться - о шве' (<*сөък-* 'распороть шов'), *ээл-* (<*эгіл-*) 'сгибаться, гнуться' (<*эг-* 'гнуть, сгибать'), *үзүл-* 'разорваться, порваться - о нити и т.п.' (<*үс-* 'рвать - нить и т.п.'), *туъпул-* 'быть найденным, найтись, появиться, образоваться'.

Иногда страдательные отношения выражаются возвратным по форме залогом. Например: *туъттун-* 'быть пойманным', *оъктаттын-* 'быть заряженным', *оъктан-* ~ *оъктал-* 'легко заряжаться', *кеъштін-* 'можно пройти бродом, проходимый бродом' (<*кеъш-* 'проходить бродом').

Совместно-взаимный залог

Совместно-взаимный залог выражает действие, совершаемое взаимно или совместно несколькими действующими лицами. Он образуется при помощи афф. *-ш* (после гласных) и *-ыш/-іш, -уш/-үш* (после согласных основы). Примеры: *камнаш-* 'вместе беречь что-л.; беречь друг друга' (<*камна-* 'беречь заботиться, жалеть'), *карлаш-* 'стряхивать снег друг с друга' (<*карла-* 'выбивать снег из одежды'), *туътуш-* 'держать, ловить вместе; держаться друг за друга' (<*туът-* 'держать, ловить'), *көътуруш-* 'вместе поднимать' (<*көътур-* 'поднимать').

В тофаларском языке совместно-взаимный залог имеет несколько значений.

1. Взаимное значение: действие совершается несколькими лицами, каждое из которых является не только субъектом, но и объектом того же действия, производимого другим субъ-

эктом, Например: *соодаш-* 'разговаривать между собой' (<*соӧда-* 'говорить'), *көруш-* 'видеть друг друга' (<*көр-* 'видеть'), *соҥуш-* 'драться, бить друг друга' (<*соҥк-* 'бить, ударить'), *итэгэш-* 'доверять друг другу' (<*итэгэ-* 'верить').

2. Совместное значение: действие совершается совместно несколькими субъектами, например: *аҕаш-* 'вместе охотиться' (<*аҕна-* 'охотиться, промышлять'), *кулашташ-* 'идти вместе пешком' (<*кулашта-* 'шагать').

3. Действие, осуществляемое двумя или более субъектами, один из которых помогает другому совершить это действие, например: *неш ыраш-* 'помочь колоть дрова', *мен көк сомошкан мӈн* 'я помогал метать зарод' (<*сома-* 'метать сено в зарод'), *сиҥпташ-* 'помочь вдеть нитку в иголку' (<*сиҥпта-* 'вдеть нитку в иголку'), *оҥкташ-* 'помочь зарядить ружье' (< *оҥкта-* 'заряд').

В некоторых случаях функция аффикса совместно-взаимного залога приближается к словообразовательной, например: *тыҥрт-* 'тянуть' - *тыҥртыш-* 1) 'перетягивать друг друга на палке - вид состязания'; 2) 'быть в связи, в каких-л. отношениях', *чеҥт-* 'достигать' - *чеҥтіш-* 'хватать, быть достаточным', *алыш-* 'дружить - о парне с девушкой' (<*ал-* 'брать').

Понудительный залог

Понудительный, или побудительный,залог выражает каузативные отношения, т.е. выражает действие, которое одно лицо, предмет и т.п. навязывает (заставляет или позволяет совершить) другому лицу или предмету.

Понудительный залог в тофаларском языке имеет два основных значения: 1)чисто понудительное - заставлять делать что-л. и 2) страдательное - подвергаться какому-л. действию, допускать сделать что-л. с собой[6]. Страдательное значение закономерно развилось из значения допущения, позволения. Это значение получают лишь те глаголы в понудительном залоге, которые образованы от переходных глаголов.

Понудительное значение переводит непереходные глаголы в класс переходных.

Глаголы в понудительном залоге, образованные от переходных глаголов, могут быть как переходными, так и непереходными. В первом случае они имеют понудительное значение, во втором - страдательное. Многое зависит в то же время от контекста и семантики глагола.

Для образования понудительных глаголов в тофаларском языке служат следующие аффиксы:

---

[6] Такую двойственную природу значения побудительного залога А.Н.Кононов, например, отмечает и для узбекского языка и связывает ее с характером участия субъекта в совершении действия - см.: *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, с. 193.

1) *-т* (после гласных и согласного *р* в многосложных основах, в инлауте озвончается в *д*) например: *изет-* 'заставить сделать след' (<*изе-* 'сделать след, наследить'), *истэт-* 'заставить выслеживать' (<*истэ-* 'выслеживать'), *оҥктат-* 'заставить заряжать' (<*оҥкта-* 'заряжать'), *саргарт-* 'заставить пожелтеть' (< *саргар-* 'пожелтеть'), *көгурт-* 'заставить посинеть' (< *көгур-* 'посинеть'), *эҥкирт-* 'заставить выздороветь' (< *эҥкир-* 'выздороветь'), *һабырт-* 'заставить собрать разбежавшийся скот' (< *һабыр-* 'собрать разбежавшийся скот');

2) *-тыр/-тір, -тур/-тур* (после глухих согласных), *-дыр/-дір, -дур/-дур* (после сонорных согласных кроме *р*), например: *бардыр-* 'заставить пойти' (<*бар-* 'уйти'), *келдір-* 'заставить прийти' (<*кел-* 'приходить'), *кастыр-* 'заставить копать' (<*кас-* 'копать'), *долдур-* 'наполнять, выполнять' (<*дол-* 'наполняться; выполняться'), *кеҵстір-* 'заставить резать' (<*кеҵс-* 'резать'), *баҵстыр-* 'заставить наступить; быть побежденным, придавленным' (<*баҵс-* 'придавить; победить');

3) *-ыр/-ір, -ур/-ур* (после согласных *л, ш* и *т* в некоторых односложных словах), например: *баҵтыр-* 'заставить идти вниз; глотать' (<*баҵт-* 'идти вниз'), *өлур-* 'убить' (<*өл-* 'умереть'), *быҕыр-* 'сварить' (<*быҕыш-* 'поспеть'), *кедір-* 'одеть кого-л.' (<*кет-* 'надеть'), *өҕыр-* 'погасить' (< *өҕш-* 'погаснуть'), *каҵтыр-* 'сильно засушить, пересушить' (<*каҵт-* 'затвердеть'), *кеҵпір-* 'чуть высушить' (<*кеҵп-* 'слегка подсохнуть');

4) *-ыс/-іс, -ус/-ус,* прослеживается в некоторых основах, в инлауте озвончается в *з*, например: *аҕыс-* 'заставить течь' (<*аҕк-* 'течь'), *алыс-* 'заставить взять; быть взятым'(<*ал-* 'взять'), *сунус-* 'заставить бежать' (<*сун-* 'бежать'), *челіс-* 'пустить рысью' (<*чел-* 'бежать рысью'), *дээс-* (<**дэгіс-*) 'заставить коснуться; попасть - при выстреле' (<*дэг-* 'касаться, дотрагиваться'), *кунус-* 'позволить отнять' (<*кун-* 'отнять');

5) *-гыс/-гіс, -гус/-гус, -кыс/-кіс, -кус/-кус,* встречается в немногих словах, например: *тургус-* 'остановить' (<*тур-* 'стоять'), *эргіс-* 'растопить, расплавить, растаять' (<*эрі-* 'плавиться, таять'), *һоргус-* 'заставить спрятаться, притаиться' (<*һор-* 'притаиться, спрятаться');

6) *-кыр/-кір, -кур/-кур,* встречается в очень немногих словах, например: *чыҵткыр-* 'положить' (< *чыҵт-* 'лежать'), *откур-* 'разбудить' (ср. *одун-* 'проснуться', оба восходят к **od-*), *өҵткур-* 'заставить пройти сквозь что-л. (<*өҵт-* 'пройти сквозь что-л.'), *өҵскур-* 'разводить - скот и т.п.' (<*өҵс-* 'расти, увеличиваться, размножаться - о скоте и т.п.'), *аскыр-* 'сбить с верной дороги, заставить, допустить заблудиться' (<*аś-* 'заблудиться, сбиться с верной дороги').

Очень редко, но встречаются в тофаларском языке случаи, когда разные аффиксы одного залога от одной исходной основы образуют разные словоформы с разной семантикой. Например: от основы *уҵш-* 'лететь - о птице, самолете; упасть- о дереве' образованы побудительная форма *уҵһют-* 'заста-

вить лететь - птицу и т.п.' и *уъһюр-* 'повалить, свалить - дерево, столб и т.п.'; от *ал-* 'взять, брать' - *алыс-* 'быть побежденным', *алдыр-* 'заставить взять'; от *чыл-* 'ползти' - *чылыс-* 'передвинуть' и *чылдыр-* 'заставить ползти'; от *каг-* 'класть, положить' - *каас-* (<**кагыс-*) 'быть сброшенным конем, допустить, чтобы сбросил конь' и *кагдыр-* 'заставить положить'; от *баъс-* 'наступить' - *баъсыр-* 'придавить сверху' и *баъстыр-* 'заставить наступить'.

Нередки случаи, когда одни и те же залоговые отношения побудительности оформляются параллельно двумя разными аффиксами, например: *билдір-//билис-* 'сообщать' (<*бил-* 'знать'); *тайдыр-//тайыс-* 'сделать так, чтобы поскользнулся' (<*тай-* 'поскользнуться'); *теъптір-//теъпіс-* 'заставить пинать, лягать' (<*теъп-* 'пинать, лягать'); *туъттур-//туътус-* 'заставить, позволить, допустить схватить, поймать' (<*туът-* 'поймать, ловить, схватить'); *эріт-//эргіс-* 'растопить, расплавить, растаять' (<*эрі-* 'таять, плавиться').

При чисто побудительных отношениях объект (грамматический и реальный) обычно оформляется винительным падежом, например: *мен уруумун эъһиндірдім* 'я позволил своему ребенку купаться', *сен аальчжыны чидірт* 'ты накорми гостя'.

Как уже упоминалось выше, побудительный залог в тофаларском языке, образованный от переходных глаголов, выражает также страдательные отношения, например: *чаада раанить кылдырган мен* 'на войне меня ранили'. Необходимым условием такой пассивной конструкции, оформленной глаголом в побудительном залоге, является постановка реального исполнителя действия в дательном падеже. Объект же, реально испытывающий на себе действие, остается грамматическим субъектом. Эта конструкция в тофаларском языке очень распространена, о чем нами уже упоминалось в связи с разбором функций дательно-направительного падежа. Примеры: *оң нешка баъсыртқан* 'он придавлен деревом', *мен ол кишээ аарыг дичжим турдурдум* 'я попросил того человека вырвать мне больной зуб', *мен литоопкам тээ кишээ таъптадыр мен* 'мне отобьет литовку тот человек', *мен аътка каастым* 'я сброшен конем', *будумга баъстырдым* 'мне наступили на ногу', *оң кудуруктарга туъттурган* 'он пойман волками', *оң машиинга чжуурткан* 'он задавлен машиной'.

Эта конструкция довольно распространена в тюркских языках. Причем косвенное дополнение, выражающее фактическое действующее лицо в тувинском, шорском, алтайском, хакасском, якутском, узбекском также ставится в дательном падеже[7], а в некоторых тюркских языках - в исходном[8].

[7] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 127; *Харитонов Л.Н.* Указ. соч., с. 62; *Кононов А.Н.* Указ. соч., с. 194. - Об этой конструкции также см., *Кормушин И.В.* О пассивном значении каузативных глаголов. - В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. Л., 1976, с. 89-93.

[8] См., например: *Юлдашев А.А.* Указ. соч., с.95.

В тюркологической литературе обнаруживается значительное расхождение в понимании и толковании побудительной формы глаголов, а также значения побудительного залога[9].

Нам кажется заслуживающей внимания точка зрения, согласно которой настоящие побудительные залоговые отношения возможны при образовании залоговой формы лишь от переходных глаголов, а от непереходных глаголов аффиксами побудительного залога образуются каузативно-переходные глаголы[10]. Это связано с тем, что в тюркских языках существует строгое деление глаголов на переходные и непереходные. Совершенно справедливо в связи с этим высказывание Э.В.Севортяна: "В понудительном залоге сливаются две тенденции: тенденция к обязательной выработке переходного значения рядом с непереходным и тенденция к выработке собственно залогового - понудительного значения. Обе тенденции объединяются значением понудительного залога, исторически означавшего действие, направленное от действующего лица вовне, на объект"[11].

Сложность вопроса о залогах в тюркских языках вообще и о побудительном залоге в частности объясняется, как считает Л.Н. Харитонов, тем, что "залог представляет собой смешанную лексико-грамматическую категорию, в которой грамматические значения залога тесно переплетаются с конкретным лексическим содержанием каждого глагола"[12].

Сочетание залогов

В тофаларском языке возможно сочетание нескольких залоговых аффиксов. Варианты при этом могут быть следующие:

1) наложение аффикса совместного залога на:

а) возвратный залоговый аффикс, значение совместимости сохраняется, например: *һаактаныш-* 'вместе кататься на лыжах' (<*һаактан-* 'кататься на лыжах'), *каастаныш-* 'помогать наряжаться' (<*каастан-* 'наряжаться'), *чуннуш-* (<**чулунуш-*) 'помогать бриться' (<*чулун-* 'бриться');

б) побудительный залоговый аффикс, значение совместности сохраняется, например: *кедіріш-* 'помогать одевать' (<*кедір-* 'одевать кого-л.' <*кет-* 'надеть'), *кеһіріш-* 'помогать переправлять через реку' (<*кеһір-* 'переправлять через реку' <*кеъш-* 'переправляться через реку');

2) наложение аффикса побудительного залога на:

а) побудительный залоговый аффикс, появляется новое значение делать что-то посредством другого лица, например: *келдірт-* 'вызвать, заставить, прийти через кого-л.' (<*кел-*

[9] Обзор точек зрения по данному вопросу см.: *Харитонов Л.Н.* Указ. соч., с. 51-53.

[10] Более полно эта точка зрения обоснована в работах: *Юлдашев А.А.* Указ. соч., с. 92-96; *Харитонов Л.Н.* Указ. соч., с. 61-65.

[11] *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 521.

[12] *Харитонов Л.Н.* Указ. соч., с. 3.

Таблица 8

Залоговые аффиксы

Залог	Тоф.	Тув.	Хак.	Шор.	Алт.	Як.	Кирг.
1. Возвратный	-н -ын/-ін -ун/-ун -тын/-тін -тун/-тун -дын/-дін -дун/-дун -ттын/-ттін -ттун/-ттун	-н -ын/-ин -ун/-ун -тын/-тин -тун/-тун -дын/-дин -дун/-дун -ттын/-ттин -ттун/-ттун	-н -ын/-ін	-н -ын/-ин -ун/-ӱн	-н -ын/-ин -ун/-ӱн	-н -ын/-ин -ун/-ун -тын/-тин -тун/-тун	-н -ын/-ин -ун/-ун -лын/-лин
2. Страдательный	-л -ыл/-іл -ул/-ул	-л -ыл/-ил -ул/-ул	-л -ыл/-іл	-л -ыл/-ил -ул/-ӱл	-л -ыл/-ил -ул/-ӱл	-н -ын/ин -ун/-ун -ылын/-илин -улун/-улун -лын/-лин	-л -ыл/-ил -ул/-ул -ын/-ин -ун/-ун
3. Совместно-взаимный	-ш -ыш/-іш -уш/-уш	-ш -ыш/-иш -уш/-уш	-с -ыс/-іс	-ш -ыш/-иш -уш/-ӱш	-ш -ыш/-иш -уш/-ӱш	-с -ыс/-ис -ус/-ус -сыс/-сис	-ш -ыш/-иш -уш/-уш
4. Побудительный	-т -тыр/-тір -тур/-тур -дыр/-дір -дур/-дур -ыр/-ір -ур/-ур -ыс/-іс -ус/-ус -гыс/-гіс -кыс/-кіс -кыр/-кір	-т -тыр/-тир -тур/-тур -дыр/-дир -дур/-дур -ыр/-ир -ур/-ур -ыс/-ис -ус/-ус -гыс/-гис -кыр/-кир	-т -тыр/-тір -дыр/-дір -ыр/-ір -гыс/-гіс -хыр/-кір	-т -тыр/-тир -тур/-тӱр -дыр/-дир -дур/-дӱр -ыр/ир -ур/-ӱр -ыс/-ис -ус/-ӱс -гыс/гис -кыр/-кир	-т -тыр/-тир -тур/-тӱр -дыр/-дир -дур/-дӱр -ыр/ир -ур/-ӱр -ыс/-ис -ус/-ӱс -гыс/гис -кыр/-кир	-т -тар/-тэр -дар/-дэр -лар/-лэр -нар/-нэр -ар/-эр -ыар/-иэр -	-т -тыр/-тир -тур/-тур -дыр/-дир -дур/-дур -ар/-эр -ыр/-ир -ыз/-из -кар/-кер -кыз/-киз -кыр/-кир

дір- 'заставить прийти' < *кел-* 'прийти'), *кеһірт-* 'просить кого-л. переправить' (< *кеһір-* 'переправить через реку' <*кеҙш-* 'переправляться'), *кедірт-* 'заставить одеть'(<*кедір-* 'одеть' <*кет-* 'надеть'), *көһурт-* 'кочевать при помощи людей' (<*көһур-* 'заставить переехать' <*көҙш-* 'кочевать');

б) совместный залоговый аффикс, значение побудительности сохраняется, но оно направлено на тех лиц, которые совместно или взаимно совершают действие, например: *туҙтуштур-* 'заставить схватить друг друга' (<*туҙтуш-* 'схватить друг друга'), *соһуштур-* 'заставить подраться' (<*соһуш-* 'драться'), *катташтыр-* 'заставить вместе собирать ягоды' (< *катташ-* 'вместе собирать ягоды');

в) возвратный залоговый аффикс, значение побудительности сохраняется, например: *кылыктандыр-* 'заставить сердиться'(<*кылыктан-* 'сердиться, проявлять характер'), *коптандыр-* 'заставить сплетничать' (<*коптан-* 'сплетничать');

г) страдательный залоговый аффикс, значение побудительности сохраняется, например: *туҙпулдур-* 'сделать так, чтобы нашлось, появилось, возникло' (<*туҙпул-* 'найтись; возникнуть').

Таблица 8 (окончание)

	Каз.	Тат.	Кар.	Узб.	Уйг.	Азерб.	Тур.	Др.-тюрк.
1.	-н -ын/-ін	-н -ын/-ен	-н -ын/-ин -ун/-юн	-н -ин	-н -ин -ун/-ун	-н -ын/ин -ун/-ун -ыл/-ил -ул/-ул -ыш/-иш -уш/-уш	-n -ın/in un /-ün	-n -ïn/-in -un/-ün -an/-än -lïn/-lin -lun/-lün
2.	-л -ыл/-іл -ын/-ін	-л -ыл/-ел -ын/-ен -ныл/-нел	-л -ыл/-ил -ул/-юл -ын/-ин -ун/-юн	-л -ил -ин	-л -ил -ул/-ул	-л -ыл/-ил -ул/-ул -ын/-ин -ун/-ун -ныл/-нил -нул/-нул	-l -il/-il -ul/-ül -in/-in -un/-ün -nil/-nil -nul/-nül	-l -ïl/-il -ul/-ül -al/-äl
3.	-с -ыс/-іс	-ш -ыш/-еш	-ш/-с -ыш/-иш -ыс/-ис -уш/-юш -ус	-ш -иш	-ш -иш -уш/-уш	-ш -ыш/-иш -аш/-әш -уш/-уш	-ş -iş/-iş -uş/-üş	-š -ïš/-iš -aš/-äš
4.	-т -тыр/-тір -дыр/-дір -ыр/-ір -гыз/-гіз -қыз/-кіз	-т -тыр/-тер -дыр/-дер -ар/-эр -ыз/-ез -гыр/-гер -каз/-кәз	-т -тыр/-тир -тур/-тюр -дыр/-дир -дур/-дюр -ыр/-ир ур-/-юр -ар/-яр -гыр/-гир -кыр/-кир -гыз/-гиз -кар/-кяр	-т- -тир -дир -газ/-каз -гиз/-гиз -қыз/-киз -ир/-ар ар-/-ор -из -аз/-оз	-т -тур/-тур -дур/-дур -гуз/-гуз -қуз/-куз -ур/-ур -аз/-оз	-т -дыр/-дир -дур/-дур -ар/-әр -ыр/-ир -ур/-ур -ыз/-из -уз/-уз	-t -tır/-tir -tur/-tür -dır/-dir -dur/-dür -ar/-er -ır/-ir -ur/-ür	-t -tur/-tür -dur/-dür -tïz/-tiz -tuz/-tüz -ar/-är -ïr/-ir -uz/-üz -gïr/-gir -gur/-gür -qur/-kür

Есть несколько глаголов, у которых побудительные отношения выражаются сразу двумя разновидностями побудительных аффиксов, употребленными вместе, использование одного аффикса недопустимо, например: *ишірт-* 'поить, дать пить' (<*иш-* 'пить'), *чидірт-* 'накормить; дать, позволить есть' (<*чи-* 'есть, кушать'), *чудурт-* 'заставить, позволить мыть' (<*чу-* 'мыть'), *дәдірт-* 'заставить сказать' (<*дә-* 'сказать').

* * *

Залоговые аффиксы тофаларского языка представляют собой, как можно видеть из табл. 8, общетюркский тип. Полное единообразие тюркских языков в этом отношении свидетельствует о большой древности в них категории залога и оформляющих его аффиксов. В древнетюркском языке эта система предстает уже вполне сложившейся. Некоторым отклонением от общетюркского типа является афф. *-тын* для возвратного залога в тофаларском, тувинском и якутском языках. Да и то этот аффикс возводят к сочетанию страдательного афф. *-л* с возвратным *-н*, т.е. **-лын* > *-тын*[13].

Сложный афф. -lyn с медиальным значением был отмечен в тюркских языках еще Махмудом Кашгарским, который четко от-

[13] См.: *Летягина Н.И., Насилов Д.М.* Указ. соч., с. 15.

личал его от *-н* со страдательным значением[14]. В современных языках этому -lyn соответствуют: кирг. *-лын/-лин* (*ата-лын-* 'называться' <*ата-* 'называть', *делин-* 'говориться, быть сказанным' <*де-* 'говорить'), як. *-лын/-лин, -лын/-илин* ... (*батылын-* 'погружаться, вязнуть' <*бат-* и т.п.)[15]. В якутском языке *-лин* стало выражать страдательные отношения. От тувинского тофаларский язык отличается тем, что сохранил побудительный афф. *-кыр/-кір*, восходящий к др.-тюрк. -γïr/-gir и представленному во многих тюркских языках.

Особенностью системы залоговых аффиксов тофаларского языка является сохранение, хотя и в фонетически несколько модифицированном виде (*-тын*), как и в тувинском и частично якутском языках, древнего сложного возвратного афф. -lyn, зафиксированного Махмудом Кашгарским (XI в.) и сохраняющегося в том же значении в единичных словах в киргизском языке и широко в значении страдательного - в якутском.

ВИДЫ И ФОРМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ХАРАКТЕР ПРОТЕКАНИЯ ДЕЙСТВИЯ

В системе глагола буквально всех тюркских языков есть особые формы (синтетические и аналитические), выражающие характер протекания действия по его длительности, кратности, инхоативности, завершенности, незавершенности, интенсивности, внезапности и т.п.

Как известно, в общем языкознании подобное же определение имеет глагольный вид (аспект): "Грамматическая категория глагола, обозначающая особые свойства, характер протекания данного процесса, т.е. в его отношении к внутреннему пределу, результату, длительности, повторяемости и т.п."[16].

В тюркологии пока нет единого мнения, как же квалифицировать эти формы: или как чисто грамматические, т.е. настоящий вид, или как лексико-грамматические, выражающие только характер протекания действия, так как в большинстве тюркских языков эти формы, как правило, не обладают универсальностью в противоположность русскому языку. Это отсутствие универсальности и видовой оппозиции послужило причиной полного отрицания некоторыми лингвистами вида в тюркских языках как грамматической категории[17].

Вопрос о виде как грамматической категории является одним из самых спорных вопросов общего языкознания, а не только тюркологии. Совершенно прав Б.А.Серебренников, посвятивший специальное монографическое исследование соотношению времени и вида, утверждая, что "основное противоречие в трактовке сущности грамматического вида состоит в отсутствии единства мнений по вопросу о том, следует ли понимать грамматический вид как грамматикализованное выражение совершенности или несовершенности действия или под видом надо понимать любую грамматикализованную характеристику способа протекания действия вообще. Наличие этого основного противоречия дает возможность свести необычайное многообразие различных суждений о сущности вида к двум основным точкам зрения. Представители одной точки зрения склонны называть видом любую характеристику глагольного действия вообще, например длительность, многократность и т.п. Представители другой точки зрения, наоборот, сводят все многообразие видовых характеристик к двум видам - совершенному и несовершенному"[18].

Сам Б.А.Серебренников собственно видовыми формами предлагает считать только такие образования, показатели которых имеют тотальное распространение и выражают видовые различия независимо от момента речи. Вид при этом не должен ограничиваться только выражением совершенности или несовершенности действия. Те же образования, которые распространяются на ограниченную категорию глаголов, он предлагает называть видовыми классами. От видов и видовых классов следует отличать видовое значение времени. "Сосуществование видов и видовых классов является довольно обычным явлением. Видовые классы, расширяясь в своем объеме, могут превращаться в грамматические виды и, наоборот, виды в истории развития языков могут нисходить до степени видовых классов"[19].

Всю сложность, нерешенность до конца и противоречивость в понимании вида в тюркских языках показала специальная дискуссия по проблемам вида, проведенная в г. Алма-Ате в 1956 г.[20] А.А.Юлдашев справедливо отметил, что эта дискуссия "ясно показала, что вид представляет собой такое явление, которое получило в разных тюркских языках разное развитие, что формы, объединяемые под общим названием "видовые", часто имеют в разных языках разное значение, разный характер и разную сферу употребления"[21]. Единства в понимании вида на этой дискуссии достигнуто не было.

Краткая история вопроса и основные точки зрения тюркологов на понимание видов в приложении к материалу тюркских языков изложены в специальной статье Д.М. Насилова, поэтому здесь мы этих воросов касаться не будем. Отметим только, что Д.М. Насилов, разобрав историю вопроса, пришел к выводу, что мысль об отсутствии в тюркских языках вида как

---

[14] См.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 493.
[15] См.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., стр. 494.
[16] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969, с. 75.
[17] См., например: *Серебренников Б.А.* Проблема глагольного вида в тюркских языках. - В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания. Алма-Ата, 1968, с. 30.
[18] *Серебренников Б.А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с.12.
[19] См.: *Серебренников Б.А.* Указ. соч., с. 24.
[20] Материалы дискуссии см.: Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания. Алма-Ата, 1958.
[21] *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 43-44.

отдельной грамматической категории, самостоятельно бытующей вне системы видовременных форм глагола, становится господствующей в отечественной тюркологии. Отсутствие видов в тюркских языках компенсируется широко разветвленной системой способов действия aktionsart, которые исследователи тюркских языков[22] обычно принимают за виды. В этом же плане Э.Р.Тенишевым сделано, например, замечание о видах сарыг-югурского языка: "Сарыг-югурскому, подобно другим тюркским языкам, не обладающим аналогами русских видов, свойствен актионсарт, т.е. способность выражать посредством аналитических форм характер протекания действия с различного рода видовыми оттенками"[23].

В некоторых грамматиках тюркских языков исследователи отказываются от введения понятия категории вида и оперируют "формами, выражающими характер протекания действия"[24] (по сути дела это и есть актионсарт). Наличие же грамматической категории совершенного и несовершенного видов утверждается, например, для башкирского языка А.А.Юлдашевым[25], в грамматиках казахского и хакасского языков[26]. Л.Н.Харитонов описал в якутском языке по сути дела формы актионсарта, назвав их видом[27]. Подробную схему видов тувинского языка дают авторы грамматики этого языка, разделив виды тувинского глагола на две группы - незаконченный вид и законченный вид[28] (по сути дела это просто иное название несовершенного и совершенного видов). На наш взгляд, это - слишком прямолинейное деление по образцу деления видов славянских языков. Правы те исследователи, которые, чувствуя разницу в природе видовых форм славянских языков и форм способа действия тюркских языков, не отождествляют их. Природа вида в тюркских языках, если наличие такового для них признать, несколько иная, чем в славянских языках. Если, например, славянские видовые формы типа русских *петь* -

[22] См.: *Насилов Д.М.* Еще раз о виде в тюркских языках. (К истории вопроса). - В кн.: Torcologia. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. Л., 1976, с. 111-120.

[23] *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 103.

[24] См. например: *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 263-271; Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М., 1969, с. 279-284.

[25] См.: *Юлдашев А.А.* Категория глагольного вида в башкирском языке. - В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 362-386; *Он же.* Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке, с. 81-86; *Он же.* Аналитическая форма глагола в тюркских языках, с. 39-86.

[26] См.: Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата. 1962, стр. 274-283; Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 182-186.

[27] *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960.

[28] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 409-411

спеть, запеть, пропеть и т.п. противопоставляются друг другу, кроме того, еще и лексически, то соответствующие им семантически тофаларские формы *ирла-* - *ирлавыт-, ирлайы бер-, ирлап каг-* и т.п. противопоставляются друг другу только в грамматическом формообразовательном плане.

Как нам представляется, для тюркских языков актуальным является деление всех видовых форм скорее по принципу завершенности-незавершенности действия. Этот принцип четко противопоставлен главным образом в плане будущего и прошедшего времени, при этом ввиду количественной ограниченности самих временных форм к жизни были вызваны многочисленные аналитические формы со вспомогательными глаголами, приносящими в видовые формы дополнительные оттенки интенсивности, кратности действия и т.п. Настоящее время является незавершенным само по себе, и незавершенность при этом дополнительно может усиливаться видовыми формами, выражающими длительность, процессуальность. Поэтому и все видовые формы со вспомогательными глаголами в тюркских языках обычно противопоставляются тоже по признаку завершенности-незавершенности действия. Незавершенность выражают формы с глаголами *туру-* 'стоять', *чору-* 'идти', *олыр-* 'сидеть', *чыът-* 'лежать', завершенность - со всеми остальными глаголами. Основы глаголов сами по себе безотносительны к виду.

Относительно грамматичности видовых форм среди тюркологов вроде бы принципиальных разногласий нет. Главные споры вызывает другое, а именно: считать ли все эти формы видом как грамматической категорией, или это просто формы способа действия, а вида как такового нет. Но чтобы быть грамматической категорией, форма должна приобрести универсальность, хотя бы приближаться к ней, иначе говоря, получать максимальную тотальность распространения и, кроме того, быть назависимой от момента времени. Об этом положении, утверждаемом Б.А.Серебренниковым, мы уже говорили выше. Таким образом, если видовая форма какого-либо языка удовлетворяет этим требованиям, то ее правомерно включать в грамматическую категорию, если нет, то это будет нечто другое. Серебренников предложил термин "видовой класс", который не был принят тюркологами. В тюркологии стали применять описательный термин "формы, выражающие характер протекания действия". Это по сути дела те же "видовые классы" или актионсарт. Дело осложняется еще тем, что, как отмечалось выше, видовые формы получили разное развитие в конкретных тюркских языках в связи с тем, вероятно, что категория вида в тюркских языках не успела окончательно сложиться на уровне тюркского праязыка и сейчас находится в процессе становления. Тюркологи же рассматривают вопрос о категории вида, опираясь на материал какого-то конкретного языка. Отсюда и резко противоположные взгляды на статус вида в тюркских языках.

Нам представляется, разумнее подойти к делу с другой стороны. Если в каком-либо конкретном тюркском языке развились видовые формы, полностью грамматикализовавшиеся и получившие универсальность в их применении, то их следует включать в грамматическую категорию вида. Если же та-

кие формы используются ограниченно, то их следует оставлять в разряде форм актионсарта или, другими словами, форм, выражающих характер протекания действия. Иначе говоря, можно допустить сосуществование грамматической категории вида с его относительно немногими показателями и форм способов действия (актионсарта) с большим разнообразием моделей. Во всяком случае, материал тофаларского языка подсказывает именно такое решение.

Таким образом, исходя из данных тофаларского языка, мы констатируем в нем наличие двух формально сложившихся и универсальных видов - завершенного и незавершенного, представляющего собой чисто формообразовательную категорию. Наряду с этими видами существуют разнообразные синтетические и аналитические видовые формы, так называемые формы, выражающие характер протекания действия. При этом глаголы действия-состояния, звукоподражательные и образные имеют каждые свои, присущие им виды и видовые формы[29]. Поэтому целесообразно рассмотреть их в отдельности, чтобы выявить их специфику и взаимодействие.

Виды и видовые формы глаголов действия-состояния

Большая лексико-морфологическая группа глаголов действия-состояния имеет в тофаларском языке свои, сложившиеся в ее пределах и на базе этих глаголов, видовые формы. Некоторые из этих форм настолько абстрагировались и стали универсальны, что могут от любых глаголов образовывать видовые формы с каким-либо определенным значением. Пока это только два основных типа форм - формы, показывающие завершенность действия, и формы, показывающие незавершенность действия. При этом они безотносительны к моменту речи и не придают основе значимого глагола никаких дополнительных лексических значений. Эти формы мы считаем настоящими видами. В тофаларском языке они имеют чисто формообразовательный характер. Соответственно мы выделяем следующие виды: завершенный и незавершенный.

Этим двум видам в какой-то мере противостоят основы глаголов, от которых образуются все эти виды. Сами по себе основы глаголов безотносительны к видовой характеристике. Правда, имеются попытки дифференцировать сами основы, исходя из отношения их лексических значений к результативности, предельности действия[30]. В связи с этим нашим двум видам можно противопоставить нейтральный вид, представляющий определенное количество основ глаголов действия-состояния, лексическое содержание которых индифферентно к идее предельности-непредельности. Таких

[29] Аналогичное положение в якутском языке, в котором видовые формы также различаются по трем основным лексико-морфологическим типам глаголов - действия-состояния, звукоподражательных и образных. (см.: *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида, с. 9).

[30] См.: *Юлдашев А.А.* Категория глагольного вида в башкирском языке, с. 379-384.

основ довольно много в тофаларском языке. К ним относятся глаголы типа *иштэн-* 'работать', *чору-* 'идти', *бар-* 'идти туда', *кел-* 'идти сюда', *соода-* 'говорить, сказать', *туът-* 'держать, ловить; понимать', *аӈна-* 'охотиться, промышлять', *ырла-* 'петь', *катта-* 'собирать ягоды', *чи-* 'есть', *иш-* 'пить', *уду-* 'спать' и т.п.

Рассмотрим подробнее выделяемые нами виды.

1. З а в е р ш е н н ы й в и д указывает на законченность всего действия в прошлом или предполагаемую законченность в будущем. Поэтому данный вид используется только в сочетании с прошедшим и будущим временами. С настоящим временем он несовместим. Образуется он в тофаларском языке двумя путями.

1) Посредством присоединения к основам глаголов афф. *-(и)вит-/-(і)віт-, -(у)вит-/-(у)віт-, -(у)вут-/-(у)вут-* (по гармонии гласных), который имеет конкретное значение интенсивной законченности действия, например: *баътыр-* 'глотать' - *баътырывит-* 'проглотить', *чи-* 'есть, кушать' - *чівіт-* 'съесть', *көр-* 'видеть, смотреть' - *көрувут-* 'увидеть', *туът-* 'держать, ловить; понимать' - *туътувит-* 'схватить, поймать; понять', *тур-* 'стоять, останавливаться' - *турувит-* 'остановиться'. Примеры в контексте: *өскен ында чжагбас, мында чжаавыдар* 'дождь там не пойдет, здесь пойдет', *булут айны дуглавыткан* 'туча закрыла луну', *мен аътымын тургузувиттим* 'я остановил коня', *ыт діиӈні нешка ундурувіткен* 'собака загнала белку на дерево', *сут һөөрувіткен* 'молоко сплыло', *амды ибибіс тайгаа ундурувідэр біс* 'теперь мы наших оленей погоним на белогорье', *аннайларны остувыдар біс* 'оленят отпустим', *мен алзывиттим* 'я проиграл'.

Полную грамматикализацию, формализацию этого видового аффикса подтверждает употребление его с видовыми формами, выражающими характер протекания действия, например: *берін каавыт оларыӈа* 'отдай им' (<*берін каг-* 'отдать'), *литоопкам таъптап каавыткан мен* 'я отбил литовку' (<*таъптап каг-* 'отбить').

Афф. *-ывыт-* (с вариантами) произошел от аналитической формы, образуемой служебным глаголом *ыт-* 'отправлять, посылать' и деепричастием на *-п* основного глагола, например: *көрувут-* 'увидеть' < *көруп ыт-*, *барывит-* 'уйти' <*барып ыт-*, *чорувут-* 'уехать' < *чоруп ыт-* и т.д.

Этот же аффикс (*-ывыт/-ивит* и т.д.) активно употребляется также в тувинском языке, образуя законченный (совершенный) вид, например: *номчувут-* 'прочитать', *биживит-* 'написать'[31].

В несколько иной фонетической форме - *-ывыс/-ібіс* - этот аффикс очень продуктивен и в хакасском языке для образования совершенного вида. Хакасоведы производят его тоже от аналитической формы *-п ыс-* 'посылать отправлять'[32].

[31] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ.соч., с.410.

[32] См.: Грамматика хакасского языка, с. 184.

В тофаларском языке к афф. *-ивыт-* приближается по своему значению аналитическая форма со служебным глаголом *каг-* 'положить' - *-п каг-* (см. о ней ниже), тоже означающая законченность действия. Но эта форма не обладает той универсальностью и тотальностью распространения, какой обладает аффикс. Кроме того, аффикс имеет оттенок большей категоричности и интенсивности завершения действия.

б) Аналитическая форма на *-а бер-*, в которой служебный глагол *бер-* уже не имеет никаких следов своего первоначального лексического значения 'давать'. В этой конструкции он имеет чисто служебное значение для выражения исчерпанности, законченности всего действия, а также интенсивного приступа к действию или, иначе говоря, исчерпанность начального этапа действия. Примеры: *суг һайны берді* 'вода закипела', *суг һайны бәәргэ шей каар* 'когда вода закипит (начнет кипеть), кладут чай', *оң бок чорыыи бәәр* 'он сейчас уедет', *аъһам чорый берген* 'мой старший брат уехал', *кеъш чиъпии берген* 'шкура намокла', *шыбык сына берген* 'прут сломался', *чулан чыла берді* 'змея поползла', *пол чуйы берді* 'она начала мыть пол', *поол чада бердім* 'начинаю вытирать пол', *аңнайы бердім* 'начал промышлять', *иштэні бердім* 'я начал работать', *ише бердібіс* 'мы начали пить'.

Особенностью данной аналитической конструкции является то, что деепричастие на *-а* здесь всегда выступает в полной форме, никогда не редуцируется в отличие от настоящего времени, образованного от глаголов с конечными согласными *л, р, г, ш*, например: *алдыры* 'берет', *бардыры* 'идет', *эгдірі* 'гнет', *көрдуру* 'видит', *билдірі* 'знает', *чжагдыры* 'дождит', *чуштуру* 'помогает мыть' и т.п.

Хотя данная аналитическая конструкция представлена во многих тюркских языках, в них она имеет иной смысл - обозначает продолжение действия или процесса, например: узб. *ёза бер-* 'продолжать писать', к.-калп. *джата бер-* 'продолжать лежать', туркм. *сана бер-* 'продолжать считать', тат. *сөйли бер-* 'продолжать говорить', только еще в тувинском, хакасском и частично алтайском языках она, как и в тофаларском, выражает исчерпанность, законченность как самого действия, так и его начального этапа, например: тув. *бижий бердим* 'я начал писать', *ол уне берген* 'он вышел', хак. *ойни пирді* 'он начал играть, заиграл', алт. *ойной бер-* 'начать играть'[33].

Примечательно, что опять, на этот раз в выражении данного вида, мы имеем некую общность тюркских языков Саяно-Алтая.

2. Н е з а в е р ш е н н ы й в и д призван в сфере всех временных планов выразить идею незаконченности, незавершенности действия, идею того, что действие длилось, продолжается сейчас и будет длиться неопределенный отрезок времени, безотносительность действия к результативности, пределу. Этим объясняется участие этого вида в образовании

[33] См.: *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 79-80.

форм настоящего времени тофаларского глагола, вскрываемое этимологическим путем. Однако, как чисто видовое, сугубо формальное образование, показатель незавершенного вида безотносителен к моменту речи. Эта форма принимает окончания будущего, настоящего и прошедшего времен в их как индикативном, так и релятивном употреблении.

В образовании незавершенного вида участвует аналитическая форма, состоящая из деепричастия на *-п* основного глагола и одного из служебных глаголов: *тур-* 'стоять', *олур-/олир-* 'сидеть', *чыът-* 'лежать' и *чору-* 'ходить'. Эти глаголы настолько отошли в данной функции от своих первоначальных лексических значений, что выражают здесь в основно только идею пребывания в состоянии какого-либо действия или процесса. При этом довольно трудно сказать, который из этих глаголов обладает большей употребительностью. В тофаларском языке они более или менее равны в этом отношении и подчас без вреда для смысла высказывания могут взаимозаменяться. Но, как нам кажется, более всего утратили свою лексическую соотнесенность глаголы *-тур-, -олир,* и *чыът-*. Глагол *чору-* все-таки привносит в аналитическую форму семантику движения, динамики, глагол *чыът-* - некоторого постоянства, большей длительности, продолжительности действия. В единичных случаях различается употребление *-тур* и *олир-*, что связано в какой-то мере с их семантикой, например: *неш унуп туру* 'дерево растет' (о высоком дереве), но *неш унуп олыры* 'дерево растет' (только о саженце, или карликовом деревце).

В общем все вспомогательные глаголы утратили лексическое значение и употребляются в этой конструкции чисто как служебные элементы, показывающие незавершенность действия. Примеры: *ибі миизы чазын унуп чору* 'рога оленя растут весной', *эъсір кыйпап чору* 'орел парит (в воздухе)', *чоруп чору діиң* 'ходовая белка', *туска аң чжоруп чоруур* 'на солонцы будет ходить зверь'; *чуну тэ кылбас уъһюб ла турар бег болды* 'стал начальником, ничего не делает, только летает (на самолете)', *оң эккіді иштэніп турган* 'он хорошо работал', *миің ачжам аңнап турган бо чжерлердэ* 'мой папа охотился в этих местах'; *мен корһуньчжуду талачжап олыры мен* 'я очень тороплюсь' (говорит идущий человек), *чыдыг сөйлап олыры* 'собака визжит', *мен литоопка таъптап олыры мен* 'я отбиваю литовку', *лаампа һып олыры* 'лампа горит' (можно сказать: *лаампа һып туру*); *черлеп чыътыры аңнар* 'оседлые звери', *ирмаагым куруп чыътыры* 'моя рубаха сушится', *дэзіп чыъткан аът* 'конь, убегавший на моих глазах', *оң боолап чыъткан* 'он стрелял', *бірәә чазыда ашняк корһыняк кишилер черлеп чыъткан* (фольк.) 'на одной большой поляне жили муж с женой', *маңгазиинга бары йыътыры мен* 'я иду в магазин', *ол дагда аң бары чыътыры иик* 'на той горе ходил зверь', *ам бо тайгада чжейлап чыътар бис* 'теперь мы будем летовать на белогорье'.

Эта конструкция для образования того же длительного несовершенного вида представлена во многих тюркских языках с теми же вспомогательными глаголами *ят-, отур-, тур-, йур-* и может быть отнесена к общетюркскому явлению. По-

дробно эти глаголы и образуемые ими аналитические формы рассмотрены А.А.Юлдашевым[34].

Кроме рассмотренных видов, образующих в тофаларском языке формообразовательную категорию, в нем существует несколько форм с видовым значением, еще не достигших высокой степени абстракции, имеющих сравнительно ограниченное употребление и дополнительные, кроме выражения завершенности-незавершенности, лексические значения. Эти формы, выражающие характер протекания действия, образуются в тофаларском языке следующими способами.

1) Путем присоединения к основам глаголов особых аффиксов (нам удалось зафиксировать несколько).

-кыла- - придает основе оттенок многократности, повторяемости. Всего два глагола: *каскыла-* 'копать в разных местах; копытить землю (<*кас-* 'копать'), *баъккыла-* 'заглядывать несколько раз куда-либо, например, в щелку, в дверь и т.п. (<*баък-* 'подсматривать').

-кыда- - тоже придает основе многократность, повторяемость (но на одном месте) действия. Это более употребительный аффикс: *баъскыда-* 'топтать ногами' (<*баъс-* 'наступить, придавить сверху'), *баскыдан-* 'топтаться на одном месте' (<*баъс-*), *болгуда-* 'побывать в разных местах'(<*бол-* 'быть'); *иъткедэ-* 'часто толкать, подпихивать'(<*иът-* 'пихать, толкать'), *каъккыда-* 'поколачивать, стучать многократно' (<*каък-* 'бить, ударять'), отсюда развитие у глагола *каъккыда-* значения 'выколачивать пыль', *соъккуда-* I 'делать частые удары в разные места' (<*соък-* I 'бить,ударять'), *соъкуда-* II 'выдергивать что-либо из разных мест, например сорняки при прополке и т.п.'(<*соък-* II 'выдергивать, вытаскивать'), *туъткуда-* 'ощупывать'(<*туът-* 'брать, держать, хватать'), *тэъпкідэ-* 'беспрерывно топать ногами, топотать' (<*тэъп-* 'пинать'), *эъшкідэ-* 'сгребать снег, часто орудуя лопатой' (<*эъш-* 'грести, сгребать'), *шӭэшкыда-* 'тыкать несколько раз подряд' (<*шӭэш-* 'ткнуть, бодать, вонзать'), *шӭэшкыдаш-* 'боксировать друг с другом'. Как показывают примеры, этот аффикс переходит уже в область словообразования.

-та- - образует основы с видовым значением многократности учащательности действия. Весьма редкий в тофаларском языке аффикс. Удалось зафиксировать всего два слова: *каъкта-* 'бить, колотить быстро и многократно в одно место, например выбивать остатки чего-либо из ведра, ударяя по его дну' (<*каък-* 'ударять, бить'), *соъкта-* 'часто бить в одно место' (<*соък-* 'бить, ударять') - данный глагол развил на почве этой семантики дополнительные лексические значения: *тараа соъктаар* 'молотить рожь' и *неш бле соъктаар* 'выколачивать палкой (пыль, снег)'.

-к- - придает основам интенсивность действия с оттенком медиальности. В тофаларском языке довольно употребителен: *бышык-* 'окрепнуть, стать прочным'(<*быш-* 'быть прочным'), *каътык-* 'затвердеть, загрубеть, пересохнуть'(<*каът-* 'быть твердым, сохнуть'), *турук-* 'застояться' (<*тур-* 'стоять'), *чидык-* 'начать гнить, загнивать' (<*чиды-* 'гнить'), *чылык-* 'согреться, отогреться' (<*чылы-* 'стать теплым').

Заслуживает в связи с этим внимания этимология азербайджанского глагола *горх-* 'бояться' (ср. тоф. *коърт-//коърh-* id.), предложенная Э.В. Севортяном, который возвел его к **горы-*, где образующая основа **гор-*, а *-ых* - афф. **q* с медиальным значением[35]. Эту основу **гор-*, не сохранившуюся в азербайджанском и других тюркских языках, можно, по нашему мнению, сопоставить с тоф. *hор-* 'притаиться, спрятаться от испуга' (главным образом о птицах, зверях), ср. тув. *хору-* id. В таком случае и тоф. *коърт-//коърh-* 'бояться' по происхождению следует отнести к этой группе глаголов.

Учащательные афф. *-кыла-*, *-кыда-* (видимо, фонетический вариант предыдущего аффикса), *-та-*, *-к-*, рассмотренные нами, представлены в том же значении во всех тюркских языках еще с древних времен[36] и могут быть отнесены к общетюркскому явлению.

2) Видовое значение длительности, повторяемости, многократности действия в тофаларском языке передается также повтором деепричастий на *-а* и *-п*, например: *hун сану кылыкылы чаъсап каар бис* 'делая каждый день, сделаем', *hун сану беъжен километир бары-бары чеътэ бээр бис* 'мы дойдем только делая в день по 50 км.', *кеъhе-кеъhе* 'все время переправляясь', *унэ-унэ* 'все время выходя, многократно выходя'; *hӭйчып-hӭйчып эъртті* 'прошел мимо, все время наклоняясь' (например, в низких дверях и т.п.), *ээренің-ээренің ээрені бээр* 'постепенно выучиться'. Часто вместо простого повтора деепричастия на *-п* употребляют одно деепричастие на *-п* и усиливают его частицей *ла*, при этом *п* озвончается в *б*, например: *ээреніб ле ээрені бээр* 'постепенно выучится', *hӭйчыб ла эъртті* 'прошел мимо, все время наклоняясь'.

Тот же прием повторения, но только антонимичных форм причастия настояще-будущего времени, употребляется для выражения ослабленности, недостаточности действия, например: *шегер чылар-чылбас* 'сани еле скользят', *көшіге поолга дээр-дэгбес* 'занавес едва касается пола', *оң санап билир-билбес* 'он едва умеет читать', *бистің чедэг чоруур-чорувас* 'наш караван еле двигается'.

3) Наиболее продуктивен все же в тофаларском языке способ аналитических форм, для создания которых используются деепричастия на *-а* или *-п* и служебные глаголы, еще полностью не утратившие здесь своего лексического значения. Нами зафиксированы следующие аналитические формы.

а) Выражающие начало действия:

-п кір- - *келі салы кылып кірген* 'как только пришел, сразу же начал делать', *ээлгис ээренің кіре берді* 'дети начали учиться', *кар чжаавиткан соң аңнап кірдім* 'после

[34] *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 53-73.

[35] *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 290.

[36] Подробно об этих аффиксах см.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 90, 288-295, 349.

того, как выпал снег, я начал промышлять' (лексическое значение *кір-* - 'входить');

-п ун- - *аңнап ундум* 'я начал промышлять', *лаампа һып унду* 'лампа загорелась', *кеъш чиъпіп унду* 'шкура начала намокать', *ишіп ундубус* 'мы начали пить' (лексическое значение *ун-* - 'выходить').

б) Выражающие окончание действия:

-п доос- - *аңнап доостум* 'я кончил промышлять', *сойуп дооскаш* 'кончив обдирать шкуру', *өөреніп дооспаан мен* 'я еще не кончил учиться' (лексическое значение *доос-* 'окончить, кончить').

в) Выражающие завершенность действия:

-п каг- - данная форма обладает довольно большой продуктивностью, есть все предпосылки, что со временем она может перейти в категорию чисто видовых форм. Ее отличие от афф. *-ивыт-* в том, что у нее меньшая категоричность. Примеры: *мен герэл сып каган мен* 'я разбил стекло', *шэй ишіп кагдым* 'я выпил чай', *избушка чаъсап каан* 'он сделал избушку', *суг төп кагдым* 'я пролил воду', *чжаап доозып кагды* 'дождь перестал', *алып каг* 'забери', *урел каар* 'испортит', *өскен болуп кагды* 'дождь перестал', *дуун литоопка таъптап каган мен* 'я вчера отбил литовку' (лексическое значение *каг-* - 'положить').

г) Выражающие интенсивность мгновенность быстроту совершения действия:

-а соък- - *оруундан ээ сов алган* (< **эгі соъһуп*) 'он быстро свернул с дороги в сторону' (лексическое значение *соък-* - 'бить, ударять');

-а туъш- - *өге кіре дуъштум* 'я быстро вошел в дом', *олыра туъш* 'садить быстрей' (лексическое значение *туъш-* - 'падать сверху, спускаться');

-а сун- - *олырган орнундан тура сунду* 'он быстро вскочил с места, на котором сидел', *мен оңун тура сунустум* 'я заставил его быстро вскочить на ноги', *өгдэн уне сунду* 'он выскочил из дома' (лексическое значение *-сун-* - 'бежать');

-а сал- - эту форму пока удалось зафиксировать только в виде деепричастия на *-а: кіре салы* 'как только зашел', *өге кіре салы баъһын отка суъһар, чул ол?* (загадка) - 'как только заходит в дом, сует голову в огонь, что это?', *көру салы ээттырды* 'как только увидел, тут же спросил' (лексическое значение *сал-* - 'положить').

д) Выражающие завершенность действия, но с дополнительным оттенком его направленности:

-п ал- - означает совершение действия в свою пользу: *ам коъштаб алгаш няна берген бис* 'теперь навьючив, вернулись домой', *улгаб ал эккісін* 'выбери себе хорошего', *мен мону орукта туп алдым* 'я это нашел на дороге', *шеггерінге тээб алгаш няна берді* 'погрузив себе на сани, отправился домой' (лексическое значение *ал-* - 'брать');

-п бер- - означает совершение действия в пользу другого лица: *мен өглеп бердім* 'я сделал ему юрту', *иътік баъһып бер* 'скрои мне сапоги' (лексическое значение *бер-* - 'давать');

-п кел- - означает постепенность совершения или нарастания действия, движение, направленное в сторону говорящего, придает некоторым непереходным глаголам значение завершенности действия без дополнительных оттенков. Примеры: *айазып келді* 'прояснило', *өскен чжаап келді* 'дождь начинается', *һун унуп келді* 'солнце взошло', *таң аътып келді* 'заря загорелась', *самолёот уъһюп келді* 'самолет прилетел', *чердэн унуп келді* 'вышел из земли', *өге кіріп келді* 'он вошел в дом', *уруглариивыс өсуп келділер* 'у нас выросло много детей' (лексическое значение *кел-* - 'приходить');

-п бар- - означает движение в сторону от говорящего: *һун баъта барган* 'солнце зашло' (лексическое значение *бар-* - 'уходить');

-п һал- - означает движение в сторону говорящего: *малларивыс суруп һалдым* 'я пригнал наш скот', *ол ашняк ону көргеш, кыстарны кышкырып һалган* 'увидев это, тот мужик подозвал девушек' (лексическое значение *һал-* - приносить').

Видовые формы звукоподражательных глаголов

Совершенно иную картину в отношении видов представляет группа звукоподражательных глаголов, довольно многочисленных в тофаларском языке. Образуются они как аффиксально, так и аналитически, при помощи служебных глаголов *дэ-, кыл-, кын-, гайын-* от особых звукоподражательных слов, воспроизводящих звуковые явления окружающего мира посредством звуков речи. Эти слова входят в лексико-грамматическую систему языка всегда в виде образованных от них глаголов, которые, в свою очередь, уже сами становятся базой образования от них слов, представляющих другие части речи.

Особенностью звукоподражательных глаголов в тофаларском языке является отсутствие у них формообразовательной категории вида. Они имеют лишь видовые формы. При этом специфику данной группы глаголов составляет то, что любой из образующихся от звукоподражательных слов глагол в своем значении уже содержит указание на характер протекания этого звукового подражания. Иначе говоря, видовая форма звукоподражательного глагола всегда совпадает с формой образования самого этого глагола. Аналогичное положение и в системе звукоподражательных глаголов якутского языка, что довольно убедительно и подробно обосновал и исследовал в своих капитальных трудах Л.Н. Харитонов[37]. Судя по материалам, приводимым в грамматике тувинского языка[38], в нем тоже имеется подобная структура звукоподражательных глаголов и соотнесенность видового значения с определенной словообразовательной формой.

---

[37] *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.-Л., 1954, с. 153-199; *Он же.* Формы глагольного вида..., с. 103-137.

[38] *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 271-272, 410, 411, 459-463.

В тофаларском языке наш материал позволил выявить следующие формы с видовым значением, соответствующие определенным словообразовательным моделям.

1. Моментально-однократная форма выражает однократное и при этом быстрое, моментальное, длящееся очень краткий промежуток времени звучание. Образуется эта форма аналитически из сочетания звукодражательной основы со вспомогательным глаголом *кын-* (< *кылын-*) 'делаться, происходить', если звук сам раздается, т.е. образуется непереходный глагол, и с глаголом *кыл-* 'делать', или *дэ-* 'говорить' этот звук кто-то или что-то намеренно вызывает. Примеры: *пялт кын-* 'булькнуть, плеснуть' (когда рыба играет), *тоъс кын-* 'раздаться' - о звуке одной крупной капли дождя по натянутой палатке, *бутук сынарда таъсырт кынды* - когда сломался сучок, раздался треск, *куъп кыла каъккан* 'ударил с глухим стуком', *чап кынды* 'раздался звук шлепка', *печат чап кыла баъсты* 'поставил печать, пришлепнув', *боруккa таък дэди* 'глухарь один раз щелкнул'.

2. Раздельно-кратная форма указывает на то, что определенный звук происходил, раздавался несколько раз подряд (без указания на точное количество), всякий раз при этом длясь малый промежуток времени. Иначе говоря, однократность и моментальность звучания повторяется подряд несколько раз. Образуется точно так же, как и предыдущая форма, но с той разницей, что звукоподражательная основа используется повторенной дважды и более раз. Примеры: *тоъс-тоъс кын-* 'происходить' - о звуке от шлепанья ладонью по разлитой на столе жидкости (о детях), *саазын салыр-салырт кынныдыры* 'бумага шелестит' (когда ее мнут, например), *салыр-салырт кынды* 'прошуршало в нескольких местах' (когда, например, по сухим листьям пробежала мышь), *каӈгыр-каӈгырт кынды* 'несколько раз звякнуло' (например, ботало) *сыйт-сыйт кынныдыры даъhырган* 'пищуха несколько раз пронзительно свистит', *тоӈк-тоӈк кынныдыры* 'раздается стук в дверь', *доӈ-доӈ кыла соъктаан* 'стучал (в барабан) со звуком дон-дон', *боруккa таък-таък дээн* 'глухарь токовал, щелкая несколько раз подряд', *чеъhирге чырр-чырр-чырт кыла уъhядыры* 'саранча летит с треском', *салырт-салырт кыла шурап чораан тооргу* 'кабарга с шуршаньем проскакала по сухим листьям'.

3. Форма равномерной длительности - эта форма обозначает непрерывное, однородное звучание, происходящее в течение более или менее длительного времени, или действие, постоянно присущее тому или иному предмету либо явлению. Образуется она от звукоподражательных основ обычными словообразовательными глагольными афф. *-а-* и *-ла-* либо особым афф. *-кыр-*. При этом *-ла-* присоединяется к основе, наращенной узким гласным звуком *-ы/-i, -у/-*у (по гармонии гласных). Примеры: *тоъсыла-* 'все время раздаваться' - о стуке, например каблуков по асфальту (ср. *тоъс кын-*), *карыла-* 'каркать' (ср. *карр-карр* - подражание карканью), *дiрiле-* 'гудеть' - о моторе, *арыла-* 'галдеть, кричать' - о толпе, стае птиц и т.п., *шарыла-* 'журчать' - о ручье, *каӈгыра-/кыӈгыра-* 'звенеть, звякать' - о ботале, как о действии, присущем ему, *шоола-* 'шуметь' - о ветре в зимнем хвойном лесу, *тоӈкула-* 'раздаваться' - о стуке', *коола-* 'шуметь' - о ветре в зимнем лесу из лиственных пород деревьев, *сыйтыла-* 'пищать' - о мышах, бурундуках, пищухах, *салыра-* 'шуршать', *таъккыр-* 'токовать, тэкать (о глухаре); прицелкивать языком', *оъккыр-* 'кокотать' - о куропатке, копалухе.

4. Форма учащенной ритмичности - подразумевается воспроизводство звука либо в виде часто повторяющихся однократных звучаний во время движения существа или предмета, производящих звук, или какая-то длительность однородного звука не в движении, а в нескольких местах одновременно. Образуется эта форма аналитически, путем сочетания служебного глагола *гайын-* (аорист *гайнар//гайнир*) со звукоподражательной основой. Глагол *гайын-* в современном тофаларском языке самостоятельно не употребляется; возможно, он имеет этимологическую связь с общетюркским глаголом *кайна-* 'кипеть', отмеченным у В.В. Радлова также в значении 'шуметь, толпиться, кишеть' (ср. тоф. *hээн-* < *hайын-* 'кипеть')[39]. Примеры: *таъсыр гайын-* 'шуметь, стучать' - о граде по крыше, *салыр гайын-* 'раздаваться' - о шуршащем звуке в нескольких местах, *коӈгур гайын-* 'звенеть' - о ботале во время движения, *коо гайын-* 'выть' - о зимнем ветре, *iрi гайын-* 'галдеть' - о толпе, *дiрi гайын-* 'гудеть' - о моторе самолета, мотоцикла, *тоӈку гайын-* 'тикать' - о часах, *дiсi гайын-* 'стучать, биться' - о сердце, *сыйты гайын-* 'пищать' - о мышах и т.п., *гуру гайын-* 'гудеть' - о большом моторе с глухим рокотом, *табы гайын-* 'шлепать по полу в тапочках', *лабы гайын-* 'шлепать по полу босыми ногами'. Как видно из примеров, и здесь звукоподражательные основы употребляются с наращением узкого гласного *-ы/-i, -у/-*у.

Приведенные выше видовые формы звукоподражательных глаголов не обладают универсальностью, так как образование от звукоподражательной основы той или иной формы - явление сугубо индивидуальное, обусловленное как самой семантикой этой основы, так и ее фонетической структурой. Но в то же время можно найти несколько случаев, когда от одной основы образован весь или почти весь набор приведенных выше форм с видовым значением, например:

салыр - основа, подражающая шороху, шуршанью: *салырт кын-* 'прошуршать, раздасться' - об однократном быстром шуршанье, шорохе; *салыр-салырт кын-* 'прошуршать, раздасться'- о быстром одиночном шуршанье в нескольких местах подряд; *салыр гайын-* 'раздаваться' - о частом шуршанье, шорохе во время движения и сразу в нескольких местах; *салыра-* 'шуршать, шелестеть' - раздаваться о звуке шороха, шелеста вообще;

чыӈгы ~ чыӈгыр - основа, подражающая мелодичному звону колокольчика: *чыӈгырт кын-* 'звякнуть один раз'; *чыӈгыр-*

[39] См.: *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий, т. II, ч. 1. СПб., 1899, с. 14-15.

чыңғырт кын- 'звякнуть отрывисто несколько раз подряд'; *чыңғырт кыл-* 'вызвать однократное звяканье'; *чыңғыр-чыңғырт кыл-* 'вызвать однократное звяканье несколько раз подряд, позвякивать'; *чыңғыр гайын-* 'звенеть' - о колокольчике, когда им долго трясут; *чыңғыла-* 'звенеть, раздаваться' - о звоне вообще; *чыңғыра-* 'звенеть, раздаваться' - о звоне вообще.

Видовые формы образных глаголов

Третья довольно крупная лексико-морфологическая группа тофаларских глаголов - образные глаголы - тоже имеет свою специфику в образовании форм, выражающих характер протекания действия. Здесь тоже, как и в звукоподражательных глаголах, отсутствует категория настоящего вида, а видовое значение содержат сами типы словообразовательных форм. При этом все образные глаголы делятся на две группы. Первая и структурно и формально полностью копирует систему видовых форм звукоподражательных глаголов. Вторая образует видовые формы от глагольных основ по определенным моделям, составляя как бы микросистему сложившейся формообразовательной категории вида в подгруппе образных глаголов. Поскольку между этими двумя подгруппами образных глаголов имеется принципиальная разница в образовании видовых форм, рассмотрим их в отдельности.

I подгруппу составляют образные глаголы, создаваемые по тем же моделям, что и звукоподражательные глаголы. При этом образные основы, от которых образованы глаголы, полностью напоминают по своей фонетической структуре звукоподражательные слова. Особенностью этой подгруппы тоже является совпадение видовой формы с формой словообразования самого образного глагола. Наш материал позволил выявить в этой подгруппе образных глаголов следующие видовые формы, совпадающие со словообразовательными моделями.

1. Моментально-однократная форма выражает моментальную однократность действия или протекания во времени зрительного или иного чувственного восприятия образа. Образуется эта форма аналитически путем сочетания служебных глаголов *кын-* 'делаться, происходить' и *кыл-* 'делать' с образным словом. Примеры: *тары быърт кынып кыъпытты* 'порох вспыхнув, сгорел', *мен һым киндим* (~ *кылдым*) 'я немного вздремнул', *сыърт кын-* 'резко, вдруг отпрянуть от испуга', *шыйть кын-* 'внезапно замолчать', *чурээм паърт кынган, белиңнээнім* 'сердце оборвалось, так напугался', *чурээм сіърт кынды* 'сердце ёкнуло', *чадырт кыла сообандыры* 'говорит гладко, без запинки'.

2. Раздельно-кратная форма обозначает действие, совершенное кратковременно, несколько раз подряд, с промежутками. Образуется аналитически, путем сочетания тех же служебных глаголов *кын-* и *кыл-*, но уже с удвоенной образной основой. Примеры: *һымыр-һымырт киндим* 'я то задремывал, то просыпался', *бедірт-бедірт кын-* 'прыгать' - о спутанном коне, *балырт-балырт кын-* 'сплавляться' - о хариусе, *пурт-пурт кын-* 'насыпать (например, соль) из одной щепоти в несколько посудин подряд', *көърт-көърт кын-* 'глотать большими глотками', *куйт-куйт кынныр суг* 'вода, которая идет из дырочек фонтаном'.

3. Форма равномерной длительности. Эта форма обозначает равномерное, непрерывное или постоянное действие, связанное с определенным образом. Она образуется путем присоединения к образным основам обычных глагольных отыменных словообразовательных афф. *-а-* и *-ла-*. Примеры: *һыймыра-* 'кишеть' (< *һыймыр* - образ от кишения на одном месте множества существ), *киндіре-* 'слегка колыхаться - о чем-либо рыхлом, студенистом' (< *киндір* 'рыхлый и трясущийся, как студень'), *сыъртыла-* 'дергаться, подергиваться, дрыгаться' (< *сыърт*), *сіъртіле-* 'сильно колотиться' - о сердце (< *сіърт*), *пуртыла-* 'подниматься' - о клубах пыли, когда бьют по чему-либо пыльному.

4. Форма учащенной ритмичности. Обозначает действие, производимое носителем образа очень часто, но не ритмично, при этом действие осуществляется в движении в разных местах одновременно. Образуется аналитически, сочетанием служебного глагола *гайын-* с образной основой. Иногда по значению совпадает с предыдущей формой. Примеры: *һыймыр гайын-* 'кишеть', *сірі гайын-* 'трястись' - от холода или страха', *киндір гайын-* 'трястись, колыхаться' - о чем-либо рыхлом и студнеобразном, *һымыр гайын-* 'вздремнуть', *бедір гайын-* 'прыгать' - о спутанном коне, *сыърты гайын-* 'бегать взад и вперед, носиться, дергаться'.

II подгруппу образуют образные глаголы, основа которых имеет в конце как характерный признак согласный *-й*, например: *килей-* 'быть гладким', *кылай-* 'быть блестящим', *сирпей-* 'быть лохматым, взъерошенным', *далбай-* 'быть широким и плоским'. Как правило, эти глаголы выражают своей семантикой некий статичный зрительский образ с характерными для него чертами. Таких основ в тофаларском языке нами зафиксировано около сотни. Как уже отмечалось, они имеют монгольское происхождение[40]. Большое количество образных глаголов отмечено и в якутском языке, где их "общей и постоянной приметой ... является конечный *-й*"[41]. Их можно найти также в словарях тувинского, хакасского, алтайского, киргизского, казахского, ногайского, каракалпакского, татарского, башкирского и ряда других тюркских языков. При этом в сибирских тюркских языках их намного больше, чем в среднеазиатских, поволжских и иных тюркских языках, т.е. их больше в языках, испытавших большее монгольское языковое влияние. Эти основы широко и повсеместно представлены как в древних, так и в современных монгольских языках, причем с этим же показателем *-й*. Ср. например, стп.-м. *arǰayi-*, совр. монг. *арзай-*, бур. *арзай-*, калм. *ирзэ-*, *ярза-* 'оскаливаться', стп.-м. *alčayi-*, совр. монг. *алцай-*, бур *алсай-*, калм. *алца-* 'расставить ноги'.

[40] См.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 105.

[41] См.: *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке, с. 207-211, 231.

Л.Д. Шагдаров, глубоко и всесторонне исследовавший звукоподражательные и образные слова в бурятском языке, в том числе и приводимый тип образных глаголов, так определяет эти глаголы: "Образные глаголы состояния образуются при помощи суфф. *-ай (-ой, -эй)*, *-ы*, *-ии* и используются для обозначения того, что предмет обладает внешним видом (имеет форму), выраженным производящей основой или находится в стадии становления образа"[42]. Все это в полной мере относится и к тофаларским образным глаголам.

Для всех монгольских глаголов вообще, а для образных в особенности характерно довольно широкое употребление специальных аффиксов для образования различных видовых форм, указывающих на характер протекания действия (мгновенность, ритмичность, длительность и др.)[43]. Например, в старомонгольском языке, отражающем более древние формы, этими аффиксами являются: -ski < глагольное имя на -s + глагол ki- 'делать', -sge < глагольное имя на -s + глагол ge- 'говорить, издавать звук', образующие мгновенный вид; -ŋna < ŋla < отглагольное имя на -ŋ + отыменной глаголообразующий афф. -la, -lǰa, -balǰa, -γalǰa, -γana, образующие ритмичный вид; -čiqa, -čike, образующие интенсивно-завершенный вид. При этом афф. -ŋna, -γana употребляются преимущественно с основами образных глаголов, с образными же глаголами чаще соединяется и сложный аффикс мгновенного вида -ski, -sge. Почти все эти аффиксы монгольских видовых форм представлены в якутском языке (например, якутские афф. *-ҕалдьый* < монг. -γalǰa, *-лдьый* < монг. -lǰa, *-ҥнаа* < монг. -ŋna для выражения ритмичности действия, *-с гын* < -s ki- для выражения мгновенности, однократности действия[44], причем С. Калужинский считает эти аффиксы определенно монгольскими заимствованиями в якутском языке[45].

Аффикс ритмичного вида *-ҥна*, но лишь от звуко-образоподражательных глаголов и глаголов **чувствования-ощущения**, отмечен также в тувинском языке[46]. В словарях других тюркских языков тоже можно найти глаголы с афф. *-ҥна*, производные от образных глаголов, например: ног. *иржай-* 'осклабиться' > *иржаҥла-* 'скалить зубы, гримасничать', каз. *иржий-* 'осклабиться' > *иржанда-* 'глупо смеяться, зубоскалить', кирг. *иржай-* 'осклабиться' > *иржанда-* 'осклабиться', хак. *ирҷай-*, *ирсай-* 'оскалить зубы' > *ирсаҥна-* 'улыбаться, оскалив зубы'. Однако, в этих языках данный аффикс имеет скорее словообразующее значение, нежели видовое, и поэтому не включается в видовое формообразование. Да и вообще для тюркских языков наиболее характерны аналитические способы выражения различных видовых форм. Довольно ясно это сказано, например, в отношении казахского языка: "В казахском языке отсутствует аффиксальное выражение глагольного вида"[47]. Поэтому широкое развитие аффиксального оформления видов в некоторых тюркских языках, как, например, в якутском, уже само по себе можно связывать с сильным монгольским влиянием, а материальное совпадение основных видовых аффиксов только усиливает это предположение.

Систему видовых форм у образных глаголов второй подгруппы, почти полностью аналогичную якутской, мы обнаружили и в тофаларском языке[48].

Наш материал позволил выявить в этой подгруппе образных глаголов тофаларского языка следующие видовые формы.

1. М о м е н т а л ь н о - о д н о к р а т н а я ф о р м а создается аналитически по монгольской модели: от основы образного глагола образуется отглагольное имя на *-с*, при этом конечный *-й* основы отбрасывается. Получившаяся производная основа на *-с* в сочетании с глаголом *кын-* 'делаться, происходить' или *кыл-* 'делать' выражает моментальную однократность действия или протекания во времени зрительного восприятия образа. Изредка вместо *-с* может появиться *-ш*. Примеры: *кылай-* 'быть блестящим, сверкающим' → *кылас кын-* 'сверкнуть быстро и один раз', *ыракта от кылас кынды* 'вдали сверкнул огонь'; *шимей-* 'иметь прищурившийся вид' → *шимес кын-* 'подмигнуть'; *һальчжай-* 'быть лысым' → *һальчжас кын-* 'мелькнуть' - о лысине; *малай-* 'быть с задранным вверх лицом' → *малас кын-* 'мелькнуть на миг' - о человеке с задранным вверх лицом; *салбаш кынды* 'трепыхнулась один раз' - о бахроме, *сырпаш кынды* 'вздрогнул от испуга'; *көстуш кынды* 'показался на миг'.

2. Ф о р м а р а з д е л ь н о й к р а т н о с т и формируется аналитически, путем повтора указанной выше производной основы на *-с* или *-ш* в сочетании с глаголами *кын-* или *кыл-*. Эта форма обозначает действие, которое совершалось мгновенно и при этом несколько раз подряд. Примеры: *дээрі оду кылас-кылас кынды* 'несколько раз сверкнула молния', *ол киши шимес-шимес кынды* 'тот человек несколько раз подмигнул', *элес-элес кынды* 'несколько раз показалось что-то неясное, неясный силуэт', *баһы һалас-һалас кынныдыры* 'его голова то и дело падает на грудь' (например, у дремлющего сидя человека), *салбаш-салбаш кынды* 'трепыхнулась несколько раз подряд (о бахроме)', *көстуш-көстуш кынныдыры* 'часто на миг показывается (высовываясь откуда-либо)'.

---

[42] *Шагдаров Л.Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962, с. 113.

[43] См. об этом: *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Ч. 2. Глагол. М., 1963, с. 65-71, 249-250; *Тодаева Б.Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, с. 112-122; *Beffa M.-L., Hamayon R.* Suffixes de modalite verbale. - In: Etudes mongoles, 2. Paris, 1971, p. 32-33, 38-42, 45.

[44] См.: *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке, с. 143-155, 157-160.

[45] *Kałużyński St.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache, S. 79-80.

[46] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 410.

[47] Современный казахский язык, с. 275.

[48] См. об этом: *Фассадин В.И.* Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. - В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976, с. 136-139.

3. Форма ритмичности выражает действие, которое совершает носитель образа небыстро, равномерно, через определенные промежутки времени. Образуется синтетически, путем подстановки к основе образного глагола вместо конечного *-й* аффикса *-ңна/-ңнэ-* (< отглагольное имя на *-ң* + словообразовательный глагольный афф. *-ла-*; это тоже монгольская модель) и аналитически - сочетанием полученной основы на *-ң* с глаголами *кын-* или *кыл-*. При этом именная основа на *-ң* чаще употребляется повторенной дважды. Примеры: *кызаң-кызаң кынны берді* 'там и сям показалось что-то красное', *ырпаң-ырпаң кын-* 'мотать головой (о лошади, отгоняющей мух)', *инэк маймың-маймың кылып кегженіп чыътыры // инэк маймыңнап кегженіп чыътыры* 'корова жует жвачку, равномерно двигая вбок челюстями' (< *маймый-* 'иметь вид с отодвинутой вбок челюстью'), *далайда от кыланңнап туру* 'на море равномерно мерцает огонь (маяк)', *шимең-шимең кын- // шимеңнэ* 'часто моргать', *аът челі сеглең-сеглең кынып чору // аът челі сегленңнэп чору* 'грива лошади трясется, лохматясь (на скаку)' (< *сеглей-* 'быть с косматой, торчащей вверх гривой').

4. Форма учащенной ритмичности образуется аналитически, путем сочетания отглагольного имени на *-ң* со служебным глаголом *гайын-*. При этом имя на *-ң* может быть удвоенным (для усиления). Эта форма обозначает очень часто повторение действия или появление какого-либо образа при очень частом движении предмета или лица, носителя этого образа, иногда частое появление образа в нескольких местах одновременно. Примеры: *лаампа катка һаланың гайнидыры* 'лампа на ветру качается' (подвешанная), *неш каътында элең гайнидырлар* 'в лесу между деревьями мелькают (во время бега) неясные по цвету и форме предметы', *иът һырленірдэ ырчжаң гайнидыры* 'собака, когда рычит, часто оскаливается', *иресаң упэң гайнып чору* 'медведь бежит прыжками, виднеясь круглым и лохматым', *салбараң гайнир* 'трепыхаться (о бахроме во время бега)', *сеъпің гайнир* 'трясти на бегу лохматыми волосами', *караам оду кылаң гайны берген* 'у меня искры из глаз посыпались', *аң миисы арчжаң гайнып туру* 'рога зверя шевелятся'.

Как можно видеть из приведенного выше анализа видовых форм трех лексико-морфологических групп тофаларских глаголов, примерно одинаковые по значению видовые формы выделяются у звукоподражательных и образных глаголов. Глаголы действия-состояния образуют виды и видовые формы совершенно иначе. Разница в содержании видовых форм этих групп глаголов в том, что у глаголов действия-состояния все внимание сосредоточено на указании завершенности-незавершенности действия, часто с дополнительным оттенком интенсивности, направленности, а у звукоподражательных и образных глаголов подчеркивается лишь кратность, мгновенность, быстрота или частота действия на месте или в движении.

Недостаток семантического разнообразия видовых форм у глаголов действия-состояния относительно кратности, частоты и т.п. начинает в тофаларском языке компенсироваться за счет употребления системы видовых форм образных глаголов

второй подгруппы с глаголами действия-состояния. Используются те же модели *-с кын-, -с + -с кын-, -ңна-, -ң гайын-* с тем же содержанием видовых форм. Это явление охватывает большое количество глаголов действия-состояния, практически почти не ограниченное. Это позволяет говорить о развитии у тофаларского глагола категории этих видовых форм вообще.

Как показывает наш материал, и у глаголов действия-состояния под влиянием монгольской системы видовых форм образных глаголов развились характерные для нее видовые формы.

1. Моментально-однократная, например: *от кыъпас кынды* 'огонь моментом вспыхнул и погас' (< *кыъп-* 'гореть'), *өдрек шомас кынды* 'утка нырнула один раз' (< *шом-* 'нырять'), *оң гөрус кынды* 'он быстро взглянул' (< *көр-* 'смотреть'), *сунас кындылар* 'они быстро пробежали мимо' (< *сун-* 'бежать'), *бодуга ууучка суъһас кынды* 'он быстро обмакнул ручку в чернила' (< *суък-* 'макать - перо в чернила'), *мен удус кындым* 'я немного вздремнул, поспал' (< *уду-* 'спать'), *айазыс кынды* 'на миг прояснило' (и снова тучи) (< *айас-* 'прояснить, разведриться - о погоде'), *мен киноога чорус кыньчжык мен* 'я сходил в кино' (< *чору-* 'ходить, идти, ехать'), *мен каттас кыньчжык мен* 'я недолго собирал ягоды' (< *катта-* 'собирать ягоды'), *иътэс кынды* 'один раз толкнул' (< *иът-* 'толкать'), *тынас кындым* 'я вздохнул один раз' (< *тын-* 'дышать').

2. Раздельно-кратная, например: *өдрек шомас-шомас кынныдыры* 'утка несколько раз очень быстро ныряет', *от чырыс-өъһес кынныдыры* 'огонь то потухнет, то загорится' (< *чыры-* 'светить', *өъш-* 'тухнуть, гаснуть'), *оң туъһес-турас кыннып сунган иик* 'он бежал короткими перебежками' (то падая, то вставая) (< *туъш-* 'падать', *тур-* 'вставать'), *чаэн чаас-чаас кынныдыры* 'летом часто идут кратковременные дожди' (< *чаг-* 'идти - о дожде').

3. Форма ритмичности, например: *кыъпаңна-* 'то гореть, то потухнуть - об огне', *өдрек шоманңайдыры* 'утка часто ныряет' (вообще), *сунаңна-* 'часто и быстро бегать взад и вперед', *суглаңна-* 'часто поливать (огород)' (< *сугла-* 'поливать' < *суг* 'вода'), *ыглаңна-* 'часто плакать, быть слабым на слезы' (< *ыгла-* 'плакать'), *тураңна-* 'часто останавливаться' (< *тур-* 'стоять, вставать'), *бараңна-* 'часто ходить' (< *бар-* 'идти'), *аксаңна-* 'прыгать на одной ноге - о хромом' (< *акса-* 'хромать').

4. Форма учащенной ритмичности, например: *өдрек шоманң гайнидыры* 'утка часто ныряет и при этом двигается', *сунаң гайнир* 'очень часто и беспорядочно бегать - о ребятишках', *ушар суу узук чокка чеъштиң гайнидыры* 'водопад без конца сыпет брызгами' (< *чеъһин-* 'брызгаться'), *көстуң гайнир* 'ритмично и часто высовываться из укрытия и тут же прятаться - о многих людях сразу' (< *көзул-* 'показываться'), *тураң гайын-* 'очень часто останавливаться', *уъһяң гайын-* 'очень часто взлетать, вспархивать - о птицах, бабочках и т.п.' (< *уъш-* 'летать').

Аналогичное употребление отдельных видовых форм образных глаголов с некоторыми глаголами действия-состояния отмечается и в якутском языке[49]. В других тюркских языках подобного явления не наблюдается.

Таким образом, в тофаларском языке наряду с тремя системами видовых форм, соотносимых с тремя лексико-морфологическими группами глаголов, обнаруживается своеобразное явление - сосуществование у глаголов действия-состояния общетюркской системы видов и видовых форм с системой видовых форм монгольского типа. Это придает тофаларскому языку заметное своеобразие и резко выделяет его в этом отношении не только среди всех современных тюркских языков, но и среди наиболее близких к нему тюркских языков Саяно-Алтая.

ФОРМЫ МОДАЛЬНОСТИ

В современном тофаларском языке кроме видовых форм, показывающих характер протекания действия, имеется несколько модальных форм, отражающих отношение носителя действия к этому действию. При выделении форм модальности и отграничения их от видовых форм и форм наклонений мы придерживались следующего понимания категории модальности, принятого в советском языкознании: "Модальность - понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая различными грамматическими и лексическими средствами"[50].

Наш материал позволил выделить следующие модальные формы.

1. Форма субъективной модальности - желания, намерения совершить действие. Образуется синтетически посредством специального афф. *-кса-/-ксе-*, *-ыкса-/-іксе-*, *-укса-/-уксе-*. Ее можно образовать практически от любого глагола. Примеры: *барыкса-* 'желать, намереваться пойти' (< *бар-* 'пойти'), *удукса-* 'хотеть спать' (< *уду-* 'спать'), *аңнакса-* 'собираться, намереваться промышлять' (< *аңна-* 'промышлять, охотиться'), *келіксе-* 'хотеть прийти' (< *кел-* 'приходить'), *өлуксе-* 'быть при смерти, собраться умирать' (< *өл-* 'умирать'), *биликсе-* 'хотеть знать' (< *бил-* 'знать'), *чоруксат-* 'сделать так, что захочет поехать' (< *чору-* 'поехать'), *чоруксаш-* 'собираться ехать вместе', *өөреніксе-* 'хотеть учиться' (< *өөрен-* 'учиться').

Кроме тофаларского языка форма субъективной модальности намерения на *-кса-* имеется еще из современных тюркских языков только в тувинском языке[51].

---

[49] См.: *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида..., с. 171-174.

[50] *Ахманова О.С.* Указ. соч., с. 237.

[51] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. М., 1961, с. 269.

Афф. *-кса-* разлагается на *-к*, образующий отглагольное имя, и *-са-*, образующий глаголы с желательным значением[52]. В древнетюркском языке эта форма была довольно развитой и продуктивной[53].

2. Форма модальности, выражающая объективную необходимость совершить действие. Эта форма употребляется в безличных предложениях. При этом лицо - реальный носитель действия - обозначается дополнением в дательном падеже. Образуется аналитически путем сочетания послелога *дэг* 'как, подобно' с глаголом, оформленным афф. *-гы/-гі*, *-кы/-кі*, *-гу/-гу*, *-ку/-ку*, являющимся по происхождению аффиксом отглагольного имени. Присоединяясь к глагольной основе на конечный гласный, аффикс теряет свой гуттурал, при стяжении гласных на месте хиатуса образуется долгий гласный. Примеры: *ол кишәә барғы дэг болган* 'тому человеку надо было бы идти', *ол чумені алғы дэг болган* 'ту вещь надо было взять', *бо биске тушку дэг* 'это нам подходит', *бо чуме саҳтып алғы дэг* 'эту вещь надо купить', *тарығ эккі болғы дэг дуру* 'урожай вроде бы будет хороший', *ол ортта барғы дэг* 'надо бы там пойти', *ол чердэ аңнаа дэг болган* 'надо бы было охотиться в том месте', *ынаарғы чоруу дэг* 'надо бы пойти туда'.

В отрицательном аспекте на месте афф. *-гы* ставится сложный афф. *-баа/-бәә*, *ваа-/-вәә*, *-паа/-пәә*, возникший из полного фонетического сращения показателя отрицательного аспекта *-ба/-бе*, *-ва/-ве*, *-па/-пе* с афф. *-гы/-гі*, *-гу/-гу*. Примеры: *ынаарғы чоруваа дэг болган* 'туда не надо было бы ездить', *бортта барбаа дэг* 'здесь не надо бы ходить', *ол чумені мәә албаа дэг болган* 'мне не надо было бы брать ту вещь', *келбәә дэг болган* 'не надо было приходить'.

Похожая по структуре аналитическая форма *-γu täg* зафиксирована в древнетюркском языке[54], но с несколько иным значением. Там она причастная форма абсолютного будущего времени с модальным значением возможности. Тофаларскую форму *-гы дэг*, нам кажется, следует рассматривать как сохранение древней формы, тем более что древний афф. *-γu* (составной элемент этой аналитической формы), будучи причастным аффиксом, имел одновременно модальное значение долженствования и возможности[55]. Отсюда развитие в тофаларской форме значения необходимости, как одного из значений древнего *-γu*. В других тюркских языках - хакасском, алтайском и шорском - афф. *-γu* сохранился с модальным значением возможности, образовав с послелогом *täg* слившуюся фонетически форму причастия возможности, предположительности: хак. *-ғадаг/-гедег*, шор. *-гадыг/-гедиг*, алт. *-гадый/-гедий*[56].

---

[52] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 297-299.

[53] См.: *Севортян Э.В.* Указ. соч., с. 314; Древнетюркский словарь. Л., 1969, приложение II, с. 653-654.

[54] См.: Древнетюркский словарь, с. 654.

[55] См. там же.

[56] См.: Грамматика хакасского языка, с. 237; *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941, с. 135; *Тадыкин В.* Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971, с. 91-97.

В тувинском языке эта форма также является причастием возможного времени, хотя и сохраняет, как и в тофаларском языке, структурно и фонетически самостоятельными ее составляющие элементы: *-ги дег*[57].

3. Форма объективной возможности совершить действие. Имеет отрицательный аспект. Образуется аналитически, путем сочетания деепричастия на *-п* основного глагола со вспомогательным глаголом *бол-* (лексическое значение 'быть', 'стать'). В тофаларском языке это полностью спрягаемая форма, выражающая возможность или невозможность совершить действие, зависящее от каких-то внешних причин. Примеры: *оң уһһюп болыр* 'он сможет лететь' (например, как пассажир), *мен ону чаъсап болбаан мен* 'я этого не смог сделать', *согур киши санап болбас* 'слепой не сможет читать', *мен санап болыр мен* 'я смогу читать, мне можно читать' (например, разрешил врач), *төрт аң көргеш өлуруп болбадым* 'увидел четырех зверей, но убить не смог'.

Способы выражения возможности-невозможности в самих тюркских языках отличаются большим разнообразием. Так, например, в хакасском, тувинском и кумыкском, как и в тофаларском, для этого служит глагол *бол-* 'быть', в туркменском - *бол-* 'быть, стать', *бил-* 'мочь, быть в состоянии', в турецком - bil- 'знать, мочь', древний глагол u- 'мочь' в отрицательном аспекте, в азербайджанском - *бил-* 'мочь', в узбекском - *ол-* 'брать', в караимском - *ал-* 'брать'[58] и т.д. Такой разнобой свидетельствует о том, что этот аспект складывался самостоятельно в разных группах тюркских языков.

4. Форма невозможности совершить действие. Образуется аналитически, путем сочетания деепричастия на *-п* основного глагола и вспомогательного глагола *чада-*, уже своей основой выражающего невозможность в силу внешних причин совершить действие. С аффиксом отрицания глагол *чада-* 'не мочь' обычно не употребляется. Примеры: *туп чададым, туп чадаан мен* 'я не смог найти', *уһһюп чадаан мен* 'я не смог улететь', *оң дуун геліп чадады* 'вчера он не смог прийти'.

Аналогичная форма невозможности совершить действие, образуемая таким же глаголом jada-/jata- 'не мочь', зафиксирована в желтоуйгурском языке, где она составляет его специфику. Глагол *чада-* 'не мочь', 'не быть в состоянии' есть и в тувинском языке, где он, как и в тофаларском и желтоуйгурском, образует в сочетании с деепричастием на

[57] См.: *Сат Ш.Ч.* Причастие в тувинском языке. - Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 1959, вып. 7, с. 83.

[58] См.: Грамматика хакасского языка, с. 243; *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 101; Грамматика туркменского языка. ч. 1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, с. 328-329; *Кононов А.Н.* Грамматика турецкого языка. М.-Л., 1941, с. 124; Грамматика азербайджанского языка. Баку, 1971, с. 100; *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, с. 201; *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 264.

-п форму невозможности совершить действие. Этот же глагол можно, видимо, проследить в хакасском наречном слове *чадап* 'едва, кое-как, с трудом' (< *чада- + -п*), с ним можно сопоставить кирг. *жада-* во втором его значении 'оказаться неспособным, немощным; изнуряться', каз. *жадау* и тог. *ядав* - оба в значении 'изнуренный, истощенный', уйг. глагол *йадимак* 'худеть, истощаться; изнуряться, утомляться', туркм. *ядамак* 'уставать, утомляться'[59], як. *дьадаа-* 'обессилеть', который С. Калужинский считает монгольским по происхождению[60].

Тоф. *чада-*, тув. *чада-*, ж.-уйг. jada-/jata- 'не мочь' и остальные приведенные выше параллели в других тюркских языках можно сопоставить с монг. *яда-*, бур. *яда-*, калм. *яд-*, стп.-м. yada- 'не мочь, не быть в состоянии; жить в нужде, в бедности', являющимися общемонгольским глаголом, тоже образующим аналитическую форму невозможности совершить действие. Ср., например, монг. *би ирж ядав* 'я не смог придти', бур. *абажа ядаха* 'не быть в состоянии взять', калм. *кулəж ядх* 'не быть в состоянии больше ждать'[61].

Таким образом, можно предположить, что тофаларская, тувинская и желтоуйгурская модальные формы невозможности, имеющие полную аналогию и материальное совпадение с монгольской, возникли в этих языках под монгольским влиянием.

5. Форма субъективной возможности совершить действие. Образуется аналитически, путем сочетания деепричастия на *-п* значимого глагола со вспомогательным глаголом *шыда-* 'мочь, суметь, быть в состоянии'. Обозначает возможность или невозможность (с показателем отрицания) с тем оттенком, что носитель действия сам в состоянии, сам может или умеет так поступить, например: *оң уһһюп шыдаар* 'он сможет лететь' (так как, например, умеет управлять самолетом), *оң аңнап шыдайыдыры* 'он может промышлять' (так как обладает навыками) и т.п. Различие между формами *-п бол* и *-п шыда-* по их семантике довольно четкое. Так, например, *санап болыр мен* означает 'я смогу читать' (так как мне это разрешено или есть для этого условия), а *санап шыдар мен* - 'я смогу читать' (так как умею, вижу и т.п.).

Из других тюркских языков аналогичная форма возможности *-п шыда-* имеется еще в тувинском, хакасском и алтайском языках. Глагол *шыда-* в этих языках (алт. *чыда-*, хак. *сыда-*) означает 'мочь, суметь, быть в состоянии совершить какое-либо действие' наряду с 'терпеть, выносить, переносить'. В якутском языке *сатаа-* ~ *ситаа-* означает 'мочь, су-

[59] См.: *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка, с. 108; Тувинско-русский словарь. М., 1968, с. 507; *Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И.* Хакасско-русский словарь. М., 1953, с. 306; *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 210.

[60] См.: *Kałużyński St.* Указ. соч., стр. 44.

[61] См.: Монгольско-русский словарь. М., 1957, с. 690; *Черемисов К.М.* Бурятско-русский словарь. М., 1973, с. 796; *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, S. 213; *Lessing F.D.* Mongolian-English Dictionary. Berkeley, 1960, p. 422.

меть' и употребляется с деепричастием на *-а*. Форма возможности совершить действие с глаголом *ҙida-* 'мочь, быть в состоянии' отмечается еще в желтоуйгурском языке и квалифицируется как одна из специфических его черт[62].

В других тюркских языках глагол *чыда-* довольно распространен, причем для всех их характерна в общем-то одна фонетическая форма *чыда-* и одно значение. Ср.: каз. *шыда-*, к.-калп. *шыда-*, ног. *шыда-*, тат. *чыда-*, башк. *сыҙа-*, караим. *чыда-*, кумык. *чыда-*, к.-балк. *чыда-*, кирг. *чыда-*, узб. *чида-*, уйг. *чиди-*, туркм. *чыда-*, тур. *çida-* 'терпеть, выдерживать, переносить, выносить'. Первичного значения 'мочь, суметь' у них у всех не зафиксировано. Оно характерно лишь для тофаларского, тувинского, хакасского, алтайского и якутского языков, т.е. опять-таки для языков Саяно-Алтая и примыкающего к ним якутского языка. В памятниках древнетюркского языка это слово не зафиксировано.

Нам кажется, глагол *шыда-/чыда-* 'мочь, суметь' следует считать монгольским заимствованием, тем более, что монгольское происхождение якутского *сатаа-~ситаа-* 'мочь, суметь' уже доказано С. Калужинским[63]. В монгольских языках как раз и представлено значение 'мочь, суметь' у этого глагола, ср. монг. *чада-*, бур. *шада-* 'мочь, суметь, быть в состоянии', калм. *чид-~чад-* 'мочь, суметь, быть в состоянии; иметь силы выдержать, вытерпеть', стп.-м. *čida-* 'смочь, мочь, суметь; выдержать, вытерпеть, преодолеть'. Как видно из примеров, в других тюркских языках, кроме саяно-алтайских и якутского, представлено только второе, переносное значение монгольского оригинала - 'терпеть, выдержать'.

6. Форма умения совершить действие. Образуется аналитически, путем сочетания глагола *бил-* 'знать, уметь' с деепричастием на -п значимого глагола. Имеет значение 'мочь, уметь что-то делать', например: *мен санап билир мен* 'я умею читать, я могу читать', *мен тофалап сооданып билир мен* 'я умею говорить по-тофаларски', *оҥ аҥнап билдірі* 'он умеет, может промышлять'.

В огузских языках эта форма употребляется вместо тофаларской *-п бол-* и кыпчакской *-а ал-* для выражения возможности-невозможности. А.А. Юлдашев считает форму *-а бил-* в значении 'уметь что-либо делать' промежуточной между аналитической формой и свободным словосочетанием, каковой она, видимо, и является[64]. Только употребление деепричастия на *-п* заставило нас включить ее в число аналитических.

7. Форма нереализованного действия. Выражает действие, которое чуть не совершилось и фактически остается нереализованным. В действие привносится субъективная оценка в плане его потенциальной возможности. Образуется аналитически, путем сочетания глагола *час-*, лексическое значение которого 'промахнуться, не попасть', с деепричастием на *-а* значимого глагола. В силу специфики своей семантики эта форма употребляется преимущественно в пределах прошедшего времени и только в положительном аспекте, о чем справедливо заметил А.А. Юлдашев[65]. Примеры: *буътэ йастым* (~ *частым*) 'я чуть не задохнулся' (в дыму, например), *тайгаш барып туһе йастым* (~*частым*) 'поскользнувшись, я чуть было не упал', *кишініҥ мунун ише чжастым* 'я чуть не съел чужой суп'.

Эта форма представлена почти во всех тюркских языках[66] и в тофаларском может считаться общетюркской.

8. Форма намерения, попытки совершить действия. Образуется аналитически, сочетанием глагола *көр-* 'видеть, смотреть' с деепричастием на *-п* значимого глагола. Представлена во всех тюркских языках и может считаться общетюркской. Означает пробу, намерение, попытку совершить какое-либо действие. Примеры: *бис чында аҥнап көрдувус* 'мы там пробовали охотиться', *киши чоруп көрвээн чжер* 'место, куда никто еще не ходил [не пытался ходить]', *һаныҥарнам ол саазынны, мен кыгырып көрейн* 'дайте-ка ту бумагу, я попробую прочесть'.

9. Форма симулятивности, имитации действия. Образуется аналитически сочетанием глагола *бол-* 'быть, стать' со значимым глаголом, оформленным афф. *-ксы/-ксі, -ксу/-ксу*. Назначение этой модальной формы - выразить действие, которое субъект фактически не производит, а как бы делает вид, имитирует совершение этого действия. Примеры: *оҥ удуксу болуп чыътыры* 'он притворился спящим', *араһа ишіксі болган* 'он сделал вид, что пьет водку'; *барыксы болган* 'сделал вид, что уходит'. Такое оформление этой модальности в тюркских языках встречается только в тофаларском языке и может расцениваться как его специфическая черта.

Вызывает интерес эвенкийская параллель тофаларской формы *-ксы бол-* - эвенк. *-гса̄ о̄-* 'быть' для выражения имитации действия, например: *девдексэ̄ о̄ми* 'сделать вид, что ешь', *буглэлигсэ̄ о̄ми* 'притвориться больным'[67].

Кроме приведенных выше девяти явных форм имеется еще две формы аналитического типа, которые тоже можно было бы причислить к модальным:

өөрең- 'научиться, учиться', который в сочетании с деепричастием на *-п* значимого глагола получает значение 'привыкать что-л. делать', например: *оҥ һундус удуп өөренген* 'он привык днем спать', *мөҥгун урел өөренівітті* 'он привык транжирить деньги'; здесь налицо развитие значения 'привыкать' из значения 'научиться';

пыъш- 'поспеть, созреть; свариться', который в сочетании с деепричастием на *-п* основного глагола получает значение 'успеть что-л. сделать', например: *мен шиип* (~*шыйып*) *пыъшпадым* 'я не успел записать', *балыктар дэзіп пыъшпаан* 'рыбы не успели уплыть', *мен самолёотка чеътіп пыъшпадым* 'я не успел к самолету'.

Многие модальные формы тофаларского языка носят общетюркский характер, форма на *-кса-* характерна только для

62 См.: *Тенишев Э.Р.* Указ. соч., с. 107.

63 См.: Kałużyński St. Указ. соч., с. 22.

64 См.: *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 99-101.

65 См.: *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 110.

66 Подробнее об этой форме см.: *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 109-111.

67 См.: *Василевич Г.М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 752.

тофаларского и тувинского языков и является наследием древнетюркского языка, равно как и форма *-ги дэг*. Форма невозможности *-п чада-*, возможности *-п шыда-*, имеющие узколокальное распределение, следует считать монгольским влиянием. Специфику тофаларского языка составляет модальная форма симулятивности *-ксы бол-*, сопоставимая с эвенкийской аналогичной формой *-гса̄ о̄-*.

АСПЕКТЫ ГЛАГОЛА

Глагол в тофаларском языке имеет два аспекта, которые выражают положительное или отрицательное суждение о том или ином действии. Категория аспекта проходит через все словоизменительные и почти все формообразовательные категории глагола. Любой глагол, употребленный в предложении, обязательно должен оформляться в одном из аспектов.

П о л о ж и т е л ь н ы й а с п е к т (положительная форма) не имеет формальных показателей, а представлен основой глагола. Он выражает утверждение о реальном и объективно происходящем действии. Глаголы в положительном аспекте служат исходной основой для образования других форм. Примеры: *шый-* 'писать', *сана-* 'читать', *бер-* 'давать', *ал-* 'брать', *кел-* 'приходить', *бар-* 'уходить', *иштэн-* 'работать', *аӈна-* 'охотиться'.

О т р и ц а т е л ь н ы й а с п е к т (отрицательная форма глагола) образуется посредством неударного афф. *-ба/-бе* (в произношении встречается его вариант *-ма/-ме*, но только после конечного *-н* основы), *-ва/-ве* (после гласных), *-па/-пе* (после глухих согласных). Он присоединяется непосредственно к глагольной основе в основном залоге, и после залоговых аффиксов перед формами наклонения и лица. Примеры: *шыйба-* 'не писать', *санава-* 'не читать', *бербе-* 'не давать', *алба-* не брать', *келбе-* 'не приходить', *барба-* 'не уходить', *иштэнбе-* (~ *иштэнме-*) 'не работать', *аӈнава-* 'не охотиться', *ширтпе-* 'не поить', *чидіртпе-* 'не кормить', *катташпа-* 'не собирать вместе ягоды', *алдынба-* 'не браться', *алыспа-* 'не поддаваться', *туъпулба-* 'не появляться, не возникать', *һаактанба-* (~ *һаактанма-*) 'не кататься на лыжах'.

Способы выражения положительного и отрицательного аспектов едины для всех тюркских языков: положительного - основой, отрицательного - афф. *-ма*. Между прочим, именно в способе выражения отрицательного аспекта алтайские языки в настоящее время резко отличаются друг от друга. Вместо отрицательного афф. *-ма*[68] тюркских языков в монгольских языках представлены отрицательные частицы *эсэ*, ул, (у)гуй[69], в тунгусо-маньчжурских - спрягаемый отрицательный глагол *э-*[70].

[68] О происхождении этого аффикса из стяжения имени на *-м* с древним глаголом *э-* 'быть' в значении 'отсутствовать см.: *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 101.

[69] См.: *Тодаева Б.Х.* Указ. соч., с. 165.

[70] См.: *Константинова О.А.* Эвенкийский язык. Фонетика и морфология. М.-Л., 1964, с. 192.

Категория лица

Как и в других тюркских языках, в тофаларском языке при спряжении глагола в оформлении его предикативности, его личных форм участвуют две группы особых показателей.

Показатели I группы представляют собой не аффиксы развившиеся из личных местоимений, как в подавляющем большинстве тюркских языков[71], а сами эти местоимения, еще не утратившие своей фонетической самостоятельности в этой позиции. Будучи чисто грамматическими показателями предикативности и употребляясь постпозитивно после именной части сказуемого, эти местоимения утратили свою лексическую самостоятельность и превратились уже полностью в формальные слова, показатели предикативности.

Эти слова лучше назвать личными предикативными частицами. Их функции довольно широки. Как уже говорилось выше, они употребляются и при именах, когда те выступают в роли именной части сказуемого. В сфере глагола они тоже сочетаются лишь с теми неличными формами глагола, которые обладают помимо вербальности и именными признаками, т.е. с причастиями. Формально, например, сочетание *мен аӈшы мен* 'я охотник' ничем не отличаются от *мен келген мен* 'я пришел' (букв. 'я есьм пришедший'). В обеих случаях сказуемое состоит из именной части и личной предикативной частицы.

В современном тофаларском языке система личных предикативных показателей I группы в системе глагола представлена в следующем виде:

Ед. число	Мн. число
1 л. *мен*	*бис*
2 л. *сен*	*сілер*
3 л. -	*-лар/-лер.*

Аналогичная картина наблюдается также в тувинском языке, в котором тоже вместо предикативных аффиксов представлены личные предикативные частицы, полностью повторяющие личные местоимения. Это справедливо рассматривается как пережиток древнего состояния[72].

Показатели II группы представляют собой аффиксы личной принадлежности:

Ед. число	Мн. число
1 л. *-м*	*-быс/-бис*
2 л. *-ӈ*	*-ӈар/-ӈер*
3 л. -	*-лар/-лер*

[71] О развитии аффиксов сказуемости из личных местоимений в тюркских языках см.: *Дмитриев Н.К.* К истории аффиксов сказуемости. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956, с. 5-15.

[72] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 361.

Эти аффиксы лица имеются во всех тюркских языках[73].

Для показателей обеих групп характерно отсутствие специального оформителя сказуемости в 3-м лице ед. числа, что характерно для всех тюркских языков. Во мн. числе в качестве показателей сказуемости выступают твердый и мягкий аффиксы мн. числа.

Различие в употреблении показателей этих двух групп ясно сформулировано Н.К. Дмитриевым: "Можно высказать предположение, что аффиксами сказуемости оформляются такие наклонения, содержание которых относится к действию и состоянию, уже происходящим в действительности, или таким, которые находятся на грани реализации. Их можно рассматривать как своего рода объективное выражение факта. Другие же времена и наклонения, более субъективные по содержанию, оформляются аффиксами принадлежности"[74].

Употребление в сфере спряжения глагола тех же показателец лица и личной принадлежности, что и в именных частях речи, свидетельствует об именном характере тюркского спряжения[75].

Все предикативные показатели выражают в то же время и число действующих лиц.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

В тофаларском языке, как и в большинстве языков мира, глагол состоит из двух рядов образований: из личных форм (так называемого собственно глагола, verbum finitum) и из неличных форм, совмещающих признаки и свойства глагола с признаками и свойствами некоторых других частей речи.

В тофаларском языке глагол тоже состоит из этих двух групп форм.

Неличные формы тофаларского глагола (так называемые вербоиды, по терминологии Ю.С. Маслова[76]) представляют собой довольно своеобразную группу форм. В нее входят деепричастия, совмещающие в себе признаки глагола и наречия, причастия, совмещающие признаки глагола и прилагательного, глагольное имя, или, иначе говоря, имя действия, представляющее процесс опредмеченным, и инфинитив, совмещающий признаки глагола и существительного.

Общим для всех этих форм является отсутствие глагольных категорий наклонения, лица и наличие категорий залога, аспекта, а также способность выражать характер протекания действия. Как и личные формы глагола они сохраняют присущее глаголу падежное управление.

[73] Подробнее о них см.: *Севортян Э.В.* Категория сказуемости. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956, с. 17-18.

[74] *Дмитриев Н.К.* Указ. соч., с. 15.

[75] См. об этом: *Дмитриев Н.К.* Указ. соч., с. 15; *Жирмунский В.М.* Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками. - В кн.: Общее и германское языкознание. Избранные труды. Л., 1976, с. 203-204.

[76] Подробнее см.: *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1975, с. 209-214.

Деепричастие

Деепричастие представляет собой неличную форму глагола, выражающую действие как признак другого действия. Оно имеет признаки как глагола, так и наречия.

В тофаларском языке деепричастие имеет следующие признаки глагола: 1) обозначает действие предмета, 2) имеет формы залога, вида, отрицания, субъективной модальности, 3) управляет падежами, как глаголы. Что касается времени, то деепричастие обозначает его не по отношению к моменту речи (настоящее, прошедшее, будущее), а лишь по отношению к действию, выраженному другой глагольной формой в предложении (предшествование, одновременность, а также продолжительность и другие оттенки протекания действия-состояния во времени).

В роли сказуемого деепричастие употребляется в основном в придаточных предложениях, а его использование в качестве полного сказуемого в простом предложении и в главном в составе сложноподчиненного предложения очень ограничено. Важнейшей функцией деепричастия в тофаларском языке является его участие в образовании сложных и составных глаголов.

Основная черта сходства деепричастий с наречиями состоит в том, что деепричастие указывает на признак действия, выраженного глаголом, и отвечает на вопросы *каньчжа?* 'как?', *каньчжап?* 'каким образом?', *каньчжаңгаш?* 'почему?'

Отдельные из деепричастных форм изменяются по падежам и могут изменяться по лицам и числам, что говорит о генетической связи деепричастий с причастиями.

В современном тофаларском языке различаются следующие шесть деепричастных форм: 1) соединительное, 2) слитное, 3) прошедшего времени, 4) сопроводительное, 5) предела, 6) отрицательное.

Соединительное деепричастие на *-ып*

Соединительное деепричастие во временном отношении выражает действие, предшествующее основному или одновременному с ним. Образуется оно афф. *-п* (после гласных) и *-ып/-ip, -уп/-уп* (после согласных основ). Примеры: *барып* 'пойдя' (< *бар-* 'пойти'), *чоруп* 'уехав' (< *чору-* 'ехать'), *аңнап* 'охотившись' (< *аңна-* 'охотиться'), *туътуп* 'держа, схватив' (< *туът-* 'держать, ловить'), *көруп* 'увидев' (< *көр-* 'смотреть, видеть'), *иштэнip* 'работая' (< *иштэн-* 'работать').

При образовании деепричастия от основ с конечными *г, ң* происходит выпадение этих согласных, в результате чего на месте выпадения появляется долгий гласный: *чиг-* 'собирать' - *чиип* 'собирая', *тэг-* 'нагружать' - *тээп* 'нагружая', *чаг-* 'идти - о дожде' - *чаап* 'идя - о дожде', *чаг-* 'намазать маслом' - *чаап* 'намазав маслом', *эг-* 'гнуть' - *ээп* 'согнув', *каг-* 'класть' - *каап* 'положив', *тоң-* 'замерзать' - *дооп* 'мерзнув', *мөң-* 'тянуть - о коне' - *мөөп* 'тянув'.

Довольно существенные фонетические изменения происходят при этом с односложными условно-непроизводными основами, которые имеют фарингализованный гласный и сильный согласный в конце основы после него:

а) согласный *ш* переходит в палатализованный *h'*: *аъш-* 'открыть' - *аhын* 'открыв', *тэъш-* 'продырявить' - *тэhын* 'продырявив', *өъш-* 'погаснуть' - *өhун* 'погаснув';

б) согласный *к* переходит в обычный *h*, если основа начинается с гласного: *аък-* 'течь' - *аhын* 'протекая';

в) согласные *к*, *п* исчезают, а аффикс деепричастия *-п* присоединяется прямо к краткому гласному основы, который в данном случае уже не фарингализован; произошло это, вероятно, потому, что *к* перешел в *h*, а *п* в *ф*, которые исчезли. На их месте возникли долгие гласные, впоследствии стянувшиеся в краткий. Начальные согласные при этом тоже претерпели изменения: *к* дал *h*, а *ч* - *ш*, например: *сыък-* 'сломать' - *сын* (**сыъhын → *сыын → сын*) 'сломав', *каък-* 'бить', 'косить' - *han* (**каъhын → *каан → *haan → han*) 'ударяя', 'кося', *соък-* 'бить, ударять' - *сон* (**соъhун → *соон → сон*) 'ударив, ударяя', *чыъп-* 'крыть' - *шын* (**чыъпын → *чыъфын → *чыын → *шыын → шын*) 'покрывая', *туъп-* 'находить' - *тун* (**туъпун → туъфун → *туун → тун*) 'находя, найдя', *кыъп-* 'гореть' - *hын* (**кыъпын → *кыъфын → *кыын → *hыын → hын*) 'горя'.

Согласный данного аффикса, будучи по своей артикуляции слабым согласным, часто произносится то как звонкий смычный *б*, то как губно-губной проточный *в* /*β*/, что зависит только от комбинаторных фонетических условий, например: *оҥ сов алган* 'он ударил' (< **соъhун алган*), *оҥ иштэніб лэ туру* 'он все работает и работает', *саътыв алган чжуме* 'купленная вещь', *лаампа hыб ла чыътыры* 'лампа все горит' (< **кыъпын ла*).

Соединительное деепричастие обозначает:

1) действие, предшествующее другому действию, например: *эчжік аъhын өгге кірді* 'открыв дверь, вошел в дом', *аът эзерін алып черге каабытта* 'взял седло коня и бросил на землю';

2) действие, совершающееся одновременно и параллельно с действием главного глагола, при этом деепричастие нередко сопровождается частицей усиления *ла*, например: *ырлаб ла чору* 'идет и поет', *дааранып олыры* 'сидит и занимается шитьем', *аът чаъпалын эмнэп тэhе шеньчжар* 'лечить больную селезенку коня проколом';

3) действие, которое является признаком другого действия, например: *коллап берген* 'вручил', *тофалап соодаан* 'рассказал по-тофаларски', *нянып келді* 'вернулся домой';

4) действие, которое является причиной совершения действия, обозначенного основным глаголом, например: *ол ашняк аарып аңныкка чоруваан бо йылын* 'тот мужик, заболев, не поехал в этом году на промысел', *hейге келгенін билип унду өгдэн* 'вышел из юрты, поняв, что пришел зря';

5) цель основного действия, например: *каттап чораан* 'поехал собирать ягоды', *письмо шийиксап олурду* 'сел писать письмо'.

В тофаларском языке обычно не употребляется удваивание этой формы деепричастия, а для придания значения длительности, повторяемости действия применяется усилительная частица *ла*, например: *сунуб ла чору* (вм. *сунуп-сунуп чору*) 'все бежит и бежит', *hынеэк санаб ла чыътыры* 'все читает и читает книги'.

Деепричастие на *-ып* в тофаларском языке обладает высокой частотностью, так как участвует в образовании всевозможных аналитических форм для выражения различных видовых и модальных значений. Это стало возможным потому, что это деепричастие, как указывалось выше, обозначает действие, совершающееся параллельно или одновременно.

Слитное деепричастие на *-а/-е*

Слитное деепричастие выражает действие, которое совершается одновременно с действием определяемого глагола. Образуется посредством присоединения к основе *-а/-е*, *-ы/-і*. При этом *-а/-е* закономерно употребляется после основ с огубленными гласными и с узкими неогубленными, например: *олура* 'сидя', (< *олур-* 'сидеть'), *доҥа* 'замерзая' (< *доҥ-* 'замерзать'), *туъта* 'держа' (< *туът-* 'держать'), *унэ* 'выходя' (< *ун-* 'выходить'), *көhе* 'кочуя' (< *көъш-* 'кочевать'), *ыда* 'посылая' (< *ыт-* 'посылать'), *иътэ* 'толкая' (< *иът-* 'пихать'), а вариант *-ы/-і* после основ с широкими гласными, например: *бары* 'уходя' (< *бар-* 'уходить'), *келі* 'приходя' (< *кел-* 'приходить'), *алы* 'беря' (< *ал-* 'брать'), *тэhе* 'прокалывая' (< *тэъш-* 'проткнуть'). Однако эта закономерность не всегда выдерживается, так как мы имеем формы *аъһа* 'протекая' (< *аък-* 'течь'), *кыъпа* (∼ *кыъфа*) 'горя' (< *кыъп-* 'гореть'), *кылы* 'делая' (< *кыл-* 'делать') и т.п.

Конечный согласный *г* основы глагола при присоединении аффикса выпадает и появляется долгий гласный, повторяющий по своему качеству краткий гласный основы, например: *чжаа* (< *чаг + а*) 'идя - о дожде' (< *чаг-* 'идти - о дожде'), *чжаа* 'смазывая' (< *чаг-* 'смазывать'), *дээ* 'касаясь' (< *дэг-* 'касаться'), *ээ* 'сгибая' (< *эг-* 'гнуть').

Слитное деепричастие обозначает действие, более тесно связанное с действием главного глагола, нежели действие, выраженное деепричастием на *-ып*. Это служит причиной того, что глаголы именно в этой форме очень часто становятся наречиями и даже послелогами, например: *неш ыра каък-* 'расколоть полено' (букв. 'раскалывая ударить'), *hуруҟ кедіре каг-* 'набросить аркан' (букв. 'надевая накинуть'), *өъткуру* 'насквозь' (< *өъткур-* 'допустить пройти сквозь'), *чеътірі* 'до, вплоть до' (< *чеътір-* 'доводить'), *толгандыры* 'вокруг' (< *толгандыр-* 'заставить кружиться'), *ачжыры* 'позади, за; чрезмерно, чересчур' (< *ачжыр-* 'заставить перейти рубеж, норму').

При образовании аналитических форм настоящего обычного времени, показателем которого является афф. *-дыры/-дірі*, *-дуру/-дуру*, используется слитное деепричастие, например: *туътадыры* 'держит', *көhедірі* 'кочует', *ahадыры* 'течет', *олырадыры* 'сидит', *hынеэк кыгырадыры* 'читает книгу вслух'. При этом у глаголов, которые оканчиваются на *ш*, *л*, *н*, *г*, *р*, присоединения аффикса слитного деепричастия не происходит и показатель времени прибавляется непосредственно к основе, например: *көрдуру* 'видит', *алдыры* 'берет', *бердірі* 'дает', *няндыры* 'возвращается', *иштэндірі* 'работает', *чагдыры* 'идет дождь', *дэгдірі* 'грузит телегу', *эгдірі* 'гнет',

изгибает'. Произошло это за счет выпадения аффикса, состоящего из одного гласного звука, оказывающегося на стыке морфем. Поскольку весь упор на показателе *-дыры*, так как собственно он указывает на время, потеря гласного аффикса в неудобном для произношения фонетическом положении происходит безболезненно для смысла. Таким образом, *көрдуру* < **көрудуру*, *алдыры* < **алыдыры*, *чагдыры* < **чагадыры* и т.п.

В форме слитного деепричастия от глаголов, оканчивающихся на гласный звук, произошли значительные фонетические преобразования. В современном тофаларском языке в этом случае на месте конечного краткого гласного основы появляются долгий гласный или дифтонг, при этом в твердорядных словах *а* переходит в долгий *ээ* или дифтонг *аэ*, а *у* переходит в долгий *ыы* или даже *ии*, в конце долгого слышится призвук *й*. В мягкорядных словах происходит тоже удлинение конечного *э* в *ээ*, а *у* - в *ии*, в конце долгих тоже слышится призвук *й*. Примеры: *аңна-* 'охотиться' - *аңнээ*∼*аңнаэ* 'охотясь', *була-* 'вздыматься - о пыли' - *булаэ*∼*булээ*∼*булээй* 'вздымаясь - о пыли', *соода-* 'говорить' - *соодээй*∼*соодаэ* 'говоря', *чору-* 'идти' - *чории*∼*чориий* 'идя', *уду-* 'спать' - *удыы*∼*удыый* 'засыпая', *өлу-* 'намокать' - *өлии*∼*олиий* 'намокая', *эмнэ-* 'лечить' - *эмнээ*∼*эмнээй* 'леча', *улу-* 'выть' - *улыый*∼*улыы* 'воя'.

Все эти преобразования произошли от того, что с глагольными основами на гласный употребляется тот же аффикс слитного деепричастия - *-йы/-йі*, который был в данной позиции представлен в древнетюркском языке[77]. Афф. *-йы/-йі*, сочетаясь с конечными гласными основы, дает комплексы *-айы*, *-уйы*, *-эйи*, *-уйи*, которые в тофаларском языке автоматически переходят в произношении либо в долгие смягченные монофтонги, либо в дифтонги, которые являются вариантами произношения. Поэтому, например, слово *ай* 'луна', приобретя аффиксы принадлежности, которые все начинаются на узкий гласный, произносится иначе: *ээм*∼*аэм* 'моя луна' (< **айым*), *ээң*∼*аэң* 'твоя луна' (< **айың*), *ээ*∼*аэ* 'его луна' (< **айы*), *ээбис*∼*аэбис* 'наша луна' (< **айыбыс*), *ээңар*∼*аэңар* 'ваша луна' (< **айыңар*).

Эта закономерность в тофаларском языке не знает исключений: *мойнум* 'моя шея', но *мөэн* (< **мойун*) 'шея', *ойну* 'его игра', но *өэн* (< **ойун*) 'игра', *һайныр* 'закипит', но *һеэнды һэйнды* (< **һайынды*) 'закипел', *шырай* 'черты лица', но *шырээм* 'черты моего лица', *ӱӱдар* 'будет грустить' из первоначального **ӱйӱдар*, *һеэрһан*∼*һэйрһан* 'божество' из первоначального **һайырһан* (ср. тув. *хайыракан*, монг. qayiraqan id.)[78]. Поэтому формы **аңнайы*, **булайы*, **соодайы*, **чоруйы*, **удуйы*, **өлуйі*, **эмнэйі*, **улуйы* регулярно дали в произношении долгие опередненные гласные или дифтонги. Поскольку гласный аффикса ударный, качество развившегося долгого гласного определилось по нему. Этим объясняется *удыый* из **удуйы*, *чории*∼*чориий* из **чоруйы*, *өлии*∼*өлиий* из **өлуйі*.

Но чаще всего бывает трудно установить единую норму данного деепричастия для основ на гласный, так как в произношении сосуществуют сразу несколько вариантов, что в основном зависит от темпа речи и чистоты дикции говорящего. Так, например: скажут *аңнээ*∼*аңнээй*∼*аңнаэ*∼*аңнайэ*∼*аңнайы* 'охотясь'. Звук *ы* в тофаларском языке - гласный смешанного ряда, между русскими *ы* и *э*, поэтому и произносится *аңнаэ*, так как *й* - звук сверхслабый и обычно вокализуется между гласными. Более полно аффикс деепричастия сохраняется только после широких гласных *-а/-е*, после узких же *-у/-ы*, *-и/-и* наблюдаются существенные модификации, и аффикс деепричастия сращивается с гласным основы в один долгий гласный *-ыы/-ии* или *-ыый/-ииий*, например: *аңнаэ*∼*аңнайы*, *соодаэ*∼*соодайы*, но *чории*∼*чориий*, *удыый*∼*удыый*, *өлии*∼*өлиий* и т.п.

Подобные же изменения на стыке афф. *-йы/-йі* и конечного гласного глагола происходят и в хакасском языке, например: хак. *сани* 'считая' (< *сана + й+ы*), *тӧзи* 'расстилая' (< *тӧзе + й+і*)[79]. В тувинском языке после гласных аффикс приобрел вид *-й*[80], так как, видимо, конечные гласные у древнего афф. *-йы/-йі* в этом языке редуцировались. Такое же произношение этого аффикса в виде *-й* наблюдается и во всех остальных тюркских языках.

В тофаларском языке деепричастие на *-а* очень употребительно. Помимо того, что оно оформляет действие, совершающееся одновременно с другим (например: *тура удуур* 'спать стоя', *олыра удуур* 'спать сидя', *тура туһнер* 'спрыгнуть на ноги', *аңнап тура, иһи чаһыр туһпкан бис* 'охотясь, мы нашли две берлоги'), оно входит в состав аналитической формы завершенного вида *-а бер-* и в состав аффикса настоящего времени *-адыры*.

Вызывает интерес совпадение в довольно заметном количестве случаев формы деепричастия на *-а/-е*, *-ы/-і*, *-у/-ы* с прилагательными или существительными, образованными от тех же глаголов. Ср., например: *һөну* 'выпрямляясь' - *һөну* 'прямой' (< *һөн-* 'выпрямляться, быть прямым'), *һөме* 'закрывая со всех сторон; зарывая, закапывая' - *һөме* 'всеобъемлющий, общий' (< *һөм-* 'закрыть со всех сторон, зарыть, закопать'), *тура* 'стоя' - *тура* 'номер стрелка в засаде', *тура* 'утро' (< *тур-* 'стоять; вставать'), *ыда* 'посылая' - *ыда* 'пускание собак за зверем по насту' (< *ыт-* 'посылать, отправлять'), *ныйа* 'срезая наискось; наискось' - *ныйа* 'косой, наклонный' (< *ный-* 'резать наискось'), *долу* 'наполняясь' - *долу* 'наполненный' (< *дол-* наполняться') т.п. Это можно объяснить тем, что деепричастие на *-а/-е* восходит к древнему имени действия[81], но становление его в функции деепричастия произошло уже давно, на уровне тюркского праязыка.

---

[77] См.: *Кондратьев В.Г.* Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, с. 41.

[78] См.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 31, 32.

[79] См.: Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 240.

[80] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 324.

[81] Это предположение высказано А.М. Щербаком: *Щербак А.М.* "Деепричастие" на *-а/-ā (-j)* в тюркских языках. - В кн.: Вопросы грамматики. К 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М.-Л., 1960, с. 233-234.

Деепричастие прошедшего времени на *-каш*

Это деепричастие обозначает действие, непосредственно предшествующее действию главного глагола, например: *оңкелгеш соодады* 'он рассказал после того, как пришел', т.е. 'он пришел и рассказал', *һодан кулаан субурткеш, тыңнап олыры* 'заяц навострил уши и слушает', *мен туъткаш келген мен* 'я поймал, потом приехал'. При этом деепричастие на *-каш* не определяет время, по отношению к моменту речи, а только указывает, что одно действие совершается, совершалось или будет совершаться раньше другого.

Для образования этого деепричастия в положительном аспекте используется афф. *-каш/-кеш* (после глухих согласных основы) и *-гаш/-геш* (после сонантов). Конечный *-г* основы обычно сливается с начальным *г-* аффикса в один смычный согласный *г*; после основы на гласный используется вариант *-гаш/-геш*, который обычно теряет свою фонетическую самостоятельность за счет того, что согласный *г* аффикса растворяется в соседних гласных и появляется вторичная долгота. Примеры: *баргаш* 'пойдя', *чорааш* 'поехав' (< *чору + гаш*), *аңнааш* 'охотившись' (< *аңна + гаш*), *туъпкаш* 'найдя', *дэгеш* 'коснувшись' (< *дэг + геш*), *чагаш* 'намазав' (< *чаг + гаш*), *чээш* 'съев' (< *чи + геш*), *эъртеш* 'пройдя мимо', *тыърташ* 'натянув', *боолаащ* 'выстрелив' (< *боола + гаш*), *дээш* 'сказав' (< *де + геш*). В некоторых случаях не произошло образования долгого гласного, хотя согласный *г* выпал, например: *чуаш* 'вымыв' (< *чу + гаш*).

В отрицательном аспекте употребляется афф. *-пааш/-пээш, -баш/-бээш, -ваш/-вээш*, возникший за счет слияния отрицательного афф. *-ба...* с аффиксом деепричастия *-гаш...* Употребления афф. *-баш...* происходит по тем же фонетическим законам, что и аффикса отрицания: после глухих согласных используется вариант *-пааш/-пээш*, после сонантов *-баш/-бээш* (причем после *-н* и *-ң* возможен как произносительный вариант *-маш/-мээш*), а после гласных *-ваш/-вээш*. Примеры: *аңнаваш* 'не охотившись', *гелбээш* 'не придя', *барбаш* 'не пойдя', *чоруваш* 'не поехав', *эмнэвээш* 'не вылечив', *доңбаш ~ доңмаш* 'не замерзнув', *иштэнбээш ~ иштэнмээш* 'не поработав', *дэгбээш* 'не коснувшись', *чагбаш* 'не намазав'.

В тофаларском языке пока не замечено случаев изменения этого деепричастия по падежам, как это происходит в тувинском языке[82].

Сопроводительное деепричастие на *-пышааңга*

В тофаларском языке выделяется особое сопроводительное деепричастие, которое оформляет действие, сопутствующее основному. Образуется оно афф. *-пышааңга/-пішааңга, -пушааңга/-пушааңга* (после основ на глухой согласный), *-бышааңга/-бішааңга, -бушааңга/-бушааңга* (после основ на сонанты, как вариант после *-н, -ң* встречается *-мышааңга/-мішааңга, -мушааңга/-мушааңга*), *-вышааңга/-вішааңга, -вушааңга/-вушааңга*. Деепричастие с аналогичным значением, но с аффиксом *-пышаан* встречается еще в тувинском языке[83]. В других тюркских языках оно не отмечено.

В тофаларском языке эта форма выполняет две функции.

Во-первых, она оформляет действие, которое сопровождает какое-то главное действие и происходит одновременно с ним. В данном случае эта форма представляет собой настоящее деепричастие, например: *неш кыъппышааңга туъшту* 'дерево упало, горя', *боозын кол бле туътпушааңга туъшту* 'он упал, сжимая ружье в руке', *оң нешты эңнэвішааңга туъшту тайгаш, обрһасы сына берді* 'он нес бревно на плече, поскользнулся, упал и сломал позвоночник', *ыштуг дэп билбішааңга боо алган мен* 'я взял ружье, понимая, что передо мной враг', *ыге келбішааңга соодаары йок* 'не следует говорить сразу как только войдешь в дом', *мен аңнавышааңга чору мен* 'я все еще еду, промышляя по пути'.

Во-вторых, эта форма глагола служит сказуемым законченного предложения со значением продолжающегося действия, в этой функции она изменяется по лицам, например: *мен ыврен-бішааңга мен* 'я еще учусь', 'я еще продолжаю учиться' (в этом значении эта фраза в какой-то мере синонимична фразе *мен ыврениһ тооспаан мен* 'я еще не окончил учиться', что осознается самими носителями тофаларского языка), *бис аңнавышааңга бис* 'мы еще продолжаем промышлять', *оларың аңнавышааңгалар* 'они еще промышляют'.

Выше мы уже высказали свое предположение о происхождении данного аффикса.

Деепричастие предела на *-кыша*

Деепричастие предела обозначает действие, со времени совершения которого начинается действие, выраженное другим глаголом, например: *кыъш болгыша коорытта черлээн бис* 'мы жили в городе пока не наступила зима' (до наступления зимы), *тоткуша чээн мен* 'я ел досыта'. Это деепричастие образуется афф. *-киша/-кіше, -куша/-куше* (после основ на глухой согласный), *-гыша/-гіше, -гуша/-гуше* (после основ сонантов и гласных), при этом согласный *-г* аффикса в случае присоединения к основе на конечный гласный выпадает, в результате чего образуется долгий гласный и аффикс теряет свою фонетическую самостоятельность, слившись с основой глагола. В отрицательном аспекте не употребляется. Примеры: *келгіше* 'пока не придет', *алгыша* 'пока не возьмет', *баргыша* 'пока не уйдет', *чоруша* (< *чору + гуша*) 'пока не поедет', *аңнаша* (< *аңна + гуша*) 'пока не станет охотиться', *туъткуша* 'пока не схватил', *эгіше* 'пока не согнул' (< *эг + гіше*); *чагыша* 'пока не пошел дождь' (< *чаг + гыша*).

В тувинском языке этого аффикса нет. Для оформления деепричастия предела в нем употребляется афф. *-кала*; показа-

[82] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 335.

[83] См. там же, с. 404-407.

тель же *-киже/-киже*, совпадающий по происхождению с тофаларским *-киша*, оформляет особое предельное наклонение[84].

В тофаларском языке этот аффикс может принимать показатели личной принадлежности и к ним аффикс дательно-направительного падежа, например: *келгішевиске минда олыр* 'сиди здесь, пока мы не приедем', *сен бар, мен келгішеңге олырар мен* 'ты иди, я посижу пока ты не придешь'. Это оформление происходит по всем лицам как ед., так и мн. числа. Только в 3-м лице ед. числа к аффиксу не добавляются ни показатель личной принадлежности, ни дательно-направительный падеж. В 3-м лице мн. числа к афф. *-гыша* может добавляться афф. *-лар*, например: *оң келгіше манав олыр* 'сиди и жди, пока он придет', *оларың келгіше(лер) манав олыр* 'сиди и жди, пока они придут'.

Кроме тувинского языка, тофаларский афф. *-киша* имеет параллель также в киргизском языке, где сосуществуют *-ганча, -гынча* и *-гыча*, и в уйгурском языке, где тоже сосуществуют *-ғунча* и *-ғича*[85].

Происхождение тувинского *-киже* объясняют из *-ган + че*, так как в большинстве тюркских языков это деепричастие выглядит как *-ганча, -ганша, -ганса, -ганчи*, и отвергают связь компонента *-ки-* с древним глагольным именем на *-ги*[86]. Нам представляется такое объяснение нелогичным, так как наличие в большинстве языков формы *-ганча* вовсе не причина возводить к ней же и *-киже*. Дело в том, что в киргизском и уйгурском языках сосуществуют *-ганча* и *-гынча*, что говорит о разном их происхождении. Именно в кирг. *-гынча*, уйг. *-ғича*, тоф. *-киша*, тув. *-киже* прослеживается иное происхождение, чем у формы *-ганча*, хотя бы последняя и получила более массовое употребление. Нам представляется, что *-ганча* произошло от *-ган* + показатель древнего экватива *-ча*[87], а *-гынча* - от *-ги* (тот же показатель древнего глагольного имени, что и в форме *барғы дэг*) + тот же экватив *-ча*.

Выделять особое предельное наклонение на базе деепричастного афф. *-киша*, хотя бы он и принимал показатели личной принадлежности, нам кажется, нет смысла, так как и в таком оформлении аффикса *-киша* форма не теряет признаков деепричастия. А показатели личной принадлежности здесь совсем не равнозначны таким же показателям в формах verbum finitum.

---

[84] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 341, 404.

[85] См.: Кыргыз тилинин грамматикасы. Морфология. Фрунзе, 1964, с. 270, 271; *Боровков А.* Учебник уйгурского языка. Л., 1935, с. 124-125.

[86] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 406-407.

[87] См.: *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 244.

Отрицательное деепричастие на *-бейн*

Соединительному и слитному деепричастиям в отрицательном аспекте соответствует отрицательное деепричастие на *-бейн*, которое имеет в зависимости от ауслаута основы глагола следующие фонетические варианты: *-пейн* (после глухих согласных), *-бейн* (после всех сонантов, но как произносительный вариант после *-н*, *-ң* встречается также *-мейн*), *-вейн* (после гласных). При этом различия в употреблении этих вариантов в твердорядных и мягкорядных словах нет. Примеры: *туътпейн* 'не держа', *келбейн* 'не приходя', *албейн* 'не беря', *чеътпейн* 'не достигая', *чеътішпейн* 'не хватая', *ғөрбейн* 'не видя', *дыңнавейн* 'не слыша', *аңнавейн* 'не охотясь', *турбейн* 'не стоя', *киъппейн* 'не горя', *көъшпейн* 'не кочуя', *дівейн* 'не говоря', *соодавейн* 'не рассказывая', *иштэнбейн* (~ *иштэнмейн*) 'не работая'.

Причина такого неразличения заключается в том, что происходит этот аффикс от слияния показателя отрицательного аспекта глагола *-ба...* и древнего деепричастного аффикса *-йын*[88], который, в свою очередь, состоит из аффикса слитного деепричастия *-йы*, который обычно присоединяется к основам с конечным гласным, и добавленного к нему аффикса древнего инструментального падежа с показателем *-н*, усилившего здесь обстоятельственную функцию этой глагольной формы. Таким образом, первоначально этот сложный аффикс в тофаларском языке выглядел **-байын/*-бейін*, затем, вследствие появления на каком-то этапе развития тофаларского языка закономерности ослабления сонантов, особенно в интервокальном положении, их вокализации и образования вторичных долгот, согласный *й* тоже ослабился и вокализовался. Поскольку в данном случае слог был закрытым, то образовался не долгий монофтонг, как это обычно происходит в открытом конечном слоге, а дифтонг, твердорядный гласный обычно под влиянием *й* опередняется. В результате получается: **-байын → *-беін → -бейн*; **-бейін → *-беін → -бейн*. Этот аналогичный процесс относительно развития аффикса слитного деепричастия *-йы/-йі* после гласных основы был уже рассмотрен выше.

Функции отрицательного деепричастия следующее:

1) оно участвует в образовании отрицательного аспекта форм настоящего времени, например: *оң иштэнбейндірі* 'он не работает', *оң көрбейндірі* 'он не видит', *оң барбейндырғ* 'он не уходит', *оң чорувейндырғ* 'он не едет';

2) оно оформляет отрицательный аспект соединительного и слитного деепричастий, обозначая действие, которое или не происходило, или не происходит одновременно или параллельно с главным (в какой-то мере это относится и к сопроводительному деепричастию), например: *оң көзулбейн эъртken* 'он проехал, не показываясь', *оң һынеэк санавейн олурган* 'он сидел, не читая книгу', *каньчжап баар сен, өөмге кірбейн?* 'как же ты уйдешь, не зайдя ко мне домой?', *оң тамһылавейн туру* 'он стоит и не курит', *дагжавейн чжору* 'иди тихо, бесшумно', *удувейн ғөрдуру* 'не спит, смотрит'.

---

[88] См.: *Кондратьев В.Г.* Указ. соч., с. 43.

Таблица 9

Деепричастия

Тоф.	Тув.	Хак.	Шор.	Алт.	Кирг.
-п	*-п*	*-п*	*-п*	*-п*	*-п*
-ып/-ip	*-ып/-ип*	*-ып/-ip*	*-ып/-ип*	*-ып/-ип*	*-ып/-ип*
-уп/-уп	*-уп/-уп*		*-уп/-ӱп*	*-уп/-ӱп*	*-уп/-уп*
-а/-е	*-а/-е*	*-а/-е*	*-а/-е*	*-а/-е*	*-а/-е*
-ы/-i	*-ы/-и*			*-о/-ӧ*	*-о/-ө*
-у/-у	*-у/-у*				
-йы/-йi	*-й*	*-и*		*-й*	*-й*
-каш/-кеш	*-каш/-кеш*	-	-	-	-
-гаш/-геш	*-гаш/-геш*				
-бышаанга/-бішаанга	*-бышаан/-бишаан*	-	-	-	-
-кыша/-кіше	*-кыже/-киже*	-	-	-	*-гыча/-гиче*
-гыша/-гіше	*-гыже/-гиже*				
-бейн/-бейнша	*-байн/-бейн*	*-бин*	*-баан/-беен*	*-бай/-бей*	*-бай/-бей*
				-бой/-бӧй	*-майынча/-мейинче*
-	*-гала/-геле*	*-ғали/-гели*	-	*-галы/-гели*	*-галы/-гели*
					-гаы/-гени
-	-	*-абас/-ебес*	-	-	-
-	-	*ғанча/-генче*	*-ганча/-генче*	*-ганча/-генче*	*-ганча/-генче*
					-гынча/-гинче
-	-	-	*-ала/-елѐ*	*-ала/-еле*	-
			-ла/-ле	*-йла/-йле*	
-	-	-	-	*-гажын/-гежин*	
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-

Встретился единичный случай употребления этого деепричастия с показателем *-ша* (< *-ča* экватив): *караан албейнша характаар* 'наблюдать, не сводя глаз'. Это напоминает форму отрицательного деепричастия на *-мыйча* в татарском языке (ср. например, *ашыкмыйча* 'не торопясь', *бетмиче* 'не оканчиваясь', *алмыйча* 'не беря' и т.п.)[89], или на *-майынча* в киргизском (например, *айтмайынча* 'пока не скажет')[90].

* * *

Как можно видеть из небольшого сравнительного материала по деепричастиям, приведенного нами в табл. 9, все тофаларские деепричастия имеют параллели в других тюркских языках. При этом тув. *-бышаан* и тоф. *-бышаанга* характерны только для этих двух языков, хотя по функции к ним в какой-то мере примыкает хакасская форма на *-абас*[91], например: *килебес* 'приходя', *салабас* 'кладя'. С киргизской и узбекской формами сходится тоф. *-кыша* и тув. *-киже*. С татарскими и уйгурскими аффиксами совпадают тоф. *-каш* и тув. *-каш*. К этой же форме можно причислить и алт. *-кажын* (*каш* + инструментальный падеж *-ын*[92]). Во многих тюркских языках эта форма не представлена. В тофаларском и тувинском языках эти *-каш* могут быть уйгурским наследством, равно как и *-кыша* (в отличие от *-ганча* кыпчакских языков и *-ынча* огузских). Но форма *-кыша* могла развиться и под киргизским влиянием. Сейчас трудно окончательно установить. Отрицатель-

[89] См.: Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М., 1969, с. 260.

[90] См.: Кыргыз тилинин грамматикасы, с. 272.

[91] См.: Грамматика хакасского языка, с. 245.

[92] Об этой этимологии см.: *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, с. 593, 594.

Таблица 9 (окончание)

Каз.	Тат.	Уйг.
-п	*-п*	*-п*
-ып/-ін	*-ын/-ен*	*-ин*
		-ун/-ун
-а/-е	*-а/-ә*	*-а/-ә*
-й	*-ый/-и/-й*	*-й*
-	*-кач/-кәч*	*-кач/-кәч*
	-гач/-гәч	*-гач/-гәч*
-	-	-
-	-	*-гича/-гичә*
-май/-мей	*-мый/-ми*	*-май/-мәй*
-мап/-мен	*-мыйча*	
-галы/-гелі	-	*-ғили/-гили*
-	-	-
-ганша/-генше	*-ганчы/-гәнче*	
		ғунча/-гунчә
-	-	-
-	-	-
-	*-арак/-әрәк*	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-	-	-

ное деепричастие *-бейн* сохраняет древний показатель *-ын*, как и деепричастие *-йы*. Пожалуй, только в тофаларском более чисто сохраняется деепричастие *-йы*. В огузских языках хотя *-j* и сохранился, но *-ы* перешел в *-а*.

Тувинский и тофаларский сохранили в чистоте древние показатели деепричастий *-ы/-i*, *-у/-у*, которые в других тюркских языках повсеместно были заменены формой *-а/-е*.

В тофаларском языке нам ни разу не встретилось деепричастие на *-гала/-геле*, характерное для тувинского и многих других тюркских языков, равно как не встретились также формы *-ганша*, *-ала*, *-арак* и другие, присущие другим тюркским языкам.

Сравнение показывает, что среди тофаларских деепричастий нет оригинальных, за исключением *-бышаағга*, - все они тюркского типа.

Аз.	Тур.	Др.-тюрк.
		-п
-(j)ыб/-(j)иб	*-(y)ip/-(y)ip*	*-ын/-ін*
		-ынан
-(j)уб/-(j)уб	*-(y)up/-(y)üp*	
-(j)а/-(j)ə	*-(y)a/-(y)e*	*-а/-ä*
		-ы/-i
		-у/-ӱ
		-jу/-jӱ
		-jын/-jін
-	-	-
-	-	-
-	-	-
-маjыб/-мejиб	*-mayip*	*-маjын*
-	-	*-ғалы*
-	-	-
-	-	*-ғунча*
-	*-(y)ali*	-
-	-	-
-араг/-әрәк	*-(y)arak*	-
-дыгча/-дикчә	*-dikçа*	-
-(j)ынча/-(j)инчә	*-(y)ınca*	-
-мадан/-мәдән	*-madan*	*-матын*
-чаг/-чәк		*-ча*
-мамыш/-мәмиш	-	-

Причастие

Причастие - особая форма глагола, которая совмещает в себе свойства глагола и свойства прилагательного. В языке существует несколько различных форм причастий, для всех их характерно представление действия как свойства предмета или лица.

Признаки, общие для причастий и глаголов: 1) обозначение предмета в действии: *келген киши* 'пришедший человек'; 2) наличие категории залога: *бастырбас һаанывыс* 'наше непобедимое государство', *туъпулган чжуме* 'найденная вещь'; 3) наличие категории вида: *тураннаан киши* 'человек, который часто останавливался', *кылас кынган от* 'сверкнувший огонь'; 4) обозначение действия во временном аспекте по отношению к моменту речи: различаются причастия прошедшего, настоящего и будущего времен: *алыр киши* 'человек, который возьмет', *чору киши* 'человек, который идет сейчас', *чорааn*

киши 'человек, который шел'; 5) наличие аспектов отрицательного и положительного, возможности и невозможности: *алып болбас чжуме* 'вещь, которую нельзя брать', *шыйып болыр киши* 'человек, который может писать', *шыйбас киши* 'человек, который не будет писать', *келбээн киши* 'человек, который не пришел'; 6) причастия управляют падежами имен: *коорытка чжораан киши* 'человек, уехавший в город', *аармидан нянып келген оол* 'парень, вернувшийся из армии'; 7) причастия могут быть сказуемыми простых предложений и главного в сложноподчиненном предложении, выступая как verbum finitum и спрягаясь: *мен школ уун чжору мен* 'я иду к школе', *сен школ уун чжору сен* 'ты идешь к школе' и т.д. по лицам, *мен школ уун чжораан мен* 'я шел к школе', *сен школ уун чжораан сен* 'ты шел к школе и т.д. по лицам.

Признаки, общие для причастий и имен прилагательных:

1) причастия могут выступать в роли определения, как и прилагательные, предшествуя определяемому, способ связи - примыкание. Только, в отличие от прилагательного, причастие в роли определения сохраняет свое глагольное управление дополнением и свое обстоятельство: *улуг ибээ мунган киши келді* 'приехал человек, верхом на большом олене', *шыйып санап билбес киши эрген* 'оказался человеком, не умеющим читать и писать', *унуп чору миис* 'растущие рога', *сунуп чору оолчжык* 'бегущий мальчонка'; 2) причастия могут субстантивироваться, принимая показатель личной принадлежности, падежа и числа, и могут выступать в роли любого члена предложения: *удуурумнуң беътіндэ эмні ишер мен* 'я выпью лекарство до того, как я лягу спать', *алырын билбес киши* 'человек, не знающий, что он должен взять', *мені санаарны эмші айбылаваан* 'мне врач не разрешает читать', *чуге баарыңʔ* 'куда идешь?', *ынаары баары йок* 'туда нельзя идти', *мында турары йок, ыңгай чоруулу* 'что здесь стоять, поехали дальше', *өскен чжаарын болып каган* 'дождь перестал идти', *иштэнгенімге мөңгун берген* 'за то, что работал, дали денег', *чжорааныn соодаан* 'рассказал о том, как ездил', *сілер талыйарыңарда* 'когда вы уезжаете'.

Причастие вместе с зависимыми словами образует причастный оборот. Если он имеет свой субъект (подлежащее), то его следует рассматривать как придаточное предложение, причастие же в нем функционирует как сказуемое. Примеры: *ол киши олурусун гөрдурмен* 'я вижу, что тот человек сидит', *келі чыътырысын көрдум* 'я увидел, что он идет сюда', *ол кишинің ыңгай баарын көрдум* 'я увидел, что тот человек пошел туда', *бедік тагдан һараарымга беэрэң гайныр турусу йок* 'когда я смотрю с высокой горы, мелькающего в воде не было', *бо һемні мең уъстун кеъштім, кеһер чер, чок болырга* 'эту реку я переехал в верховье, так как не было брода'.

В современном языке имеются причастия всех трех времен относительно момента речи: причастия прошедшего, настоящего и будущего времен.

Причастие прошедшего времени

В современном тофаларском языке существует только одна причастная форма для прошедшего времени, которая образуется путем присоединения к основе глагола афф. *-ган/-ген* (после сонантов и гласных) и *-кан/-кен* (после глухих согласных). При этом конечный *-г* основы и начальный *г* аффикса, обычно на стыке морфем, сливаются в один смычный *г*, начальный *г-* аффикса при основе на гласный исчезает, дав заместительную долготу гласного, всегда широкого, неогубленного. Примеры: *туъткан* 'поймавший, ловивший', *аңнаан* (< *аңна* + + *ган*) 'охотившийся', *болган* 'бывший', *эген* (< *эг* + *ген*) 'согнувший', *чаган* (< *чаг* + *ган*) 'намазавший', *доңган* 'замерзший', *сыңган* 'вместившийся', *эъртken* 'прошедший мимо', *нянган* 'вернувшийся', *эмген* 'сосавший', *тыърткан* 'тянувший', *эмнээн* (< *эмнэ* + *ген*) 'лечивший'.

Отрицательный аспект этой причастной формы образуется путем присоединения аффикса причастия *-ган...* к аффиксу глагольного отрицания *-ба...* . При этом происходит фонетическое слияние этих двух аффиксов в один сложный *-баан/-бээн, -ваан/-вээн, -паан -пээн* (как вариант иногда употребляется *-маан/-мээн*, но только после *-н, -ң*) за счет выпадения согласного *г-* аффикса, оказавшегося между гласными. Примеры: *келбээн* 'не пришедший', *иштэнбээн* (~*иштэнмээн*) 'не работавший', *албаан* 'не взявший', *эъртпээн* 'не прошедший', *барбаан* 'не ушедший', *тыъртпаан* 'не тянувший', *доңбаан* (~*доңмаан*) 'не замерзший', *бербээн* 'не давший', *аңнаваан* 'не охотившийся', *өлувээн* 'не промокший'.

Причастие настоящего времени

Специфику современного тофаларского языка составляет аффикс причастия настоящего времени *-у/-ы*, который строго дифференцирован от деепричастия на *-а*, например: *мында туру киши тамһылавас* 'человек, стоящий здесь, не курит', но *аът тура удуур чуме* 'лошадь спит стоя', *ында олыры* (~*олуру*) *киши миің аъһам* 'человек, сидящий там, мой старший брат', но *ол киши олыра удыйдыры* 'тот человек спит сидя', *ында чору киши миің танычжым* 'человек, идущий там, мой знакомый', но деепричастие от *чору-* будет *чорыый* (~*чориий*), *чыътыры* 'лежащий', но *чыъта* 'лежа'.

Это причастие может принимать показатели личной принадлежности и склоняться, например: *ол кишинің чорусун көрдурмен* 'я вижу, что идет тот человек', *ол киши чоруда* 'когда тот человек идет', *бо һептэ турум чок* 'на той фотографии меня нет', *аът турусу бар* 'конь стоит', *кадыр тагдан һараарымга караң гайныр турусу йок* (нар. песня) 'когда я смотрю с отвесной скалы, то в лесу ничего не чернеет', *мен алдым һынеэкты, ностоол һырында чыътырыны* 'я взял книгу, лежащую на столе' (здесь калька с русского синтаксиса, обычно же говорят: *мен ностоол һырында чыътыры һынеэкты алдым*).

Непосредственно к своей основе этот аффикс принимают только глаголы *тур-* 'стоять', *чор(у)-* 'идти', *олур-~олыр-* 'сидеть', *чыът(ыр)-* 'лежать' как сохраняющие свое лексическое значение, так и выполняющие служебные функции в аналити-

ческих видовых формах глаголов, например: *чору киши* 'идущий человек', *туру киши* 'стоящий человек', *унуп чору неш* 'растущее дерево', *киши чөрлеп туру өг* 'дом, в котором живут люди', *шей ишип олыры киши* 'пьющий чай человек', *унуп чору миистыг иби* 'олень с растущими рогами'.

Это причастие участвует в образовании финитной формы настоящего конкретного времени, причем от указанных глаголов *тур-, олур-, чор(у)-, чыът(ыр)-* она образуется только посредством аффикса причастия настоящего времени (*туру* 'стоит', *чору* 'идет', *олуру* 'сидит', *чыътыры* 'лежит'), а от всех других глаголов при помощи этих же глаголов, но образующих аналитическую форму, в которой они играют роль служебного элемента, принимающего аффикс финитной формы, в данном случае аффикс причастия настоящего времени. Примеры: *сарыг аң неш ачжыры туру* 'изюбрь стоит за деревом', *сарыг аң дыннап туру* 'изюбрь слушает', *эчжім заводта иштэніп туру* 'мой друг работает на заводе', *чыдыг чиишкін чылгап чыътыры* (~*туру*) 'собака есть корм'. Эти же формы могут быть употреблены и как причастные определения: *неш ачжыры туру сарыг аң дыннап туру* 'изюбрь, стоящий за деревом, слушает', *заводта иштэніп туру эчжім мәә келді* 'мой друг, работающий на заводе, пришел ко мне', *чиишкін чылгап чыътыры чидыг эккі чидыг, ӧӧрһі эмес* 'собака, которая сейчас ест корм, хорошая собака, не пустолайка'.

Имеется несколько атрибутивных конструкций с этим причастием, которые стали настолько устойчивыми, что начинают терминологизоваться, например: *туру чаъһа* 'стоячий воротник', *чыътыры чаъһа* 'отложной воротник', *олуру тараа* 'хлеб на корню' (букв. 'сидящее зерно,), *өөреніп туру уруглар* 'ученики, школьники' (букв. 'учащиеся дети').

Отрицательный аспект этого причастия образуется аналитически, сочетанием отрицательного деепричастия на *-бейн* с одним из вспомогательных глаголов *тур-, олур-, чыът-, чору-*, оформленных показателем причастия: *чорувейн чыътыры* 'не идущий', *иштэнбейн* (~*иштэнмейн*) *чыътыры* 'не работающий', *тамыһылавейн туру* 'не курящий' и т.д. Кроме того, часто употребляется и отрицательный аспект причастия будущего времени с показателем *-бас*, например: *мында аңнавас киши келді* 'пришел человек, здесь не охотящийся', *ам чуге тэ чорувас киши мен* 'я сейчас никуда не еду'. Это употребление связано со значением настоящего общего неопределенного времени формы на *-ар* наряду с его главным значением будущего времени.

Причастие настоящего времени с формантом *-у/-ы* не имеет аналогий в других тюркских языках, как в древних, так и в современных. Там оно имеет совершенно иные показатели.

Как уже упоминалось, аффикс причастия настоящего времени принимают только глаголы *тур-, чыът-, олыр-, чору-*. При этом *тур-* и *олыр-* правильно образуют эту форму, т.е. основа + аффикс (ср. *туру* 'стоящий', *олыры* 'сидящий'). Глаголы же *чыът-* и *чору-* имеют в этом отношении свою специфику. *Чыът-* перед аффиксом причастия получает наращение *-ыр-* (ср. *чыътыры* 'лежащий'), а форма причастия от *чору-* фонетически совпадает с основой (ср. *чору* 'идущий'). Так обстоит дело в плане синхронии.

Разнобой в оформлении данного причастия наводит на мысль об особом, сложном происхождении его форманта. Действительно, если обратимся к сравнительным данным, то оказывается, что с тофаларскими причастиями *туру, олыры ~ олуру, чору* и *чыътыры* совпадают по форме тувинские *туру* 'он стоит', *олуру* 'он сидит', *чору* 'он идет' и *чидыры* 'он лежит', употребляющиеся только в 3-м лице наряду с их краткими формами *тур, олур, чор, чидыр*. В отличие от тофаларского языка тувинские *туру, олуру, чору, чидыры* никогда не употребляются как причастия. Они представляют собой только финитные формы настоящего конкретного времени. При спряжении этих глаголов в тувинском языке во всех остальных лицах кроме 3-го всегда употребляются сокращенные формы, например: *мен тур мен* 'я стою', *сен тур сен* 'ты стоишь', *бис тур бис* 'мы стоим', *силер тур силер* 'вы стоите', *мен чор мен* 'я иду', *сен чор сен* 'ты идешь' и т.п.[93] Тофаларский язык, в отличие от тувинского, везде, во всех лицах при спряжении этих глаголов употребляет полную форму, например: *мен туру мен* 'я стою', *сен туру сен* 'ты стоишь', *мен чору мен* 'я иду', *сен чору сен* 'ты идешь' и т.п.

Полные формы этих глаголов, подобные тофаларским, имеет алтайский язык, причем во всех лицах при их спряжении. Напр.: *туру/туры* 'он стоит', *турым* 'я стою', *турың* 'ты стоишь', *турыбыс/турыс/турык* 'мы стоим', *отуры/отуру* 'он сидит', *дьӱрӱ* 'он идет', *дьатыры/дьады/дьат* 'он лежит'[94]. Эти формы и в алтайском языке никогда не выступают как причастия, являясь только финитными формами настоящего времени.

В хакасском языке глаголы *тур-* 'стоять', *чӧр-* 'ходить', *одыр-* 'сидеть' своей основой, не принимая специальных показателей, могут выражать настоящее время, например: *тур* 'стоит', *одыр* 'сидит', *чӧр* 'идет'[95].

Форма же *-чадыр* (< *чат-* 'лежать') с вариантом *-чедір*, сократившаяся в *-ча/-че*, употребляется как аффикс, показывающий настоящее время[96]. В шорском языке такая же картина, как в хакасском.

Таким образом, в пределах саяно-алтайских тюркских языков, более полно эти формы сохранились лишь в тофаларском, алтайском, частично в тувинском.

В других тюркских языках эти формы также имеют параллели, например, ног. *туры* 'стоит', *олтыры* 'сидит', *юры* 'идет', но *ятыр* 'лежит'[97]. В казахском языке употребляют-

---

[93] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 359-360.

[94] См.: *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, с. 195.

[95] См.: Грамматика хакасского языка, с. 207.

[96] См. там же, с. 201-202.

[97] См.: *Исхаков Ф.Г.* Формы настоящего времени глагола изъявительного наклонения в тувинском языке. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956, с. 308.

ся краткие формы: *тур* 'стоит', *отыр* 'сидит', *жур* 'идет', но *жатыр* 'лежит'[98]. В киргизских говорах исследователи отмечают наличие древней формы четырех вспомогательных глаголов *жатыры, отуру, журу, туру*[99], участвующих в образовании сложной формы настоящего времени. Форма *-ётир*, ставшая одним из показателей настоящего конкретного времени, имеется в узбекском языке[100], в каракалпакском языке зафиксированы *джатыр* 'он лежит', *тур/туру* 'стоит', *отур* 'сидит', *джюр/джюрё* 'идет'[101]. В туркменском языке тоже представлена краткая форма этих глаголов в виде *дур* 'он стоит', *отыр* 'он сидит', *ятыр* 'он лежит', эти же формы вместе с глаголом *йэр* 'он идет' образуют сложную форму настоящего конкретного времени[102].

Этот перечень можно было бы продолжить, но и приведенные факты убедительно свидетельствуют, что эти формы - полные или краткие - вспомогательных глаголов *тур-* 'стоять', *чыът-* 'лежать', *олыр-* 'сидеть', *чору-* 'ходить', употребляющихся и в своих лексических значениях, довольно широко распространены в тюркских языках, потому что, видимо, достаточно древние.

В литературе уже высказывались мнения о происхождении этих форм в тувинском и киргизском языках. Так, тувиноведы предлагают два варианта этимологии тувинских *тур/туру, олур/олуру, чор/чору, чидыр/чидыры*. Согласно первому, эти формы "3-го лица ед. числа... происходят не от причастия будущего времени *турур, олурур*... вследствие редукции конечного *р*, а от притяжательной формы тех же причастий *туруру, олуру*... вследствие выпадения причастного аффикса *-ур/-ыр*, при этом конечный аффикс (принадлежности) *у/ы* сохранился, но изменил свое значение, став личным предикативным показателем 3-го лица ед. числа"[103]. Согласно другому предположению, "форма настоящего времени *тур* происходит от древнего причастия *турур*, у которого в последующем развитии постепенно отпали сначала конечный *р*, а потом предшествующий ему *у: турур > туру > тур*. Промежуточная ступень *туру* встречается как диалектная разновидность в современном киргизском языке"[104]. Сохранение же полной формы *чидыр* объясняют тем, что она якобы устраняет смешение со словоформой *чыды* 'его запах' (< *чыт* 'запах')[105].

Киргизоведы тоже объясняют возникновение киргизских *туру, отуру, журу, жатыры/жатыр* за счет усечения (отпадения *р*) древней формы настоящего времени[106].

Мысль о возведении этих форм к более полной древней форме причастия на *-ур/-ыр* нам кажется весьма рациональной, тем более что материал современных тюркских языков убеждает в том, что некогда в тюркских языках были две разные формы аориста на *-р:* один с узкими гласными - *-ур/-ыр* - означал настоящее конкретное, может быть настоящее определенное время, а с широким гласным - *-ар/-эр* - настоящее будущее время, или настоящее неопределенное[107]. Затем произошло слияние этих форм аориста, и уже в древнетюркском языке сосуществовали варианты с узкими и широкими гласными, не различаясь в употреблении, хотя преобладали варианты с узкими гласными[108]. Настоящее конкретное время продолжало оформляться аористом с узкими гласными, но только в пределах четырех глаголов *тур-* 'стоять', *чыът-* 'лежать', *олур-* 'сидеть', *чору-* 'ходить'[109], получившими широкие служебные функции при образовании аналитической формы настоящего конкретного времени от всех прочих глаголов. Поэтому следует считать, что узкий вариант гласных в аористе сохранился, но только в этих четырех служебных глаголах. Это происходило, вероятно, очень давно, поэтому формы аориста этих глаголов сильно редуцировались там, где образовались аналитические формы.

То, что такое разделение по значению аориста с узкими гласными и с широкими было, подтверждает современный азербайджанский язык, в котором настоящее время образуется афф. *-ыр/-ир, -ур/-ур* (*язырам* 'я пишу', *язырсан* 'ты пишешь', *языр* 'он пишет'), а категорическое будущее время - афф. *-ар/-эр* (*язарам* 'я буду писать', *язарсан* 'ты будешь писать', *язар* 'он будет писать')[110].

В хакасском языке только от двух глаголов - *пар-* 'идти туда' и *кил-* 'идти сюда' - настоящее время образуется афф. *-ир: парир* 'уходит', *килир* 'приходит'. При этом иногда *-р* выпадает: *пари* 'уходит' и *кили* 'приходит'[111]. Будущее время от этих глаголов образуется тем же по происхождению аффиксом аориста, но с широкими гласными: *парар* 'уйдет', *килер* 'придет'.

---

98 Там же, с. 306-307.

99 См.: *Юнусалиев Б.М.* Киргизский язык. - В кн.: Языки народов СССР, Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 504; *Турсунов А.* Категория времени глагола в киргизском языке.- В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Материалы совещания. Баку, 1968, с. 68-69.

100 См.: *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 212.

101 См.: *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Ч. 2. Фонетика и морфология. М., 1952, с. 365-372.

102 См.: Грамматика туркменского языка, с. 275-276.

103 *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 361-362.

104 Там же, с. 362.

105 Там же, с. 362-363.

106 См.: *Турсунов А.* Указ. соч., с. 68-69.

107 О предположении подобной дифференциации значений форм *-ыр/-ир* и *-ар/-ер* см.: *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940, с. 100.

108 См.: *Насилов В.М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, с. 55-56; *он же.* Древнеуйгурский язык. М., 1963, с. 58-59; *Кондратьев В.Г.* Указ. соч., с. 31-32.

109 Они даны здесь в тофаларской огласовке.

110 См.: Грамматика азербайджанского языка, с. 136, 138.

111 См.: Грамматика хакасского языка, с. 206.

В якутском языке аорист на *-р* как с узкими гласными, так и с широкими (их употребление регламентируется чисто фонетическими комбинаторными причинами) служит для образования спрягаемой формы 3-го лица настоящего конкретного времени, являясь в то же время причастием настоящего времени[112].

Таким образом, мы смело можем предположить, что в основе тофаларских форм *туру, олуру, чору чыътыры* тоже лежат очень древние причастия настоящего определенного времени **турур, *олурур, *чоруур, *чыътыр* (ср. в связи с этим современные причастия будущего времени от этих глаголов: *турар, олурар ~ олырар, чоруур, чыътар*), послужившие основой для образования финитной формы настоящего конкретного времени. Постепенно конечное *-р* этой формы редуцировалось, что можно объяснить очень частым ее употреблением и помехой при этом "лишнего" звука *-р*, тем более, что в конечной позиции он вообще произносится в тюркских языках, особенно сибирских, очень глухо. Короче говоря, неустойчивость фонетической позиции *-р* обусловило его отпадение. Поэтому нам кажется справедливым второе предположение тувиноведов и догадка киргизоведов.

Однако, появление конечного *-ы* у *чыътыры* следует, на наш взгляд, объяснить несколько иначе. Поскольку глаголы *тур-, олур-, чору-* имеют в конце основы звук *-р*, к которому добавлялся еще один *-р*, но уже компонент аффикса, то по принципу аналогии ауслаут *-ыр*, в форме *чыътыр* мог осознаться со временем как составная часть основы глагола, и тогда к словоформе *чыътыр*, осознанной как самостоятельная основа, вторично добавился показатель аориста настоящего времени, т.е. образовалось **чыътырыр*. О том, что это могло произойти, свидетельствует аналогичное осмысление словоформы *джатыр*, как самостоятельной основы и добавление к ней еще раз аффикса *-ыр*, т.е. *джатырыр*, в каракалпакском языке. Здесь от *джатыр* образуются даже прошедшее время *джатырган* 'лежал' и условное наклонение *джатырса* 'если ляжет'[113].

Следовательно, после отпадения *-р* у **чыътырыр* в тофаларском языке (а также в тувинском и алтайском) образовалась словоформа *чыътыры* с конечным *-ы*. В языковой памяти же народа сохранилась связь этой формы данных глаголов с древним причастием настоящего времени, поэтому и словоформы *туру, чору, олуру ~ олыры* и *чыътыры* продолжают считаться и в современном тофаларском языке причастиями настоящего времени. В других языках эта связь давно, видимо, утеряна, поэтому там эти формы стали чисто финитными и претерпели дальнейшую фонетическую деформацию.

Таким образом, можно с большой долей вероятности предположить, что тофаларский язык сохраняет, хотя и в редуцированном виде, древнее причастие настоящего времени, ставшее в других языках лишь показателем настоящего времени.

Причастный характер этой формы определил ее спряжение с предикативными показателями I группы, что сохраняется и

[112] См.: *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 190, 191, 224, 225.
[113] См.: *Баскаков Н.А.* Указ. соч., с. 369.

в других тюркских языках за исключением алтайского, в котором формы *туру, отуру, дьӱрӱ* и *дьадыры* осмыслились как имена действия и получили посессивный тип спряжения.

Наличие причастия настоящего времени с показателями *-у/-ы* (восходящими к *-ур/-ыр*), резко отличает тофаларский язык, от всех остальных тюркских языков и составляет его специфику.

Причастие будущего времени

В современном тофаларском языке имеется только одна форма причастия будущего времени, показателем которой выступает *-ар/-ер* (*-эр*), *-ыр/-ір* (*-ир*), *-ур/-ур*. Гласный аффикса сохраняется и при основах глаголов, оканчивающихся на гласный. Употребление аффиксов с широким или узким гласным регламентируется только фонетическими причинами. Так, чтобы выявить закономерность их употребления, нами было проанализировано несколько сотен глагольных основ с разным количеством слогов, непроизводные, производные и с залоговыми показателями. В результате этого анализа удалось установить следующее. Основная масса условно-непроизводных основ, состоящая из одного закрытого слога, имеет показателем данного причастия всегда *-ар/-ер*, независимо от того, является ли гласный этой основы широким или узким, огубленным или неогубленным, кратким, фарингализованным или долгим, например: *кар-* 'поперхнуться' - *карар, аък-* 'течь' - *аъһар, аъш-* 'открыть' - *аъһяр, чеът-* 'достигать' - *чеътэр, чет-* 'вести за руку' - *чедэр, ээр-* 'крутить' - *ээрер, ӘӘр-* 'лаять' - *ӘӘрер, һоор-* 'обманывать' - *һоорар, көъш-* 'кочевать' - *көъһер, өъш-* 'потухнуть' - *өъһер, ил-* 'прицепить' - *илер, чыът-* 'лежать' - *чыътар, тур-* 'стоять' - *турар, ит-* 'отправлять' - *идар, чул-* 'ощипать' - *чулар, уъш-* 'лететь' - *уъһяр, тыърт-* 'тянуть' - *тыъртар, коърт-* 'бояться' - *коърһар, өөр-* 'радоваться' - *өөрер*. Лишь очень немногие слова, буквально единицы, имеют показатель с узким гласным, например: *бол-* 'быть' - *болур ~ болыр, кел-* 'приходить' - *келір, бил-* 'знать, ведать' - *билир, кыл-* 'делать' - *кылыр, ал-* 'брать' - *алыр, сал-* 'класть' - *салыр, кал-* 'остаться' - *калыр, һал-* 'принести' - *һалыр*.

Все основы, оканчивающиеся на *-г*, утрачивают его при присоединении аффикса, в результате чего образуется заместительная долгота, качество долгого гласного при этом определяется качеством гласного основы, например: *дэг-* 'касаться' - *дээр, каг-* 'класть' - *каар, уг-* 'поднять, осилить' - *уур, эг-* 'гнуть' - *ээр, чжуг-* 'уронить, свалить' - *чжуур, чжыг-* 'собрать' - *чжыыр, чжаг-* 'идти - о дожде' - *чжаар*. Некоторые слова с конечными *ң* и *р* тоже образуют форму причастия по этому же типу. Таких слов немного, это: *бар-* 'пойти' - *баар, бер-* 'давать' - *бәәр, көр-* ''видеть, смотреть' - *көөр, мөң-* 'тянуть - о лошади, олене' - *мөөр*. Слова *кел-* 'приходить', *бол-* 'быть', *бил-* 'знать' встречались в двоякой форме, с сохранением *-л* и с утратой его: *келір ~ кеэр, болур ~ боор, билир ~ биир*. Чаще все же употребляется их полная форма.

Одно-, двух- и более сложные слова с конечным открытым слогом присоединяют аффикс с тем гласным, какой в конце основы, будь то узкий или широкий, например: *чаъса-* 'делать' - *чаъсаар*, *аңна-* 'охотиться' - *аңнаар*, *уле-* 'делить' - *улээр*, *уре-* 'портить' - *урээр*, *чылга-* 'лизать' - *чылгаар*, *эле-* 'изнашиваться' - *элээр*, *эъсіри-* 'опьянеть' - *эъсіриир*, *мудуру-* 'спотыкаться' - *мудруур*, *уду-* 'спать' - *удуур*, *ири-* 'гнить' - *ириир*, *чу-* 'мыть' - *чжуур*, *таны-* 'узнать, опознать' - *таныыр*, *шары-* 'бинтовать' - *шарыыр*, *кыры-* 'стареть' - *кырыыр*, *итэге-* 'верить' - *итэгээр*, *һөөрө-* 'всплыть' - *һөөрээр*, *дыыра-* 'спешить' - *дыыраар*, *даара-* 'сшить' - *даарааар*. Лишь одно слово *дэ-* 'говорить' при этом не образует долготы гласного - *дэр*, видимо, чтобы не было аналогии со словоформами *дээр//дээр* (< *дэг-* 'касаться') и *дээр//дээр* (< *дэг-* 'накладывать воз').

Многосложные слова с закрытым слогом присоединяют в большинстве случаев аффикс с широким гласным *-ар* или *-ер*, например: *олыр ~олур-* 'сидеть' - *олырар ~олурар*, *кыгыр-* 'звать' - *кыгырар*, *турук-* 'застояться, отстояться' - *туругар*, *илдік-* 'споткнуться' - *илдігер*, *чудур-* 'вьючить' - *чудурер*, *һабыр-* 'собрать разбежавшийся скот' - *һабырар*, *һемир-* 'грызть' - *һемирер*, *дуньчжук-* 'задохнуться' - *дуньчжугар*. Лишь немногие слова этого типа присоединяют аффикс с узким гласным, например: *һайын-~һэйн-* 'кипеть' - *һайнар*, *һарыш-* 'разминуться' - *һаржар*, *одун-* 'проснуться' - *оттур*.

Глаголы в залоговой форме присоединяют показатели этого причастия следующим образом. Залоги с афф. *-н*, *-с*, *-л* всегда присоединяют аффикс причастия с узким гласным, например: *алыс-* 'поддаваться' - *алзыр*, *һаас-* 'позволить запереть' - *һагзыр*, *туъпул-* 'найтись' - *туъптур*, *кадал-* 'втыкаться' - *кадалыр*, *туътун-* 'держаться' - *туъттур*, *чоон-* 'что делать' - *чоонур*, *каастан-* 'наряжаться' - *каастанар*, *иштэн-* 'работать' - *иштэнір*, *өөрен-* 'учиться' - *өөренір*. Залоги с афф. *-р*, *-тыр*, *-дын*, *-кыр* получают показатель причастия с широким гласным, например: *алдын-* 'браться' - *алдынар*, *көъһур-* 'заставить перекочевать' - *көъһурер*, *баътыр-* 'проглотить' - *баътырар*. Совместный залог принимает аффикс причастия и с широким и с узким гласным. При этом трудно уловить какую-либо закономерность, например: *таныш-* 'познакомиться' - *таныжжар*, *туътуш-* 'держаться друг за друга' - *туътжур*, *алыш-* 'брать друг у друга' - *альжжыр*, *бериш-* 'давать друг другу' - *бержир*.

Отрицательный аспект этого причастия образуется афф. *-бас/-бес*, *-пас/-пес*, *-вас/-вес* (после конечных *-н* и *-ң* может появиться как вариант произношения *-мас/-мес* вместо *-бас/-бес*). Примеры: *бар-* 'пойти' - *барбас*, *чору-* 'ехать' - *чорувас*, *туът-* 'ловить' - *туътпас*, *өъш-* 'погаснуть' - *өъшпес*, *бил-* 'знать' - *билбес*, *кор-* 'видеть' - *көрбес*, *иштэн-* 'работать' - *иштэнбес* (~ *иштэнмес*), *тыһын-* 'резать, брать - о ноже' - *тыһынбас* (~ *тыһынмас*), *эг-* 'гнуть' - *эгбес*, *чжаг-* 'идти - о дожде' - *чжагбас*.

Основным значением этого причастия в тофаларском языке является обозначение действия как признака, которое совершится в будущем. При этом всегда присутствует оттенок категоричности, достоверности, обязательности того, что действие произойдет, например: *ынаары барбас киши* 'человек, который туда не пойдет', *санаар киши* 'человек, который будет читать', *келір* 'который придет', *доңбас* (~ *доңмас*) 'который не замерзнет', *чживес* 'который не будет есть', *аңнавас* 'который не будет охотиться'. Это значение обусловило употребление данного причастия для выражения финитной формы будущего времени.

Причастие на *-ар* (*-бас*) очень часто выражает в тофаларском языке также обычный постоянный признак, свойство предмета, лица и соответствует в данном случае прилагательным или причастию настоящего времени[114], например: *төду билир киши* 'человек, знающий все', *киши чжорувас орук* 'дорога, непроходимая для человека', *чу тэ билбес киши* 'ничего не знающий человек', *шаңып шыдар киши* 'человек, могущий писать'.

Это значение обычности, постоянства признака, свойства, действия как существенного признака предмета или существа обусловило широкое употребление данного причастия в составных словах, становящихся терминами, например: *тынар чжуме* 'воздух' (т.е. вещество, которым обычно дышат), *уъһяр чжуме* 'птицы' (т.е. летающие существа), *чиир чжуме* 'пища' (т.е. предмет, который обычно едят), *олырар неш* 'скамья, табурет' (т.е. деревянный предмет, на котором обычно сидят), *чунар өг* 'баня' (дом, в котором моются), *немнэнір өг* 'столовая' (дом, в котором питаются), *өөренір өг* 'школа' (дом, в котором учатся).

Причастие будущего времени чаще других форм может субстантивироваться и обозначать имена действия, принимая при этом различные падежные аффиксы и формы принадлежности, например: *чуну тіләәрің?* 'ты что просишь?', *чуге баарың?* 'ты куда идешь?', *мен аңнаарым соодээйн* 'расскажу-ка я о том, как буду охотиться', *чуге чжиирің болып кагдың?* 'ты зачем перестал есть?', *кылырында ус* 'он мастер делать', *сугдан коъртпасы эккі, һайадан коърһары эккі* (посл.) 'не бояться воды - хорошо, бояться скалы - хорошо', *утпа һіләәмэ саътыв алырны* 'не забудь купить хлеба', *мен айбылаан мен уъштурну* 'я разрешил вытащить', *бәәрні болзуп кагды* 'он запретил давать'.

Оттенок обязательности, категоричности в значении этого причастия особенно явственно проступает в очень употребительном обороте типа: *кукшиинні ында аъртырары чжок* 'кувшин там оставлять не следует', *илээ кулаштаары та чжок, киши көрубідэр* 'открыто и идти-то нельзя, люди увидят', *ынаары баарывыс чжок* 'туда нам нельзя ходить'.

В синтаксическом отношении эта форма причастия ведет себя так же, как все остальные причастия, т.е. выступает в роли определения (*кайнаары та чорувас киши* 'человек, который никуда не поедет'), сказуемого (*кайнаары та чорувас мен* 'я никуда не поеду').

---

[114] Ср. данный аффикс с узким гласным, развившийся в тофаларском языке в показатель причастия настоящего времени, о чем было сказано выше.

Таблица 10

Причастия

Тоф.	Тув.	Хак.	Шор.	Алт.	Як.
-ган/-ген	-ган/-ген	-ган/-ген	-ган/-ген	-ган/-ген	-
-кан/-кен	-кан/-кен	-хан/-кен	-кан/-кен	-кан/-кен	
				-гон/-гӧн	
				-кон/-кӧн	
-у/-ү	-	-	-	-	-
-ар/-ер	-ар/-ер	-ар/-ер	-ар/-ер	-ар/-ер	-ар/-эр
-ыр/-ір	-ыр/-ир	-ир	-ыр/-ир	-ыр/-ир	-ыыр/-иир
-ур/-ур	-ур/-ур		-ур/-ӱр	-ур/-ӱр	-уур/-үүр
				-ор/-ӧр	-ор/-өр
-бас/-бес	-бас/-бес	-бас/-бес	-бас/-бес	-бас/-бес	-бат/-бэт
-	-	-чаӈ/-чеӈ	-чаӈ/-чеӈ	-	-
-	-гидег/-гидег	-ғадағ/-гедег	-гадыг/-гедиг	-гадый/-гедий	-
-	-галак/-гелек	-ғалах/-гелек	-галак/-гелек	-галак/-гелек	-
-	-	-чатхан/-четкен	-чыткан	-	-
-	-	-	-	-аман/-емен	-
-	-	-адырған/-едірген	-	-	-
-	-	-	-	-	-бит/-бит
					-бут/-бут
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-ыах/-иэх
					-уох/-үөх
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-тах/-тэх

Очень часто данное причастие, оформленное падежами, выступает в роли сказуемого придаточных предложений, например: *нешты кеъсерівистэ тоъһочжу аърта вээр* 'когда мы срубим дерево, останется пень', *он келірге сооda* 'скажи, когда он придет', *ооруну оорулаарда каък* 'бей вора, когда он ворует'.

Такое употребление данной формы позволяет предположить, что в отрывках *кишилер аӈ эрдэ* 'когда люди были дикими', *тоъфалар кеъшкун эрдэ* 'когда тофы были кочевниками' слово *эрдэ* представляет собой форму местного падежа причастия на *-р* древнего глагола **э(р)-* 'быть' (ср. словоформы *эмиш* 'оказывается' < **э(р)- + -миш*, *иик* 'был' < **э(р)- + йик*).

* * *

Нами сделана попытка сопоставить причастия, бытующие в настоящее время в тюркских языках Саяно-Алтая, с причастиями, представленными в некоторых других тюркских языках (см. табл. 10). Сравнительный материал показывает, что тофаларский язык, как и все саяно-алтайские, имеет систему

причастий, характерную для группы кыпчакских языков и киргизского, сюда же примыкает и узбекский язык. Основными показателями этой системы является наличие *-ган* и отсутствие *-мыш*, *-дук*, которые, кстати, сохраняются в якутском языке, наследнике языка древних огузов.

В тофаларском языке нет причастий на *-чаӈ*, *-гадаг*, *-галак*, *-чатхан*, *-адырган*, развившихся в остальных саяно-алтайских тюркских языках.

В свою очередь, во всех тюркских языках отсутствует причастие настоящего времени с показателем *-и*, *-у*, составляющее специфику тофаларского языка.

Такой разнобой и такое разнообразие показателей причастий в тюркских языках свидетельствуют, что эти формы образовались сравнительно поздно и по-своему в каждой группе языков. Общетюркской, по-видимому, осталась лишь форма на *-ар/-ер* (отрицательный аспект *-бас/-бес*), имеющаяся и в огузских языках, но выражающая сейчас только будущее время. Форма с узким гласным, как отмечалось выше, в азербайджанском и якутском языках применяется для выражения настоящего времени.

Таблица 10 (продолжение)

Кирг.	Каз.	Тат.	Узб.	Азерб.	Др.-тюрк.
-ган/-ген	*-ған/-ген*	*-ган/-гән*	*-ган*	–	–
-кан/-кен	*-қан/-кен*	*-кан/-кән*			
-гон/-гөн					
-кон/-көн					
–	–		–	–	–
-ар/-ер	*-ар/-ер*	*-ар/-әр*	*-(а)р*	–	*-ар/-ӓр*
-ор/-өр	*-р*	*-ыр/-ер*			*-ыр/-ір*
		-р			*-ур/-ӱр*
					-йур/-йӱр
-бас/-бес	*-мас/-мес*	*-мас/-мәс*	*-мас*	*-маз/-məз*	*-маз/-мӓз*
–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	*-ғу тәг*
-а(й)элек/-е(й)элек	–	–	–	–	–
–	–	–	*-ёткан*	–	–
–	*-атын/-етін*	–	–	–	–
–	–	*-а торган/-и торган*	*-адиган*	–	–
–	–	–	–	*-мыш/-миш*	*-мыш/-миш*
				-муш/-муш	
–	–	–	–		*-тачы/-тӓчі*
–	–	–	–	–	–
-уучу/-уучу,	*-уши/-уші*	*-учы/-уче*	*-(у)вчы*	–	–
-оочу/-өөчү					
–	*-макшы/-мекші*	–	–	*-малы/-məли*	–
–	–	*-асы/-әсе*	–	*-аси/-əси*	–
–	–	*-ачак/-әчәк*	*-ажак/-яжак*	*-ачаг/-әчәк*	–
–	–	–	–	*-ан/-ән*	–
–	–	–	–	*-дыг/-дик*	*-дук/-дӱк*

Инфинитив

В тофаларском языке роль инфинитива, неопределенной формы глагола, выполняет причастие будущего времени на *-р* без дополнительного оформления дательным падежом, как это происходит в некоторых языках (татарском, башкирском, хакасском и др.). Именно причастная форма на *-р*, осознаваясь как инфинитив, сочетается в данном случае с модальными словами *һеректіг* 'нужно', *һерәә йок* 'не нужно', *истіг* 'должен, следует', *изі йок* 'нельзя, не должно, не следует'. Примеры: *чуме туътпас кишәә эптэп соодаар һеректіг* 'непонимающему нужно объяснить', *аъртар һерәә йок болган* 'не надо было оставаться', *бис ынаары баар истіг болган бис* 'мы должны были пойти туда', *мишээкке урар ла аъртқан, төду белен* 'осталось только ссыпать в мешки, все готово', *бо һундус миің сөләәм чжок клуупке баар* 'сегодня у меня нет времени пойти в клуб'.

Отрицательной формой инфинитива в этом случае является причастие будущего времени в отрицательном аспекте с показателем *-бас*, но очень редко.

Однако, хоть и редко, встретились случаи употребления в роли инфинитива форм на *-р* или *-бас*, осложненных показателем дательного падежа, например: *оң ваарга ыңычжанган* 'он так сделал, чтобы пойти', *оң чоруваска ыңычжанган* 'он так сделал, чтобы не ехать', *ойнаарга билбес киши* 'человек, не умеющий играть'. Это напоминает инфинитив на *-рга* в башкирском, татарском и хакасском языках.

Чаще всего целевой инфинитив (супин) в тофаларском языке передается формой деепричастия на *-п*, например: *өөретпім нечж ырып* 'я научил колоть дрова', *һобустап өөренір* 'учиться играть на музыкальном инструменте', *эъштіп өөренір* 'учиться плавать', *пишек тілеп келдім* 'я пришел просить нож', *че, бараалы иъһаан аңнап!* 'ну, пойдем вдвоем на охоту!'. Очень часто в этих целях используется деепричастие на *-п* от глаголов с показателем субъективной модальности желания, намерения, например: *өөреніксеп келдім* 'я приехал учиться', *оң каттаксап чораан* 'он поехал собирать ягоды', письмо *шыйыксап олурду* 'сел писать письмо', *көруксеп алды* 'взял посмотреть'.

Отсутствие развитой формы инфинитива типа татарских, башкирских, хакасских *-рга*, огузских *-мак* и т.п. и употребление вместо них деепричастия на *-п*, придает тофаларскому языку заметное своеобразие. Из других тюркских языков только тувинский сходен с тофаларским в этом отношении.

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Кроме рассмотренных выше неличных форм, тофаларскому глаголу свойственны также собственно-глагольные формы, которые выражают грамматическое значение действия, т.е. признака динамического, протекающего во времени, соотнесенном с моментом речи. Независимо от того, обозначено ли лицо в самой глагольной форме или вне ее (безличные формы), факт обязательной соотнесенности с лицом есть свойственная глаголу предикативность, характерная для него предикативная (сказуемостная) функция. Собственно-глагольные (личные) формы в предложении всегда являются сказуемыми. В противоположность им неличные формы могут выполнять различные синтаксические функции (быть сказуемым, подлежащим, дополнением, обстоятельством, определением и т.д.), а также участвовать в образовании аналитических форм собственно-глагола.

Личным формам глагола в тофаларском языке свойственны две основные категории - времени и наклонения.

Категория времени

Категория времени служит для локализации во времени того действия, которое обозначено глаголом, формы этой категории выражают различные типы отношений между временем действия и временем высказывания о нем, т.е. моментом речи. Иначе говоря, категория времени обозначает реальное, с точки зрения говорящего лица, действие, относящееся к настоящему, прошедшему или будущему. Обычно принято выделять эту категорию в особое наклонение реальности - в изъявительное наклонение, хотя оно и не имеет специального показателя, а выражается лишь формами времени, что тоже признается некоторыми тюркологами[115]. Это служит нам основанием считать формы времени не особым наклонением, а просто категорией времени, так как отсутствием показателя оно противопоставляется всем другим наклонениям и связано лишь со временем.

Изменение по лицам осуществляется при помощи аффиксов лица и предикативных местоименных частиц. Глаголы имеют положительный и отрицательный аспекты.

Каждое из времен выражается несколькими формами, отличающимися друг от друга дополнительными оттенками, имеющими у одних - временной, у других - модальный, у третьих - видовой харктер.

[115] См.: *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 271; Грамматика хакасского языка, с. 200.

По своему морфологическому составу временные формы могут быть простыми и сложными (аналитическими). Исторически все глагольные финитные формы восходят либо к причастиям, либо к отглагольным именам.

I. Формы индикатива

Настоящее время

В современном тофаларском языке значение настоящего времени передается тремя формами, одна из которых указывает на настоящее обычное время, которое безотносительно к конкретному моменту речи и к достоверности. Это - настоящее неопределенное время. Другая форма указывает на настоящее очевидное время, происходящее в данный момент. Это настоящее определенное, конкретное время. Третья - указывает на продолженность действия, его длительность.

Н а с т о я щ е е о б ы ч н о е в р е м я

Эта форма образуется присоединением к деепричастию на *-а/-е* аффикса *-дыр(ы)/-дір(і)*, *-дур(у)/-дүр(ү)* (< *тур-* 'стоять'). Как уже отмечалось выше, у основ, оканчивающихся на *-г*, *-р*, *-л*, *-н*, аффикс деепричастия опускается и показатель времени присоединяется непосредственно к основе, например: *бардыры* 'идет', *көрдүру* 'смотрит', *алдыры* 'берет', *келдірі* 'идет сюда', *һөдэлдірі* 'надрывается непосильным трудом', *чылгандыры* 'облизывается', *сообандыры* 'разговаривает', *чжагдыры* 'идет дождь' (или снег), *һагдыры* 'запирает, *дэгдірі* 'касается, трогает' и т.д. Как показывают наблюдения, форма настоящего обычного времени с опущенным аффиксом деепричастия образуется и от основ с конечным *-ш*, например: *сообаштырлар* 'разговаривают', *көрүңернэм, діштірлер* 'посмотрите-ка, говорят они', *идіш чуштуру* 'он помогает мыть посуду'. В тувинском, хакасском, шорском языках тоже происходит отпадение деепричастий в подобных слсвах, но там отпадает деепричастие на *-п*. В тофаларском же деепричастие на *-п* у этих слов всегда сохраняется (ср., например, эти же глаголы в форме настоящего времени конкретного момента: *сообачжып турулар, дічжип турулар, чучжуп турулар*, а также вышеприведенные глаголы: *бары чыътыры, гелі чыътыры, көруп туру, алып туру, һөдэліп туру, чылганып туру, сообанып туру, чжаап туру, һаап туру, дээп туру* и т.п.).

Отпадение аффикса слитного деепричастия *-а/-е*, как показывает наш материал, происходит лишь в тех случаях, когда гласный последнего слога широкий и вследствие этого деепричастие должно иметь своим показателем узкий гласный *-ы/-і*, который в этой неустойчивой позиции перед афф. *-дыры* редуцируется и выпадает. Таким образом, *бардыры* < *барйдыры*, *алдыры* < *алйдыры*, *көрдүру* < *көрўдүру*, *чылгандыры* < *чылганйдыры*, *сообаштыры* < *сообашйдыры* и т.п. В тех же случаях, когда в конечном слоге узкий гласный, а за ним должен следовать показатель деепричастия с широким гласным, т.е. *-а/-е*, то такого отпадения не наблюдается, например: *оң*

кіредірі 'он входит', *турадыры* 'стоит', *олырадыры* 'сидит', *һемиредірі* 'грызет', *суредірі* 'гонит скот', *боладыры* 'бывает, становится'. Но после основ с конечным *-г* отпадение аффикса деепричастия в форме этого времени происходит всегда. Спряжение этой формы осуществляется только при помощи предикативных личных частиц местоименного происхождения, поскольку она этимологизируется как причастие (настоящего времени).

Отрицательный аспект этой формы образуется по той же модели при помощи аффикса *-дыр(ы)*, но только глагол стоит в форме отрицательного деепричастия *-бейн*.

Показатель этой формы настоящего обычного времени в полной форме *-дыры/-дірі* стоит лишь в 3-м лице, в остальных лицах обеих чисел конечный гласный аффикса может произноситься, а может и редуцироваться.

Приведем образцы спряжения глаголов в этой форме.

Положительный аспект

Ед. число

1 л.	*туътадыр мен* 'я держу'	*эгдір мен* 'я гну'
2 л.	*туътадыр сен* 'ты держишь'	*эгдір сен* 'ты гнешь'
3 л.	*туътадыры* 'он держит'	*эгдірі* 'он гнет'

Мн. число

1 л.	*туътадыр бис* 'мы держим'	*эгдір бис* 'мы гнем'
2 л.	*туътадыр сілер* 'вы держите'	*эгдір сілер* 'вы гнете'
3 л.	*туътадыры(лар)* 'они держат'	*эгдірі(лер)* 'они гнут'

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л.	*туътпейндыр мен* 'я не держу'	*эгбейндір мен* 'я не гну'
2 л.	*туътпейндыр сен* 'ты не держишь'	*эгбейндір сен* 'ты не гнешь'
3 л.	*туътпейндыры* 'он не держит'	*эгбейндірі* 'он не гнет'

Мн. число

1 л.	*туътпейндыр бис* 'мы не держим'	*эгбейндір бис* 'мы не гнем'
2 л.	*туътпейндыр сілер* 'вы не держите'	*эгбейндір сілер* 'вы не гнете'
3 л.	*туътпейндыры(лар)* 'они не держат'	*эгбейндірі(лер)* 'они не гнут'

Форма настоящего обычного времени на *-дыр(ы)* в современном тофаларском языке означает действие, которое хотя и совершается в настоящем времени, но совсем безотносительно, индифферентно к конкретному моменту речи. Эта форма означает действие, которое происходит вообще в какой-то широкий отрезок настоящего времени. Оно неопределенно, обще. Кроме того, этой формой выражается действие, совершающееся в настоящее время, но не на наших глазах. Это так называемое "заглазное время". Примеры: *мен эҷжімні һун сани гөрдур мен* 'я вижу своего друга каждый день', *бо киши заводта иштэндірі* 'этот человек работает на заводе', *оң бо орукша чории(й)дыры* 'он ездит по этой дороге', *уруг ыглээдыры* 'ребенок плачет' (где-то, но я не вижу), *һуллар һөдэлдірі ольшаңга* 'батраки работают задаром', *ол киши тиңнап турадыры* 'тот человек все слушает', *бірээ тура ол һыл боос эът паштаб олырадыры* 'однажды утром тот "Волосяное горло" (персонаж сказки. - *В.Р.*) варит мясо'.

Аналогичная форма с тем же значением имеется во всех саяно-алтайских тюркских языках, причем, в отличие от тофаларского, в других языках не происходит редукции аффикса деепричастия *-а*. Показатель времени *-дыры/-дірі* в виде *-дыр/-дир* (с редукцией конечного гласного) сохранился в тувинском, хакасском и шорском языках. Ср., например: тув. *көредир мен* 'я смотрю', *көредир* 'он смотрит', хак. *санидырбын* 'я считаю', *санидыр* 'он считает', шор. *көредир* 'он смотрит', *парадырзыңъ* 'ты идешь', *нанадыр* 'он возвращается'; в алтайском языке произошло отпадение сонанта *-р* и показатель *-дир/-дир* сократился до *-т(-д)*[116]. Ср., например, алт. *көрөдим* 'я смотрю', *көрөдиң* 'ты смотришь', *көрөт* 'он смотрит', *көрөдилер* 'они смотрят', *келет* 'он идет сюда', *барат* 'он идет туда', *бичийт* 'он пишет'.

Таким образом, тофаларский, тувинский, хакасский и шорский языки в пределах Саяно-Алтая сохраняют более архаичную форму, которая была характерна для языка древних и средневековых тюркских текстов, например: *күлә турур* 'смеется', *jїблаja турур* 'плачет', *кїладур* 'делает', *көрәдүрсән* 'видишь'[117].

За пределами Саяно-Алтая эта форма в Сибири встречается лишь в языке чулымских тюрков, причем в редуцированном виде в форме *-ды/-ди*. Этот показатель здесь тоже проходит по всем лицам, например: *пиле:дим* 'я знаю', *пle:динг* 'ты знаешь', *пle:ди* 'он знает', *пle:дивис* 'мы знаем', *пle:дингнәр* 'вы знаете', *пle:диләр* 'они знают'[118].

В языке барабинских татар только 3-е лицо да и то факультативно может принимать афф. *-дыр/-дир*, *-ды/-ди* и даже *-т*[119].

В других тюркских языках за пределами Сибири эта форма с более полным (архаичным) афф. *-adro* представлена в язы-

---

116 См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 383-385 (здесь это время названо настоящим заглазным); Грамматика хакасского языка, с. 204; *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941, с. 204-205; *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка, с. 185-188.

117 См.: *Щербак А.М.* Указ. соч., с. 228.

118 См.: *Дульзон А.П.* Чулымско-тюркский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 452, 453.

119 См.: *Дмитриева Л.В.* Язык барабинских татар. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки, с. 165.

ке желтых уйгуров[120], причем только для 2-го и 3-го лиц обеих чисел.

О том, что некогда эта форма была широко распространена в тюркских языках (почти во всех, за исключением лишь огузских), свидетельствует употребление показателя *-дыр*, а чаще всего *-ды/-ды*, в киргизском и *-т* (как в алтайском), в 3-м лице обеих чисел в казахском, каракалпакском, ногайском, караимском, киргизском, узбекском, уйгурском языках[121].

Показательно отсутствие этой формы в якутском языке.

Настоящее конкретное время

В современном тофаларском языке для обозначения действия совершающегося в момент речи и очевидцем которого является говорящий применяется особая форма, отличная от предыдущей. Основой ее является причастие настоящего времени *-у/-ы*, к которому поспозитивно присоединяются личные предикативные частицы I типа.

Синтетически форма этого времени образуется только от четырех глаголов: *тур-* 'стоять', *чору-* 'идти', *олур-/олыр-* 'сидеть' и *чыът-* 'лежать', который в этом времени получил распространенную основу *чыътыр*[122]. Приводим полностью парадигму спряжения этих глаголов в форме настоящего конкретного времени.

Ед. число

1 л.	*туру мен*	*чору мен*	*олыры/олуру мен*	*чыътыры мен*
2 л.	*туру сен*	*чору сен*	*олыры/олуру сен*	*чыътыры сен*
3 л.	*туру*	*чору*	*олыры/олуру*	*чыътыры*

Мн. число

1 л.	*туру бис*	*чору бис*	*олыры/олуру бис*	*чыътыры бис*
2 л.	*туру сілер*	*чору сілер*	*олыры/олуру сілер*	*чыътыры сілер*
3 л.	*туру(лар)*	*чору(лар)*	*олыры(лар)/олуру (лар)*	*чыътыры(лар)*

Все остальные глаголы образуют форму данного времени только аналитически. При этом роль служебных элементов, показателей времени, выполняют спрягаемые формы вышеупомянутых глаголов *тур-, чору-, олыр-, чыътыр-*. Значимый глагол всегда стоит в форме соединительного деепричастия на *-п*,

[120] См.: *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 83, 84.

[121] См.: *Баскаков Н.А.* Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956, с. 285; *Мусаев К.М.* Указ. соч., с. 278-279; Кыргыз тилинин грамматикасы. Морфология. Фрунзе, 1964, с. 235; *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 209, 210; *Боровков А.* Учебник уйгурского языка. Указ. соч., с.100.

[122] Предположения о возникновении этой основы см. выше.

аффикс которого в этих формах в тофаларском языке никогда не опускается, в отличие от хакасского, шорского и тувинского языков. В виде исключения лишь два глагола движения - *бар-* 'идти туда' и *кел-* 'идти сюда' - образуют форму этого времени со слитным деепричастием на *-а*, и всегда со вспомогательным глаголом *чыътыр-* (*бары чыътыры* 'уходит', *келі чыътыры* 'приходит'). Эта особенность глаголов *бар-* и *кел-* характерна для многих тюркских языков[123], ср., например, каз. *келе жатырмын* 'я иду', *келе жатыр* 'он идет'[124].

Выступая в роли показателя времени, причастные формы *туру, чору, олыры~олуру, чыътыры* в современном тофаларском языке, видимо, настолько абстрагировались, что полностью утратили свое первоначальное лексическое значение. Происходит также и их фонетическая редукция. Как и в случае с афф. *-дыры/-дірі* (в предыдущей временной форме) в 1-м и 2-м лицах обеих чисел у *туру, чору, олуру ~ олыры, чыътыры* происходит отпадение конечных гласных и они приобретают вид *тур, чор, олыр~олур, чыътыр*[125]. Только в 3-м лице сохраняется полногласная форма.

Пока не удается нащупать четких критериев в различии употребления формантов *тур(у), чор(у), олыр(ы)~олур(у), чыътыр(ы)*. Предварительные данные свидетельствуют лишь о большой частотности *тур(у), чыътыр(ы)* и *чор(у)*, которые иногда могут взаимозаменяться совершенно без ущерба для смысла. Так, например, скажут *киши сунуп чору* и *киши сунуп чыътыры* 'человек бежит' (в настоящий момент); *ол киши аңнап туру* и *ол киши аңнап чыътыры* 'тот человек сейчас промышляет', *чидиг чип туру* и *чидиг чип чыътыры* 'собака сейчас ест'. Формант *олыр(ы)* тоже употребляется, но гораздо реже, например: *мен корһуньчжуду талачжип олыры мен* 'я страшно тороплюсь' (говорящий при этом идет или стоит), *мен от кидиинда ӧрһам чылдыв олыры мен* 'я грею спину возле костра'.

Как свидетельствуют примеры, эти служебные форманты в тофаларском языке часто почти лишены способности отражать остатками своей исходной семантики положение, в котором происходит действие. Очень хорошо это иллюстрирует употребление *тур(у), олыры(ы) ~ олур(у)* и *чыътыр(ы)* с глаголами движения, например: *оң салдап туру* 'он плывет на плоту', *аътывыс чыраалап туру* 'наш конь бежит иноходью', *һем суунда балыктар чоруп туру* 'в реке ходят рыбы'; *оң чорувейн олуру* 'он не уезжает', *чу аң чоруп чыътыры?* 'Что за зверь ходит?', *көргенім ол киши бәгрі чоруб олуру* 'я взглянул - тот человек идет сюда'.

Можно предположить, что форманты *тур(у)*, *олур(у)~олыр(ы)*, *чыътыр(ы)* указывают лишь на нахождение в одном длительном состоянии при совершении какого-либо действия. Поэтому эти форманты очень часто взаимозаменяются. Показатель же *чор(у)* чаще употреб-

[123] См.: *Баскаков Н.А.* Система спряжения..., с. 286, 287.

[124] Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, с. 338.

[125] Но при употреблении их как лексически полнозначных и самостоятельных глаголов отпадения конечных *-у/-ы*, являющихся здесь показателями времени, не происходит.

ляется тогда, когда нужно указать на развитие, динамику процесса или действия, например: *суг улгадып чору* 'вода прибывает', *суг сеніп чору* 'вода убывает', *куулар уһюп чору* 'лебеди летят', *чулан чылып чору* 'змея ползет', *көк унуп чору* 'трава растет', *неш унуп чору* 'дерево растет', но *оларың эккіді черлеп чыътыры* 'они хорошо живут', *оң бо-олап чыътыры* 'он стреляет', *оң аликсап чыътыры* 'он хочет взять', *өдрек шөөп чыътыры* 'утка ныряет'.

Отрицательный аспект образуется тоже аналитически, но только вместо деепричастия на *-ып* употребляется отрицательное деепричастие *-бейн*, например: *иштэнбейн* (~ *иштэнмейн*) *туру* 'он не работает' (в настоящий момент, когда я, например, стою возле него).

Приведем в качестве примера образцы спряжения глаголов *ал-* 'брать', *эг-* 'гнуть', *бар-* 'уходить' и *кел-* 'приходить' в данной форме.

Положительный аспект

Ед. число

1 л.	*алып тур мен* 'я беру'	*ээп тур мен* 'я гну'
2 л.	*алып тур сен* 'ты берешь'	*ээп тур сен* 'ты гнешь'
3 л.	*алып туру* 'он берет'	*ээп туру* 'он гнет'

Мн. число

1 л.	*алып тур бис* 'мы берем'	*ээп тур бис* 'мы гнем'
2 л.	*алып тур сілер* 'вы берете'	*ээп тур сілер* 'вы гнете'
3 л.	*алып туру(лар)* 'они берут'	*ээп туру(лар)* 'они гнут'

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л.	*албейн тур мен* 'я не беру'	*эгбейн тур мен* 'я не гну'
2 л.	*албейн тур сен* 'ты не берешь'	*эгбейн тур сен* 'ты не гнешь'
3 л.	*албейн туру* 'он не берет'	*эгбейн туру* 'он не гнет'

Мн. число

1 л.	*албейн туру бис* 'мы не берем'	*эгбейн туру бис* 'мы не гнем'
2 л.	*албейн туру сілер* 'вы не берете'	*эгбейн туру сілер* 'вы не гнете'
3 л.	*албейн туру(лар)* 'они не берут'	*эгбейн туру(лар)* 'они не гнут'

Положительный аспект

Ед. число

1 л.	*бары чыътыр мен* 'я ухожу'	*келі чыътыр мен* 'я прихожу'
2 л.	*бары чыътыр сен* 'ты уходишь'	*келі чыътыр сен* 'ты приходишь'
3 л.	*бары чыътыры* 'он уходит'	*келі чыътыры* 'он приходит'

Мн. число

1 л.	*бары чыътыр бис* 'мы уходим'	*келі чыътыр бис* 'мы приходим'
2 л.	*бары чыътыр сілер* 'вы уходите'	*келі чыътыр сілер* 'вы приходите'
3 л.	*бары чыътыры(лар)* 'они уходят'	*келі чыътыры(лар)* 'они приходят'

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л.	*барбейн чыътыр мен* 'не ухожу'	*келбейн чыътыр мен* 'не прихожу'
2 л.	*барбейн чыътыр сен* 'не уходишь'	*келбейн чыътыр сен* 'не приходишь'
3 л.	*барбейн чыътыры* 'не уходит'	*келбейн чыътыры* 'не приходит'

Мн. число

1 л.	*барбейн чыътыр бис* 'не уходим'	*келбейн чыътыр бис* 'не приходим'
2 л.	*барбейн чыътыр сілер* 'не уходите'	*келбейн чыътыр сілер* 'не приходите'
3 л.	*барбейн чыътыры(лар)* 'не уходят'	*келбейн чыътыры(лар)* 'не приходят'

В этих двух формах настоящего времени - обычном и конкретном находит свое выражение категория определенности-неопределенности, которая пронизывает почти все части речи тофаларского языка. Сопоставление форм показывает, что настоящее обычное время, не связанное с конкретным моментом речи, выражает неопределенность, а форма конкретного настоящего времени, соотношение всегда с моментом речи и обозначающее действие-процесс, происходящее у нас на глазах, связана с определенностью, например: *ол киши иштэндірі* 'тот человек работает' (вообще), но *ол киши иштэніп туру* 'тот человек работает' (в данный момент и мы это видим); *оң тутадыры* 'он держит' (вообще), но *оң туътуп чыътыры* 'он держит' (сейчас и мы это видим); *кыс ыглайыдыры* 'девочка плачет' (например, за стеной, и я об этом знаю, но не вижу), но *кыс ыглап туру* 'девочка плачет' (на наших глазах в данный момент).

Такое разделение семантики форм настоящего времени характерно для всех тюркских языков, хотя в грамматиках такого противопоставления этих форм времен не делается.

Как и обычное настоящее время, время конкретного момента речи, образуемое деепричастием на *-п* и служебными глаголами *тур-*, *олур-*, *чору-*, *чыът(ыр)-*, представлено почти во всех тюркских языках[126]. Эта аналитическая форма совпадает с аналитической конструкцией для выражения видовой формы длительности, о которой нами уже упоминалось выше.

[126] См.: *Баскаков Н.А.* Система спряжения..., с. 286-290.

Наиболее полно, со всеми вспомогательными глаголами, форма данного времени представлена в сибирских тюркских языках (за исключением якутского), за пределами Сибири в кыпчакских (казахском, каракалпакском, ногайском), в киргизском, узбекском и уйгурском языках, из огузских языков - в туркменском. В других языках употребителен какой-либо один из этих глаголов, например в турецком - yor- 'идти'.

Настоящее продолженное время

Кроме рассмотренных форм настоящего времени, в современном тофаларском языке имеется еще третья форма, форма настоящего продолженного времени, которая указывает на то, что действие когда-то началось и все еще продолжается, окончание его неизвестно. Акцент семантики здесь не на определенность-неопределенность, а на длительность, продолженность действия-процесса, которое само по себе уже мыслится как определенное, связанное с конкретным моментом речи.

Основой этой формы является деепричастие *-бышаанҙга* (с фонетическими вариантами), которое принимает личные предикативные показатели I группы. Отрицательного аспекта данная форма не имеет. Примеры: *мен мында аңнабышаанҙга мен* 'я все еще здесь промышляю', *мен көргенім ол киши олурубушаанҙга* 'я взглянул - он все еще сидит', *бис школда өөренбішаанҙга бис* 'мы все еще учимся в школе', *киши инда чорубушаанҙга* 'человек там продолжает ходить'.

Приведем полную парадигму спряжения в этой форме глаголов *аңна-* 'промышлять' и *кел-* 'приходить'.

Ед. число

1 л.	*аңнабышаанҙга мен*	*келбішаанҙга мен*
2 л.	*аңнабышаанҙга сен*	*келбішаанҙга сен*
3 л.	*аңнабышаанҙга*	*келбішаанҙга*

Мн. число

1 л.	*аңнабышаанҙга бис*	*келбішаанҙга бис*
2 л.	*аңнабышаанҙга сілер*	*келбішаанҙга сілер*
3 л.	*аңнабышаанҙга(лар)*	*келбішаанҙга(лар)*

Иногда для усиления и подчеркивания конкретности действия в данный момент эта форма осложняется одним из вспомогательных глаголов *тур-, олур-, чыътыр-* с показателем настоящего конкретного времени *-у/-и*. Эти глаголы и здесь показывают на длительное пребывание в каком-л. одном состоянии при совершении действия. Например: *мен аңнабышаанҙга туру мен* 'я все еще промышляю' (на одном месте), *кыс иглавышаанҙга олиры* 'девочка все еще плачет' (и сидит при этом). Глагол же *чору-* показывает, что действие длится одновременно с движением, например: *мен аңнабышаанҙга чору мен* 'я все еще охочусь' (и при этом продвигаюсь в каком-то направлении).

Подобную форму с сопроводительным деепричастием на *-пишаан* мы находим в тувинском языке, где она тоже обозначает действие, "которое началось в неопределенном прошлом и продолжается в настоящем (в момент речи)"[127]. В тувинском языке это время неудачно, на наш взгляд, отнесено к формам прошедшего времени и названо "прошедшим-настоящим".

Кроме тофаларского и тувинского языков эта форма нигде больше в тюркских языках не встречается.

Прошедшее время

Прошедшее время индикатива в тофаларском языке имеет несколько форм - две для выражения определенного прошедшего времени и одну - для неопределенного, что тоже связано с грамматическим выражением категории определенности-неопределенности в системе прошедшего времени.

Прошедшее категорическое время

Прошедшее категорическое или очевидное время в тофаларском языке, как и во всех тюркских языках, выражается синтетической формой, основу которой составляет афф. *-ды/-ді, -ду/-ду, -ты/-ті, -ту/-ту*[128]. Спряжение этой формы осуществляется тоже синтетически, присоединением к афф. *-ды* личных предикативных аффиксов II группы, совпадающих с посессивными аффиксами. Это указывает на именное происхождение формы на *-ды*.

Отрицательный аспект формы данного времени образуется аффиксом отрицания *-ба/-бе* (с фонетическими вариантами), ставящимся между основой глагола и показателем *-ды/-ді*.

Приведем в качестве примера спряжение в этой форме глаголов *аңна-* 'охотиться', *туът-* 'ловить', *кел-* 'придти', *каг-* 'положить', *өът-* 'пройти насквозь'.

Положительный аспект

Ед. число

1 л.	*аңнадым*	*туъттум*	*келдім*	*кагдым*	*өъттум*
2 л.	*аңнадың*	*туъттуң*	*келдің*	*кагдың*	*өъттуң*
3 л.	*аңнады*	*туътту*	*келді*	*кагды*	*өътту*

Мн. число

1 л.	*аңнадывыс*	*туъттувус*	*келдівіс*	*кагдывыс*	*өъттувус*
2 л.	*аңнадыңар*	*туъттуңар*	*келдіңер*	*кагдыңар*	*өъттуңер*
3 л.	*аңнады(лар)*	*туътту(лар)*	*келді(лер)*	*кагды(лар)*	*өътту(лер)*

127 *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. М., 1961, с. 379.

128 О происхождении этого аффикса см.: *Кононов А.Н.* Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. - В кн.: Тюркологический сборник, М.-Л., 1951; *Баскаков Н.А.* Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках. - Труды Московского ин-та востоковедения, 1951, № 6.

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л.	*аңнавадым*	*туътпадым*	*келбедім*	*кагбадым*	*өътпедім*
2 л.	*аңнавадың*	*туътпадың*	*келбедің*	*кагбадың*	*өътпедің*
3 л.	*аңнавады*	*туътпады*	*келбеді*	*кагбады*	*өътпеді*

Мн. число

1 л.	*аңнавадывыс*	*туътпадывыс*	*келбедівис*	*кагбадывыс*	*өътпедівис*
2 л.	*аңнавадыңар*	*туътпадыңар*	*келбедіңер*	*кагбадыңар*	*өътпедіңер*
3 л.	*аңнавады(лар)*	*туътпады-(лар)*	*келбеді-(лер)*	*кагбады-(лар)*	*өътпеді-(лер)*

Основным значением формы прошедшего времени на *-ды/-ді* в тофаларском языке является передача совершившегося в прошлом действия, в достоверности которого говорящий не сомневается. Как правило действие это однократное, только что совершившееся, и результат его иногда мы еще наблюдаем, например: *уруг сунду* 'ребенок побежал' (он это сделал на наших глазах и мы еще видим, как он бежит); *буламчжы булады* 'пыль поднялась' (на наших глазах); *билдім* 'я понял'. Особенностью формы на *-ды* является то, что она сообщает скорее о самом действии, чем о его результате. Употребив эту форму, говорящий хочет подчеркнуть, что то или иное действие произошло, свершилось или в момент речи, или незадолго до него. Только этим можно объяснить употребление этой формы даже в том случае, когда действие вот-вот непременно совершится, но еще даже не началось, например, рассматривая какой-либо товар и решив его купить, покупатель говорит продавцу: *че,мен алдым* 'ну, я купил'. Или, предупреждая кого-либо, чтобы тот не упал, говорят: *көрнэм, чжуулдуң!* 'смотри, упадешь!'

Все эти значения характерны и для остальных тюркских языков[129]. Особенностью тувинского языка является, впрочем, более ограниченное употребление этой формы ввиду того, что оно сопряжено с очевидностью[130].

П р о ш е д ш е е п е р ф е к т и в н о е в р е м я

Основой прошедшего перфективного (или результативного) времени в тофаларском языке является причастие прошедшего времени на *-ган/-ген, -кан/-кен* в положительном аспекте и *-баан/-бээн, -ваан/-вээн, -паан/-пээн* в отрицательном. Спряжение осуществляется аналитически при помощи личных предикативных показателей I группы.

Приводим в качестве примера образцы спряжения в данной форме глаголов *аңна-* 'промышлять', *ал-* 'брать, взять', *кел-* 'придти', *эг-* 'гнуть', *өът-* 'пройти насквозь'.

[129] См.: *Баскаков Н.А.* Причастие на *-ды/-ты...*, с. 292.
[130] См.: *Монгуш Д.А.* Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963, с.47, 69.

Положительный аспект

Ед. число

1 л.	*аңнаан алган мен*	*келген мен*	*эген мен*	*өткен мен*	
2 л.	*аңнаан алган сен*	*келген сен*	*эген сен*	*өткен сен*	
3 л.	*аңнаан алган*	*келген*	*эген*	*өткен*	

Мн. число

1 л.	*аңнаан алган бис*	*келген бис*	*эген бис*	*өткен бис*	
2 л.	*аңнаан алган сілер*	*келген сілер*	*эген сілер*	*өткен сілер*	
3 л.	*аңнаан алган (нар)*	*келген(нар)*	*эген(нэр)*	*өткен(нэр)*	

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л.	*аңнаваан мен*	*албаан мен*	*келбээн мен*	*эгбээн мен*	*өътпээн мен*
2 л.	*аңнаваан сен*	*албаан сен*	*келбээн сен*	*эгбээн сен*	*өътпээн сен*
3 л.	*аңнаваан*	*албаан*	*келбээн*	*эгбээн*	*өътпээн*

Мн. число

1 л.	*аңнаваан бис*	*албаан бис*	*келбээн бис*	*эгбээн бис*	*өътпээн бис*
2 л.	*аннаваан сілер*	*албаан сілер*	*келбээн сілер*	*эгбээн сілер*	*өътпээн сілер*
3 л.	*аннаваан(нар)*	*албаан(нар)*	*келбээн-(нэр)*	*эгбээн(нэр)*	*өътпээн(нэр)*

Основным значением данной формы в тофаларском языке является констатация факта совершения действия в прошлом, до момента речи, при этом больший акцент сообщения делается на результат действия, чем на само действие. В отличие от прошедшего категорического, это время не требует того, чтобы говорящий был его очевидцем или утверждал его достоверность, здесь важен сам факт совершения действия, в неопределенном прошлом и его результат. Примеры: *дуун киши чжорааң, мен гөрбээн мен* 'вчера человек ходил, я не видел'; *оң барган* 'он ушел' (говорящий этого не видел, но знает, что результат ухода налицо), *бо киши гелбээн* 'этот человек еще не приехал', *оң келір мен дээн* 'он обещал придти', *мен дуун кечже гелген мен* 'я приехал вчера вечером'.

Эта явная результативность действия обусловила развитие на базе причастия на *-ган* более результативной и экспрессивной формы, которая образуется путем присоединения к аффиксу *-ган* личных предикативных показателей II группы, совпадающих в данном случае полностью во всех лицах с посессивными аффиксами. Эта форма в тофаларсом языке очень

употребительна, особенно в экспрессивном эмоциональном рассказе. Поэтому ее следовало бы назвать скорее перфективной повествовательной формой.

В качестве образца спряжения приведем парадигму глаголов *көр-* 'видеть, смотреть', *соода-* 'сказать', *бер-* 'давать', *туът-* 'схватить'.

Положительный аспект

Ед. число

1 л.	*көргенім*	*соодааным*	*бергенім*	*туътканым*
2 л.	*көргеніҥ*	*соодааныҥ*	*бергеніҥ*	*туътканыҥ*
3 л.	*көргені*	*соодааны*	*бергені*	*туътканы*

Мн. число

1 л.	*көргенівіс*	*соодаанывыс*	*бергенівіс*	*туътканывыс*
2 л.	*көргеніҥер*	*соодааныҥар*	*бергеніҥер*	*туътканыҥар*
3 л.	*көргені*	*соодааны*	*бергені*	*туътканы*

Употребление данной формы, как показывают наблюдения, обязательно связано с результативностью действия. Примеры: *мен көргенім, аът чок иик* 'я смотрел, коня не было', *бір гада чазын чорааным* 'шел я как-то раз весной', *эът чәәнім эътсіведі* 'ел мясо, а мясом и не пахло', *дуун мен көргенім, ол кіші инда иштэніп туру иик* 'я видел, вчера тот человек там работал'; *тынээйн дәәнім, тындынбас* 'хотел дышать - не дышится', *сунганым, чүрәәм дісі гайынбас боля берген, тыным буътуксэй берген* 'я побежал - сердце остановилось, дыхание перехватило', *мен мону һалып бергенім* 'я это привез', *баъкка олырганым, бөрһам шылады* 'неловко сидел, спина устала', *боолааным чазывыттым* 'я стрелял - промазал'.

Эта форма с посессивным типом спряжения отсутствует в тувинском, хакасском и шорском языках, в них представлено только спряжение с I группой предикативных показателей. Лишь в алтайском языке имеется аналогичная тофаларской форма с посессивными аффиксами, тоже часто употребляющаяся в повествовании[131], например: *чыкканым* 'я вышел', *дьанганыҥ* 'ты вернулся', *келгенибис* 'мы пришли', *көрөөним* 'я увидел', *тутпаганыгар* 'вы не держали'.

Форма прошедшего времени на *-ган* довольно распространена в тюркских языках[132], нет ее лишь в якутском и огузских языках.

П р о ш е д ш е е с у б ъ е к т и в н о е в р е м я

Кроме рассмотренных выше форм в современном тофаларском языке имеется еще одна форма прошедшего времени, форма с модальным оттенком категоричности, очевидности и достоверности для говорящего факта свершения действия в прошлом. Это определило дефиницию данного времени как прошедшего субъективного.

[131] См.: *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка, с.147-176.

[132] См.: *Баскаков Н.А.* Причастие на *-ды/-ты..*, с. 293-296.

Его показателем выступает афф. *-чык/-чик, -чук/-чук, -чжык/-чжик, -чжук/-чжук*, употребление вариантов которого регулируется чисто фонетическими причинами. Отрицательный аспект образуется афф. *-ба/-бе*. В быстрой речи происходит ослабление в щелевой *-й-* среднеязычной аффикаты *чж* у этого аффикса, попавшей между гласными после основы глагола на гласный и аффикса отрицания. В таком случае аффикс получает вид *-йык/-йик* в положительном аспекте и *-байык/--бейик* (вместо *-бачжык/-бечжик*) в отрицательном. В свою очередь получившиеся фонетические комплексы *-айы-, -эйи-* под влиянием *-й-* деформируются в дифтонии *-аэ-, -эи-* и даже долгий монофтонг *-ээ-*, употребляющиеся независимо от рядности слова. Об аналогичной деформации аффикса слитного деепричастия *-йы/-йі* нами уже сообщалось выше.

Таким образом, в произношении сосуществуют, например, словоформы типа *соодачжык* и *соодайык* 'рассказал', *барбачжык* и *барбайык* 'не пошел' и т.п.

Эта форма в тофаларском языке всегда предикативна. Не замечено ни одного случая употребления ее в функции адъектива.

Спряжение в этой форме происходит аналитически при помощи личных предикативных показателей I группы, совпадающих с личными местоимениями.

Приведем в качестве образца спряжение глаголов *аңна-* 'промышлять', *бар-* 'уходить', *кел-* 'приходить', *туът-* 'ловить'.

Положительный аспект

Ед. число

1 л.	*аңначжык мен*	*барчжык мен*	*келчжик мен*	*туътчук мен*
2 л.	*аңначжык сен*	*барчжык сен*	*келчжик сен*	*туътчук сен*
3 л.	*аңначжык*	*барчжык*	*келчжик*	*туътчук*

Мн. число

1 л.	*аңначжык бис*	*барчжык бис*	*келчжик бис*	*туътчук бис*
2 л.	*аңначжык сілер*	*барчжык сілер*	*келчжик сілер*	*туътчук сілер*
3 л.	*аңначжык-(тар)*	*барчжык(тар)*	*келчжик(тэр)*	*туътчук(тар)*

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л.	*аңнавачжык мен //аңнавеик мен*	*барбачжык мен //барбеик мен*	*келбечжик мен //келбеик мен*	*туътпачжык мен //туътпеик мен*
2 л.	*аңнавачжык сен //аңнавеик сен*	*барбачжык сен //барбеик сен*	*келбечжик сен //келбеик сен*	*туътпачжык сен //туътпеик сен*
3 л.	*аңнавачжык//аңнавеик*	*барбачжык //барбеик*	*келбечжик //келбеик*	*туътпачжык //туътпеик*

Мн. число

1 л.	*аңнавачжык бис//аңнавеик бис*	*барбачжык бис //барбеик бис*	*келбечжик бис //келбеик бис*	*туътпачжык бис //туътпеик бис*
2 л.	*аңнавачжык сілер//аңнавеик сілер*	*барбачжык сілер //барбеик сілер*	*келбечжик сілер //келбеик сілер*	*туътпачжык сілер //туътпеик сілер*
3 л.	*аңнавачжык(тар)//аңнавеик(тар)*	*барбачжык(тар) //барбеик(тар)*	*келбечжик(тэр) //келбеик(тэр)*	*туътпачжык(тар) //туътпеик(тар)*

Основным значением данной формы является выражение очевидного действия, уже определенно совершившегося, в чем говорящий бесспорно уверен. Она категорически утверждает факт свершения действия и его результативность до момента речи. В отличие от формы на *-ды*, выражающей только что происшедшее действие, форма на *-чжык* обозначает действие, несколько отдаленное от момента речи. От формы же на *-ган* ее отличает категоричность и очевидность, а также некоторая экспрессия. Примеры: *каҕын келчжик сен?* 'Ты когда же это приехал?', *самолет уъшчук* 'самолет ведь улетел', *мен сенэ діик мен* 'я ведь тебе говорил'; *мен оңуң гөрбеик мен* 'я его не видел', *мен мону билбеик мен* 'я ведь этого не знал', *дэскен аътты туътчуктар* 'они поймали-таки сбежавшего коня', *качш солҕоовай алчжык сен?* Сколько рублей ты получил? *ыдарга, барбачжык мен* 'когда посылали, я не пошел', *оңбарчжык* 'он ушел'(я это видел), *инда аъттар турчжуктар* 'там кони стояли' (говорящий видел их недавно, они там еще стоят), *дуун инда ол аът турчжук* 'вчера тот конь там стоял'.

Употребляется эта форма в основном в рассказе, диалоге, когда нужно особо подчеркнуть категоричность и результативность свершившегося действия, известного говорящему.

Из других тюркских языков эта форма представлена лишь в тувинском (афф. *-чик*) и хакасском (афф. *- чих*)[133]. Д.А.Монгуш убедительно доказал, что киргизская форма длительного прошедшего времени на *-чу*, которую некоторые исследователи отождествляют с тувинской и хакасской формами, не имеет к ним отношения[134].

В литературе имеется три точки зрения на происхождение формы на *-чик*.

Согласно первой, выдвинутой Н.А.Баскаковым и А.И.Инкижековой-Грекул, "форма на *-чих/-чік* (с вариантами) в тюркских языках встречается только в хакасском и киргизском. Она является общей с монгольской формой прошедшего времени на *-чээ/-жээ*, и восходит генетически к единой форме, разви-

[133] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 375-379; Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 220-222.

[134] См.: *Монгуш Д.А.* Указ. соч., с. 133, 143, 144; см.также: *Баскаков Н.А.* Форма глагола на *-чих/-чик -чу/-чу* в хакасском, тувинском и киргизском языках. - В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 5.

вшейся фонетически в трех оформлениях: а) *-дыг/-диг, -дык/-дик* (эта форма легла в основу прошедшего времени на *-ды/-ды* большинства тюркских языков), б) *-чих/-чік* (сохранившаяся в монгольских языках, а из тюркских - в киргизском и хакасском) и в) *-сык/-сик* (сохранившаяся в языке орхонских надписей)[135]. Эту точку зрения Н.А.Баскаков развивает дальше, включив сюда и тувинскую форму на *-чик* и придя к выводу, что эта форма "является характерной только для монгольских языков, в тюркских же языках - хакасском, тувинском и киргизском - она является относительно новым заимствованием из монгольского языка"[136].

Другую гипотезу предложили Ф.Г.Исхаков и А.А.Пальмбах, предположившие развитие тувинской формы на *-чик* из тувинской же модальной частицы *ийик*[137]. Это мнение поддерживает и Д.А.Монгуш[138] Слабым местом этой гипотезы является то, что остаётся необъясненным происхождение самой этой частицы *ийик*, выступающей также как глагольная связка прошедшего времени в сослагательном наклонении, напр.: *чанар ийик мен* 'я бы вернулся'

Более правдоподобной, на наш взгляд, является третья точка зрения, упоминание о которой впервые находим у Д.А.Монгуша: "По мнению Э.Р.Тенишева, высказанному им устно, прошедшее на *-чик* в тувинском языке имеет общее происхождение с прошедшим временем на *-йук* в древнеуйгурском языке"[139]. Сторонником этой гипотезы является Д.М.Насилов, убедительно доказавший смысловую и функциональную близость древнеуйгурской формы на *-йук* с тувинской формой на *-чик* и хакасской *-чих*[140]. В древнеуйгурском языке прошедшее время на *-йук* тоже выражало известную категоричность совершения действия, точнее подчеркивало его важность, особенность, яркость, характерность; с другой стороны, наличествовало указание и на определенную исчерпанность, полноту этого действия, что и выдвигало его на особое место[141]. По мнению Насилова, сама тувинская частица *ийик* есть не что иное как эта же древнеуйгурская форма на *-йук* от древнего глагола **эр-* 'быть', т.е. *ийик* <**эр- + -йук*. Так как форма **эрйук* > *ийик* имела определенное модальное значение категоричности, то в тувинском языке она, перестав осознаваться как глагольная, перешла в разряд частиц в качестве частицы усиления. Первоначальное же ее значение как формы прошедшего времени вспомогательного глагола **эр-* 'быть' сохраняется в сосла-

[135] *Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И.* Хакасский язык. В кн.: Хакасско-русский словарь. М., 1953, с. 458.

[136] *Баскаков Н.А.* Формы глагола на *-чих/-чик -чу/-чу...*, с. 10.

[137] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 379.

[138] См.: *Монгуш Д.А.* Указ. соч., с. 131, 132.

[139] *Монгуш Д.А.* Указ. соч., с. 133.

[140] *Насилов Д.М.* Прошедшее время на *-jük/-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках. - В кн.: Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н.Кононова. М., 1966.

[141] Там же, с. 96.

гательном наклонении, где она соответствует *эди<эр-+-ди* других тюркских языков[142].

В тофаларском языке тувинской частице *ийик* соответствует *иик* (<*ийик<*эр-+-йик). Но в отличие от тувинского языка, в тофаларском *иик* полностью сохранило значение прошедшего времени, выступая только в виде предикативной связки с семантикой 'был'. Эта служебная функция *иик* в тофаларском языке довольно активна. Например: *мен ында иик мен* 'я там был', *сен биске келдің эрсе, экки болыр иик* 'Если бы ты к нам приехал, было бы хорошо', *оң сілерге келген иик* 'он к вам приходил', *ында аът туру иик* 'там конь стоял'.

Будущее время

Будущее время в современном тофаларском языке имеет две формы, соотносящиеся между собой по принципу определенности-неопределенности.

Будущее категорическое время

Показателем этой формы выступает аффикс причастия будущего времени *-ар/-ер* (с фонетическими вариантами, о которых говорилось выше) в положительном аспекте и *-бас/-бес* (с вариантами) в отрицательном. Спряжение происходит аналитически при помощи личных предикативных показателей I группы. В качестве примера и образца приведем спряжение глаголов *аңна-* 'промышлять', *тур-* 'стоять', *эг-* 'гнуть', *өът-* 'пройти насквозь', *бар-* 'уходить'.

Положительный аспект

Ед. число

1 л.	*аңнаар турар мен мен*	*ээр мен*	*өътэр мен*	*баар мен*
2 л.	*аңнаар турар сен сен*	*ээр сен*	*өътэр сен*	*баар сен*
3 л.	*аңнаар турар*	*ээр*	*өътэр*	*баар*

Мн. число

1 л.	*аңнаар турар бис бис*	*ээр бис*	*өътэр бис*	*баар бис*
2 л.	*аңнаар турар сілер сілер*	*ээр сілер*	*өътэр сілер*	*баар сілер*
3 л.	*аңнаар турар(лар) (лар)*	*ээр(лер)*	*өътэр(лер)*	*баар(лар)*

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л.	*аңнавас турбас мен мен*	*эгбес мен*	*өътпес мен*	*барбас мен*
2 л.	*аңнавас турбас сен сен*	*эгбес сен*	*өътпес сен*	*барбас сен*
3 л.	*аңнавас турбас*	*эгбес*	*өътпес*	*барбас*

[142] См. там же, с. 98,99.

Мн. число

1 л.	*аңнавас бис* *турбас бис*	*эгбес бис*	*өътпес бис*	*барбас бис*
2 л.	*аңнавас сілер* *турбас сілер*	*эгбес сілер*	*өътпес сілер*	*барбас сілер*
3 л.	*аңнавас (тар)* *турбас (тар)*	*эгбес(тэр)*	*өътпес(тэр)*	*барбас(тар)*

Значением данной формы будущего времени является выражение действия, которое определенно совершится в будущем, после момента речи, говорящий в этом уверен. Кроме того, эта форма, главным образом ее отрицательный аспект, обозначает действие, которое совершается (или не совершается) обычно, постоянно. Примеры: *ынаарғы кум та чорувас* 'туда никто не ходит', *мен бок келір мен* 'я сейчас приду', *сезік аң алыспас* 'чуткий зверь не дается', *оң ээлгірі киши, туътар* 'он проворный человек, поймает', *мен турай тура статка чжоруур мен* 'я завтра утром поеду в стадо', *сен һиняагың каңһин шӧип каар сен?* 'Ты когда напишешь свою книгу?', *суг улуг, бо һундус кеъшпес бис* 'Вода большая, сегодня переправляться не будем'.

Эта форма носит общетюркский характер, как и причастие, на основе которого она образована.

Будущее предположительное время

Данная форма образуется афф. *-гай/-гей, -кай/-кей*, который, попав в инлаут на стыке морфем, теряет свой гуттурал, благодаря чему на месте конечного гласного основы и гласного аффикса образуется один долгий гласный, качество которого определяется характером гласного аффикса, т.е. на месте, например, *чору + гай* образуется *чораай*, а на месте *өли + гей - өлеэй*. В отрицательном аспекте используется афф. *-ба/-бе*, который, слившись фонетически с афф. *-гай/-гей*, дал форму *-баай/-беэй*. Спряжение происходит аналитически при помощи личных предикативных показателей I группы. В качестве образца приведем спряжение глаголов *чору-* 'ехать', *бар-* 'пойти', *эг-* 'гнуть', *туът-* 'ловить'.

Положительный аспект

Ед. число

1 л.	*чораай мен*	*баргай мен*	*эгей мен*	*туъткай мен*
2 л.	*чораай сен*	*баргай сен*	*эгей сен*	*туъткай сен*
3 л.	*чораай*	*баргай*	*эгей*	*туъткай*

Мн. число

1 л.	*чораай бис*	*баргай бис*	*эгей бис*	*туъткай бис*
2 л.	*чораай сілер*	*баргай сілер*	*эгей сілер*	*туъткай сілер*
3 л.	*чораай-(лар)*	*баргай(лар)*	*эгей(лар)*	*туъткай(лар)*

Отрицательный аспект

Ед. число

1 л.	*чоруваай мен*	*барбаай мен*	*эгбеэй мен*	*туътпаай мен*
2 л.	*чоруваай сен*	*барбаай сен*	*эгбеэй сен*	*туътпаай сен*
3 л.	*чоруваай*	*барбаай*	*эгбеэй*	*туътпаай*

Мн. число

1 л.	*чоруваай бис*	*барбаай бис*	*эгбеэй бис*	*туътпаай бис*
2 л.	*чоруваай сілер*	*барбаай сілер*	*эгбеэй сілер*	*туътпаай сілер*
3 л.	*чоруваай-(лар)*	*барбаай(лар)*	*эгбеэй (лар)*	*туътпаай(лар)*

Эта форма в современном тофаларском языке выражает действие, которое предположительно совершится в будущем, говорящий обычно точно этого не знает, но в то же время, он хотел бы, чтобы это действие произошло. Таким образом, это будущее неопределенное, предположительное время, иногда с модальным оттенком желательности. В других случаях преобладает значение желательности, чтобы действие совершилось. Это связано с тем, что афф. *-гай* в современном тофаларском языке имеет две, уже дифференцированных, группы значений: 1) предположительности свершения действия в будущем и 2) желательности, чтобы действие произошло. В данном случае мы рассматриваем первую группу этих значений. Примеры: *мен алгай мен* 'я возьму' (говорящий при этом точно не знает, когда он это сделает и вообще, удастся ли ему это сделать, но он сам желает этого), *мен чоруваай мен* 'я не поеду' (но это окончательно еще не решено), *сен ынаарыı бо һундус баргаай сен* 'ты сегодня туда не пойдешь', *баргай ла мен турай* 'я наверное, поеду завтра'.

Значение неопределенности свершения действия в будущем, его предположительности отмечается среди языков Саяно-Алтая также в шорском и алтайском, хотя как преобладающее выведено в них значение желательности. Как форма желания *-гай* представлена в хакасском и как согласительная форма в тувинском[143].

Во многих тюркских языках эта форма образует желательное наклонение[144].

Значение будущего времени у *-гай* в тофаларском можно объяснить влиянием древнеуйгурского языка (равно как и наличие формы прошедшего времени на *-чык*), в котором форма на *-гай* обозначала будущее долженствовательное время[145].

[143] См.: *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка, с .174; *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка, с. 161; Грамматика хакасского языка, с. 196-198; *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч, с. 397-399.

[144] См.: *Баскаков Н.А.* Система спряжений..., с. 300.

[145] См.: *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, с. 115, § 220; *Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык, с.75-78.

Руническим надписям эта форма будущего времени неизвестна. Как и в тофаларском, форма на *-гай* в древнеуйгурском всегда только финитна.

II. Релятивное употребление времен

Наряду с формами индикатива, различающимися между собой соотношением с моментом речи (прошедшее, настоящее и будущее времена) в современном тофаларском языке существует параллельно другая система форм, которая построена на различии в соотношении временных форм с фоном прошедшего времени. Такое относительное употребление времен мы назвали релятивным, принимая положения, выдвинутые и разработанные С.Н.Ивановым относительно временных форм турецкого глагола[146]. Его деление временных форм на эти два ряда - индикативный и релятивный - позволяет объяснить сосуществование в тюркских языках простых и сложных временных форм. При этом, как правило, во всех тюркских языках сложные формы времен имеют несколько иные значения, чем простые. В большинстве тюркских языков сложные формы образуются на базе простых с добавлением служебного слова *эди//иде* (<*эр+ди*), превратившегося в ряде языков в особый афф. *-ды/-ди*. Все эти сложные формы обычно соотносят то или иное время с фоном прошедшего времени. Не лишен такого явления и тофаларский язык. Только в нем вместо *эди//иде* употребляется слово *иик*, о котором говорилось выше.

Почти все формы времен индикатива (исключение составляют - *-чык* и *-ды*) могут употребляться со служебным словом *иик*, образуя целостную систему соотношения времен с фоном прошедшего времени.

1. Соотношение настоящего времени с фоном прошедшего выражается сложными формами *-адыры иик, -ып чыътыры иик, -ып туру иик, -у иик*. Они обозначают действие, которое длилось в прошлом в течении какого-то отрезка времени, оставшись зачастую незавершенным: *мында аң дуру иик, каньчжаш боолаваан сен?* 'здесь зверь стоял, ты почему не стрелял?', *аътгар тыттар каътында турулар иик* 'кони стояли среди лиственниц' (говорящий их только что там видел, они еще там стоят), *мен да олыры иик мен* 'и я сидел', *оң дээдэ чору иик* 'он там ходил', *ол дагда сарыг аң кышкырадыры иик* 'на той горе кричал изюбрь', *мен дыңнааным, ол киши ында иштэндірі иик* 'я слышал, тот человек там работал', *бір чазын чорааным, һек эътіп чыътыры иик* 'шел я однажды весной, кукушка кричит', *мен аңнап туру иик мен* 'я промышлял', *оң бары чыътыры иик, мен гөрген мен* 'он туда шел, я видел'. Эти формы индикатива (простые и аналитические) основаны на причастии настоящего времени и означают буквально 'был стоящим' (*туру иик*), 'был идущим' (*чору иик*) и т.п.

[146] См.: *Иванов С.Н.* К объяснению системы времен турецкого индикатива. - В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А.Н.Кононова. М., 1976.

В других тюркских языках, например татарском, рассмотренным тофаларским релятивам точно соответствует форма прошедшего назаконченного времени, типологически построенная по той же модели, - форма настоящего времени на *-а* + глагол *иде* (*ала идем* 'я брал', *ала идең* 'ты брал' и т.п.) и прошедшее многократное, состоящее из причастия настоящего времени и вспомогательного глагола *иде* (*ала торган идем* 'я обычно брал', *ала торган идең* 'ты обычно брал' и т.п.)[147].

2. Сложная форма, образованная из сочетания причастия прошедшего времени со вспомогательным глаголом *иик* (*-ган иик/-ген иик*), обозначает преждепрошедшее действие, т.е. действие которое произошло раньше, чем свершилось основное действие, а кроме того, гораздо чаще она имеет значение результативности действия, соотнесенной с прошлым. Примеры: *оң аңа чораан иик, ында чү тэ йок болган иик* 'он туда ходил, там ничего не было', *сен чжораан иик сен ол дайгаа* 'ты же ездил в ту тайгу', *бис чээн иик бис* 'мы уже ели', *бірээ чурук тонун берген иик* 'отдала один кожан', *кіргенімдэ, оларың олырганнар иик* 'когда я заходил, они там сидели'.

Эта же форма широко представлена и в других тюркских языках. Ср., например, татарскую форму преждепрошедшего действия с показателем *-ган иде: алган идем* 'я тогда взял (брал)', *алган идең* 'ты тогда взял' и т.п.[148]

3. Формы будущего времени на фоне прошедшего привело к появлению сложных форм *-ар иик* и *-гай иик* (отрицательный аспект *-бас иик, -баай иик*), получивших значение ирреальности действия, предположения о его свершении, желательности его свершения. Эта специфика их значения позволила им участвовать в образовании форм желательного и сослагательного наклонений, о которых подробнее будет сказано ниже.

В других тюркских языках сложные формы, составленные по типу *-ар иде*, тоже образуют сослагательное наклонение, а также формы желания, например: тат. *бирер иде* 'он бы дал', *булышыр идең* 'ты бы помог'[149].

Перифрастические формы

В тофаларском языке довольно активны особые описательные, или перифрастические, формы, уточняющие временную характеристику действия. В отличие от аналитических форм, в которых значимый глагол принимает показатель соответствующего деепричастия, в перифрастических формах значимый глагол оформлен аффиксом соответствующего причастия.

Нам удалось выявить следующие перифрастические формы.

1. Фрма на *-ар/-бас бол-* имеет две группы значений.

1) Передает действия, совершаемые с точки зрения говорящего регулярно, многократно, обычно, более или менее постоянно. Особенно это характерно при постановке служебного глагола *бол-* в форме перфективного прошедшего времени на *-ган*, например: *билир болган бис, оң гелір дэп* 'мы знали, что он придет', *рааньше тофа кишилер баъкка черлеп турар болган* 'раньше тофы плохо жили', *ындыг айны шаандаа улус адаар болган аксаан ай дэп* 'такой месяц древние люди называли месяцем сушеной сараны', *соодаарга оң чуну тэ туътпас болган* 'когда говорили, он ничего не понимал'.

2) Выражает становление признака предмета (лица), перехода его из одного качества состояния в другое, превращение. Эти значения проявляются наиболее ярко, рельефно при постановке глагола *бол-* в форму завершенного вида (*болу бер-*). Эта модель особенно активна, например: *мен чуну тэ сагынбас болу берген мен* 'я перестал помнить'; *оң шыйбас болы берді* 'он не стал писать', *мен чуну тэ билбес болу берген мен* 'я перестал понимать', *аарааш сен иштэнмес болы бээр сен* 'заболев, ты перестанешь работать', *ийнэ сыътталбас болы берген, караам гөрбес болы берген* 'глаза стали плохо видеть, иголка не вдевается', *о-о! каньчжа һаактаны берді лээн, чжорулбас болу берді* 'о-о, как много тальника стало, даже нельзя проехать', *мен төдусун туътар болы бердім* 'я все стал понимать', *мен диңнаар болы бердім* 'я стал слышать'.

2. Формы на *-ган бол-, -ган тур-, -ган чыът(ыр)-, -ган олыр-, -ган чору-*, т.е. причастие прошедшего времени и служебные глаголы бытия, передают длительное состояние, в котором совершается действие. Семантикой этой формы является выражение результата какого-либо действия, процесса как признака действующего субъекта, находящегося определенный промежуток времени в этом состоянии. Примеры: *ол ашняк келіп көөрдэ аъты өлу берген чыътkан* 'когда тот мужик пришел и посмотрел, то его конь лежал мертвым', *шкаапка чөленгеш шынзып ла берген дуру* 'он оперся на шкап и стоит с независимым видом', *тенуксейі берген чыътырда, улусу чыылып келген* 'когда он собрался умирать, пришли родственники'.

Перифрастические формы существуют во многих тюркских языках. Отмечены и описаны они, например, в турецком, татарском, якутском и древнетюркском. И, как справедливо отметил М.С. Михайлов, есть все основания предполагать, что перифрастические формы - явление общетюркское[150].

---

147 См.: Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М., 1969, с. 224, 230.

148 См. там же, с. 226.

149 См. там же, с. 236-237.

150 *Михайлов М.С.* Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965, с. 9. См. также: Современный татарский литературный язык, с. 275-279; *Тумашева Д.Г.* Перифрастические формы татарского глагола. - В кн.: Вопросы татарского языкознания, 2. Казань, 1965; *Коркина Е.И.* Перифрастические формы типа *-ар/-бат буол-* в якутском языке. - В кн.: Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976; *Насилов Д.М.* К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках. - ВЯ, 1960, № 3.

Категория наклонения

Категория наклонения выражает отношение действия к действительности.

В современном тофаларском языке по семантическим и морфологическим признакам выявляется шесть наклонений: повелительное, желательное, опасительное, условное, уступительное и сослагательное.

Повелительное наклонение

В тофаларском языке, как и во всех тюркских языках, существуют особые повелительные формы, выражающие приказ, повеление, побуждение, просьбу, желание, требование, призыв и т.п. субъективные побуждения к действию. В отличие от всех остальных наклонений повелительное не имеет специального аффикса наклонения. Основа любого глагола (в положительном или отрицательном аспекте), высказанная с интонацией повеления, уже выражает повеление, приказ. Личные окончания повелительного наклонения отличаются от личных окончаний других наклонений. Они выражают одновременно лицо, число и повелительную форму.

В тофаларском языке в систему данного наклонения мы включили форму и для 1-го лица обеих чисел, поскольку побуждение к действию может иметь различную градацию семантики: это и призыв, и приказ, и просьба, и пожелание. Так, первое лица ед. числа выражает действие, направленное на самого говорящего, призыв говорящего к самому себе, желание самому совершить действие. Далее, в 1-м лице различаются двойственное и множественное числа. Дв. число выражает призыв к одному другому лицу вдвоем совершить какое-либо действие, мн. **число - требование**, призыв, просьбу к нескольким людям совершить действие вместе с говорящим. 2-е лицо выражает повеление, приказ, просьбу к одному или нескольким лицам совершить действие. 3-е лицо обозначает повеление, просьбу, пожелание, **обращенные к одному или нескольким третьим лицам через собеседника.**

Парадигма личных окончаний повелительного наклонения в современном тофаларском языке имеет следующий вид:

	Ед. число	Дв. число	Мн. число
1 л.	*-ээйн/-ыйын/-ыйын*	*-аалы/-ээлі*	*-аалың/--ээлің*
2 л.	основа глагола	*-ыылы/-ыылі*	*-аалыңар/-ээліңер*
3 л.	*-сын/-сін, -сун/-сун*	*-ууlу/-ууlу*	*-ыылың/-ыылің, -ыылыңар/-ыыліңер, -ууlуң/-ууlуң -ууlуңар/-ууlуңер -ңар/-ңер, -ыңар/-ыңер, -уңар/-уңер, -сын(нар)/-сін(нэр), -сун(нар)/-сун(нэр)*

В отрицательном аспекте афф. *-ба/-бе* (с вариантами) присоединяется к основе глагола, при этом происходит фонетическое сращение данного аффикса с показателем лица. Парадигма выглядит следующим образом:

	Ед. число	Дв. число	Мн. число
1 л.	*-беэйн*	*-баалы/-бээлі*	*-баалың/-бээлің*
2 л.	*-ба/-бе*	-	*-баалыңар/-бээліңер*
3 л.	*-басын/-бесін*	-	*-баңар/-беңер, -басын(нар)/-бесін-(нэр)*

В 1-м лице ед. числа произошло фонетическое развитие этимологически восстанавливаемого здесь афф. **-айын/*-эйин* в одну форму *-ээйн*, одинаково употребляющуюся в обоих сингармонических рядах. В отрицательном аспекте **-байын* и **-бейин* тоже дали одну форму - *-беэйн* [bʲɛ:in].

Ударение в повелительном наклонении во 2-м и -3-м лицах всегда падает на гласный последнего слога основы, в 1-м лице всех чисел - на долгий гласный показателя лица: *áлыңар* 'берите', *албаңар* 'не берите', *áлсын* 'пусть возьмет' *албасын* 'пусть не берет', *алэ́йн* 'возьму-ка я'.

Для смягчения приказа, повеления, просьбы, придания им вежливого, но в то же время настойчивого характера в тофаларском языке во 2-м лице обоих чисел обоих аспектов к повелительным формам прибавляется особая гармонирующая частица *-нам/-нэм, -там/-тэм* и негармонирующая частица *-нэй/-тэй*. Они безударны и настолько сливаются с формой, что их следовало бы скорее назвать аффиксами.

Для иллюстрации приведем несколько примеров на употребление форм повелительного наклонения: *келнэм бээрі* 'идика сюда!', *діҳээлі* 'давай поговорим', *сілер барыңар* 'вы уходите', 'вы идите', *иъһээн бараалы* 'пойдем-ка вдвоем', *мында турбаңар, чорыңар* 'здесь не стойте, поезжайте', *баршаан чжоруулың* 'давайте поедем все', *мен біле каъты бараалы* 'пойдем со мной' (обращение к одному), *мен біле каъты бараалыңар* 'пойдемте со мной' (обращение к нескольким лицам), *мен барбеэйн* 'не пойду-ка я', *сен барба* 'ты не уходи', *сен барбанам (//барбанэй)* 'ты не уходи, пожалуйста', *ынаары барбаңарнам, һоруглуг* 'не ходите-ка туда, опасно!', *тыштанып чыътээйн* 'полежу-ка я, отдохну', *сугда һалып бернэм* 'принеси-ка воды', *туъттам* 'держи-ка', *туъштэм бээрі* 'слезай-ка сюда', *һөөллуг болса барсын, һоңну йок болса барбасын* 'если есть желание, пусть идет, нет желания - пусть не идет', *иъһээн чжиилі* 'давай съедим вдвоем', *мен нюңускаан чжиийн* 'съем-ка я один'.

Формы повелительного наклонения в тофаларском языке в общем-то общетюркские - см. табл. 11, в которой на примере глагола *ал-* 'брать, взять' сопоставлены формы этого наклонения в тофаларском и ряде других тюркских языков [151].

---

[151] За образец и основу взята таблица из работы: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 395.

Сравнительно-исторический анализ всех форм повелительного наклонения, встречающихся в тюркских языках, произведен Н.А.Баскаковым - см.: *Баскаков Н.А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках. - ВЯ, 1975, № 1.

Таблица 11

Повелительные формы глагола *ал-* 'брать'

	Ед. число			Дв. число	Мн. число		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Тоф.	*алээйн*	*ал*	*алсын*	*алаалы*	*алаалыҥ//алаалыҥар*	*алыҥар*	*алсын(нар)*
Тув.	*алыйн*	*ал*	*алзын*	*алыыл//алыылы*	*алыылыҥар*	*алыҥар*	*алзын(нар)*
Шор.	*алайн//алай*	*ал*	*алзын*	*алаҥ//алааҥ*	*алаҥнар//алааҥнар*	*алаар*	*алзын(нар)*
Хак.	*алим*	*ал*	*алзын*	*алаҥ*	*алаҥар*	*алыҥар*	*алзын(нар)*
Як.	*ылыым*	*ыл*	*ыллын*	*ылыах*	*ылыагыҥ*	*ылыҥ*	*ыллыннар*
Алт.	*алайын*	*ал//алгын*	*алзын*	*алаалык//алалык//алаалы//алалы//алал*	*алаалыктар//алалыктар//алаалдар*	*алыгар*	*алзын(дар)*
Кирг.	*алайын*	*ал//алгын*	*алсын*	–	*алалы//алалык*	*алыңыздар//алгыла*	*алышсын*
Каз.	*алайын*	*ал*	*алсын*	–	*алайық//алалык//алалы*	*алыңдар//алыңыз//алыңыздар*	*алсын*
Тат.	*алыйм*	*ал*	*алсын*	–	*алыйк*	*алыгыз*	*алсыннар*
Уйг.	*алай*	*ал//алгин*	*алсун*	–	*алайли*	*алиңлар*	*алсун(лар)*
Туркм.	*алайын*	*ал//алгын*	*алсын*	*алалы*	*алалыҥ//алайлыҥ*	*алыҥ//алайыҥ*	*алсын(лар)*
Орх.-енис.	*алаjын*	*ал//алгыл*	*алзун*	–	*алалым*	*алыҥ*	*алзунлар*
Др.-уйг.	*алайын*	*ал//алгын//алиҥ*	*алзун//алсун*	–	*алалым*	*алыҥ*	*алсунлар*

Для тофаларского языка характерны частицы смягчения повеления во 2-м лице *-нам/-нэм, -нэй*, их нет в других тюркских языках Саяно-Алтая и за его пределами.

Желательное наклонение

Желание, намерение совершить действие самим говорящим или его желание, чтобы действие совершил кто-либо другой, в современном тофаларском языке передается несколькими формами.

1. Наиболее древней и общетюркской является форма с показателем *-гай/-гей, -кай/-кей*[152], образующим одновременно форму будущего предположительного времени. В отрицательном аспекте эта форма совпадает с формой будущего времени на *-гай*.

Парадигма спряжения глагола в желательном наклонении выглядит следующим образом:

	Положительный аспект		Отрицательный аспект	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л.	*-гай мен*	*-гай бис*	*-баай мен*	*-баай бис*
2 л.	*-гай сен*	*-гай сілер*	*-баай сен*	*-баай сілер*
3 л.	*-гай*	*-гай(лар)*	*-баай*	*-баай(лар)*

Очень часто после афф. *-гай* для усиления ставится частица *ла/ле*. В 3-м лице значение желания может доходить до допущения, тогда форма на *-гай* совпадает со значением афф. *-сын* 3-го лица повелительного наклонения. Оттенки формы желания на *-гай* зависят как от семантики глагола, так и от лица. Примеры: *сен ынаарь баргай ла сен* 'сходил бы ты туда', 'хорошо бы тебе сходить туда', *оң чориий ла бергей* 'хоть бы он уехал', *уъһя ла бергей* 'хоть бы улетел', *дэгбе, тургай* 'не трогай, пусть стоит', *ыш ла булаай* 'хоть бы дым показался', *аъһам барбаай ла* 'хоть бы мой брат не ушел', *лаампа кыъпкай ла* 'пусть лампа горит', *ол киши мында болбаай* 'желательно, чтобы того человека здесь не

[152] См.: *Баскаков Н.А.* Происхождение форм повелительно-желательного наклонения..., с. 300.

было', *сен чыышка баргай ла сен* 'сходил бы ты на собрание!'.

2. Довольно часто форма на *-гай* может осложняться служебным глаголом *иик*. При этом значение желания усиливается и переносится в план предположения, ирреальности. Спряжение аналитическое, при помощи личных предикативных показателей I группы:

	Положительный аспект		Отрицательный аспект	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л.	*-гай иик мен*	*-гай иик бис*	*-баай иик мен*	*-баай иик бис*
2 л.	*-гай иик сен*	*-гай иик сілер*	*-баай иик сен*	*-баай иик сілер*
3 л.	*гай иик*	*-гай иик (тэр), -гайлар иик*	*-баай иик*	*-баай иик(тэр), -баайлар иик*

Примеры: *оң ол аътты туяткай иик* 'хоть бы он поймал того коня'; *өөндэ һей олырба, улус біле каъты баргай иик сен* 'не сиди дома, пошел бы вместе с людьми', *турайсы баргай иик мен* 'я бы сходил завтра, хорошо бы мне завтра сходить'.

3. Желание может выражаться в определенной ситуации и формами сослагательного наклонения: *индиг чжуме алыр иик мен* 'такую вещь я бы взял', *ол киши біле мен барбас иик мен* 'с тем человеком я бы не пошел', *сен инаары бо һундус барбас иик сен* 'не ходил бы ты лучше сегодня туда'.

4. Довольно употребительна в современном тофаларском языке специфичная форма *-сэиг* в положительном аспекте и *-басэиг/-бэсэиг* в отрицательном. Произошла она,видимо, из слияния показателя условного наклонения *-са* и служебного глагола *иик*, т.е. *-сэиг<-са иик*. Семантика допускает такую этимологию.

Практически эта форма встретилась лишь в 3-м лице. Ввиду отсутствия данных по остальным лицам пока затруднительно сделать окончательный вывод о спряжении этой формы. Употребляется она в значении 'хоть бы, хорошо бы': *ол киши мында болбасэиг* 'хоть бы того человека здесь не было', *оң бо йумені саътыв албасэиг* 'хоть бы он не купил эту вещь', *маңгазиин чыпык ла болбасэиг* 'лишь бы магазин не был закрыт', *оң өөндэ болсэиг* 'хоть бы он был дома', *суг дэрең болбасэиг* 'хоть бы река не оказалась глубокой', *барыб ла туъшсэиг* 'хоть бы упал', *берсэиг* 'хоть бы дал', *уъшсэиг* 'хоть бы улетел', *талыйсэиг* 'лишь бы ушел, хоть бы ушел'.

Опасительное наклонение

Предостережение, опасение, как бы не случилось, не произошло нежелательное действие, в современном тофаларском языке передается формой прошедшего категорического времени на *-ды/-ді* с соответствующим предикативным личным показателем. При этом данная форма сопровождается междометиями *һөй, һалак*, либо их сочетанием *һөй һалак*, а также соответствующей интонацией. Примеры: *билип чи, сөөкке кардың* 'осторожно ешь, не подавись костью', *һөһө, шәәштырдың!* 'эй смотри, забодает!', *ачжинды һалак* 'как бы не рассердился', *бел каътты, һөй!* 'ой, как бы не схватил таймень!', *һөй, чуулдун!* 'смотри, не упади!', *һөй һалак чуулдың* 'смотри, упадешь' *һөй һалак, чуулдум!* 'ой, упаду!', *бодуңнуң соодуң уттуң, һалак!* 'смотри, не забывай своих слов!', *һөй һалак, дулундуң!* 'смотри, не утони!'.

Условное наклонение

Показателем условного наклонения в тофаларском языке является афф. *-са/-се*, имеющий общетюркское распространение. Только в якутском он сохраняет более архаичный облик *(-тар/тэр...)*, совпадая в этом с древнетюркским языком, в котором было *-сар/-сэр*[153]. Архетип этой формы реконструируется в виде формы на **-sar*, которая является по происхождению причастием на -r основы с афф. -sa и имела первоначально значение желания, намерения совершить действие, преобразовавшись затем в форму условного наклонения[154]. "Как отмечали многие исследователи, у формы условного наклонения наряду с собственно условным значением прослеживается оптативное. И поскольку оно типично для формы на -sa(r) в большой группе тюркских языков, правомерно отнести его к числу древних значений. Именно оптативность могла предшествовать условности, так как она вплотную примыкает к этимологическому содержанию формы условного наклонения, восстанавливаемому путем сближения аффикса -sa(r) с глаголом sa- 'думать, считать'"[155]. Затем развитие семантики формы на -sa(r) шло в сторону утраты многозначности и регулярного использования ее только в значении условного наклонения[156]. Как мы отмечали выше, в тофаларском языке значение оптативности *-са* сохраняет в сложном афф. *-сэиг (<-са иик)*.

Условное наклонение в современном тофаларском языке, как справедливо было отмечено Н.П.Дыренковой[157], образуется присоединением афф. *-са/-се* непосредственно к основе глагола только в 3-м лице. В остальных же лицах используется аналитическая форма, состоящая из формы соответствующего лица прошедшего категорического времени на *-ды/-ді*

---

153 См.: *Баскаков Н.А.* Система спряжения..., с. 297.

154 См.: *Щербак А.М.* О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках. - Советская тюркология, 1976, № 2, с. 13, 14, 17; *Баскаков Н.А.* К вопросу о происхождении условной формы на *-са/-се* в тюркских языках. - В кн.: В.А.Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953, с. 53.

155 *Щербак А.М.* О происхождении формы условного наклонения..., с. 20.

156 См. там же, с. 21.

157 См.: *Дыренкова Н.П.* Тофаларский язык. - В кн.: Тюркологические исследования. М., 1963, с. 16.

(с вариантами) и неизменяемого служебного элемента *эрсе*, представляющего собой застывшую форму условного наклонения древнего служебного глагола **эр-* 'быть'. Отрицательный аспект образуется так же, только к основе значимого глагола присоединяется афф. *-ба/-бе* (с вариантами).

Парадигма этого наклонения, таким образом, выглядит следующим образом:

	Положительный аспект		Отрицательный аспект	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л.	*-дым эрсе/ -дім эрсе*	*-дывыс эрсе/ -дівис эрсе*	*-бадым эрсе -бедім эрсе*	*-бадывыс эрсе/ -бедівис эрсе*
2 л.	*-дың эрсе/ -дің эрсе*	*-дыңар эрсе/ діңер эрсе*	*-бадың эрсе/ -бедің эрсе*	*-бадыңар эрсе/ -бедіңер эрсе*
3 л.	*-са/-се*	*-са(лар)/се-(лер)*	*-баса/-бесе*	*-баса(лар)/ -бесе(лер)*

Сама по себе форма условного наклонения в тофаларском языке безотносительна ко времени и зависит от времени основного действия. Но главным образом эта форма употребительна в плане реального или ирреального будущего, например: *оң барыксаса барсын* 'если он хочет идти, пусть идет', *эъсірібесе эккі болыр* 'если не опьянеет, будет хорошо', *инда болдым эрсе, соодар мен* 'если я там буду, я скажу', *инда болдың эрсе, соода* 'если там будешь, скажи'.

Кроме указанной основной формы условного наклонения в тофаларском языке используется в качестве показателя условного наклонения служебное слово *болса* (<*бол-* 'быть, стать' + *-са*), которое не принимает личных окончаний, например: *мен болган болса, соодаар иик мен* 'если бы я был, я бы сказал', *мен инда болса, соодаар мен* 'если я там буду, я скажу', *инда аът бар болса, эккі* 'хорошо, если там будет (есть) конь'.

Для афф. *-са/-се* характерно также оформление инфинитива в составе условного предложения. Личных окончаний этот аффикс в данном случае не принимает, так как он выражает действие как таковое, например: *келсе ле келір мен* 'прийти-то я приду', *барыксаса бар, барыксаваса барба!* 'если идти, то иди, если не идти, то не иди', *доңса доңсын* 'мерзнуть, так пусть мерзнет', *куруса курусун* 'если сохнуть, то пусть сохнет', *сиъкса бодум біле сиъһар мен* 'сломать, так сам сломаю', *ишсе бодум біле ишер мен* 'выпить, так сам выпью'.

Удвоенная форма на *-са* может выражать и обстоятельство образа действия, например: *һун сани бечжен километир чоруса-чоруса, четтэ бәәр бис* 'мы дойдем, только проходя каждый день по пятьдесят километров'.

М.А.Кастрен не рассматривал условное наклонение в карагасском языке, дав его только для койбальского. Н.Ф.Катанов привел для карагасского языка несуществующую сейчас в

нем парадигму: *тыртсам, тыртсаң, тыртса, тыртсабыс, тыртсаңар, тыртсалар* (от глагола *тырт* 'тянуть') *и пärзäм, пärзäң, пärзä, пärзäбіс, пärзäңär, пärзäläр* (от глагола *пär* 'давать')[158]. Отсутствие этого наклонения в работах Кастрена, к сожалению, не позволяет проверить, было ли такое спряжение в условной форме в карагасском языке того времени или нет. Дело в том, что такой тип спряжения этой формы до сих пор сохранился в тоджинском диалекте тувинского языка, например: *барсам, барсаң, барса, барсавыс, барсаңар, барса(лар)* (от глагола *бар-* 'пойти')[159]. Он же представлен и в большинстве современных тюркских языков, а из языков Саяно-Алтая - в алтайском, шорском, хакасском[160].

С тофаларскими синтетико-аналитическим способом образованными формами условного наклонения среди языков Саяно-Алтая совпадают лишь формы западного и центрального (вместе с литературным языком) тувинских диалектов[161]. Ср., например, спряжение глагола *бар-* 'пойти' в тофаларском языке и тувинских диалектах с другими языками Саяно-Алтая и прочих регионов:

	Ед. число		
	1 л.	2 л.	3 л.
Тоф.	*бардым эрсе*	*бардың эрсе*	*барса*
Зап.-тув.	*бардым изе*	*бардың изе*	*барзе*
Центр.-тув.	*барзымза*	*барзыңза*	*барза*
Тодж.	*барсам*	*барсаң*	*барса*
Хак.	*парзам*	*парзаң*	*парза*
Алт.	*барзам*	*барзаң*	*барза*
Шор.	*парзам*	*парзаң*	*парза*
Кирг.	*барсам*	*барсаң*	*барса*
Каз.	*барсам*	*барсаң*	*барса*
Тат.	*барсам*	*барсаң*	*барса*
Узб.	*борсам*	*борсанг*	*борса*
Уйг.	*барсам*	*барсаң*	*барса*
Туркм.	*барсам*	*барсаң*	*барса*

158 См.: *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, с. 628.

159 *Чадамба З.Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 104.

160 См.: *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, с. 167-169; *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.-Л., с. 176-180; Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 192.

161 См.: *Саат Ш.Ч.* Образование формы условного наклонения в в тувинском языке. - Уч.зап. ТувНИИЯЛИ, 1968, вып. 13, с. 237, 238.

	Мн. число		
	1 л.	2 л.	3 л.
Тоф.	*бардыбыс эрсе*	*бардыңар эрсе*	*барса(лар)*
Зап.-тув.	*бардывыссе*	*бардыңарзе*	*барзе*
Центр.-тув.	*барзывысса*	*бардыңарза*	*барза*
Тодж.	*барсавыс*	*барсаңар*	*барса(лар)*
Хак.	*парзавыс*	*парзаңар*	*парзалар*
Алт.	*барзабыс*	*барзагар//барзак*	*барза(лар)*
Шор.	*парзабыс*	*парзаар*	*парзалар*
Кирг.	*барсак*	*барсаңар*	*барышса*
Каз.	*барсак*	*барсаңыздар*	*барса*
Тат.	*барсак*	*барсагыз*	*барсалар*
Узб.	*борсак*	*босангиз*	*борсалар*
Уйг.	*барсак*	*барсаңлар*	*барсалар*
Туркм.	*барсак*	*барсаңыз*	*барсалар*

Окончание *-зимза* и т.п. в центральном тувинском диалекте совершено справедливо возведено Ш.Ч.Сатом к форме *-дим изе, -диң изе* и т.п., употребляющейся в западном диалекте[162]. Здесь звук *-д-* в этой позиции перешел в *-з-*, а элемент *-за, -зе* - результат фонетического развития условной формы древнего глагола **и-* 'быть', т.е. *изе*, сохраняющейся еще в западном диалекте. Тофаларский язык дает однотипную картину, только в нем эта аналитическая форма сохраняется полностью в первых двух лицах и во мн. числе. Тоф. *эрсе* представляет собой тоже условную форму древнего глагола **эр-* 'быть', застывшую здесь в служебной функции.

Такое употребление формы на *-ды* в сочетании со служебным элементом *эрсе* (букв. означает 'если есть, если будет') подтверждает ее именной характер, который был в прошлом более ощутим. Аналогичное сочетание формы на *-ды* со служебным элементом *эрсер* (<**эр-* 'быть' + *-сэр*) было довольно распространено также в древнеуйгурском (*кылмадым эрсер* 'если бы я не сделал'), в древнеузбекском: (*кылдым эрсэ* 'если я совершил') и в языке восточнотуркестанских рукописей X-XIII вв. *асык кылды эрсэ* 'если бы оказал пользу')[163]. Сохранение тофаларской формы *-дим эрсе*, западнотувинской *-дим изе* и центральнотувинской *-зимза* (<**-зим изе* < *-*дим изе*) можно рассматривать как архаизм, связанный, возможно, с древнеуйгурским влиянием.

[162] См.: *Сат Ш.Ч.* Образование формы условного наклонения..., с. 239-240.

[163] См.: *Gabain A. von.* Указ. соч., с. 133, § 260; *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962, с. 201; *он же.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII в.в из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961, с. 147.

Уступительное наклонение

Значение уступительности в тофаларском языке выражается сочетанием форм условного наклонения *-ды эрсе, -са, болса* с уступительной частицей *та/тэ*. Примеры: *оң гелсе тэ, чуну тэ соодавас* 'хоть он и придет, ничего не скажет', *мен келдім тэ эрсе* 'хоть я и приду', *бис келдівис тэ эрсе* 'хоть мы и придем', *мен келген тэ болса* 'хотя я и пришел', *өлур тур тэ болса, чаага баар мен* 'хотя и убьют, поеду на войну'.

Уступительность может передаваться и повелительным наклонением, но опять-таки с уступительной частицей *та/тэ*, например: *сен чориий тэ бер, мен иглавас мен* 'ты хоть уйди, я не заплачу'. Это свидетельствует о том, что показателем уступительности по сути дела является частица *та/тэ*, имеющая широкую семантику допущения, уступительности.

В других тюркских языках уступительность тоже строится на базе уступительной частицы *даа/дее, да/дэ, та/тэ* с использованием условного наклонения, например: тув. *алза-даа* 'хоть и взял', *чок-даа болза* 'хоть и нет', хак. *хараан чапса даа* 'хоть и закроет глаза', тат. *көтмәсә дә* 'хотя и не ожидала'[164].

Сослагательное наклонение

Для обозначения гипотетического суждения, обусловленного фактором реальной или ирреальной возможности для выполнения действия, в тофаларском языке используется аналитическая форма, состоящая из причастия будущего времени на *-ар/-ер, -бас/-бес* и вспомогательного спрягаемого глагола *иик*. Парадигма спряжения следующая:

	Положительный аспект		Отрицательный аспект	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1 л.	*-ар иик мен*	*-ар иик бис*	*-бас иик мен*	*-бас иик бис*
2 л.	*-ар иик сен*	*-ар иик сілер*	*-бас иик сен*	*-бас иик сілер*
3 л.	*-ар иик*	*-ар иик (тэр)*	*-бас иик*	*-бас иик (тэр)*

Примеры: *аңны сен сойбадың эрсе, мен сойар иик мен* 'если бы ты не освежевал зверя, я бы освежевал', *сілер какырбас улус болдыңар эрсе, бо аът тіриг болыр иик* 'если бы вы не смеялись, этот конь был бы жив', *мені ытпаса, мен барбас иик мен* 'если б меня не послали, я бы не пошел', *мендэн өске кум та бербес иик* 'кроме меня никто не дал бы', *сен барбаан болдың эрсе, эккі болыр иик* 'если бы ты не ходил туда, было бы хорошо', *сен эмес болса, аа кум та барбаан болыр иик* 'если бы не ты, туда никто бы не пошел'.

Очень часто сослагательное наклонение в тофаларском языке, как и в других языках, выражает пожелание, просьбу.

[164] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 403; Грамматика хакасского языка, с. 193; Современный татарский язык, с. 243.

В других тюркских языках сослагательное наклонение образуется по той же модели, что и в тофаларском языке. Так, например, в тувинском языке для образования этой формы используется сочетание причастия на *-ар/-ер* с частицей *ийик*, восходящей, как и тоф. *иик*, к **эрйик*; в татарском языке - *-ар/-ер иде*[165] (< **и-* 'быть' + *-дэ*), в башкирском - *-ар/-ер ине*[166] (фонетический вариант *иде*). В хакасском языке сослагательное наклонение образуется путем присоединения к причастию на *-ар/-ер*, *-бас/-бес* особого афф. *-чых/-чік*, *-ҷых/-ҷік*, который, как показал Д.М.Насилов, восходит к форме прошедшего времени на *-чых* от древнего глагола **и(р)-* 'быть'. Таким образом, хакасская форма *-арчых* происходит из *-ар** и *(р)ҷік*[167], т.е. она совершенно идентична тув. *-ар ийик* и тоф. *-ар иик*.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

Глагольные основы современного тофаларского языка по морфологической структуре представляют несколько типов, о чем нами уже говорилось выше. Так, выделяются корневые слова, к которым относятся условно-непроизводные основы и производные, образованные различными аффиксами и созданные путем сочетания основ. В зависимости от морфологической структуры в системе глагола выявляется несколько словообразовательных типов.

Условно-непроизводные основы

Среди глагольных основ современного тофаларского языка довольно много глагольных основ, у которых сейчас невозможно выделить словообразующие элементы, равно как невозможно это сделать и этимологическим путем. Эти же основы распространены и в других тюркских языках, являясь общетюркским достоянием. К таким основам относятся тоф. *аък-* 'течь', *бар-* 'идти', *кел-* 'приходить', *уҷш-* 'лететь', *чи-* 'есть, кушать', *кал-* 'оставаться', *өл-* 'умирать', *тын-* 'дышать', *чжаг-* 'мазать маслом', *ч жаг-* 'идти - об осадках' и т.п.[168] Возможно, что в дальнейшем, по мере накопления фактов по древним тюркским языкам удастся найти и у этих основ их исходные словообразующие элементы.

Обращает на себя внимание внешнее совпадение в ряде случаев глагольных основ с именными, о чем нами ранее тоже уже сообщалось[169]. Например, глагольная основа *тын-* 'дышать' внешне совпадает с именной *тын* 'дыхание', глагольная основа *чжаг-* 'мазать жиром' - с *чжаг* 'жир, масло', *доҥ-* 'мерзнуть' - с *доҥ* 'мерзлый', 'застывший', *маргыш-* 'соревноваться, состязаться' - с *маргыш* 'соревнование, состязание' и т.п. Такое явление характерно для всех тюркских языков[170]. История изучения этого древнейшего состояния глагольных основ в тюркских языках и его подробный анализ с достаточно полным списком синкретичных глагольно-именных основ в тюркских языках даны Э.В.Севортяном[171], который пришел к выводу, что "корневую глагольно-именную омонимию в тюркских языках правильнее рассматривать не как конверсию, а как выражение лексико-морфологического синкретизма, свойственного более ранним ступеням структуры тюркских языков. Вместе с тем нельзя исключать и возможности того, что древняя глагольно-именная омонимия в более поздние эпохи в отдельных тюркских языках (в староузбекском, турецких диалектах и др.) могла иметь тенденцию к перерастанию в конверсию, но последняя не получила развития. Поскольку корневую глагольно-именную омонимию можно рассматривать в качестве подпочвы тюркской лексики агглютинативного типа, то допустимо отнести ее к фактам доагглютинативного словообразования, которому в таком случае должно было бы соответствовать иное, доагглютинативное состояние тюркских языков"[172].

А.М.Щербак, рассматривавший специально вопрос о происхождении глагола как части речи и сложении словоизменительных форм глагола, поддерживает этот вывод. Он пришел к мнению, "что внешнее совпадение именных и глагольных основ в тюркских языках не является случайным и, по всей видимости, отражает своеобразие исторического процесса становления и развития частей речи. Факты глагольно-именной омонимии в древних и в современных тюркских языках, результаты проведенных в этой области исследований и, отчасти, соображения теоретического порядка, подкрепленные ссылками на материалы не-тюркских языков, позволяют думать, что в тюркском праязыке почти любой первичный корень обозначал и предмет и действие-состояние, т.е. был синкретичным"[173].

---

165 См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 404; Современный татарский язык, с. 236-237.

166 См.: *Юлдашев А.А.* Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, с. 180.

167 См.: *Насилов Д.М.* Прошедшее время на *-jük/-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках. В кн.: Тюркологический сборник. К 60-летию Л.Н.Кононова. М., 1966, с. 100, 101.

168 Подробнее этот вопрос нами уже рассматривался ранее. Более полный перечень общетюркских условно-непроизводных глагольных основ в тофаларском языке см.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 76-78.

169 См.: *Рассадин В.И.* Указ. соч., с. 132-134.

170 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 359.

171 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глагообразования..., с.359-447; *Он же.* Об "Этимологическом словаре тюркских языков". - ВЯ, 1971, № 6.

172 *Севортян Э.В.* Об "Этимологическом словаре тюркских языков", с. 85, 386.

173 *Щербак А.М.* К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках. 1975, № 5, с. 22.

Лексико-семантический способ

В некоторых случаях новые глаголы в тофаларском языке возникли на почве полной лексикализации переносных значений исходной основы. При этом решающими явились процессы развития семантики. Глагольных основ, возникших на основании этого способа в тофаларском языке немного. К ним, например, можно отнести *туът-* 'понимать, понять' - от первоначального *туът-* 'держать, ловить', *баъ тыр-* 'глотать, проглотить' - от *баътыр-* 'заставить спуститься вниз с горы и по речке', *дуъһур-* 'фотографировать' от *дуъһур-* 'заставить слезть, спуститься', *бол-* 'перестать, прекратить' (например: *өөскен чжаарын болду* 'дождь перестал', *сең чжиирің болдуң* 'ты перестал есть') - от *бол-* 'быть, стать, сделаться, случиться', *каък-* 'поехать, уехать' (алыгдж.) - от *каък-* 'бить, ударять', *ур-* 'уехать, поехать' (гутар.) - от *ур-* 'дуть'. Последняя основа напоминает русское *дуй* в смысле 'уходи' и, возможно, возникла под влиянием русского языка.

Лексико-синтаксический способ

При этом способе происходит полная лексикализация различных синтаксических словосочетаний - как сочетаний полнозначных основ с основами, ставшими служебными, так и свободных сочетаний двух и более полнозначных основ.

Лексикализация аналитических форм широко применяется при образовании глагольных основ от образных и звукоподражательных основ, при этом происходит одновременное образование той или иной видовой формы, о чем выше нами уже говорилось. Служебными элементами в данном случае являются глаголы *дэ-* 'говорить, звучать', *кыл-* 'делать, совершать', *кылын-* 'делаться, совершаться' и *гайын-*, не имеющий самостоятельного значения, но образующий видовую форму учащенной ритмичности. Поскольку выше этот вопрос был рассмотрен подробно, ограничимся лишь несколькими примерами: *чадырт кылы санаар киши* 'без запинки читающий человек', *сыырт кынныр* 'вздрогнуть, отпрянуть', *бедірт-бедірт кынныр* 'прыгать - о спутанном коне', *һыймыр гайын-* 'кишмя кишеть', *куук-куук дэ-* 'каркать - о вороне', *һа-һа-һа діш-* 'хохотать', *һам-һам дэ-* 'лаять', *һоң-һоң дэ-* 'лаять', *мучжурт-мучжурт кыл-* 'хрупать', *чап кыл-* 'шлепнуть', *оъһюк пеък-пеък кынды* 'кухта обвалилась с шумом', *куру гайын-* 'гудеть - о моторе', *саадыр гайын-* 'шуметь - о снежном насте, когда по нему ходят'.

Этим же способом при помощи служебного глагола *кыл-* 'делать', вводятся в систему тофаларского глагола русские глаголы при их заимствовании. При этом модель постоянна: инфинитив русского глагола + *кыл-*. Эта формула очень активна. Примеры: *рааньше кочеваать кылып турган бис* 'раньше мы кочевали', *чжаада раанить кылдырган мен* 'меня на войне ранили', *чөөше сдаваать кылды* 'сдал пушнину', *көк метаать кыл-* 'метать сено', *судиить кыл-* 'судить' и т.п.

К данному же типу можно отнести и образование основ с новым значением за счет сочетания значимой основы с особым

типом препозитивов - превербами, развившимися из наречий деепричастного происхождения. В настоящее время в тофаларском языке выделилось из числа таких наречий несколько превербов, ставших выполнять чисто служебную функцию, утратив свое лексическое значение. При их присоединении основа глагола меняет свое значение, оставаясь все же в пределах того же семантического поля, например: преверб *узе*, развившийся из наречия *узе* 'совсем, напрочь' (< *ус-* 'рвать'), присоединившись к *каък-* 'бить, ударять', образует сложную основу *узе каък-* 'убить насмерть ударом', к основе *тыърт-* 'тянуть' - основу *узе тыърт-* 'оторвать', к *туът-* 'держать' - *узе туът-* 'задушить', к *соък-* 'выдернуть' - *узе соък-* 'оторвать рывком'. При помощи этого преверба образовалось много основ: *узе боола-*, *узе аът-* 'перестрелить, перебить выстрелом', *узе кеъс-* 'перерезать', *узе тур-* 'перерезать, пересечь дорогу', *узе эттэ-* 'отрубить, отсечь саблей' и т.п.

В современном тофаларском языке можно выделить несколько уже оформившихся и довольно активных превербов. Это, например, превербы, указывающие на направленность действия, его ориентированность в пространстве: *ундуру* - привносит семантику удаления, выведения (*ундуру каъһыр-* 'выгнать', *ундуру каг-* 'выбросить', *ундуру тыърт-* 'выволочь, вытащить', *ундуру чет-* 'вывести за руку'); *киирі* - привносит идею введения внутрь (*киирі шаг-* 'вбивать, вколачивать', *киирі тыърт-* 'затащить внутрь, втащить', *киирі каъһыр-* 'загнать - скот').

Выделяются превербы, характеризующие обстоятельства, образ, способ действия: *аа* - передает идею перелома, разлома и т.п. (*аа каък-* 'сломать', *аа тэъп-* 'перебить пинком', *аа соък-* 'переломить, сломать ударом', *аа баъс-* 'раздавить ногой'), *ара* - идею незавершенности действия (*ара кыл-* 'недоделать', *ара дуъш-* 'недолететь, упав сверху'), *кеъсе* - идею прерывания, пресекания, отсекания (*кеъсе эттэ-* 'отрубить ударом сабли, топора, ножа'), *һөме* - идею закрывания со всех сторон (*һөме туъш-* 'засыпать листьями, снегом и т.п.', *һөме аък-* 'затопить водой', *һөме тур-* 'обступить со всех сторон', *һөме һэмнэ-* 'измерить в общем'), *чыъпшыры* - идею присоединения, плотного прижимания, доведения вплотную (*чыъпшыры даара-* 'пришить', *чыъпшыры иът-* 'прижать, придвинув что-либо', *чыъпшыры һырбала-* 'приклеить', *чыъпшыры шары-* 'прибинтовать', *чыъпшыры көр-* 'рассматривать в упор', *чыъпшыры каг-* 'класть, плотно прижав друг к другу', *чыъпшыры када-* 'прибить, приколотить'), *ыра* - идею разрыва (*ыра шаг-* 'вбить так, чтобы расколоть, разорвать', *ыра каък-* 'расколоть', *ыра һырээле-* 'распилить вдоль', *ыра тыърт-* 'разорвать').

Некоторые превербы настолько абстагируются, что теряют свою фонетическую самостоятельность и сливаются фонетически со значимой основой, образуя фонетически новое самостоятельное слово. Например: *узейттээр* (< *узе эттээр*) 'перебить, перерубить', *кеъсейттээр* (< *кеъсе эттэ-*) 'отсечь' *чуурайттээр* (< *чуура эттэ-*) 'раздробить на мелкие части одним ударом'.

Лексикализация свободных словосочетаний способствовала образованию значительного количества новых глаголов. Здесь выделяется лексикализация субъектных глагольных словосочетаний, например: *боксы эът-* 'икать' (букв. 'горло издает звук'), *сагыш тара-* 'развеселиться' (букв. 'думы разошлись'), *уйню кел-* 'хотеться спать' (букв. 'пришел сон'), *от чи-* 'сгореть' (букв. 'огонь съел'), *отка чидірт-* 'сжечь' (букв. 'скормить огню'), *hун бол-* 'спасти' (букв. 'стать солнцем'), *дээрі туъш-* 'ударить - о молнии' (букв. 'упало небо'); прямообъектных глагольных словосочетаний, например: *кол каг-* 'расписаться' (букв. 'поставить руку'), *талhан туът-* 'печь хлеб' (букв. 'держать муку'), *чыт ал-* 'учуять, почуять, чуять' (букв. 'взять запах'), *соок ал-* 'простудиться' (букв. 'взять холод'); косвеннообъектных глагольных словосочетаний, например: *душке кір-* 'присниться' (букв. 'войти в сон'), *сагышка кір-* 'понравиться; беспрерывно думать' (букв. 'войти в думы'), *сагышка туъш-* 'опечалиться' (букв. 'упасть в думу'); обстоятельственных глагольных словосочетаний, например: *улуг тын-* 'глубоко, печально вздыхать' (букв. 'крупно дышать'), *hырыӈга ал-* 'застать врасплох' (букв. 'взять сверху').

Аффиксальный способ

Наибольшее количество глагольных основ в современном тофаларском языке образовано путем присоединения различных словообразовательных аффиксов к основам других частей речи. При этом сами аффиксы можно подразделить на продуктивные и непродуктивные. При помощи продуктивных аффиксов сейчас можно образовать при желании новый глагол по действующей модели. Непродуктивные уже не обладают способностью образовывать новые слова, хотя некоторые из них когда-то были продуктивными и образовали много основ. Среди непродуктивных выявляются аффиксы, образовавшие буквально единицы слов.

Продуктивные аффиксы

К числу продуктивных глаголообразующих аффиксов современного тофаларского языка принадлежат немногие. Это *-ла-* и возникшие на его основе сложные афф. *-лан-* и *-шыла-*.

-ла- - самый активный и наиболее продуктивный из всех аффиксов. Он имеет фонетические варианты *-ле-*, *-та/-тэ-*, *-на-/-нэ-*, *-да-/-дэ-* и может присоединяться ко многим частям речи[174]. Так, от основ имен существительных он образует производные глаголы со следующими значениями:

1) испытывать какое-либо состояние, совершать действие, направленное на сам предмет, от названия которого образован глагол, например: *аалда-* 'гостить, быть в гостях' (< *аал* 'аил'), *апта-* 'показывать фокус' (< *ап* 'фокус'), *кыъшта-* 'зимовать' (< *кыъш-* 'зима'), *улуг hуннэ-* 'праздновать' (< *улуг hун* 'праздник'), *карла-* 'выколачивать снег' (< *кар* 'снег'), *мөӈгуннэ-* 'обеспечить деньгами' (< *мөӈгун* 'деньги'), *дойла-* 'устраивать свадьбу' (< *той* 'свадебный пир'), *hөртуктэ-* 'провалиться в сугроб' (< *hөртук* 'сугроб'), *hөлегіле-* 'создать тень, затенить' (< *hөлегі* 'тень'), *hулунна-* 'жеребиться' (< *hулун* 'жеребенок'), *чиштэ-* 'дать взятку' (< *чиш* 'взятка');

2) использование предмета, от названия которого образован глагол, в качестве инструмента, орудия действия, например: *веэниктэ-* 'подметать веником' (< *веэник* 'веник, метла'), *салда-* 'плыть на плоту' (< *сал* 'плот'), *тылда-* 'сообщать' (< *тыл* 'язык'), *мишээктэ-* 'класть в мешок' (< *мишээк* 'мешок'), *шкаапта-* 'поместить в шкап' (< *шкаап* 'шкап'), *чеъhенэктэ-* 'ткнуть локтем' (< *чеъhенэк* 'локоть'), *кулакта-* 'тянуть за уши' (< *кулак* 'уши'), *кымшыла-* 'бить кнутом' (< *кымшы* 'кнут, камча'), *сугла-* 'поливать водой' (< *суг* 'вода'), *иста-* 'выслеживать' (< *ис* 'след');

3) цель действия, например: *иресаӈна-* 'охотиться на медведя' (< *иресаӈ* 'медведь'), *чоорhанныгла-* 'охотиться на медведя' (< *чоорhанныг* 'медведь'), *ибиле-* 'искать оленей' (< *иби* 'олень'), *каста-* 'охотиться на гусей' (< *кас* 'гусь'), *анhай аӈна-* 'охотиться на косуль' (< *анhай ан* 'косуля'), *hылбала-* 'пойти за черемшой' (*hылба* 'черемша'), *нешта-* 'заготавливать дрова' (< *неш* 'дрова; дерево'), *көктэ-* 'заготовить сено, траву';

4) движение по какому-либо месту, например: *оруктa-* 'ехать, двигаться по дороге' (< *орук* 'дорога'), *аърhала-* 'ехать по северному склону горы' (< *аърhа* 'северный склон горы'), *ийле-* 'ехать по южному склону горы' (< *ий* 'южный склон горы'), *hөлле-* 'ходить зимой по застывшему озеру' (< *hөл* 'озеро').

От прилагательных этот аффикс образует глаголы с разнообразными значениями, например: *няала-* 'обновить, починить' (< *няа* 'новый'), *каътыгла-* 'попасть в трудное положение' (< *каътыг* 'трудный'), *чылыгла-* 'утеплять' (< *чылыг* 'теплый'), *өъскеле-* 'бояться чужого человека - о детях' (< *өъске* 'иной, другой'), *баъштыӈна-* 'быть начинателем' (< *баъштыӈ* 'первый, передовой, начальный'), *экkіле-* 'сделать человеку добро, помочь' (< *экkі* 'хороший').

Кроме того, в качестве словообразующих основ с этим аффиксом могут выступать: числительные - *уштэ-* 'стреножить коня' (< *уш* 'три'), *бірерле-* 'брать по одному, идти по одному' (< *бірер* 'по одному'), *иӣиле-* 'брать, ставить, класть что-либо по два' (< *иӣи* 'два'), *онарла-* 'брать, делать, класть по десять' (< *онар* 'по десять'); наречия - *шалаала-* 'делать что-либо немного погодя' (< *шалаа* 'немного погодя'), *иъшкээріле-* 'уйти внутрь, вглубь' (< *иъшкээрі* 'внутрь, вглубь'), *кедээріле-* 'отойти повыше на гору' (< *кедээрі* 'повыше на гору'), *таъшкаарыла-* 'выходить на улицу' (< *таъшкаары* 'на улицу, наружу'); образные слова - *пуртыла-* 'взвиться клубами' - о пыли от удара по пыльному предмету (< *пурт* - образ клубов пыли), *сіъртіле-* 'колотиться' - о сердце, 'дрожать' - о верхушке дерева при ударе по нему (< *сіърт* - образ чего-либо мелко дрожащего, трепыхающегося), *сыъртыла-* 'дергаться, дрыгаться' (< *сырът* - образ

[174] Подробнее об этом аффиксе см.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 35-93.

чего-либо дрыгающегося); звукоподражательные основы - *чапыла-* 'раздаваться о звуке шлепанья' (< *чап* - подражание звуку шлепка), *тоъсила-* 'топать, топотать' (<*тоъс* - подражание звуку стука каблуков); междометия - *айуула-* 'охать - от боли' (< *айуу* - междометие, выражающее боль), *чөъптэ-* 'согласиться' (< *чөъп* - возглас, означающий согласие).

Наблюдаются случаи, хотя и редкие, присоединения аффикса *-ла-* к глагольным основам, например: *шала чоруулааш кел таъшты куду* 'немного погуляй по улице' (здесь *чоруула-* 'погулять, немного походить' < *чору-* 'ходить, ехать'); *бичиге чиилөгш талыйды* 'немного поел и ушел' (здесь *чииле-* 'немного поесть' < *чи-* 'есть, кушать'), *чуъкшуула-* 'колоть коня ножом в затылок' (< *чуъкшу-* 'ковырять, колупать, шуровать'). С этим случаем можно сопоставить употребляющийся в тофаларском языке показатель *-та-*, присоединяющийся к глаголам для придания учащательности глаголу. В истории тюркских языков афф. *-ла-* применялся для придания глаголам количественного значения учащательности[175]. Но в тофаларском языке *-ла-*, наоборот, стал придавать отдельным глаголам значение недостаточности - тоже количественное значение.

В ряде случаев афф. *-ла* используется для образования глаголов от причастий, например: *ырарла-* 1) 'рвать что-либо вдоль'; 2) 'разорвать, растерзать - о хищниках' (< *ырар* 'рвущий' < *ыр-* 'рвать'); *узерле-* 'разорвать, растерзать - о хищниках' (< *узер* 'рвущий' < *ус-* 'рвать'), *көрбестэ-* 'ненавидеть' (< *көрбес* 'не видящий' < *көр-* 'смотреть'), *билинбестэ-* 'потерять сознание' (< *билинбес* 'не чувствующий' < *билин-* 'осознавать, чувствовать').

-лан- - довольно активный аффикс, образовавшийся исторически, путем слияния словообразовательного афф. *-ла-* с показателем возвратного залога *-н-*. О том, что *-лан-* - самостоятельный аффикс, свидетельствует отсутствие соответствующего действительного залога. Например, при *онуштан-* 'заболачиваться' отсутствует глагол *онушта-* 'заболачивать', *онушта-* означает 'ехать по болоту', при *суглан-* 'покрыться мозолью' - нет *сугла-* 'покрыть мозолью', *сугла-* означает 'поливать' и т.п. Наличие самостоятельного афф. *-лан-* как результата дальнейшего развития *-ла-*, получившего благодаря компоненту *-н-* также значение медиальности наряду с непереходностью, в тюркологии можно считать доказанным благодаря специальному исследованию Э.В.Севортяна[176]. В тофаларском языке этот аффикс имеет фонетические варианты *-лен-*, *-тан-/-тэн-*, *-нан-/-нэн-*, *-дан-/-дэн-*.

Особенности употребления *-лан* и его главные значения в основном те же, что и у *-ла-*, только здесь преобладают значения перехода в новое состояние, качество, обзаведения чем-либо, испытывания какого-либо состояния, реже - обычного занятия чем-либо. Примеры: *акаштан-* 'расцветать' (< *акаш*

[175] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с.90.
[176] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 96,97.

'цветок'), *өглен-* 'обзавестись семьей, жениться' (< *өг* 'дом, юрта', *бырышлан-* 'образоваться - о рубце, шраме на месте раны' (< *бырыш* 'рубец, шрам'), *чаглан-* 'ожиреть, стать жирным' (< *чаг* 'жир'), *сөөктэн-* 'окостенеть' (< *сөөк* 'кость' *өъскелен-* 'быть несогласным, идти против чьего-либо мнения' (< *өъске* 'иной, другой'), *тэътірі будуктан-* 'упрямиться' (< *тэътірі будук* 'ветка дерева, изогнувшаяся в противоположную сторону'), *няңнан-* 'войти в обычай' (< *няң* 'обычай, привычка'), *иңілен-* 'сомневаться' (< *иңі* 'два').

-шыла- - сложный аффикс, образовавшийся за счет слияния показателя *-шы* (аффикс имени деятеля) с афф. *-ла-*. Он имеет вариант *-шіле-*. Образует от имен существительных глаголы со значением 'просить что-либо, пойти за чем-либо'. Примеры: *чушіле-* 'что просить?' (<*чу?* 'что?'), *мөңгуншіле-* 'просить деньги', *сутшіле-* 'просить молока' (< *сут* 'молоко'), *hілеэмэшіле-* 'просить хлеба' (< *hілеэмэ* 'хлеб'), *чушілеп келдің? - крааблішылап келдім* 'что пришел просить? - грабли просить пришел'. Этот аффикс не отмечен в других тюркских языках и может считаться спецификой тофаларского языка.

-са- - очень активный аффикс, имеет вариант *-се-*, других вариантов не обнаружено. От любого имени существительного образует глагол со значением желания, стремления владеть этим предметом, нуждаться в этом предмете, например: *идіксе-* 'хотеть ичиги' (< *идік* 'ичиги'), *иңесе-* 'нуждаться в матери' (< *иңе* 'мать'), *иъсігсе-* 'любить жару, все горячее' (< *иъсіг* 'жара'), *сугса-* 'жаждать' (< *суг* 'вода'), *оолса-* 'хотеть сына' (< *оол* 'сын'), *чжагса-* 'сильно хотеть сала' (< *чжаг* сало'), *бооса-* 'хотеть иметь ружье' (<*боо* 'ружье'). Употребление афф. *-са-* со значением желательности было характерно еще для древнего состояния тюркских языков[177].

-сы- - очень активный аффикс, имеет варианты *-сі-*, *-су-/-су-*, *-зы-/-зі-*, *-зу-/-зу-*. Образует глаголы со значением уподобления, а также со значением 'считать себя за...'. Примеры: *бегзі-* 'считать себя начальником' (< *бег* 'начальник'), *аңзы-* 'одичать - о домашних животных' (< *аң* 'зверь'), *иңезі-* 'считать себя матерью' (< *иңе* 'мать'), *-оолсы-* 'считать себя маленьким мальчиком' (< *оол* 'мальчик'), *уругсу-* 'считать себя ребенком' (< *уруг* 'ребенок'), *балыксы-* 'пахнуть рыбой' (< *балык* 'рыба'), *онушсу-* 'пахнуть болотом' (< *онуш* 'болото'). Этот аффикс, как и предыдущий, достаточно древен в тюркских языках[178]. Значение его в тофаларском языке не изменилось.

-сын- - активный аффикс с вариантами *-сін-*, *-сун-/-сун-*, *-зын-/-зін-*, *-зун-/-зун-*. Он является дальнейшим развитием аффикса *-сы-* за счет добавления к нему показателя возвратного залога *-н-*. Основным значением является значение уподобления с различными оттенками семантики, а также раз-

[177] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 299, 300.
[178] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 298-300.

витие на базе этого основного значения различных переносных значений. Примеры: *буруусун-* 'признавать свою вину, чувствовать себя виноватым' (< *буруу* 'вина'), *эби йоксин-* 'удивиться недостойному поведению кого-либо' (< *эби йок* 'бессовестный, недостойный'), *чжоксин-* 'переживать, сожалеть о пропаже' (< *чжок* 'нет; отсутствующий'), *баъксин-* 'быть недовольным' (< *баък* 'плохо; плохой'), *эккісін-* 'радоваться, любить' (< *эккі* 'хороший; хорошо'), *эптігсін-* 'интересоваться' (< *эптіг* 'интересный') *бичесін-* 'обижаться, что дали мало, казаться малым' (< *биче* 'мало'), *ине-зін-* 'относиться к чужой матери как к родной, считать за свою мать' (< *ине* 'мать'), *эшсін-* 'считать своим другом' (< *эш* 'друг'). Афф. *-сын-* с этим же значением уподобления широко известен как в древних, так и в современных тюркских языках[179].

-сыра- - этот аффикс тоже является производной формой от *-сы-*, встречаются его варианты *-сіре-*, *-зыра-/-зіре-*. Основным значением является привативное значение, т.е. лишительное. На его базе развились оттенки 'не мочь без чего-либо, сильно нуждаться в чем-либо', а также 'сильно желать чего-либо'. Примеры: *шенсіре-* 'ослабеть, совсем лишиться сил' (< *шен* 'сила'), *инесіре-* 'не мочь без матери' (< *ине* 'мать'), *идіксіре-* 'нуждаться в обуви' (< *идік* 'ичиги; обувь'), *каассыра-* 'любить все красивое, нарядное' (< *каас* 'узор'), *иъсігсіре-* 'хотеть горячего' (< *иъсіг* 'горячее'), *оолсыра-* 'очень хотеть сына', *чжагсыра-* 'сильно хотеть сала' (< *чжаг* 'сало'). В значении желания афф. *-сыра-* перекликается с показателем *-са-*. Разница в том, что *-сыра-* выражает высшую степень желания, когда уже невозможно обойтись без предмета желания. Показатель же *-са-* выражает просто нейтральное желание, пожелание иметь тот или иной предмет. Афф. *-сыра-* довольно распространен в тюркских языках. Нет его в огузских языках за исключением туркменского[180].

Другой группой значений данного аффикса в тофаларском языке является 'испытывать какое-либо состояние, чувство', например: *шынзыра-* 'задаваться, думать о себе, что только он сам человек' (< *шын* 'правда'), *чобагзыра-* 'быть очень усталым, измученным' (< *чобаг* 'мученье'), *чурексіре-* 'лениться' (< *чурек* 'сердце'), *сагышсыра-* 'сильно переживать' (< *сагыш* 'дума'), *нюңуссыра-* 'чувствовать одиночество' (< *нюңус* 'одинокий'). Кроме того, выявлено несколько основ со значением перехода в другое состояние, качество, например: *баъксыра-* 'худеть, слабеть' (< *баък* 'плохой'), *дуйуг-сыра-* 'износиться, стать плохими - о копытах' (< *дуйуг* 'копыто'), *кансыра-* 'кровоточить' (< *кан* 'кровь'). В других тюркских языках этот аффикс употребляется в основном в тех же значениях[181].

[179] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 306-310.

[180] См. там же, с. 310.

[181] *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 310-313.

Непродуктивные аффиксы

Непродуктивные аффиксы в настоящее время не образуют новых глаголов, хотя некоторые из них еще совсем недавно, видимо, были довольно активны, о чем свидетельствует относительно большое количество производных основ, в которых они прослеживаются.

-а- в недавнем прошлом довольно активный аффикс, имеет варианты *-е-*, *-ы-/-i(и)-*, *-у-/-у-*, хотя более употребителен *-а/-е-*. Он образовал много глаголов от различных частей речи и больше всего от существительных, например: *сиире-* 'выдергивать из туши сухожилия для ниток' (< *сиир* 'сухожилие'), *дучже-* 'видеть сон' (< *душ* 'сон'), *изе-* 'делать след, оставить след' (< *ис* 'след'), *орна-* 'замещать' (<*орун* 'место'), *ода-* 'разводить огонь, топить' (< *от* 'огонь'), *артычжа-* 'окуривать дымом можжевельника' (< *артыш* 'можжевельник'), *бизе-* 'остро наточить' (< *бис* 'лезвие'), *дачжа-* 'бросить камень' (< *таш* 'камень'), *няары-* 'сбить животному спину седлом' (< *няар* 'сбитое место на спине верхового или вьючного животного'), *кулачжа-* 'мерить саженью' (< *кулаш* 'сажень'), *чиды-* 'сгнить' (< *чыт* 'запах'), *куурту-* 'зачервиветь' (< *куурт* 'червь'), *кузе-* 'проводить осень' (<*жус* 'осень'); и прилагательных, например: *нёона-* 'потолстеть; забеременеть' (< *нёон* 'толстый'), *сыыгачжа-* 'обмелеть' (< *сыыгаш* 'мелкий'), *даза-* 'облысеть' (< *тас* 'плешивый'), *кыъсыра-* 'быть яловой' (< *кыъсыр* 'яловая'), *байы-* 'разбогатеть' (< *бай* 'богатый'), *аара-* 'стать тяжелым' (< *аар* 'тяжелый').

Кроме того, довольно много глаголов образовал этот аффикс от звукоподражательных основ, например: *мучжуре-* 'хрустеть' (< *мучжур* - подражание хрусту, хрупанью), *чыңгыра-* 'звенеть' (< *чыңгыр* - подражание звону), *чичжыра-* 'чирикать' (< *чичжыр* - подражание чириканью птичек), *кібіре-* 'цокать, топать копытами во время скачки - о коне' (< *кібір* - подражание топоту скачущего коня). Выявилось несколько основ, производных от образных слов, например: *киндіре-* 'колыхаться - о болоте' (< *киндір* - образ чего-либо трясущегося как студень), *ныймыра-* 'кишеть' (< *ныймыр* - образ кишения множества существ на одном месте). Встретились единичные случаи образования глаголов от причастий, например: *тыынбаса-* 'затупиться' (< *тыынбас* 'тупой, не режущий - о лезвии' < *тыын-* 'резать, брать - о лезвии, ноже'). Этот аффикс довольно распространен в тюркских языках. Исследователи различают вариант с широким гласным и вариант с узким, считая их самостоятельными аффиксами[182].

-арна- образовал довольно много глаголов в тофаларском языке от существительных и прилагательных, имеет варианты *-ерне-*, *-ырна-/-ірне-*, *-урна-/-урне-*. Основным значением является 'кичиться чем-либо', 'считать себя таким-то'. На его базе развились различные побочные и переносные значения. Примеры: *байырна-* 'считать себя чересчур богатым,

[182] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 203-238.

кичиться богатством' (< *бай* 'богатый'), *улуурһа-* 'хвалиться своим высоким положением' (< *улуг* 'большой'), *кучжуурһе-* 'считать себя сильным, кичиться своей силой' (< *куш* 'сила'), *сабаарһа-* 'страдать от отсутствия мясной пищи' (< *сабаан* 'постный, без жира'). Этот аффикс известен многим тюркским языкам и считается архаичным[183].

-к- - образовал довольно много глагольных основ от различных частей речи с непереходным и медиальным значением, например: *эътік-* 'поправиться, войти в тело - о животных' (< *эът* 'мясо', ср. др.-тюрк. etik- 'увеличиваться, полнеть'), *чолук-* 'встретиться на пути' (< **чол*, ср. др.-тюрк jol 'дорога, путь', слово *чол* в значении 'дорога' в современном тофаларском языке отсутствует), *эчжик-* 'подружиться' (< *эш* 'друг'), *һулук-* 'работать через силу, надрываться' (< *һул* 'батрак'), *ааг-* 'отравиться' (*аа* 'яд'), *суук-* 'вымокнуть' (< *суг* 'вода'), *ниидік-* 'помолодеть' (< *ниит* 'молодой'), *бирик-* 'объединиться' (< *бір* 'один'). Это весьма распространенный в тюркских языках аффикс[184].

-кар- - образовал довольно много основ с различными переходными значениями от существительных и прилагательных. Имеет варианты *-кер-*, *-гар-/-гер-*. Встречается лишь с широкими гласными. Примеры: *дэңгер-* 'сравнивать' (< *дэң* равный, ровный'), *баъшкар-* 'руководить' (< *баъш* 'голова'), *немгер-* 'кормить' (< *нем* 'пища'), *оътқар-* 'пасти скот на подножном корме' (< *оът* 'трава'), *сугар-* 'поить животных' (< *суг* 'вода'), *таъшкар-* 'выгнать наружу' (< **таъш*, ср. др.-тюрк. taš, совр. тоф. *таъшты* 'внешняя сторона'). Этот аффикс тоже достаточно древний и распространенный в тюркских языках[185].

-кыр- - имеет варианты *-кір-*, *гыр-/-гір-*, *-кур-/-кур-*, *-һыр-/-һір-*, *-һур-/-һур-*. Э.В.Севортяном рассматривается как вариант афф. *-кар-*[186]. В тофаларском языке афф. *-кыр-* используется преимущественно для образования звукоподражательных глаголов от звукоподражательных основ и изредка междометий, как и в других тюркских языках. Примеры: *мөөкур-* 'мычать' (< *мөө* - подражание мычанью), *һускур-* 'нускивать собаку' (< *һусь*, *усь* - межд. - уськанье собаки), *баккыр-* 'квакать' (< *бак* - подражанье кваканью), *бырһыр-* 'фыркать, отфыркиваться' (< *быр*, *пыр* - подражание фырканью, *бурһур-* 'прыскать изо рта воду' (< *бур*, *пур* - подражание прысканью), *таъккыр-* 'токовать, тэкать - о токующем глухаре' (< *таък* - 'крик токующего глухаря).

-р- - образует от прилагательных глаголы со значением перехода в новое качество, приобретение тех или иных качеств, свойств. Примеры: *эккір-* 'выздороветь' (< *экки* 'хороший'), *доңгурар-* стать безрогим' (< *доңгур* 'безрогий, комолый'), *муъһурар-* 'сделаться куцым, обрубленным' (< *муъһур-* .'куцый'), *саргар-* 'пожелтеть' (< *сарыг* 'желтый'), *кагар-* 'почернеть' (< *кара* 'черный'), *көгер-* 'посинеть' (< *көк* 'синий'). Заметное количество глаголов образовал этот аффикс и от образных основ, например: *ыргар-* 'наклониться' (< **ырга* - образ от кого-либо сгорбленного), *убрер-* 'сжаться в комок - о маленьком зверьке' (< **убре* - образ от чего-либо маленького, сжавшегося в комок). Этот аффикс, всегда употребляющийся со вставными широкими гласными, в других тюркских языках тоже весьма распространен[187].

-чжы- - имеет варианты *-чжи-*, *-чжу-/-чжу-*, *-чы-/-чи-*, *-чы-/-чу-*, образовал немного глаголов с медиальным значением от именных основ, например: *дэңиже-* 'быть ровным - о поверхности; быть равным - при сравнении' (< *дэң* 'ровный, равный'), *отчу-* 'разгораться - об огне' (< *от* 'огонь'), *мунъчжу-* 'быть наваристым - о супе' (< *мун* 'суп'). Выше нами уже сообщалось о древнем уподобительном значении этого аффикса не только в тюркских, но и алтайских языках.

-ньчжы- - этот аффикс образовал от глагольных основ глагольные основы со значением 'чувствовать, ощущать, испытывать какое-либо чувство', имеет варианты *-ньчжи-*, *-ньчжу-/-ньчжу-*. Возник этот аффикс за счет слияния показателя возвратного залога *-н-* с афф. *-чжы-*, который в единичных случаях употребляется самостоятельно, без этого *-н-*. Примеры: *шугулданьчжы-* 'чувствовать раздражение, зло' (< *шугулда-* 'сердиться'), *коърһуньчжу-* 'испытывать чувство страха, быть в состоянии страха' (< *коърт-* 'бояться'), *шыланьчжы-* 'чувствовать усталость, утомление' (< *шыла-* 'уставать, неметь'), *доңуньчжу-* 'ощущать холод, зябнуть' (< *доң-* 'замерзать'), *ыглаксаньчжы-* 'испытывать такое состояние, когда хочется плакать' (< *ыглакса-* 'хотеть плакать'), *тубексіньчжи-* 'надоесть, опротиветь' (< *тубексін-* 'считать помехой'), *чоктаньчжы-* 'скучать' (< *чоктан-* 'замечать отсутствие'), *чигсінчжи-* 'подозревать' (< *чигсін-* 'сомневаться'). Это довольно редкий в современных тюркских языках аффикс. В тувинском языке грамматисты не выделяют его как отдельный аффикс, хотя имеются прилагательные, в составе которых он содержится. Ср., например, тув. *коргунчуг* 'страшный' (< *корт-* 'бояться'), *шыланчыг* 'утомительный' (< *шыла-* 'утомляться').

183 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 327-331.

184 См. там же, с. 282-295.

185 См. там же, с. 259-269.

186 См. там же, с. 259, 262-269.

187 См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования..., с. 247-259.

НАРЕЧИЕ

Наречие - знаменательная часть речи, обозначающая обстоятельства и признаки действия, состояний и признаки качеств. Синтаксически наречия характеризуются тем, что они обычно выступают в предложениях обстоятельствами и подчинены глаголам, прилагательным, наречиям и словам категории состояния. Морфологически наречия выделяются среди других знаменательных частей речи тем, что у них отсутствуют частные грамматические категории и они являются неизменяемыми словами.

Семантические и синтаксические особенности наречий четко выявляются при сравнении их с существительными, прилагательными и глаголами, с которыми связаны своим происхождением многие наречия в тофаларском языке. Так, например, в выражении *бедіктэн туъшту* 'упал с высоты' *бедіктэн* представляет собой форму исходного падежа от существительного *бедік* 'высота' (< прилагательному *бедік* 'высокий'), выступающую здесь в роли обстоятельства места (дополнения), а в предложении *самолёот бедіктэн уъһюп чиътыры* 'самолет летит высоко' *бедіктэн* - наречие, образованное от прилагательного *бедік* 'высокий'. Аналогично этому *һөме* в сочетании *һумга һөме чыгжаар* 'сохранять, закапывая в песок' является деепричастием, а в сочетании *һөме соодаар* 'рассказывать вообще, обо всем' - наречием. Различие между этими частями речи и наречием заключается в том, что наречие выражает признак действия или качества, а указанные части речи - сами эти действия, качества, признаки и предметы. Кроме того, наречию не свойственна предикативная функция.

РАЗРЯДЫ НАРЕЧИЙ ПО ЗНАЧЕНИЮ

По своему значению наречия делятся на обстоятельственные и качественные. Это деление основано на заметном различии между данными группами. Суть его в том, что обстоятельственные наречия не вносят каких-либо изменений в семантику того слова, которому они подчинены, а качественные наречия так или иначе уточняют определяемые ими слова, вносят добавочные признаки. Кроме того, только качественные наречия в тофаларском языке могут иметь формы усиления или ослабления.

К о б с т о я т е л ь с т в е н н ы м наречиям относятся такие, которые характеризуют действие или состояние во времени его протекания, указывают на место, направление, причину, цель или следствие.

К наречиям времени относятся: *дуун* 'вчера', *бо һун* 'сегодня', *турайсы* 'назавтра', *амды* 'сейчас', *кечже* 'вечером', *бо йылын* 'в этом году', *бийе* 'недавно, только что', *һун сана* 'ежедневно', *дуун соңгуу һундус* 'позавчера', *киъшкары кузун* 'поздней осенью', *даңгаары дуннэ* 'рано утром', *соң бір када* 'когда-нибудь потом', *урдэ шагда* 'в древнее время', *шаанда шаг шаанда* 'давным-давно' и т.д.

Наречия места представлены, например, следующими словами, обозначающими место, направление или предел действия: *иныары* 'туда', *бәәрі* 'сюда', *иңгай кыла* 'дальше, туда подальше', *ыраkта* 'вдалеке', *чоогашта* 'вблизи', *уъстурғуъ* 'сверху', *соңгаартын* 'с севера', *аълтын* 'низом, в низовье', *шаары* 'вверх'.

Наречия причины, цели и следствия включают, например, слова: *һейге* 'зря', *чері* 'нарочно'.

К к а ч е с т в е н н ы м наречиям относятся такие, которые показывают, как и каким образом совершается действие или протекает процесс, какова степень признака. В эту группу наречий входят два крупных разряда:

Наречия образа действия: *тэъкті* 'быстро', *аргалап* 'медленно', *сундуру* 'бегом', *баътыры* 'вниз под гору', *агдыры* 'вверх на гору', *чуура* 'на мелкие куски', *узе* 'напрочь', *ушту* 'вдребезги', *кыскалады* 'кратко, вкратце', *чоъктады* 'вверх по реке, ручью', *тофалап* 'по-тофаларски', *орустап* 'по-русски', *бичиилеп* 'понемногу' и т.д.

Наречия меры и степени служат для количественной характеристики действия или процесса, выражают меру, величину или объем, а также степень интенсивности действия, например: *шалаа, бичиige* 'немного', *буътурусундэ* 'полностью, совсем', *оода* 'очень', *ачжыры* 'чересчур, слишком', *дам* 'самый', *тың* 'только, лишь', *корһуньчжуг* 'очень, *көпей* 'много', *шыптаңгы* 'немного, чуть'.

Как уже отмечалось, качественные наречия в тофаларском языке могут иметь формы усиления и ослабления признака. При этом средства и приемы используются те же, что и у качественных прилагательных, а именно: 1) использование слов-усилителей, каковыми являются наречия меры и степени, например: *шала ара* 'немного рано, рановато', *шала соңнап* 'немного с опозданием', *шала элекке* 'немного раньше срока', *ачжыры соңнап* 'слишком поздно', *оода соңнап* 'очень поздно'; 2) сравнительная конструкция с использованием исходного падежа, например: *экkідэн экkіді* 'еще лучше, лучше всех', *тыраktан тыракка* 'еще быстрее, самым быстрым способом'; 3) явление типа флексии, например: *аргалиип* 'очень медленно' (< *аргалап* 'медленно'), *шэні чжоккээ* 'совсем бессильно' (< *шэні чжокка* 'бессильно'); 4) применение усилительной частицы *ла/лэ*, например: *арай ла* 'еле-еле, едва-едва', *эптіге лэ* 'очень аккуратно'.

ОБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

По своей морфологической структуре наречия тофаларского языка не однородны. Наряду с условно-непроизводными основами, представляющими с позиций современного языка и в свете сравнительно-сопоставительных данных из других родственных языков неразложимые основы с затемненной морфологической структурой, широко представлены различные производные основы, например *каътыгды* 'крепко' (*каътыг* 'крепкий'), *чараштыры* 'мелко' (*чараш* 'мелкий'), *чоллуга* 'счастливо' (*чоллуг* 'счастливый'), *туъһуктэн* 'низко' (*туъһук* 'низкий'), и различные формы других частей речи, перешед-

ших в результате адвербиализации в наречия. При этом не используются особые морфологические средства, морфологическая структура внешне остается той же и наречие внешне совпадает с этой формой. Изменения при лексикализации касаются лишь значения и функции.

Рассмотрим образование наречий, учитывая как морфологическую структуру слова, так и степень продуктивности того или иного способа словообразования наречий с точки зрения синхронии.

Условно-непроизводные наречия

В эту группу мы относим все те наречия, морфологическую структуру которых пока нет возможности выявить ни с позиций современного тофаларского языка, ни этимологически. Таких условно-непроизводных основ относительно немного, например: *оода* 'очень', *тыӈ* 'совсем', *дам* 'самый; еще больше', *наък* 'совсем', *дум-дам* 'местами, кое-где', *арай* 'еле, едва, на силу', *ольшаӈга* 'просто так, даром', *туйана* 'тихонько, тайком', *аан* 'немного погодя' (примерно час), *ара, элек* 'преждевременно', *оъртта* 'точно, как раз в цель', *аъна* 'вот только что; *нары* 'медленно', *чиъне* 'прямо', *ур* 'долго', *лап* 'точно', *ӈучжу* 'всегда, постоянно', *энір* 'недавно' (с неделю тому назад), *бырай* 'вовсе, совсем'.

Производные наречия

В эту группу отнесены те наречия, морфемы которых можно выделить, как исходя из данных современного языка, так и этимологически. При этом четко различаются свободное продуктивное образование наречий от других частей речи особыми, присущими только наречиям, показателями, и застывшие адвербиализовавшиеся грамматические формы других частей речи. Для современного состояния языка эти застывшие словоформы, образованные, как правило, архаичными показателями, представляют собой неразложимые лексико-грамматические единицы - наречия. Их структура восстанавливается этимологически. Рассмотрим по отдельности эти типы производных наречий.

Адвербиализация словоформ других частей речи

Наречие как часть речи пополнялась и непрерывно пополняется за счет перехода в нее слов из других частей речи в той или иной присущей им грамматической форме, выступавших в обстоятельственной функции. Их полная лексикализация в этом употреблении привела к утрате своей первоначальной лексико-грамматической соотнесенности. Адвербиализуются, как правило, различные формы существительных, прилагательные, числительные, деепричастные формы глаголов. Переходя в наречие, их словоформы приобретают значение обстоятельства, меры и степени действий, состояний, качеств и т.д. В связи с процессом лексикализации при переходе в наречия слов из других частей речи часто наблюдается сохранение в

застывшем виде архаичных форм, которые вытеснены из языка новыми продуктивными образованиями.

В ряде случаев произошла адвербиализация самих основ слов, относящихся к другим частям речи (случай конверсии). Такое явление наблюдается у существительных (*тура* 'утро' → *тура* 'утром': *тура чжиир* 'завтракать'; *кечже* 'вечер' → *кечже* 'вечером': *кечже чжиир* 'ужинать'; *бурун* 'пространство впереди' → *бурун* 'впереди': *бурун чжоры бис* 'мы идем впереди'); у числительных (*иӈи* 'два' → *иӈи* 'дважды': *иӈи конган бис* 'мы провели две ночи'; *каъш* 'сколько' → *каъш* 'сколько раз': *каъш шураан аӈ?* 'сколько раз зверь прыгал?'), но чаще встречается у прилагательных (*ыракшы* 'редкий' → *ыракшы* 'редко, широко': *ыракшы баъсар* 'широко шагать, редкими шагами'; *чоогашшы* 'густой, частый' → *чоогашшы* 'густо, часто, мелко': *чоогышшы баъсар* 'мелко шагать, частыми шагами'; *ольшаӈга* 'простой обыкновенный' → *ольшаӈга* 'просто так, даром'; *һей* 'пустой' → *һей* 'зря, напрасно, впустую': *һей лэ бардыӈ* 'ты зря пошел'; *тэътірі* 'обратный' → *тэътірі* 'обратно, в противоположную сторону'; *баъһай* 'плохой' → *баъһай* 'плохо'; *беъһей* 'крепкий' → *беъһей* 'крепко'; *улуг* 'большой' → *улуг* 'очень; крупно': *улуг эккі* 'очень хорошо', *улуг тынар* 'глубоко вздохнуть'; *доора* 'поперечный' → *доора* 'поперек': *доора кеъсер* 'резать поперек').

Однако случаев конверсии прилагательных в наречия относительно немного; пожалуй, все случаи здесь и перечислены. Обычно же прилагательные оформляются наречным показателем. Указанные случаи являются, возможно, пережитком более древнего состояния языка, когда еще не было четкого разделения слов на части речи.

Гораздо чаще встречаются различные застывшие грамматические формы имен существительных и глаголов. У существительных это формы архаичных пространственных падежей *-ɣaru, -tyn, -ra*, а также инструментального падежа *-yn*[1], например: *таъштын* 'на улице, на дворе', *чазын* 'весной', *кузун* 'осенью', *бо чжылын* 'в этом году', *энір чжылын* 'в прошлом году'; *кыъшкаары* 'глубокой осенью, к зиме, ближе к зиме', *часкаары* 'поздней зимой, под весну, ближе к весне', *чайгаары* 'поздней весной, ближе к лету, под лето', *кускээрі* 'поздним летом, под осень', *кедээрі* 'повыше на гору', *шаары* 'вверх' (< **šoɣary < **čoɣary < **joɣary < *joqary*, ср. др.-тюрк. jqaru 'верх', joq 'высокое место', joqla- 'подниматься, взбираться вверх', ср. тоф. *чоъкта-* 'идти вверх по реке, ручью'), *аътkаары* 'назад' - гл. обр. смотреть назад, повернув только голову (< *artqary < *art, ср. др.-тюрк. art 'спина; задняя сторона', тат. *артка* 'назад'); *ындыртын* 'оттуда, с той стороны', *соӈгуртун, соӈгаартын* 'с запада', *таштыртын* 'снаружи', *устуртун* 'сверху' и т.п.[2] Встретились единичные случаи оформления наречий показателем *-си: турайси* 'наутро,

[1] О некоторых из этих аффиксов нами уже сообщалось, см.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 78.

[2] Подробнее об этих падежах см. выше.

назавтра' (< *турай* 'завтра'), *тэъксі* 'быстро' (< *тэък* 'быстрый'). Характерен случай сохранения адвербиализованного древнего деепричастия на *-ұрап* в тофаларском наречии *чоруман* 'мимо, мимоходом, проходя, походя' (ср. др.-тюрк. joryan): *оң чоруман эъртті* 'он прошел мимо'.

Адвербиализованные словосочетания

Состав наречий пополнился также за счет адвербиализованных, лексикализовавшихся синтаксических словосочетаний: атрибутивных, изафетных, повторов, свободных сочетаний слов. Примеры: *бо һун* 'сегодня' (букв. 'этот день'), *бо гечке* 'сегодня вечером' (букв. 'этот вечер'), *учжу чжок* 'очень' (букв. 'без конца'), *шаг шаанда* 'очень давно' (букв. 'во время времен'), *һире һиредэ* 'то и дело', *дуну һуну чжокка* 'и днем и ночью' (букв. 'без его дня и его ночи'), *арай дэп* 'едва, еле-еле' (букв. 'говоря: едва'), *шалаа болгаш* 'немного погодя', *улеггер шагда* 'очень давно' (букв. 'в сказочное время'), *чер ле болганда* 'повсюду, везде', *унген һун саны* 'каждый день' (букв. 'каждый появившийся день'), *даң аътарга* 'на рассвете', *калып кыъпкан шагда* 'очень-очень давно, в доисторическое время' (букв. 'когда горел мировой пожар'), *киши киши эмес шагда* 'в очень отдаленные времена' (букв. 'когда человек еще не был человеком'), *шаанда шаг шаанда* 'давным-давно' (букв. 'во времена времен, в их времена'). Особенно часто эти сочетания употребляются в фольклоре.

Продуктивное словообразование наречий

В процессе становления наречия как самостоятельной части речи произошло выделение из арсенала грамматических средств особых показателей и способов словообразования специально для создания наречий. Сложились синтетические, аналитические и синтаксические приемы, используя которые носители языка могут образовать при необходимости новые наречия как от прилагательных, так и от существительных и глаголов.

Способ а ф ф и к с а ц и и (синтетический) широко используется в современном тофаларском языке. Так, для образования наречий образа действия от прилагательных очень активен афф. *-га/-ге, -ка/-ке*[3], омонимичный показателю дательно-направительного падежа на *-га*. При помощи афф. *-га* образуются наречия от качественных и относительных прилагательных, образованных афф. *-лыг* и *-куру*, например: *дааш чокка* 'бесшумно', *тыъкка* 'сильно, громко', *тыһыракка* 'быстро', *тэъкке* 'быстро', *баъкка* 'плохо', *буътунге* 'целиком', *шечженге* 'умно, рассудительно', *дэңге* 'ровно, равно, поровну', *байга* 'богато', *элекке* 'преждевременно', *беъкке* 'крепко, прочно', *беъртке* 'отлично, здорово, толково', *куштуге* 'силой', *һеректіге* 'по делу', *эптіге* 'хорошо, красиво, ладно', *чоллыга* 'счастливо', *ээлгірәә* 'быстро, проворно' (< *ээлгірі* 'проворный'), *даашкыраа* 'громко' (< *даашкыры* 'громкий'). Присоединяется этот показатель и к отрицательному причастию будущего времени на *-бас: билдірбеске* 'крадучись, незаметно, тайно', *ээлбеске* 'медленно, неповоротливо', *тыһырабаска* 'неторопливо'. Интересны случаи образования наречий от прилагательных, оформленных как имена существительные показателем принадлежности 3-го лица, например: *тіриңге* 'заживо, живьем' (< *тіриг* 'живой'), *шыгыңга* 'полусырым, недоваренным' (< *шык* 'сырой, невареный'). Адвербиализуются также формы современного дательно-направительного падежа, например: *таъштыга* 'наружу, на улицу', *ыракка* 'далеко, вдаль', *чоогашка* 'сюда поближе', *устунге* 'выше, наверху, кверху'.

Для образования наречий, в основном места и времени, употребляются также современные местно-временной и исходный падежи с показателями *-да* и *-дан*, например: *бірердэ* 'иногда' (< *бірер* 'по одному'), *шаанда* 'давно' (< *шаг* 'время'), *бедіктэ* 'высоко, в вышине', *ыракта* 'вдалеке', *чоогашта* 'вблизи', *баршада* 'всегда, постоянно', *бірдэ* 'один раз, однажды' (< *бір* 'один'), *имирдэ* 'в сумерках'; *һуңгаарідэн* 'с юга', *карағгаарыдан* 'с севера', *ырактан* 'издалека', *чоогаштан* 'сблизи', *устундэн* 'сверху'. Кроме того, показатель исходного падежа образует наречия места от прилагательных, например: *бедіктэн* 'высоко', *туъһуктэн* 'низко' (например, летит самолет).

Чисто наречным стал афф. *-лап/-леп, -тап/-тэп, -нап/-нэп*, образующий наречия образа действия от существительных, например: *бырааттап* 'по-бурятски', *тофалап* 'по-тофаларски', *эптэп* 'как следует', *соңнап* 'с опозданием', *пууттэп* 'пудами', *саэмалап* 'взаймы', *шыннап* 'правильно', *онуштап* 'по болоту, болотом', *кылаштап* 'пешком'. Афф. *-лап* представляет собой сложение словообразовательного глагольного афф. *-ла-* и деепричастия на *-п*.

Очень активны при образовании наречий слитные деепричастия на *-а/-е, -ы/-і, -у/-у*, особенно от каузативных глаголов, например: *һайзы* 'скользом, рикошетом' (< *һайыс-* 'заставить срикошетить'), *соруду* 'на ходу', *сундуру* 'бегом', *һөме* 'в общем, вообще', *һунзеді* 'весь день', *узады* 'протяжно', *няндыры* 'обратно', *въткуру* 'насквозь', *һандыры* 'глубоко', *һөндуру* 'прямо; смирно', *улгаттыры* 'крупно'. Активное и очень широкое употребление подобных форм вызвало абстракцию ряда наиболее частотных показателей и закрепление за ними чисто наречного значения. Благодаря этому данные показатели образуют наречия уже не только от глаголов, но и от прилагательных, например: *экқіді* 'хорошо', *каътыгды* 'крепко', *тэъкті* 'быстро', *чараштыры* 'мелко', *туътуштуру* 'постоянно'. Поэтс у можно говорить о становлении наречных афф. *-ды* и *-дыры*. Афф. *-ды* аналогичен хакасскому наречному афф. *-да*, который образует адвербы только от глаголов[4], показатель *-дыры* аналогичен тувинскому *-дыр*[5]. Афф. *-ды* как

[3] Этот наречный аффикс также очень активен в хакасском языке, см.: Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 103.

[4] См.: Грамматика хакасского языка, с. 108.

[5] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. М., 1961, с. 426-428.

наречный существовал еще в древнетюркском языке (ср. др.-тюрк. amtï 'сейчас', edgüti 'хорошо', qatïγtï 'крепко')[6].

Очень активны также а н а л и т и ч е с к и е конструкции, образующиеся сочетанием существительных с послелогами *біле* 'с', *кыла* 'как', *дэг* 'как, подобно', *чылачжы* 'как, подобно, словно', например: *суге біле* 'топором', *һайыг біле* 'стороной', *уг біле* 'в направлении', *талаш біле* 'торопливо', *өскенің біле* 'иначе, по-другому', *бистің біле* 'по-нашему', *бодның біле* 'по-своему'; *узун кыла* 'длинно', *эңгірі кыла* 'широко', *куду кыла* 'вниз', *иңгай кыла* 'дальше', *согун дэг* 'стрелой, как стрела', *согун чылачжы* 'как стрела', *мен чылачжы* 'по-моему, как я'. Тофаларский послелог *чылачжы* 'как, подобно' аналогичен хакасскому *чілі* и отсутствует в тувинском языке. Вместо *кыла* в тувинском языке используется послелог *кылдыр*[7].

Весьма продуктивны в тофаларском языке с о с т а в н ы е наречия, образованные синтаксическим сложением основ разных наречий, например: *ам турайсы* 'теперь наутро', *кускээрі чжээн* 'летом ближе к осени', *дуун кечже* 'вчера вечером', *дуун дуннэ* 'вчера ночью', *турай тура* 'завтра утром', *аччуун-аччуун* 'чуть-чуть, едва', *арай-арай* 'еле-еле', *һыыштыры-һыыштыры* 'вкривь и вкось', *бок-бок* 'вот сейчас', *тура-кечже* 'и утром и вечером', *уътуру-тэътірі* 'в разные стороны', *иңгай-бээрі* 'в разные стороны', *ундуру-баътыры* 'то вверх, вниз'.

[6] Об этом аффиксе в тофаларском языке см.: *Рассадин В.И.* Указ. соч., с. 79; *он же.* Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. Л., 1976, с. 139-140.

[7] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Указ. соч., с. 425.

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

Слова, относящиеся к данной категории, обладают особыми семантическими и синтаксическими признаками, призванными выразить состояние, в котором находится лицо, о котором идет речь[1]. Эти слова всегда выступают в этом значении в роли сказуемых безличных предложений. Лицо же, реальный носитель состояния, обозначается дополнением в дательном падеже.

В тофаларском языке в качестве слов, выразителей состояния, обычно выступают качественные прилагательные, например: *мээ эккі* 'мне хорошо', *оолга ааршылыг* 'мальчику больно', *нюңускаан арткан мээ баңһай* 'плохо мне, оставшейся одной'. В настоящее время для выражения различных состояний и чувств активно используются прилагательные, образованные сложным афф. *-ньчжыг, -чжыг,* которые представляют собой сочетание глаголообразующего афф. *-ньчжы-* или *-чжы-* с аффиксом прилагательного *-г*. Довольно часто форма, образованная показателем *-ньчжыг* употребляется только для выражения состояния и практически не встречается как прилагательное, хотя теоретически это возможно. Слова категории состояния, образованные этим аффиксом, довольно многочисленны. Примеры: *буътуньчжуг* 'душно', *коърһуньчжуг* 'страшно', *нядыньчжыг* 'стыдно', *удуксаньчжыг* 'охота спать', *ыглаксаньчжыг* 'охота плакать', *чурексіреньчжиг* 'лень, неохота', *доңуньчжуг* 'зябко', *шиланьчжыг* 'утомительно', *караарыньчжиг* 'завидно', *уйудуньчжуг* 'скучно', *чиксеньчжиг* 'есть охота', *һомуданьчжыг* 'жаль, жалко' (о пропаже), *ачжыньчжыг* 'досадно', *кайһяньчжыг* 'удивительно', *каккырымсыньчжыг* 'смешно', *сутсэньчжиг* 'охота молока', *көруксеньчжиг* 'охота самому посмотреть'.

В других тюркских языках не отмечено такого широкого употребления формы на *-ньчжыг* для выражения состояния.

[1] Об этой категории см.: *Гвоздев А.Н.* Современный русский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 405-409; *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, 270-279; *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1975, с. 214, 215.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Группа изобразительных, или подражательных слов (мимемы) имеет свои лексические и формальные особенности, составляя отдельную самостоятельную группу[1].

Особенностью подражательных слов является то, что они в "непосредственной, экспрессивно-изобразительной форме передают звуки, издаваемые живыми существами и различными предметами, или выражают представления о световых явлениях и различных движениях"[2].

По своему значению изобразительные слова делятся на звукоподражательные и образоподражательные. В современном тофаларском языке этот тип слов очень развит. В речи они чаще всего выступают в роли обстоятельственных слов, сопровождаясь деепричастиями вспомогательных глаголов *дэ-* 'говорить', *кыл-* 'делать', *кын-* 'делаться, происходить'. Связь изобразительных слов с другими частями речи происходит обычно через глагол. Например, *куу* - подражание шуму ветра в лесу, от него образован глагол *куула-* 'шуметь - о ветре в лесу', а уже от этого глагола образуются *куулаашш* 'шум ветра в лесу; шумный - о ветре', *куулады* 'с шумом, шумно'. Отдельно слово *куу* употребляется только в аналитической форме учащенно-ритмичного вида *куу гайын-* 'очень часто шуметь - о ветре в лесу, шуметь в разных местах'. Самостоятельное употребление изобразительных слов в речи почти не встретилось. Ср., например: *печат чап баъсты* 'со шлепком поставил печать'. Это характерно для более экспрессивной, эмоциональной речи.

З в у к о п о д р а ж а т е л ь н ы е слова передают различные звуки, слышимые в окружающем нас мире, издаваемые человеком, животным, неодушевленным предметом. Примерами таких слов являются: *саъп-саъп* - подражанье царапанью коготков белки по стволу дерева, *пеък-пеък* - подражание звуку падающей с ветвей деревьев снежной кухты, *чырр-чырр-чырт* - подражание стрекоту летящей саранчи, *когжурт-когжурт* - подражанье ритмичному хрусту, *шык* - подражанье звуку хлопанья крыльев взлетающей птицы и т.п.

О б р а з о п о д р а ж а т е л ь н ы е слова выражают зрительно-образные представления о явлениях, внешнем состоянии, виде существ, их движении, например: *мычжыр* - представление о чем-либо пестром, рябом (например, о рябом лице, о снеге, песке, испещренном множеством следов), *бычжыр* - представление о ряби на воде, *бідір* - ощущение от множества мелких бугорков под рукой, *даъсыр* - представление о твердой утоптанной дороге, о твердом участке суши посреди болота и т.п.

Изобразительные слова широко распространены в тюркских языках. Их развитие как особой категории сопровождается переходом подражательных слов в число слов с понятийным значением. Это говорит о том, что изобразительные слова внутренне связаны со словами-понятиями, без чего был бы невозможен их взаимопереход[3].

---

[1] См., например: *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, с. 338. - Здесь же, на с. 340, 341, приведена литература, в которой рассматриваются изобразительные слова в разных языках.

[2] Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М., 1969, с. 361.

[3] См.: *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, с. 196.

МЕСТОИМЕНИЯ

Местоимения (термин условен) представляют собой группу особых заместительных слов с дейктической функцией. Они образуют в языке особую систему, параллельную системе назывных частей речи и в некотором роде дублирующую ее. В тофаларском языке местоимения замещают все основные части речи: существительное, прилагательное, числительное, наречие и глагол. Поэтому здесь вполне уместно по-другому классифицировать местоимения, чем это принято в тюркологии, а именно: различать субстантивные местоимения (замещающие, указывающие на существительное), адъективные местоимения (замещающие, указывающие на прилагательные), нумеральные местоимения (замещающие, указывающие на числительные), вербальные местоимения (замещающие, указывающие на глагол), адвербиальные местоимения (замещающие, указывающие на наречие). Подобная классификация местоимений впервые для монгольского языка была предложена В.М. Наделяевым[1]. Классификация местоимений по этому же принципу выдвинута Ю.С.Масловым[2]. Система тофаларских местоимений хорошо укладывается в эту схему, так как в нем существуют особые глагольные местоимения, как и в монгольских языках.

Общей особенностью разных групп заместительных слов является повторение грамматических категорий соответствующих назывных частей речи.

Традиционное деление местоимений на указательные, личные, вопросительные, отрицательные, неопределенные и т.п. не отвечает самой сути местоимений как особых слов с заместительной и дейктической функцией. Практически это вторая, параллельная система частей речи в миниатюре, с известными особенностями повторяющая первую, основную их систему[3]. Поэтому, например, субстантивные местоимения не похожи на вербальные или нумеральные, хотя в системе обеих их представлены, например, вопросительные местоимения.

Ниже (см. табл. 12) мы предлагаем свою группировку местоимений тофаларского языка, в основу которой положены классификации В.М. Наделяева и Ю.С. Маслова. Пояснения здесь требуют лишь положительные местоимения, поскольку наибольшее количество местоименных слов принадлежит именно этой группе. Неопределенные полностью повторяют положительные, но только каждое снабжается уступительной частицей *та/тэ*, например: *кум та* 'кто-то', *чу тэ* 'что-то', *кандыг та* 'какой-то', *миньчжаалы та* 'таким-то образом', *индыг та* 'такой-то'. Отрицательные строятся на базе неопределенных, к которым добавляется соответствующее высказыванию отрицание, например: *кум та йок* 'никого нет', *кум та эмес* 'ни-

[1] Курс морфологии монгольского языка, читанный В.М. Наделяевым в 1957/58 учебном году на кафедре монгольской филологии восточного факультета ЛГУ им. А.А. Жданова.

[2] См.: *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М., 1975, с.218.

[3] См.: Там же.

Таблица 12

Местоимения тофаларского языка

	Вопросительные	Положительные	Неопределенные
1. Субстантивные	*кум* 'кто', *чу* 'что'	*мен* 'я', *сен* 'ты', *оң* 'он', *биъс* 'мы', *сілер* 'вы', *оларың* 'они', *бодум біле* 'я сам', *бодуң біле* 'ты сам', *боду* 'он сам', *бодубус біле* 'мы сами', *бодуңар біле* 'вы сами', *боттары біле* 'они сами'	*кум та, чу тэ, мен тэ, сен тэ, биъс тэ, сілер тэ, оң та, оларың та...*
2. Адъективные	*кандыг* 'какой', *каэ, кайси* 'который', *кумнуң* 'чей', *чунуң* 'чей', *каъшки, каъшышки* 'который по счету'	*бо* 'этот', *ол* 'тот', *тээ* 'тот', *индыг* 'такой', *миндыг* 'этакий', *миің* 'мой', *сиің* 'твой', *оңнуң* 'его', *биъстің* 'наш', *сілернің* 'ваш', *оларыңның* 'их'	*кандыг та, кайси та, каэ та, индыг та, миндыг та...*
3. Нумеральные	*каъш, чеъhе, чу hире* 'сколько', *каньчжа* 'в каком размере'	*көъп, көъпей* 'много', *биче, эбеш* 'мало', *иньчжа* 'столько, в таком размере', *миньчжа* 'столько, в этаком размере'	*иньчжа та, миньчжа та, каъш та, чеъhе тэ...*
4. Вербальные	*каньчжа-* 'как поступить', *чон-* 'что делать'	*иньчжа-* 'так делать', *миньчжа-* 'этак делать'	*каньчжаалы та, миньчжаалы та, иньчжаалы та*
5. Адвербиальные	*каньчжа* 'каким образом, как', *кайда* 'где', *кайдан* 'откуда', *кайнуң* 'откуда', *кайнаари* 'куда', *чуге* 'куда, зачем', *чудэ* 'где', *чудэн* 'откуда', *каъhин* 'когда', *каньчжаалы* 'каким образом'	*иньчжа* 'так', *миньчжа* 'этак', *инда* 'там', *мында* 'здесь', *унун* 'оттуда', *мунун* 'отсюда', *маңа//мää* 'сюда', *аңа//-ää* 'туда', *борта* 'вот здесь', *иньчжаалы* 'так, таким образом', *миньчжаалы* 'этак, этаким образом'	*иньчжа та, миньчжа та, инда та, минда та, унун та, мунун та, маңа та, аңа та, иньчжаалы та, миньчжаалы та...*

кто', *кум та билбейндірі* 'никто не знает', *кандыг та чэ*
ме чжок 'никакой вещи нет'. Этот способ образования дан
ных разрядов местоимений общетюркский.

Если сопоставить традиционную схему местоимений с на
шей, то оказывается, что личные местоимения и лично при
тяжательные входят в группу субстантивных местоимений, у
зательные и определительные - в группу адъективных. При
этом в тофаларском языке наблюдается частая субстантива
ция адъективных указательных местоимений *бо* 'это, эта, это
ол 'то, та, тот', *тээ* 'то, та, тот', выступающих вместо
личных. Субстантивные местоимения, как личные (*мен* 'я', *с*
'ты', *биъс* 'мы', *сілер* 'вы'), так и субстантивированные
указательные местоимения, часто в форме личной принадлеж
ности (*оң* 'он', т.е. 'тот, твой', *обус* 'он', т.е. 'тот
наш', *оларың* 'они', т.е. 'те твои') имеют те же словоизм
нительные категории, что и имена существительные, т.е. к
тегорию падежа, притяжания, числа, сказуемости, например
бо мен мен 'это я', *биъске* 'нам', *мендэн* 'от меня', *сенд*
'у тебя', *бом* 'это мое', *кумуң бар?* 'кто у тебя есть?',
чулер 'что?' - о многих вещах. Поэтому все субстантивные
и субстантивированные личные местоимения склоняются и при
нимают показатели личной принадлежности. При этом порядок
склонения и оформления аффиксами лица общий и зависит от
фонетических причин. Не принимают показателей личной при
надлежности, как исключение, лишь личные местоимения *мен*
'я', *сен* 'ты', *оң* 'он', *биъс* 'мы', *сілер* 'вы', *оларың*
'они'.

Склонение личных местоимений приведено у Н.П. Дыренко
вой[4], поэтому дублировать его мы не будем. Не дано Н.П. Ды
ренковой лишь склонение местоимений *оң* 'он', *оларың* 'они',
бо 'это', *тээ* 'то', *кум* 'кто', *чу* 'что'. Кроме того, со
временное склонение *ол* 'то' отличается от того, которое
дано Н.П. Дыренковой.

Приведем парадигмы склонения этих местоимений:

Осн. п.	*бо*	*ол*	*оң*	*оларың*	*тээ*	*кум*	*чу*
Род. п.	*монуң*	*онуң*	*оңнуң*	*оларыңның*	*тээніңң*	*кумнуң*	*чунуң*
Вин. п.	*мону*	*ону*	*оңну//* *оңун*	*оларыңны//* *оларың*	*тээні*	*кумну*	*чуну*
Дат. п.	*маңа//* *мăа*	*аңа//* *аа*	*оңга*	*оларыңга*	*тээге*	*кумга//* *кумма*	*чуге*
Местн.п.	*минда*	*инда*	*оңда*	*оларыңда*	*тээдэ*	*кумда*	*чудэ*
Исх. п.	*мунун//* *миндан*	*унун//* *индан*	*оңдан*	*оларыңдан*	*тээдэн*	*кумдан*	*чудэн*

Возвратные местоимения образуются от основы *бот* 'тело' (ср. тув. *бот*, хак. *пос* id.). Эта основа, употребляясь в речи всегда с показателем личной принадлежности и с послелогом *біле*, соответствует русскому местоимению *сам, себя*.

[4] См.: *Дыренкова Н.П.* Тофаларский язык. - В кн.: Тюркологические исследования. М., 1963, с. 12.

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*бодум біле* 'я сам'	*бодубус біле* 'мы сами'
2 л.	*бодуң біле* 'ты сам'	*бодыңар біле* 'вы сами'
3 л.	*боду біле* 'он сам'	*боттары біле* 'они сами'

Эти формы без послелога *біле* могут принимать показатели падежей, т.е. *бодумма, бодумга* 'я себе', *бодуңга* 'ты себе', *бодувуска* 'мы себе' и т.п.

Притяжательно-предикативные местоимения в тофаларском языке отсутствуют.

Особенностью склонения вышеприведенных специфичных для тофаларского языка местоимений является наличие формы исходного падежа *мунун* 'от этого, отсюда' и *унун* 'от того, оттуда', а также употребление возвратных местоимений с послелогом *біле*, что представляет более архаичную ступень сложения системы возвратных местоимений. Происхождение форм *мунун* и *унун* нам представляется следующим образом:

мунун < **муннун* < **мундун* < **мундин* < **мондин* < *бо*
унун < **уннун* < **ундун* < **ундин* < **ондин* < *ол*

Здесь супплетивные основы и явно древний уйгурский исходный падеж *-дин*.

В тувинском языке местоимения *бо, ол* имеют другие формы в родительном и исходном падежах: *моон* (тоф. *монуң*), *моон* (тоф. *мунун, миндан*), *оон* (тоф. *онуң*), *оон* (тоф. *унун, индан*)[5]. В общем же парадигма склонения местоимений *бо* и *ол* в тофаларском языке носит общетюркский характер.

Объединяет тофаларский язык с тувинским наличие глагольных местоимений *каньчжа-* 'как поступить', *чоон-* 'что делать', *маньчжа-* 'этак делать', *иньчжа-* 'так делать', которые ведут себя как равноправные глаголы, имея всю парадигму спряжения. Нами уже высказывалась мысль о том, что эти местоимения, по всем признакам бытовавшие в древнетюркском языке, представляют в тофаларском и тувинском языках реликтовое состояние[6].

В других тюркских языках наметилась тенденция создавать глагольные местоимения за счет слияния вопросительных местоимений *кай* 'который' или *не* 'что' с глаголом *эт-* 'делать'. Ср., например, татарское *нит-* (< *ни ит-*) 'что делать' и киргизское *кайт-* (< *кай эт-*) 'что делать', как поступить'.

Система местоимений в общем верно отражена также у М.А. Кастрена, давшего соответствующие современному языку парадигмы спряжения личных местоимений[7]. Только, судя по его материалам, в его время для 3-го лица употреблялись

[5] См.: *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. М., 1961, с. 232.

[6] См.: *Рассадин В.И.* Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. Л., 1976, с. 135-136.

[7] См.: *Castrén M.A.* Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus dem tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. SPb., 1857, S. 21.

ол 'он' и *олар* 'они', замененные в современном языке на *оң* (букв. 'тот твой') и *оларың* (букв. 'те твои'). Приведенная им парадигма склонения местоимений *бо* 'это' и *тээ* 'то' тоже совпадает в общем с современной. Различие в том, что Кастрен дает для *бо* датив *бога*, тогда как в современном языке ему соответствует *мана*. Кастрен также не отметил формы *мунун* для исходного падежа. Верно отметил он способность местоимений принимать показатель множественного числа, склоняться, образование неопределенных местоимений частицей *та*, а отрицательных от неопределенных. К сожалению, Кастрен, как и Катанов[8] не привел вербальных местоимений.

[8] См.: *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, с. 459.

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ПОСЛЕЛОГИ

Как и во всех тюркских языках, в тофаларском довольно развита система особых постпозитивных служебных слов, называемых обычно послелогами, которые сейчас уже не имеют никакого вещественного значения и выполняют чисто служебную функцию, дополняя значение грамматических пространственных падежей. В зависимости от истории своего происхождения послелоги могут присоединяться либо непосредственно к основе слова, либо требуют постановки его в каком-либо падеже.

Особенно много послелогов управляет непосредственно основой слова. К этим послелогам относятся:

ачжыры 'за, позади; через' - восходит к деепричастию на *-ы* от глагола *ачжыр-* 'перевалить'. Передает оттенок помещения, нахождения сразу позади чего-л., переход через что-л. Примеры: *нечж ачжыры чештыныл туру* 'стоит, спрятавшись за деревом', *бо даг ачжыры улуг һем аъһал чыъгыры* 'за этой горой течет большая река'; *даг ачжыры уъһяр* 'перелетит через гору';

біле 'с' - выражает комитативные и инструментальные отношения, участвуя в образовании наречий. Примеры: *инэк біле аът бар мендэ* 'у меня есть конь с коровой', *Алёошка біле каъты келген* 'пришел вместе с Алёшкой', *діің кеъһи біле даараан дон* 'шуба на беличьем меху';

куду 'по' - передает пространственные отношения, движение по поверхности, по какому-л. месту. Примеры: *тоъш куду чжораан* 'шел по льду', *чер куду* 'по земле', *чу душ куду?* 'по какому случаю?', *иресаң һорум удун куду кіре берген болган* 'медведь залез в дыру в каменной осыпи'. Этот послелог уже не имеет семантики движения вниз, как было в древнетюркском *коды* 'вниз';

кылы 'как, в качестве' - происходит от деепричастия на *-ы* от глагола *кыл-* 'делать', образует аналитическую конструкцию с обстоятельственным значением, участвует в образовании наречий. Примеры: *бо кысты оң коърһыняк кылы алган* 'эту девушку он взял в жены', *дэньшик кылы беърт кишіні туштаар истіг* 'нарочным следует назначать проворного человека';

уун 'к, в направлении' - представляет собой застывший древний орудный падеж *-ын* от слова *уг* 'направление'. Передает направительные отношения. Примеры: *мен суг уун чжору мен* 'я иду к воде', *ийи йер уун талыйган* 'разъехались в две разные стороны';

дэг 'как, словно, подобно' - передает сравнительные, уподобительные отношения. Аналитическая форма с этим послелогом выступает и как адъектив и как адверб. Примеры: *чук тэг чыъпшыньчжак* 'липкий как смола', *сен мен дэг бол* 'ты будь как я';

чылачжы 'как, словно' - передает уподобительные отношения. Конструкция с этим послелогом имеет только обстоятельственную функцию, выступая как наречия. Примеры: *кат чылачжы келген* 'приехал внезапно, словно ветер налетел', *сен чылачжы аңнап өөренген* 'научился промышлять, как ты'. Этот послелог, видимо, глагольного происхождения - деепричастие на *-ы* от глагола **чылаш-* 'быть похожим, подобным', который является взаимно-совместным залогом от глагола *чыла-* 'быть таким, как..., поступать так, как...', бытующего в современном языке. Например: *сен аът чылайыдыр сен* 'ты ведешь себя, словно конь', *һабаан чылайы берген ол киши* 'тот человек поступил по-свински'. В других тюркских языках этому послелогу соответствуют, например: алт. *чыла ~ чилеп*, шор. *чылап ~ чилеп*, саг. *чілеп*, кач. *чілі[<*чілейі]*, ж.-уйг. *челье, челье, чила*, тув.-тодж. *шылай*[1]. В казахском языке ему соответствует афф. *-шылап/-шілеп*[2], образующий наречия образа действия со значением уподобления. В киргизском языке ему тоже соответствует афф. *-чылап [<чы+ла+п]*[3], аналогичный казахскому. Во всех этих языках этот послелог, ставший местами уже аффиксом, обнаруживает формы разных деепричастий единого глагола *чыла-*, который, видимо, сохранился в тофаларском языке.

Наш материал обнаружил пока один послелог *чеътірі* 'до, вплоть до', требующий дательно-направительного падежа. Произошел он от застывшей деепричастной формы на *-і* от глагола *чеътір-* 'доводить'. Он имеет значение доведения до какого-то рубежа. Примеры: *учженішкі йылга йеътірі кочеваать кылып турган бис* 'мы кочевали до 30-го года', *коорытка чеътірі чжеътken бис* 'мы добрались до города', *таң аътарга чжеътірі иштэнген* 'он работал до рассвета'.

Исходного падежа требуют послелоги:

алы 'с, начиная с' - представляет собой деепричастие на *-ы* от глагола *ал-* 'брать'. Употребляется для более точного указания на то, с какого времени или от какого предмета начинается действие или отсчет. Примеры: *амдыызындан алы* 'с этого момента', *баъшкыызындан алы доозылгыша* 'от начала до конца', *тура эъртэдэн алы кечже һун баъткыша ишмишен мен* 'я работал с раннего утра и до захода солнца', *учженішкі йылдан алы колһооска кіре берген бис* 'с 30-го года вступил в колхоз';

бәәрі 'начиная с' в какой-то мере синонимичен послелогу *алы*, но употребляется гораздо чаще. Примеры: *унун бәәрі каъш чыл эърткен?* 'сколько лет прошло с тех пор?', *ол чыда болгандан бәәрі бис баъкка чжерлейи берген бис* 'с тех пор, как началась война, мы стали плохо жить';

баъшка и его синоним *өъске* употребляются в значении 'кроме'. Примеры: *сендэн баъшка минда кум та йок болган* 'кроме тебя тут никого не было', *сендэн өъске* 'кроме тебя', *унун өъске* 'кроме этого', *оңдан өъске* 'кроме него';

ыңгай 'из-за, для, ради; о, об' - передает причинно-следственные отношения, например: *баъкка чаъсаандан ыңгай ыңчжанып* 'ругать кого-л. из-за того, что плохо сделал', *чүдэн ыңгай өлген?* 'Из-за чего умер?', *һей чжумедэн ыңгай алъчышпаңарнам!* 'не ссортесь из-за пустяка!', *аңныктан ыңгай соодаар* 'расскажет об охотпромысле', *чоруурдан ыңгай* 'для поездки, из-за (ради) поездки', *сен келбәәндэн ыңгай* 'из-за того, что ты не пришел'.

Все эти послелоги употребляются и в других тюркских языках и в первую очередь в саяно-алтайских за исключением *чылачжы* и *ыңгай*, составляющих специфику тофаларского языка.

---

[1] См.: *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940, с. 223; *Она же.* Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941, с. 241; *Боргояков М.И.* Отношение тюркских языков Южной Сибири к языку сарыг-югуров. - Советская тюркология, 1976, № 2, с. 45; *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957, с. 141, 143; *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 177; *Чадамба З.Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 95.

[2] См.: Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, 365.

[3] См.: *Юнусалиев Б.М.* Киргизский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966, с. 498.

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА

Кроме чистых послелогов в тофаларском языке, как и во всех остальных тюркских языках, имеется ряд имен существительных, обозначающих пространственную ориентацию и употребляющихся в форме пространственных падежей (дательно-направительного, местного и исходного) с показателями личной принадлежности всех лиц в роли послелогов-имен. В то же время эти слова сохраняют и свое лексическое значение. Такими служебными именами в тофаларском языке выступают:

аълты 'низ, нижняя часть' - указывает на нахождение предмета под чем-л. или движение предмета подо что-л. или из-под чего-л. Употребляется в форме трех указанных пространственных падежей: *аълтыңа, аълтында, аълтындан*. Примеры: *ностоол аълтында* 'под столом', *ностоол аълтындан* 'из-под стола', *аълтымда* 'подо мной', *паш аълтыңга һарш кады* 'подложил дощечку под котелок';

аърты 'пространство позади' - указывает на местонахождение позади чего-л. употребляются три падежа: *аъртыңга, аъртында, аъртындан*. Примеры: *даг аъртында* 'за горой', *ностоол аъртындан* 'из-за стола', *аъртыңда* 'позади тебя', *аъртыбыста* 'позади нас';

ара 'пространство между' - указывает на местонахождение между двумя предметами, лицами, все три падежа: *арасыңга, арасында, арасындан*. Примеры: *бистің арабыста* 'между нами', *иһи өг арасында* 'между двумя домами';

беът 'пространство перед чем-л.' - употребляется и в пространственном и временном значении, например: *ностоол беътіндэ* 'перед столом', *чаарның беътіндэ колум будум шылайыдыры* 'перед дождем ноги и руки у меня ноют', *удуурумнуң беътіндэ эмні ишер мен* 'перед тем, как лечь спать, я выпью лекарство'. Это имя употребляется практически только в 3-м лице.

һыйыг 'бок, край, пространство возле' - употребляется во всех лицах и трех падежах, указывает на местонахождение возле чего-л., рядом с чем-л. Примеры: *ностоол һыйыында* 'возле стола', *һыйымма олыр* 'сядь возле меня', *өөм һыйыындан кайнаары та барбаан мен* 'я не отходил от дома', *һыйыңда* 'возле тебя';

һыры 'пространство над чем-л.' - употребляется во всех лицах и трех падежах, указывает на нахождение предмета на поверхности и над поверхностью. Значение уточняется контекстом. Примеры: *һырымда лаампа аъсыгда дуру* 'надо мной висит лампа', *чер һырында чыътыры* 'лежит на земле', *кар һырыңга салган* 'положил на снег', *лаампа ностоол һырында аъскан* 'лампа висит над столом', *өг һырындан туъшту* 'упал с дома';

иъшті 'внутренняя часть чего-л.; подножие горы' - употребляется в основном в 3-м лице в трех падежах, указывает на местонахождение внутри чего-л. Примеры: *өг иъштіндэ*

һаршак иъштіңге кагды 'положил внутрь ящика', *даг иъштіндэ* 'под горой, под склоном горы';

каъты 'пространство между многими предметами, лицами' - употребляется в трех лицах только мн. числа и в трех падежах. Примеры: *олариңың каътындан алдым* 'взял среди них', *бистің каътыбыста* 'среди нас', *миің ибим аът каътында туру* 'мой конь стоит среди оленей';

кидыг 'пространство возле, рядом' - синонимичен *һыйыг* и, возможно, является более архаичной его формой (ср. историческое чередование *д//й*). Примеры: *от кидыында олыры мен* 'я сижу возле костра';

нян 'бок, край; пространство возле' - употребляется во всех лицах и трех падежах для указания на местонахождение возле чего-л. Примеры: *нянымма олыр* 'сядь возле меня', *нянында* 'возле тебя', *өөм нянындан кайнаары та барбаан мен* 'я никуда не отходил от дома'. Это имя синонимично *һыйыг*;

оърту 'середина' - употребляется в 3-м лице в трех падежах для указания на местонахождение посредине и в средней части чего-л. Примеры: *даг оъртусунда* 'посреди горы', *кишилернің оъртусунда чиътken* 'потерялся среди людей';

соң 'пространство позади, сзади' - употребляется во всех лицах и всех пространственных падежах, включая продольный с показателем *-ша/-ше: соонда, соондан, соонша, соомда, соомша* и т.п. Указывает на нахождение позади чего-л. в движении, или следование одного события позади другого во времени. Примеры: *соомша эдэріп чорува* 'не ходи позади меня', *улуг өскен соонда һем таъһяр* 'после большого дождя река разольется', *кыыш соонда час болыр* 'после зимы наступает весна';

таъшты 'наружная, внешняя сторона' - употребляется в 3-м лице: *өг даъштында* 'снаружи дома';

туш 'пространство впереди, напротив' - употребляется во всех лицах например: *оң дучжумда дуру* 'он стоит напротив меня';

уъсту 'пространство над чем-л.' - употребляется в основном в 3-м лице в трех падежах: *уъстундэ, уъстундэн, уъстуңге*, например: *адыр уъстуңге мерһелээн* 'бросил палку повыше развилки (дерева)', *адыр уъстундэ діиң сунадыры* 'повыше развилки белка бегает';

чоогу 'пространство вблизи, рядом, возле' - слово, однокорневое с прилагательным *чоогаш* 'близкий' и глаголом *чоок-* 'приближается'. Употребляется во всех лицах в трех падежах: *чоогунда, чоогуңга, чоогундан*, например: *коорит чоогуңга баар мен* 'поеду в пригород', *һөл чоогунда* 'вблизи озера', *миің чоогумда* 'рядом со мной';

инды 'пространство позади чего-л., но на некотором расстоянии от предмета' - употребляется в 3-м лице в трех падежах. Примеры: *неш индында* 'за деревом', *бо дагның индында һем аъһадыры* 'позади этой горы течет река'. С этим именем синонимичен послелог *ачжыры* 'за, позади', но он указывает на нахождение сразу же за предметом, вплотную к нему, а *инды* - на расстоянии от предмета.

Из всех тюркских языков, в том числе и саяно-алтайских, только в тувинском имеются соответствия всем этим тофаларским служебным послелогам-именам, кроме *каъты*, которое отсутствует в тувинском. Тофаларское *каъты* можно сопоставить с древнетюркским gat со значением 'рядом, около, при, в ряду (других)', отмеченное в памятниках уйгурского языка[4]. Из остальных служебных имен общими только для тофаларского и тувинского являются *беът, һыйыг, һыры, кидиг, чоогу, ында*, 'они не отмечены, например, в ближайших хакасском, алтайском и др. языках.

[4] См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 432.

СОЮЗЫ

Тофаларский язык очень беден союзами. Единственным, сохранившимся в нем с древнетюркского времени союзом является *азы* 'или' (ср. др.-тюрк. azu 'или'). Этот союз сохранился еще только в тувинском языке (ср. тув. *азы* 'или'). На основе древнего союза *азы* в тофаларском языке развились сложные союзы *азы... баан, азы... баан* 'или..., или...', *азы... баан, азы... эмес паан* 'или..., или не...', *...бе, азы... бе* 'или... или', например: *азы чу лээн? азы аът паан, азы инэк паан?* 'что это? то ли конь, то ли корова?' (говорят, когда человек издалека не может различить), *азы алыр мен баан, азы албас мен баан?* 'или брать мне, или не брать?', *азы гелген, азы гелбээн?* 'или пришел, или не пришел?', *аң дэскен, билбедім, чыт алды бе, азы тыңнады бе?* 'зверь убежал, не знаю, то ли учуял, то ли услышал'.

В роли разделительных союзов выступает также парное употребление вопросительной частицы *бе*(*...бе, ...бе* 'или... или'), иногда осложненной усилительной частицей *аан*(*...баан, ...баан* 'или... или'), например: *алыр мен бе, албас мен бе?* 'или мне брать, или не брать?', *келір бе, келбес пе?* 'придет или не придет?', *аът паан, инэк паан?* 'конь ли, корова ли?' Часто этот союз осложняется частицей *таң*, означающей 'нет, не знаю', например: *таң аът пе, таң инэк пе?* 'не знаю, конь или корова?' *таң аът паан, таң инэк паан?* 'не знаю, конь или корова?'

Как и в других тюркских языках[5], в роли соединительного союза выступают частицы *та/тэ* и послелог *біле*, например: *аът біле инэк* 'конь и корова', *аът та инэк* 'конь и корова', *баар та эмес, барбас та эмес* 'и ехать нельзя, и не ехать нельзя', *аыртар та эмес, баар та эмес* 'и оставаться нельзя, и ехать нельзя'.

В роли подчинительного союза цели в тофаларском языке, как и в тувинском, употребляется *дээш* 'чтобы' - застывшая в этом употреблении форма прошедшего деепричастия на *-гаш* от глагола *дэ-* 'говорить' (ср. тув. *дээш*), например: *мудурвезін дээш* 'чтобы не спотыкался', *бис мында улуг һерек чарар дээш чыылдыыс* 'мы здесь собрались, чтобы решить большое дело', *айны курудуп алыр болганнар, кыһын чжиир дээш* 'сарану сушили, чтобы зимой есть', *оолны уптээн экіді өөренсін дээш* 'убедил мальчика, чтобы он хорошо учился'. Как видно из примеров, *дээш* требует либо причастия будущего времени, либо показателя повелительного наклонения 3-го лица *-сын*.

Как подчинительный союз (временной) используется также послелог *соң* 'после того, как', например: *оң чжораан соң кылыр бис* 'сделаем, когда он уедет', *таң аъткан соң* 'после того, как рассветает', *оң гелген соң ностоолга олуруыткан бис* 'мы сели за стол после того, как он пришел'.

[5] См.: например: Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 271.

В качестве подчинительного причинного союза выступает *аан* 'поэтому', например: *туътуш эъштiп чорумда, һун уун көруп чоруур мен, аан мен һөлну кеъһе берген мен* (из сказки) 'когда я плыву, я всегда смотрю на солнце, поэтому я переплыла озеро'.

Вызывает интерес сохранение некоторых форм архаичного глагола **эр-* 'быть' и употребление их в роли союзов. Такими союзами, нигде больше в тюркских языках не зафиксированными, являются тофаларские *эрiп* (< **эр- + -iп*) 'хотя, хоть' и *эмеэндэ* (< **эр- + -ме- + -ген + -дэ*) 'иначе, не то'. Примеры: *келбес эрiп, телеграам каккан чолукшуп алтили'*, *көъшпес эрiп, орук чаъсаан, көъһеп турар мең көскеку* (из песни) 'хотя сам не кочует, сделал дорогу, и мне, кочующему, это видно'; *соотту баъшка-баъшка шыйар истiг, ол эмеэндэ кишилер санааш, туътпас* 'слова нужно писать раздельно, иначе люди, прочитав, не поймут'.

Кроме того, в роли союзов выступают деепричастные и условные формы некоторых глаголов. Так, употребляются в речи *ыньчжаалса* 'хотя', *болса* 'если', *ыньчжаангаш* 'тогда, в таком случае'. Это же наблюдается и в тувинском языке.

СВЯЗКИ

В современном тофаларском языке оформились особые служебные слова предикативности. Особые предикативные связки имеют настоящее и прошедшее времена.

Для настоящего времени в качестве связки употребляется *туру/туру, дуру/дуру, дири/дiрi* (восходящее к причастию настоящего времени *туру* от глагола *тур-* 'стоять'). Используется она только в 3-м лице. Например: *мишээк һурээдэ дуру ында* 'мешок там, на заборе', *кап аъсыгда дуру* 'мешок висит', *чидиг багда дуру* 'собака на привязи', *чу дуру?* 'что? Какие новости?', *гутаар улусу гелген дуру* 'гутаринцы (жители пос. Верхняя Гутара) приехали', *эът чок туру* 'мяса нет'. Употребляясь в составе формы настоящего обычного времени, эта связка сохраняется во всех лицах, о чем выше уже говорилось.

В прошедшем времени употребляется связка *иик*, представляющая собой форму прошедшего субъективного времени на *-чжик* от архаичного глагола **эр-* 'быть', о чем выше уже говорилось. Примеры: *чу иик пе?* 'что было?', *кайһяньчжик иик* 'было удивительно', *аът изи чжок иик* 'не было следов коня', *ол киши дэмин иик* 'тот человек здесь был недавно'. Эта связка применяется при релятивном употреблении времен, создавая фон прошедшего времени.

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова, как и модальные формы, выражают отношение говорящего к высказыванию. Эти слова относятся ко всему предложению и, как частицы, не имеют самостоятельного употребления, выполняя служебную функцию. Сближаясь в какой-то мере с частицами, модальные слова все же сохраняют еще статус самостоятельного слова.

В качестве модальных слов в тофаларском языке выступают:

чоъһом 'может быть, возможно, вероятно, наверное' (<монг., ср. халха-монг. *чухам*, бур. *сохом*, старомонг. *чукум* 'определенно, точно, верно'), например: *иньчжааныр, чжоъһом* 'может, так случится', *ам ур болбас мен, чжоъһом* 'я, наверное, долго не проживу', *иресаӈ дейдірі: "Сииӈ гучжуӈ чжок, ачжыры чараш сен, дунну бәәр сен, чжоъһом"* - 'Медведь говорит (мыши): "У тебя сил нет, ты слишком маленькая, наверное, утонешь"';

һептіг 'кажется, похоже' (< *һеп*, ср. др.-тюрк. кер 'форма'), например: *бок чжиир бис, һептіг* 'похоже, что сейчас будем есть', *оӈ келді, һептіг* 'он, кажется, пришел', *ол киши бәәрі чжору, һептіг* 'тот человек, вроде, идет сюда'. В этом же значении может иногда употребляться слово *болыр*, например: *эчжим бәәрі келген болыр* 'мой друг, кажется, сюда приехал'.

һеректіг 'нужно' (< *һерек* 'дело'), например: *биске талыйар һеректіг* 'нам нужно идти'; *истіг* 'должно, следует, необходимо' (< *ис?*), например: *меӈэ баар истіг болган* 'мне надо было идти', *сен чжышка баар истіг сен* 'ты должен пойти на собрание'.

Частицы, как и модальные слова, являются служебными словами, выражающими отношение говорящего к высказыванию. Они придают отдельным словам и целым предложениям различные модальные, модально-волевые или эмоционально-экспрессивные оттенки. Частицы полностью лишены самостоятельного полнозначного лексического значения, поэтому они не могут выступать в качестве отдельного члена предложения. Будучи служебными элементами, частицы сближаются с аффиксами, получая даже в ряде случаев фонетические варианты. Однако частицы, в отличие от аффиксов, выполняют чисто синтаксическую функцию.

По значению частицы тофаларского языка можно разделить на модальные, экспрессивные и эмоциональные[1].

М о д а л ь н ы е ч а с т и ц ы выражают отношение говорящего к действию с точки зрения возможности, достоверности, вероятности, предположительности и т.п.[2] К этим частицам можно отнести:

таӈ 'не знаю' (ср. тув. *таӈ*, хак. *таӈ*, кирг. *тааӈ*), часто сопровождается эмоциональной частицей *ыйнаан*; употребляется, когда говорящий хочет усилить отрицательный ответ с оттенком сомнения. Например: *таӈ, кандыг та орук ыйнаан* 'не знаю, какая дорога', *таӈ, мен билбейндірмен* 'нет же, я не знаю', *таӈ, кайда та ыйнаан!* 'нет, не знаю где!'. В то же время *чжок* обозначает обычное, нейтральное отрицание: *чжок, билбейндір мен* 'нет, не знаю';

эмес - отрицательная постпозитивная частица, вносящая в высказывание отрицательный смысл, например: *оларыӈ киши эместэр* 'они не люди', *баъһай эмес* 'неплохо', *ындыг эмес* 'не так', *ол эмес, өске* 'не тот, другой';

эмеэн - отрицание с модальным оттенком неожиданного удивления, при этом ощущается оттенок соотнесенности с фоном прошедшего времени, что, видимо, обусловлено происхождением этой частицы (прошедшее причастие на *-ган* от отрицательной основы архаичного глагола **эр-* 'быть' < **эрмеген*), например: *оӈ ындыг эмеэн* 'он таким, оказывается не был', *бистіӈ Иваан киши эмеэн, бөру эрген* 'наш Иван оказался волком, а не человеком';

бе, пе - вопросительная частица, не гармонирует, всегда сохраняя свой гласный, например: *сен келдіӈ бе?* 'ты пришел?', *бо от пе?* 'это костер?', *ындыг эмес пе?* 'не так ли?', *эчжиӈ талыйды бе?* 'твой друг ушел?';

эрген - положительная модальная частица, привносит в высказывание оттенок неожиданного удивления, например: *сен ындыг эрген сен!* 'вот ты оказывается какой!', *ол чжуме бистэ бар эрген* 'а та вещь у нас оказывается была', *бооӈ чиъ-*

---

[1] Следуя классификации частиц, принятой татароведами, см.: Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология, М., 1969, М., с. 340.

[2] См. там же, с. 343.

ткен эрген 'а твое ружье оказывается потерялось'. Соотношение с планом прошедшего времени придает частице ее происхождение (прошедшее время на *-ган* положительного аспекта от глагола **эр-* 'быть');

эмиш - положительная модальная частица, сообщающая высказыванию оттенок предположительности, неуверенности, означает 'наверное, должно быть', например: *кеъһәәлі, кум бурун кеъһер эмиш* 'давай переправляться (через реку), кто вперед переправится', *ындыг эмиш сілер!* 'вот вы какие!' Происходит она от того же глагола **эр-* 'быть', являясь формой на *-миш*;

баан, паан - модальная частица, привносящая оттенок удивления и сомнения, например: *тудускекті туман дэр баан?, тугдугурну эчжим дэр баан?* (из песни) 'разве можно назвать дымку туманом? разве можно сутулого назвать моим другом?' Происходит она из слияния вопросительной частицы *бе/-пе* с эмоциональной частицей *аан*.

Экспрессивные частицы используются для усиления смысла высказывания. В современном тофаларском языке к этим частицам можно отнести:

бырый (~*пырый, прый*) 'вовсе, совершенно, как раз', например: *бырый сен һеректіг сен* 'вот как раз ты и нужен', *чаап туру, брый баъһай болды* 'дождь идет, совсем плохо стало', *брый һөну орук* 'совершенно прямая дорога';

шеэң - 'подтвердительная, усиливающая смысл частица, употребляется всегда в конце предложения, например: *сен оңун билбәан сен шеэң?* 'ты его разве не знаешь?', *ындыг шеэң* 'так же, так ведь', *сен гелівіттің шеэң?* 'ты уже приехал?';

та/тэ - усилительно-уступительная частица, всегда стоит после того слова, к которому относится, например: *мен тэ баар мен* 'и я поеду', *чорый та бер, мен ыглавас мен* 'ты хоть уйди, я не заплачу';

аа - экспрессивно-усилительная модальная частица, относится ко всему предложению, стоит всегда в конце фразы, например: *экки эът эрген аа!* 'хорошее ведь оказалось мясо!', *соодаар иик аа* 'рассказал бы ведь', *оң мал аа!* 'он ведь скотина!';

-к/-ак/-эк/-ык/-ік - экспрессивно-усилительная модальная частица, восходящая к древней аналогичной частице oq/-ök, широко представленной в современных тюркских языках. В тофаларском языке утратила полностью свою самостоятельность и фонетически сливается с тем словом, которое усиливает. Примеры: *амдык* (< *амды ок*) 'тут же, сразу же', *олук* (< *ол ок*) 'сразу же, мигом', *аңны көргечжік, олук боолап кіре бәәр* 'зверя увидит, тут же начинает стрелять', *ындак* 'там же', *мындак* 'тут же'.

Эмоциональные частицы выражают различные оттенки чувств и эмоций говорящего, возникающих у него при высказывании. Сюда можно отнести тофаларские частицы:

ла/лэ, на/нэ - эта частица служит для некоторого смягчения и в то же время усиливания высказывания, например: *неш төъһөчжу лэ аърта бәәр* 'останется лишь пень', *шыланьчжыг та болса, чораан на мен* 'хотя и было утомительно, но я все шел и шел';

ийнэ - подтверждающе-усилительная частица с оттенком уверенности. Например: *каэ-каэ келір ийнэ* 'кто-нибудь да приедет', *аза билир ийнэ* 'черт знает';

ийен - усилительная частица с оттенком удивления и в то же время уверенности, например: *ойнаашкын бар ийен урумма* 'для моего ребенка ведь есть оказывается игрушка', *кере, ындыг ийен!* 'видишь, какой он!', *кайһяньчжыг ийен!* 'как удивительно!';

аан - усилительно-подтвердительная частица, например: *оң аан соодаан* 'он же ведь сказал', *ол киши баргай аан* 'тот человек ведь уйдет';

ыйнаан, ийнаан - частица усиления, составлена из *ийен* + + *аан*. Примеры: *оң туътуш ыньчжаар ийнаан* 'он всегда так делает', *талыйнаан* 'уходи же' (< *талый ийен аан*), *кайһяньчжыг ыйнаан* 'это просто удивительно', *ындыг ыйнаан сен!* 'вот ты какой!';

лаан/лээн, наан/нээн (< *ла аан, лэ аан, на аан, нэ аан*) - усилительная частица. Примеры: *тээй, каньчжааны берген сен нээн!* 'эээ, что же ты наделал!', *кайда лаан?* 'где же?', *бо чу лээн?* 'что же это?', *кум лаан?* 'кто это?', *кандыг кайһяньчжыг лаан!* 'как удивительно!';

лайнаан/лэйнаан (< *ла ыйнаан, лэ ийнаан*) - усилительная частица. Примеры: *оң чжоруду лайнаан* 'он же ведь поехал', *оң келді лэйнаан* 'он ведь приехал';

кыня - частица для выражения субъективной оценки уменьшительности и в то же время ласкательности. Об этой частице подробно сказано выше.

Из всех рассмотренных здесь частиц *эмес, бе, эмиш, та, ик, ла, кыня* являются общетюркскими. *Эрген* вместе с тувинской частицей *ургин* сохраняется с древнетюркского времени. С этого же времени сохранилась и специфически тофаларская частица *эмеэн*. *Бырый* совпадает только с хакасской частицей *прай*, а частицы *аан, ийен, ийнаан* - лишь с тувинскими *аан, ийин, ыйнаан*, составляющими специфику этих двух языков.

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометия представляют собой особую группу слов, служащих для выражения различных чувств и различных побуждений. Они полностью лишены номинативной функции, поэтому не имеют форм словообразования и словоизменения, присущих знаменательным словам. По сути дела это лишь своеобразные субъективные речевые знаки для выражения эмоций и волеизъявлений.

В речи междометия не выполняют никакой синтаксической функции и не входят в состав предложений в качестве их членов.

Междометия сами могут образовывать целое самостоятельное предложение или входят на правах обязательного элемента в некоторые типы предложений. По своему значению все междометия делятся на две группы: эмоциональные и волевые.

К эмоциональным междометиям в тофаларском языке, например, относятся: *айоо, айуу, айуу ah* - междометие боли; *ии* - возглас при ощущении чего-либо очень холодного; *ийо* - возглас, когда человек что-л. забудет и вдруг вспомнит, начав делать не так; *кере, кернэм, гөрнэм, гөрнэй* - возглас при удивлении, типа русского *гляди-ка*; *һөй, һөй һалак, һөбө* - междометие испуга; *оо* - междометие удивления и восхищения; *oh* - междометие усталости; *па* - возглас, когда совершается что-л. неожиданное и в то же время неприятное: *пее, пе, пеһ* - возглас, когда человек обжегся; *пу, пуу* - возглас при плохом запахе; *тээ, тээй* - возглас при очень большом удивлении; *уу* - возглас при испуге, сильном стеснении; *эһ* - возглас, когда человек мерзнет; *ээ, ээй* - возглас разочарования с оттенком удивления.

К волевым междометиям можно отнести:

1) междометия призыва: *ээй* - возглас, которым окликают человека; *уус- уус* - призыв оленей, находящихся близко; *һоок-һоок, оог-оог* - призыв оленей, находящихся далеко; *меэһ* - подзыван е собаки;

2) междометия отгона, понукания животных: *һаать-һаать, һуут-һуут* - отгон оленей на пастбище; *нө-нө* - понукание коня; *киш-киш* - понукание верхового оленя;

3) междометия побуждения к действию: *һус-һус* - науськивание собаки; *тпруу-һус* - возглас, которым собаку пускают по следу; *ченэм* - окрик, чтобы собака перестала что-либо делать; *баа-баа* - произносится при укачивании ребенка; *бээ* - возглас, запрещающий детям что-л. трогать; *усс* - возглас, которым побуждают ребенка мочиться; *умэ* - возглас, которым человека призывают помолчать; *па, по* - возглас, призывающий к тишине, когда надо прислушаться; *ма* - возглас, которым побуждают взять; *че* - возглас, которым побуждают к действию; *ҳаа-ҳаа* - возглас, которым человека призывают остановиться; *ҳаа-дир* - возглас, призывающий человека остановиться (< *ҳаа тур*); *ҳа-ҳа* - окрик, чтобы скотина стояла смирно; *туру* - окрик, чтобы олень остановился; *тпру* - окрик, чтобы конь остановился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ морфологии современного тофаларского языка показал, что в области как слово- и формообразования, так и словоизменения этот язык обнаруживает в целом общетюркский тип. Отклонения от него вызваны развитием ряда форм как в одном тофаларском языке, так и в отдельной локальной группе. Такой группой явились языки тюрков Саяно-Алтайского нагорья - тофов, тувинцев, хакасов, шорцев, алтайцев. Языки этих народов имеют множество объединяющих их черт не только в фонетике и лексике, но, как показало проведенное здесь сравнение, также и в морфологии.

Тофаларский язык занимает среди этих языков самостоятельное место. Он имеет грамматические особенности, сближающие его со всеми ними, и в то же время отдельные моменты роднят его то с одним, то с другим. Очень часто такие аналогии наблюдаются либо только в тувинском языке, либо только в хакасском. Так, например, в системе склонения развился продольный падеж типа хакасского, система разделительных числительных совпадает с хакасской, как и в хакасском, активен афф. *-чжаң*, образующий прилагательное (в хакасском, а также в шорском, он более активен и превратился в причастный аффикс, в тувинском его нет), как и в хакасском, активно отглагольное наречие на *-ды*. С тувинским языком его сближает наличие похожего деепричастия на *-пышаанҙа*, совпадение ряда служебных послелогов-имен, частиц, союзов, совпадает сослагательное наклонение, оформляемое причастием будущего времени на *-р* + связка *иик*, восходящая к архаичному глаголу **эр-* 'быть'. Условное наклонение в тофаларском языке, как и в западных тувинских говорах, образуется аналитически, путем сочетания формы прошедшего времени на *-ды* со служебным словом *эрсе* (в тувинском *изе*). Совпадает словообразовательный именной афф. *-ышкын*, характерный только для этих двух языков, а также реликты древних местоименных глаголов. Только в этих двух языках сохранилась древняя форма модальности желания, намерения совершить действие с показателем *-кса-*.

Но в то же время в тофаларском языке обнаружился ряд черт, объединяющих его с якутским языком. Это: наличие частного падежа на *-да*, оформление винительного падежа в посессивном склонении показателем *-ын*, общий аффикс уподобительного прилагательного *-сыҥы* (як. *-тыҥы*), в общих чертах одинаковая система видовых форм у звукоподражательных и образных глаголов, восходящая у образных глаголов на *-й*

к монгольскому языку, и наложение этой системы на глаголы действия-состояния.

Есть и черты, объединяющие тофаларский, хакасский и тувинский языки. Это, в частности, сохранение формы древнеуйгурского прошедшего времени на *-йук*.

Специфически тофаларскими, среди языков Саяно-Алтая, чертами в грамматике являются, например, очень высокая активность аффикса относительного прилагательного *-кыры*, образующего основы от имен и глаголов, аффикса отглагольного прилагательного на *-глыг*, напоминающего страдательное причастие, сохранение у числительных всей архаичной системы десятков, сохранившейся кроме того еще только в языке желтых уйгуров, наличие для порядкового числительного специфического афф. *-ышкы*. Нигде, кроме как в тофаларском, нет живого причастия настоящего времени на *-у/-ы*, развившегося, видимо, из древнего показателя *-ур/-ыр* с узким гласным. Специфичным является сохранение вспомогательного глагола *гайын-* для образования формы учащенной ритмичности во всех типах глаголов (в тувинском он стал афф. *-кайын/-кейин*, *-ҕайын/-ҕейин* и употребляется только со звукоподражательными и образными основами). Специфично наложение системы видов образных глаголов на все глаголы действия-состояния и сосуществование у них двух видовых систем - общетюркской и монгольской.

В тофаларском языке отсутствует форма прошедшего времени на *-п тыр*, нет причастий на *-калак*, *-гадаг/-гадый*, деепричастия предела на *-кала*, характерных для других языков Саяно-Алтая. При этом форма на *-гадаг* сохраняется в тофаларском, как и в тувинском, в архаичном облике *-гы дэг*, но только в тувинском это причастие, а в тофаларском - модальная форма объективной необходимости. Специфичны для тофаларского служебные слова, представляющие собой более архаичные застывшие формы древнего глагола **эр-* 'быть' - *эрсе* (тув. *изе*), *иик* (в тувинском это модальная частица, в тофаларском - связка для прошедшего времени), *эріп*, *эмеэн*. Только в тофаларском представлены формы релятивного употребления времен *-ган иик*, *-у иик*, *-гай иик* и развившаяся из релятивного употребления условной формы *-са иик* форма желательного наклонения *-сэиг*.

Сравнение материалов по карагасской грамматике, собранных М.А. Кастреном в 1847 г., с данными по современному тофаларскому языку показало, что этот язык в общем не претерпел существенных изменений. Сейчас не удалось обнаружить лишь несколько грамматических форм, это: *брайсадан экке* 'лучше всех' (сейчас *төдусундэн экки*), дефектив на *-галак*, деепричастие на *-чжыкта*, деепричастие на *-ганша* (сейчас *-гыша*), причастие на *-дырган*, императив 1-го лица мн. числа на *-барбес*, не употребляется *-ша* в сравнительно-уподобительной функции (сейчас вместо него только послелог *дэг*).

Сравнение в общетюркологическом плане показывает, что тофаларский язык, иногда сам, иногда вместе с другими тюркскими языками Саяно-Алтая и якутским сохраняет ряд архаичных черт, некоторые из которых сопоставимы с древнеуйгур-

ским языком. Система времен глагола совпадает больше всего с кыпчакско-киргизско-уйгурской, что подтверждается широким использованием вспомогательных глаголов *тур-*, *чору-*, *олур-*, *чыътыр-*, формой на *-ган*. Показательно сохранение древнеуйгурского прошедшего времени на *-йук*.

Таким образом, морфология подтверждает сделанный нами ранее предварительный вывод на данных фонетики и лексики о том, что тофаларский язык является самостоятельным тюркским языком, имеющим как своеобразные специфические черты, так и признаки, объединяющие его либо со всеми тюркскими языками, либо с их отдельными группами[1].

[1] См.: *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Уде, 1971, с. 147.

УКАЗАТЕЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

В данный указатель включены все фонетические варианты рассматриваемых в работе тофаларских аффиксов, а также аналитические формы, служебные, модальные слова и частицы. В случае совпадения разных аффиксов при них даны соответствующие пояснения.

а

-а/-е (деепричастие) 153, 154, 175, 177, 182, 187, 201, 203, 249
-а/-е (именное словообразование) 105, 109
-а-/-е- (глагольное словообразование) 156, 159, 241
-а/-ы 80
-а бер- 150, 177
-аг/-эг 73
-аган/-эген 103, 109
-адыры иик 219
азы 265
-ай/-ей 101
-ак/-ек (именное словообразование) 65
-ак/-эк (частица) 270
алы 260
-ам/-ем 75
-ан/-эн 77
-аң/-ең 70, 105
-ар/-ер (числительное) 124, 125
-ар/-ер (-эр) (причастие) 191, 193, 195, 196, 197, 216
ара 262
-ар/-бас бол- 220
-арһа-/-ерһе- 241
-ар иик 220, 231, 232, 274
-арлап/-ерлеп 125
-арны/-ерні 124
-ас/-ес 71
-а сал- 154
-а соък- 154
-а сун- 154
-а туыш- 154
-а час- 168
ачжыры 259
-аш/-еш 74, 103, 109
-ашкын/-эшкін 66
аълты 48, 262
аърты 262
аа 270
-аалы/-ээлі 222
-аалын/ээлін 121, 122, 124
-аалың/-ээлің 222
-аалыңар/-ээліңер 222
аан (союз) 266
аан (частица) 265, 271
-аан/-ээн 121, 122, 124
-аачча/-ээчче 104, 109
-аашкын/-ээшкін 66, 67

б

-ба/-бе 165, 170, 181, 187, 209, 213, 217, 222, 223, 227
-байык/-бейик 213
-бак/-бек 75
-баңар/-беңер 223
-бас/-бес 188, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 216, 249
-бас иик 220, 231
-басын/-бесін 223
-басэиг/-бэсэиг 226
-бачжык/-бечжик 213
баъшка 261
-баай/-беэй 217, 225
-баай иик 220
-баалы/-бээлі 223
-баалың/-бээлің 223
-баалыңар/-бээліңер 223
баан 265, 270

-баан/-бәән 187, 210
-баан/-бәәш 178
бе 265, 269, 271
-бейн 181, 182, 184, 202, 206,
-бейнша 182
-беэйн 223
беът 262, 264
бис 27, 171
біле 250, 259, 265
-бушааңга/-бушааңга 179
-бы/-бі 76
бырый 270, 271
-быс/-бис 22, 27, 171
-бышааңга/-бішааңга 76, 179, 182, 184, 208
бәәрі 261

В

-ва/-ве 165, 170
-вас/-вес 194
-ваан/-вәән 187, 210
-ваан/-вәәш 178
-вейн 181
-вушааңга/-вушааңга 179
-вышааңга/-вішааңга 179

Г

-г 67, 73, 83, 102, 104, 107, 251
-га 107
-га/-ге (падеж) 30, 32, 33, 34, 35, 48, 248
-га/-ге (наречие) 248
-гай/-гей 217, 218, 224, 225
-гай иик 220, 226, 275
-гак/-гек 81, 103
-ган/-ген 103, 187, 196, 210, 214, 276
-ган бол- 221
-ган иик 220, 275
-ган олыр- 221
-ган тур- 221
-ган чору- 221
-ган чыът(ыр)- 221
-гар/-гер (словообразование прилагательных) 103, 105, 106, 109
-гар-/-гер- (глагольное словообразование) 242
-гаш/-геш 178, 182, 265
-гаары/-гәәрі 43
-глуг/-глуг 104
-глыг/-гліг 104, 109, 275
-гу/-гу (именное словообразование) 68, 165
-гу/-гу (словообразование прилагательных) 100
-гур/-гур 103
-гуру/-гуру 93, 107
-гус/-гус 137
-гуш/-гуш 74
-гуша/-гуше 179
-гшу/-гшу 67
-гшы/-гші 67
-гы/-гі (именное словообразование) 68, 165
-гы/-гі (словообразование прилагательных) 100
-гы дэг 170, 175
-гыр/-гір (словообразование прилагательных) 103
-гыр-/-гір- (глагольное словообразование) 242
-гыры/-гірі 93, 107
-гыс/-гіс 137, 140
-гыш/-гіш 74
-гыша/-гіше 179, 180, 182

Д

-да/-дэ (местный падеж) 31, 32, 34, 35, 47, 48, 249
-да/-дэ (частный падеж) 32, 35, 48, 274
-да-/-дэ- (глагольное словообразование) 236
дам 96
-дан/-дэн (исходный падеж) 32, 34, 35, 41, 42, 48, 249
-дан-/-дэн- (глагольное словообразование) 238
-даа/-дәә 101
-ду/-ду 209
-дун/-дун 134, 140
-дур/-дур 137, 140
дуру/дуру (связка) 29, 267
-дуру/-дуру (настоящее время) 175, 201
-ды/-ді (наречие) 249, 274
-ды/-ді (прошедшее время) 209, 210, 214, 219, 226
-ды/-ді (именное словообразование) 78
-дын/-дін 134, 140
-дың 65
-дыр/-дір 137, 140
-дыры (наречие) 249
дыры/дірі (связка) 267
-дыры/-дірі (настоящее время) 175, 201, 202, 203, 205
-дырык 65
-ды эрсе 227, 231, 274

дэг 6, 69, 100, 109, 165, 250, 260, 275
дәәш 265

З

-зу/-зу (принадлежность) 22
-зу-/-зу- (глагольное словообразование) 239
-зун-/-зун- 239
-зы/-зі (принадлежность) 22
-зы-/-зі- (глагольное словообразование) 239
-зын-/-зін- 239
-зыра-/-зіре- 240

И

иик 216, 219, 220, 227, 267, 275
ийен 271
ийнаан 271
ийнэ 271
иъшті 48, 262

Й

-й (вокатив) 50
-й (именное словообразование) 81
-йак/-йек 80
-йы/-йі 176, 177, 181, 182, 184, 213
-йык/-йік 213

К

-к (частица) 270
-к (именное словообразование) 74, 102, 109, 165
-к- (глагольное словообразование) 152, 153, 242
-ка 107, 109
-ка/-ке (падеж) 30, 31, 32, 34, 48
-ка/-ке (наречие) 248
-кай/-кей 217, 224
-как/-кек 81, 103, 109
-кал 107
-кан/-кен 187, 196, 210
-кар/-кер- 242
-каш/-кеш 178, 182, 183
каъты 263
-каары/-кәәрі 43, 51
-кии 101, 120
-кіл 74
-кса-/-ксе- 164, 165, 169, 274
-ксы бол- 169, 170
-ку/-ку (именное словообразование) 68, 165
-ку/-ку (словообразование прилагательных) 100, 120
куду 259
-кун/-кун 74, 107
-кур/-кур (залог) 137
-кур-/-кур- (глагольное словообразование) 242
-куру/-куру 93, 107, 248
-кус/-кус 137
-куш/-куш 74
-куша/-куше 179
-кы/-кі (именное словообразование) 68, 69, 165
-кы/-кі (словообразование прилагательных) 100, 109, 120
-кыда- 152, 153
кыдыг 263, 264
-кы дэг 165
-кыла- 152, 153
кылы 250, 259
-кын/-кін 74, 107, 109
кыня 53, 55, 271
-кыр/-кір (залог) 137, 140, 144
-кыр-/-кір- (глагольное словообразование) 156, 242
-кыры/-кірі 93, 107, 109, 275
-кыс/-кіс 137, 140
-кыш/-кіш 75
-кыша/-кіше 69, 179, 180, 182, 183
-кыыш 74

h

-hай/-hей 106
hентіг 268
hеректіг 268
-hи 106
hире 127, 128
-hур/-hур 242
hыйыг 262, 264
-hыр-/-hір- 242
hыры 262, 264

Л

-л (именное словообразование) 81, 83, 107, 109
-л (залог) 135, 140, 194
ла/лэ 153, 174, 225, 270, 271
-ла-/-ле- 156, 159, 162, 236, 238, 239, 249
лайнаан/лэйнаан 271
-лан-/-лен- 236, 238
-лап/-леп 249
-лар/-лер (мн. число) 18, 19, 20, 23, 52, 171, 180

-лар/-лер (разделительное числительное) 124, 125
-ларлап/-лерлеп 125
-ларны/-лерні 124
лаан/лээн 271
-луг/-луг 100
-лыг/-ліг 93, 100, 104, 107, 109, 248
-лык/-лік 64
-лышкы 19, 63, 66

М

-м (принадлежность) 22, 27, 171
-м (именное словообразование) 75, 107, 109
-ма/-ме (именное словообразование) 75, 107, 109
-ма/-ме (глагольное отрицание) 170
-ма/-ме (падеж) 33, 34
-май/-мей 101, 109
-мак/-мек 75, 105, 109
-мас/-мес 194
-маан/-мээн 187
-мааш/-мээш 178
мен 27, 171
-мейн 181
-мушааңга/-мушааңга 179
-мчжы/-мчжі 80
-мык 105, 109
-мышааңга/-мішааңга 76, 179

Н

-н (именное словообразование) 77
-н (падеж) 35, 42, 43
-н (залог) 134, 140, 194,238, 239, 243
на/нэ 270, 271
-на-/-нэ- 236
-нам/-нэм 223, 224
-нан-/-нэн- 238
-нап/-нэп 249
-нар/-нэр 20
наан/нээн 271
-нга 33, 35
-нда/-ндэ 35
-ндан/-ндэн 35
-нды/-нді 78
-нду/-нду 78
-ну/-ну 31, 32, 33, 34, 35, 48
-нуг/-нуг 100
-нун/-нуң 30, 32, 33, 34, 35, 48
-(н)чжыг/-(н)чжиг 68, 109
-(н)чжуг/-(н)чжуг 68
-ны/-ні 31, 32, 33, 34, 35, 42, 43, 48, 124
-ныг/-ніг 100
-ныk/-нік 64
-нын/-нің 30, 32, 33, 34, 35, 48
-ньчжу-/-ньчжу- 243
-ньчжы/-ньчжі (именное словообразование) 79
-ньчжы-/-ньчжи- (глагольное словообразование) 243, 251
-ньчжыг 109, 251
-нэй 223, 224
-няк/-нек 80
нян 263

Ң

-ң (именное словообразование) 70, 105, 106, 107 162
-ң (принадлежность) 22, 27, 171
-ңа/-ңе 33, 35
-ңар/-ңер (принадлежность) 22, 26, 171
-ңар/-ңер (повелительная форма глагола) 222
-ң гайын- 70, 162, 163
-ңна-/-ңнэ- 162, 163
-ңна/-ңне 33
-ңгуру/-ңгуру 107
-ңгы/-ңгі 65, 104, 109
-ңгыры/-ңгірі 107

О

оърту 263

Ө

өъске 261

П

-п 149, 151, 153, 173, 182, 199, 200, 204, 249
-па/-пе (именное словообразование) 75
-па/-пе (глагольное отрицание) 165, 170
-пай 101
-пак/-пек 75
-п ал- 154
-пан/-пен 65
-пас/-пес 194
паан 265, 270
-паан/-пээн 187, 210
-паш/-пэш 178
-п бар- 155
-п бер- 154
-п бил- 168
-п бол- 166
-п доос- 154
пе 269
-пейн 181
-печжі 101
-п каг- 150, 154
-п кел- 155
-п кір- 153
-п көр- 169
-п һал- 155
-п олыр- 204, 207
-п тур- 204, 207
-пушааңга/-пушааңга 178
-п ун- 154
-п чада- 166, 170
-п чору- 204, 207
-п чыът(ыр)- 204, 207
-п шыда- 167, 170
-пышааңга/-пішааңга 76, 178, 274

Р

-р- 242
-ра 51

С

-с 71, 72, 73, 161
-са/-се (условное наклонение) 227, 228, 231
-са-/-се- (глагольное словообразование) 102, 165, 227, 239
-сак/-сек 102, 109
сен 27, 171
-с кын- 72, 161, 163
сілер 27, 171
сон 263, 265
-су/-су (принадлежность) 22
-су-/-су- (глагольное словообразование) 239
-сун/-сун (повелительное наклонение) 222
-сун-/-сун- (глагольное словообразование) 239
-сы/-сі (принадлежность) 22, 26
-сы-/-сі- (глагольное словообразование) 102, 104,239, 240
-сыг/-сіг 87, 88, 90, 109
-сым/-сім 87, 88, 90
-сын/-сін (повелительное наклонение) 222, 225, 265
-сын-/-сін- (глагольное словообразование) 239, 240
-сың/-сің 87, 88, 90
-сыңгы/-сіңгі 87, 88, 90, 274
-сыра-/-сіре- 102, 240
-сырак/-сірек 102
сэиг 226, 275

Т

-т (именное словообразование) 78
-т (залог) 137, 140
та/тэ 231, 265, 270, 271
-та/-тэ (местный падеж) 31, 32, 34, 48
-та/-тэ (частный падеж) 32, 48
-та-/-тэ- (глагольное словообразование) 152, 153, 236, 238
-там/-тэм 223
-тан/-тэн (исходный падеж) 32, 34, 48
-тан-/-тэн- (глагольное словообразование) 238
таң 265, 269
-тап/-тэп 249
-тар/-тэр 20
-таш 66, 101, 109
таъшты 48, 263
-ттун/-ттун 134, 140
-ттын/-ттін 134, 140
-ту/-ту (падеж) 31, 32, 33, 34, 48
-ту/-ту (прошедшее время) 209
-туг/-туг 100
-тун/-тун 134, 140
-туң/-туң 30, 32, 34, 48
-тур/-тур 137, 140
туру/туру 29, 267
туш 263
-ты/-ті (именное словообразование) 78
-ты/-ті (падеж) 31, 32,33, 34, 42, 48
-ты/-ті (прошедшее время) 209
-тыг/-тіг 100
-тык/-тік 64
-тын/-тін (падеж) 48, 51
-тын/-тін (залог) 134, 140, 143, 144
-тың/-тің 30, 32, 34, 48
-тыр/-тір 137, 140
-тэй 223

У

-у/-у (принадлежность) 22
-у/-у (именное словообразование) 105, 177

-у-/-у- (глагольное словообразование) 240
-у/-у (деепричастие) 177, 182, 184, 249
-у/-ы (причастие) 187, 188, 193, 196, 197, 204, 208, 275
-убус/-убус 22
-уг/-уг 73, 102
-(у)вут/-(у)вут 149
-(у)выт/-(у)віт 149
-углуг/-углуг 104
-угшу/-угшу 67
-у иик 219, 275
-уй/-уй 101
-ук/-ук 74, 102
-укса-/-уксе- 164
-ул/-ул 135, 140
-ум/-ум (принадлежность) 22
-ум/-ум (именное словообразование) 75
-ун/-ун (винительный падеж) 34, 35
-ун/-ун (орудный падеж) 43
-ун/-ун (залог) 134, 140
-ун/-ун (именное словообразование) 70, 77, 106
-уң/-уң (принадлежность) 22
-уң/-уң (именное словообразование)
-уңар/-уңер (принадлежность) 22
-уңар/-уңер (повелительное наклонение) 222
-унду/-унду 78
-(у)ньчжуг/-(у)ньчжуг 104
-уп/-уп 173, 182
-ур/-ур (причастие) 191, 193, 196
-ур/-ур (залог) 137, 140
-урһа-/-урһе- 241
-ус/-ус (залог) 137, 140
-ус/-ус (именное словообразование) 71
-ут/-ут 78
-уш/-уш (залог) 135, 140
-уш/-уш (именное словообразование) 74, 103
-(у)шку/-(у)шку 118
-ушкун/-ушкун 66
-уулу/-уулу 222
-уулуң/-уулуң 222
-уулунар/-уулунер 222
уун 259
-уушкун/-уушкун 66

У

уъсту 48, 263

Ч

-чал 108, 109
чеътірі 260
чоогу 263, 264
чоъһом 268
-чы 63
-чы-/-чи- 243
-чык/-чик (уменьшительная форма) 53, 54, 55, 57, 65
-чык/-чик (прошедшее время) 213, 218, 219
-чыл 108, 109
чылачжы 250, 260
-чу-/-чу- 243
-чук/-чук (уменьшительная форма) 53, 54
-чук/-чук (прошедшее время) 213

ЧЖ

-чжак/-чжек 81, 104, 108, 109
-чжаң/-чжең 107, 109, 274
-чжу/-чжу (именное словообразование) 62
-чжу-/-чжу- (глагольное словообразование) 243
-чжук/-чжук (уменьшительная форма) 53, 54
-чжук/-чжук (прошедшее время) 213
-чжук/-чжук (именное словообразование) 81
-чжы/-чжі (именное словообразование) 62
-чжы-/-чжи- (глагольное словообразование) 243, 251
-чжыг 251
-чжык/-чжик (уменьшительная форма) 53, 54, 92
-чжык/-чжік (именное словообразование) 81
-чжык/-чжик (прошедшее время) 213, 214, 267

Ш

-ш (залог) 135, 140
-ш (именное словообразование) 74, 103, 109, 161
-ша/-ше 46, 47, 48, 51, 69, 182, 275
шаа 127, 128
шеең 270
-шыла-/-шіле- 236, 239
-шы/-ші 62, 67, 100, 109, 239

Ы

-ы/-і (принадлежность) 22, 23, 26
-ы/-і (деепричастие) 175, 177, 182, 184, 249, 259, 260
-ы/-и (именное словообразование) 105, 177
-ы/-і(и)- (глагольное словообразование) 240
-ыбыс/-ібис 22
-(ы)выт/-(і)віт 149, 150, 154
-ыг/-иг 73, 102
-ыглыг/-ігліг 104
-ыгчжаң 107, 108
-ыгшы/-игші 67
-ый/-ій 101
ыйнаан 271
-ык/-ік (частица) 270, 271
-ык/-ік (именное словообразование) 74, 102
-ыкса-/-іксе- 164
-ыл/-ил 135, 140
-ым/-ім (принадлежность) 22, 23
-ым/-ім (именное словообразование) 75
-ын/-ін (винительный падеж) 34, 35, 42, 43, 274
-ын/-ін (орудный падеж) 43, 51, 184, 259
-ын/-ін (залог) 134, 140
-ын/-ін (именное словообразование) 77, 106, 109
ынды 48, 263, 264
-ынды/-інді 78
-(ы)ньчжыг/-(і)ньчжиг 104
-ың/-ің (принадлежность) 22, 23
-ың/-иң (именное словообразование) 70
-ыңар/-іңер (принадлежность) 22
-ынар/-іңер (повелительное наклонение) 222
ыңгай 261
-ып/-іп 173, 175, 182, 206
-ып туру иик 219
-ып чытыры иик 219
-ыр/-ір(-ир) (причастие) 193, 196
-ыр/-ір (залог) 137, 140
-ырһа-/-ірһе- 241
-ыс/-іс (залог) 137, 140, 194
-ыс/-ис (именное словообразование) 71
-ыт/-іт 78
-ыш/-іш (залог) 135, 140
-ыш/-іш (именное словообразование) 74, 103
-(ы)шкии/-(и)шкии 118, 119
-(ы)шкы/-(и)шки 118, 119, 275
-ышкын/-ишкін 66
-ыын/-иин 222
-ыылы/-иили 222
-ыылың/-иілің 222
-ыылыңар/-иіліңер 222
-ычжаң 107
-ыышкын/-иишкін 66, 274

Э

эмес 28, 99, 265, 269, 271
эмеэн 269, 271, 275
эмеэндэ 266
эмиш 270, 271
эң 96
эрген 269, 271
эріп 266, 275
эрсе 227, 275
-ээйн 222, 223
-ээчжел 106, 109

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ

аз.	- азербайджанский
алт.	- алтайский
алыг.	- алыгджерский говор тофаларского языка
б.-тат.	- язык барабинских татар
башк.	- башкирский
бур.	- бурятский
гаг.	- гагаузский
гутар.	- гутаринский говор тофаларского языка
др.-тюрк.	- древнетюркский
др.-уйг.	- древнеуйгурский
ж.-уйг.	- язык желтых уйгуров
каз.	- казахский
калм.	- калмыцкий
кар.	- караимский
к.-балк.	- карачаево-балкарский
кач.	- качинский диалект хакасского языка
кирг.	- киргизский
к.-калп.	- каракалпакский
кум.	- кумыкский
монг.	- монгольский
ног.	- ногайский
орх.-енис.	- язык орхоно-енисейских тюркских памятников
русск.	- русский
саг.	- сагайский диалект хакасского языка
салар.	- саларский
стп.-м.	- старописьменный монгольский
тат.	- татарский
тоф.	- тофаларский
тув.	- тувинский
тув.-тодж.	- тоджинский диалект тувинского языка
тур.	- турецкий
туркм.	- туркменский
узб.	- узбекский
уйг.	- уйгурский
хак.	- хакасский
х.-монг.	- халхаский диалект монгольского языка
чул.-тюрк.	- язык тюрков Чулыма
чув.	- чувашский
шор.	- шорский
эвенк.	- эвенкийский
як.	- якутский

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 1

Введение 5

История вопроса . . . . .
Принципы используемой транскрипции 8
Принцип выделения, состав и группировка частей речи тофаларского языка 14

Знаменательные части речи 16

Имя существительное . . . . . —
Категория числа 17
Категория принадлежности 22
Сказуемость 27
Категория склонения 29
Простое склонение 30
Лично-притяжательное (посессивное) склонение 32
Функции и значения падежей 35
Общие особенности категории склонения в тофаларском языке 40
Категория определенности-неопределенности 51
Уменьшительно-ласкательные формы 52
Словообразование имен существительных 57
Неаффиксальные способы словообразования 58
Лексико-семантический способ (58). Лексико-морфологический способ (59). Лексико-синтаксический способ (60)
Аффиксальный способ словообразования 62
Аффиксы отыменного словообразования (62). Аффиксы отглагольного словообразования (66). Аффиксы отглагольно-именного словообразования (81).
Имя прилагательное 83
Разряды прилагательных 84
Качественные прилагательные . . . . . —
Относительные прилагательные 85
Степени сравнения 86
Формы абстрактного сравнения 87
Формы конкретного сравнения 97
Словообразование имен прилагательных . . . . . —
Неаффиксальный способ словообразования 98
Аффиксальный способ словообразования 100
Аффиксы отыменного словообразования (100). Аффиксы отглагольного словообразования (102). Аффиксы отглагольно-именного словообразования (107)
Имя числительное 111
Количественные числительные . . . . . —
Порядковые числительные 118
Собирательные числительные 121

Разделительные числительные 124
Приблизительные числительные 127
Дробные числительные 129
Кратные числительные . . . . . –
Глагол 131
Залоги 132
Основной залог 133
Возвратный залог . . . . . –
Страдательный залог 135
Совместно-взаимный залог . . . . . –
Понудительный залог 136
Сочетание залогов 139
Виды и формы, выражающие характер протекания действия . . . 144
Виды и видовые формы глаголов действия-состояния . . . 148
Видовые формы звукоподражательных глаголов 155
Видовые формы образных глаголов 158
Формы модальности 164
Аспекты глагола 170
Категория лица 171
Неличные формы глагола 172
Деепричастие 173
Соединительное деепричастие на *-ып* (173). Слитное деепричастие на *-а/-е* (175). Деепричастие прошедшего времени на *-каш* (178). Сопроводительное деепричастие на *-пышаңга* (178). Деепричастие предела на *-кыша* (179). Отрицательное деепричастие на *-бейн* (181).
Причастие 185
Причастие прошедшего времени (187). Причастие настоящего времени (187). Причастие будущего времени (193).
Инфинитив 198
Личные формы глагола 200
Категория времени . . . . . –
I. Формы индикатива: настоящее время (201), прошедшее время (209), будущее время (216). II. Релятивное употребление времен (219). Перифрастические формы (220).
Категория наклонения 222
Повелительное наклонение (222). Желательное наклонение (224). Опасительное наклонение (226). Условное наклонение (227). Уступительное наклонение (230). Сослагательное наклонение (231).
Словообразование глагола 232
Условно-непроизводные основы . . . . . –
Лексико-семантический способ. 233
Лексико-синтаксический способ. 234
Аффиксальный способ. 236
Наречие 244
Разряды наречий по значению . . . . . –
Образование наречий 245
Условно-непроизводные наречия 246
Производные наречия . . . . . –
Адвербиализация словоформ других частей речи (246). Адвербиализованные словосочетания (248). Продуктивное словообразование наречий (248).
Категория состояния 251
Изобразительные слова 252
Местоимения 254

Служебные части речи 259

Послелоги . . . . . –
Служебные имена 262
Союзы 265
Связки 267

Модальные части речи 268
Модальные слова . . . . . –
Частицы 269

Междометия 272

Заключение 274

Указатель грамматических форм 277

Принятые сокращения языков 284

Валентин Иванович Рассадин

МОРФОЛОГИЯ ТОФАЛАРСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Утверждено к печати
Институтом общественных наук
Бурятского филиала СО АН СССР

Редактор издательства *Р.М. Залесковская*
Художественный редактор *С.А. Литвак*
Технический редактор *Н.Н. Копнина*

ИБ № 5110

Подписано к печати 10.06.78
Усл.печ.л. 18,0. Уч.-изд.л. 19,7
Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Тираж 900 экз. Тип. зак. 318.
Цена 3 р. 30 к.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука", 117485,
Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94[а]

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука",
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12